КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXVI.

1904 г.

Іюль-августъ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ LXXXVI.

1904 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 6 іюля 1904 г.

Погребеніе кіевскихъ митрополитовъ Рафаила Заборовскаго и Арсенія Могилянскаго.

(По запискамъ современника).

Въ XVIII столѣтіи, когда еще не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, чинъ погребенія надъ умершими епархіальными архіереями совершался спустя мѣсяцъ и даже больше послѣ кончины ихъ. Такой значительный промежутокъ времени обусловливался разстояніемъ между Петербургомъ и мѣстомъ служенія скончавшагося архіерея и зависѣлъ отъ высочайшаго распоряженія, въ силу котораго каждая духовная консисторія обязательно должна была рапортовать Св. Синоду о смерти своего епархіальнаго архипастыря и оттуда ожидать приказа, кого изъ сосѣднихъ архіереевъ пригласить для совершенія чина погребенія надъ скончавшимся. Рапортъ консисторскій посылался въ Синодъ чрезъ нарочнаго посланца, который отправлялся въ Петербургъ и возвращался обратно съ Синодальнымъ приказомъ по весьма неблагоустроеннымъ тогда дорогамъ. Полученный изъ Синода приказъ также чрезъ нарочнаго посланца консисторія отправляла тому архіерею, которому поручалось совершить чинъ погребенія, и затѣмъ ожидала пріѣзда его и назначенія дня погребенія. Для такой процедуры требовалось не мало времени.

Если тѣло почившаго архіерея не подвергалось тлѣнію, то, по перенесеніи въ каѳедральный соборъ, оно покоилось въ гробѣ

незакрытомъ до пріѣзда командированнаго Синодомъ архіерея, и въ теченіе этого времени по покойникѣ ежедневно совершались панихиды и заупокойныя литургіи и, сверхъ того, священнослужители днемъ и ночью у гроба читали евангеліе. Но если покойникъ подвергался быстрому разложенію, то не позже трехъ дней послѣ его кончины, послѣ заупокойной литургіи и панихиды, прахъ его въ закрытомъ гробѣ переносился въ архіерейскую усыпальницу и гробъ закрывался склепомъ и не вынимался изъ склепа и тогда, когда командированный Синодомъ архіерей совершалъ чинъ погребенія; совершеніе сего чина происходило, какъ увидимъ ниже, въ томъ придѣлѣ каѳедральнаго собора, подъ которымъ находилась усыпальница.

Этотъ порядокъ соблюдался и въ кіевской епархіи. Чинъ погребенія надъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ совершенъ въ 39-й день послѣ его смерти, а надъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ спустя 47 дней. Въ біографіяхъ этихъ митрополитовъ [1]), которыя составлены не позже 1770 года бывшимъ каѳедральнымъ писаремъ, а потомъ игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря Іаковомъ Воронковскимъ, находятся краткія описанія погребенія обоихъ этихъ архипастырей.

Чинъ погребенія надъ митрополитомъ Рафаиломъ игуменъ Іаковъ такъ описываетъ: «Жилъ сей митрополитъ на престолоправленіи Кіевскія епархіи шестьнадесять лѣтъ и дней четыренадесятъ, а всѣхъ лѣтъ житія его было осьмдесятъ одно; преставился въ мирѣ и покои на вѣчное блаженство 1747 года, октомврія двадесять второго дня, въ исходѣ девятого часа съ полдня. Чинъ погребенія надъ нимъ, по указу св. Синода, совершалъ преосвященный Макарій, митрополитъ Ѳиваидскій [2]), при-

---

[1]) Рукописи ихъ біографіи достались мнѣ отъ покойной Ольги Лебединцевой, жены перваго редактора «Кіевской Старины» Ѳеофана Гавриловича Лебединцева.

[2]) Репортуя Св. Синоду о смерти митрополита Рафаила, консисторія вмѣстѣ съ тѣмъ сообщила ему о пребываніи въ Кіевѣ Ѳиваидскаго (греческаго) митрополита Макарія, и потому Св. Синодъ, указомъ

бывшій въ Кіевъ съ письмомъ отъ патріарха Александрійскаго Матөея для испрошенія милостыни, съ архимандритами и прочими духовными персонами кіевскія епархіи, обычнымъ порядкомъ, въ каөедральной святыя Софіи церкви, и тѣло его положено въ склепу по правую сторону обрѣтающемся, тогожъ 1747 года, ноемврія тридесятого дня, гдѣ нетлѣнно и доселѣ пребываетъ».

«39 дней нетлѣнное тѣло святителя Рафаила покоилось въ незакрытомъ гробѣ, стоявшемъ среди храма святой Софіи, въ которомъ ежедневно совершались по въ Бозѣ почившемъ заупокойныя литургіи и панихиды, при множествѣ молящихся. При погребеніи его, того ноемврія 30 дня, говорилъ Академіи Кіевскія префектъ, іеромонахъ Георгій Конисскій похвальное слово съ өемы: *бѣ свѣтильникъ горяй и свѣтяй*»[1]).

Слово это даетъ блестящую характеристику м. Рафаила и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ непреложнымъ свидѣтельствомъ его богоугодной жизни; а потому я и считаю необходимымъ присоединить оное къ выше прописанному чину погребенія.

Бѣ свѣтильникъ горяй и свѣтяй (Іоанна V, 35) «Се предлежитъ единоправный апостоломъ, единомысленный богодухновеннымъ пастыремъ и учителемъ архипастырь нашъ, блаженной памяти преосвященный митрополитъ Рафаилъ, о чемъ собственно слово. Яко *бѣ свѣтильникъ горяй и свѣтяй*—сему мы всѣ свидѣтели есьми, яко въ очахъ нашихъ *горѣлъ и свѣтилъ*. Но по-

---

отъ 5 ноября 1747 года, предписалъ консисторіи пригласить этого митрополита для погребенія тѣла митр. Рафаила. На основаніи тогоже указа приглашались на погребеніе сосѣдніе архіереи: Черниговскій Амвросій и Переяславскій Никодимъ; но оба не явились; первый «вслѣдствіе имѣющаго быть 24 и 28 ноября отправленія высочайшихъ торжествъ», а второй «по не полному своему здоровью», что видно изъ ихъ собственноручныхъ отвѣтовъ на приглашеніе. Эти отвѣты приложены къ консисторскому дѣлу о погребеніи Митр. Рафаила.

[1]) Слово это хранится въ архивѣ Кіево-Михайловскаго монастыря, въ рукописи подъ № 148 л. 23—33, и печатается въ сокращенномъ видѣ.

мянемъ только, слушатели, благочестное житіе его, коснемся нѣкіихъ, зане всѣхъ исчислити неудобно, добродѣтелей его».

«*Горѣлъ* Рафаилъ въ началѣ любовію къ Богу. Что бо иное значила оная его всегдашняя по чину молитва? Откуда бысть въ молитвѣ теплота сердечная? Почему умъ его, аки легкій пламень, устремлялся горѣ? Что поощряло его къ частому у олтаря служенію? Откуда въ служеніи ревность и видъ серафимскій? Не вся ли сія суть огненная свойства,—огня невещественнаго, иже есть любовь къ Богу? Вѣдомо всѣмъ, какъ онъ часто въ жизни своей тѣломъ немоществовалъ, обаче крѣпко духомъ укрѣплялся; многажды свѣщникъ многоболѣзненнаго состава его бѣднѣ сокрушался, но свѣтильникъ души его тѣмъ паче множае пламя разливалъ. Шествовалъ Рафаилъ и болѣзненными ногами въ церковь Господню; простиралъ Рафаилъ и недужныя руцѣ къ Богу въ молитвѣ; протягалъ онъ голосъ, иногда едва слышавшійся.—Была то ему въ недузѣ едина отрада—литургія Божественная; веселился, когда ему нѣкій лѣкарь реклъ: «въ домъ Господень Преосвященству вашему свободно пойти». Горѣлъ Рафаилъ любовію къ Христу Божію,—говорилъ присно въ сердцѣ своемъ оное Давидово слово: *возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея* (Псал. XXV ст. 8). Свидѣтели тому разные суть, да и во вѣки будутъ зданія нѣкая, во украшеніе церкви сей и обители тщаніемъ его и иждивеніемъ ово совершившаяся, ово еще нынѣ совершающаяся. Чудное есть огня свойство: сколько дровъ, сколько хврастія ни прилагаютъ, вся поядаетъ, не оставляя ничего. Подобное нѣчто и въ Рафаилѣ чудо видимо было; сколько годовыхъ службы своея архіерейскія, сколько другихъ доходовъ получалъ, злато и сребро за любовь Божію вмѣсто дровъ и хврастія вмѣстивши, все до послѣдняго истощалъ. Полторы тысящи златицъ [1]) за единымъ разомъ отъ

---

[1]) Эти златицы императрица Елисавета Петровна, находясь въ Кіевѣ, собственноручно передала м. Рафаилу, бывши въ келіяхъ его на вечери 10 сентября 1744 года. Тогда-же поднесены ему брилліантовые конаки, хранящіеся въ Кіево-Софійской ризницѣ.

всещедрой руки всемилостивѣйшей государыни нашей Елисаветы Петровны воспріялъ; абіе убо тысящу златицъ, а не по мнозѣмъ времени и остатокъ на сооруженіе въ сей церкви иконостаса отдаде. Смекай, коликъ любви къ Богу и дому Его пламень въ Рафаилѣ былъ, который толикое бремя злата въ единъ часъ отъ среды себе истребилъ. Горѣлъ Рафаилъ Бога ради любовію къ ближнему,—къ вамъ найпаче, глаголю, нищіе и бѣдные, сироты и вдовицы, странники и безпомощніе; вы достовѣрніи огня въ немъ свидѣтели есте; вы наче протчіихъ ощущали, елико руцѣ его тепли были. Ощущали, во первыхъ, елицы здѣ многимъ числомъ при входѣ церковномъ собираетесь, имъ же въ ряды поставленнымъ милостыня Рафаилова раздѣляшеся. Ощущали братія наша калѣки и недужіе по больнямъ (больницамъ) лежащіе, и узники, въ темницахъ заключенніи, которыхъ многажды нарочно посланніи съ милостынею объѣзжали. Ощущали вдовицы,—пряміи, глаголю, вдовицы, которымъ, яко неимущимъ чимъ воскормити сироты своя, преосвященный сей архипастырь отъ церкви питатися апостольски учреди. Ощущали отъ различныхъ странъ бывшіе пришельцы, которымъ общій патронъ сей въ различныхъ къ прожитію нуждахъ лишеніе исполнялъ. Ощущали, наконецъ, и въ дальнихъ странахъ подъ игомъ агарянскимъ живущіе единовѣрніи братія наши: и тѣмъ бо, многажды чрезъ эпистоліи милостыни требующимъ, не затвори Рафаилъ любовью горящей утробы своей.

«Свѣтилъ убо Рафаилъ въ началѣ примѣромъ житія своего:—были добродѣтели его, аки свѣтъ, разгоняющій злодѣянія тьму. Удобно было, на него взирающи, тѣмъ, которые суть злонравніи, благонравіе стяжать,—которые о своемъ спасеніи нерадивы, въ чувствіе прійти,—которые къ вещамъ міра сего привязались, къ Богу прилѣпитися; которые унылы, скупы, на молитву воспрянуть и щедролюбію навыкнуты; удобно, глаголю, всякому было порокъ свой съ безпорочнымъ житіемъ его снести, будто скверну якую, къ ясной свѣщѣ приставивши, изгладити и вовсе очистити. Свѣтилъ Рафаилъ всегдашнимъ радѣніемъ о паствѣ своей. Были просвѣщеніе многимъ различные повелѣнія

его: о благочиніи церковномъ, о трезвости церковнослужителей, о поученіи народномъ. Тщился, во первыхъ, сей пастырь, дабы, яко самъ житія святого святынею былъ, и подчиненныхъ единой коейждо церкви пастырей и учителей таковыхъ житіемъ безпорочнымъ учинить; вѣдалъ бо то, что аще пастырь худъ, много паче бываетъ овча,—*аще свѣтъ бываетъ теменъ, много паче темна тма*, по слову Христову (Матѳ. VI, 23).

«Свѣтилъ, наконецъ реку, Рафаилъ неусыпнымъ стараніемъ о здѣшнихъ училищахъ; вѣдалъ тое, что ученія по естеству своему просвѣщеніе разума суть, ибо найпаче о благосодержаніи тѣхъ промышлялъ. Кто не видѣлъ безприкладную милость его къ учащимся? Не хощу я о семъ много слова простирать; лучше за мене проповѣдуютъ, хотя и безгласная, царскимъ чертогомъ подобящаясь училищная зданія, многимъ иждивеніемъ преосвященнаго архипастыря отстроенная. Недоволенъ одинъ языкъ того исповѣсти, нехай убо многочисленными языками съ жалостію нынѣ исповѣдуетъ многолюдный оный домъ, общее учащихся нищихъ прибѣжище,—бобыли, глаголю, бурсацкіе, безденежніе, безгрунтовіе, чрезъ шестнадцать лѣтъ милостію преосвященнаго архипастыря оправляеми, огрѣваеми и многообразно ежечаснымъ его знатнымъ подаяніемъ снабдѣваеми. Велико, якоже вси благодарне признаемъ, благодѣяніе сотвори Россіи блаженной памяти преосвященный митрополитъ Петръ Могила, основавъ ученія знѣшняя и многими книгами оныя снабдѣвъ. Не меньшее бо, а большее благодѣяніе признати долженствуемъ и преосвященнаго митрополита Рафаила: не меньше, яко тояжде, самая утверди и много сотнями книгами библіотеку дополни, а большее, поелику вновь восточныхъ священныхъ языковъ и гражданскаго нѣмеческаго ученія основалъ. Се суть новые лучи въ Россіи; сіе просвѣщеніе аще кажу въ началѣ, сему свѣтильнику восписатися должно. Сколько сія ученія просіявати имутъ, нѣсть лѣпо, дабы свѣтъ славы Рафаиловой не свѣтилъ. Сколько отселѣ память Петра Могилы воспоминати будемъ, и срамно и безчестно, аще о Рафаилѣ умолчимъ.

«Но се, слушатели, нѣкіихъ точно коснухомся добродѣтелей его: множайшіе еще суть, имиже преосвященный архипастырь нашъ прежде, даже здѣсь не былъ, на различныхъ мѣстахъ, аки лампада свѣтлая, просіялъ. Но намъ къ ощущенію настоящаго злополучія довлѣетъ сія едина помянуть: аще бо сія добродѣтели собственная наша корысть была, что болѣе намъ къ огорченію нашему потребно, какъ собственныя корысти уронъ? Тѣмъ убо нельзя нынѣ не рыдати нищимъ, яко лишились снабдѣнія своего; нельзя не воздыхать вдовицамъ, яко не видятъ ущедряющаго сиротъ ихъ; нельзя не прослезиться всѣмъ, всей паствѣ его, а найпаче тебѣ, обитель святая, яко лишихомся пастыря и отца, и телѣснѣ и духовнѣ питавшаго насъ. Однако-жъ и скорбѣти намъ недостоитъ излишне. Достоило бы воистину, аще бы или преосвященный архипастырь нашъ отсюда ны худшее перейшелъ мѣсто, или бы мы въ приключившимся намъ сиротствѣ семъ навсегда оставались. Но какъ тому быть, дабы Рафаилъ на худшее перешелъ? Сохранивъ свойство свѣтильничее во всей жизни своей, и въ смерти убо оное сохранилъ. Якоже бо вещественну свѣтильнику угасающу, пламень его не разливается въ ничто же, но тонкою, намъ невидимою мглою къ своему центру восходитъ, подобнѣ и духъ Рафаиловъ, къ якому центру жизни своей любовію присно возвышался, къ тому, несомнѣнно, и по смерти легчае въ мгновеніи ока возлетѣлъ,—къ общему, глаголю, всея твари центру, къ неприступному Божества огню, къ несозданному Пресвятыя Тройцы свѣту. Нельзя бо воистину, дабы Рафаилъ которого всею душею любилъ, взаимъ отъ того не возлюбленъ быхъ,—которому храмъ ограждалъ и украшалъ, дабы взаимъ отъ Того въ нерукотворенныя обители не воспринятъ былъ, котораго въ лицѣ нищихъ ущедрялъ, и надѣлялъ, и питалъ, и одѣвалъ, дабы взаимъ отъ Того вѣчными благами, пищею неизглаголанною, одеждою нетлѣнія щедродаровито не награжденъ былъ. На много лучшее, а не на худшее перейшелъ; отъ Кіевскія церкви, отъ сихъ горъ на гору Сіонъ къ церкви перворODныхъ свѣтильникъ сей преставленъ; здѣ свѣтилъ добродѣтелію, а тамо засвѣтитъ *яко звѣзда на тверди, яко солнце въ полудни*; не печали

убо по себѣ отъ насъ требуетъ, но радости. Протчее, ниже мы болѣе въ сиротствѣ остаемся; *наказуяй и милуяй Богъ* (Евр. XII, 6), наказавъ насъ отнятіемъ Рафаила, абіе помилова опредѣленіемъ новаго намъ архипастыря Тимоѳея (Щербацкаго) [1]). Кто не видитъ, яко сіе опредѣленіе собственное руки Божіей дѣло есть? Не чрезъ человѣкъ бо, но чрезъ сердце царево,—сердце сущее въ руцѣ Своей, сіе содѣла. Удиви Господь милость Свою съ нами. Рафаила лишихомся; только жъ именемъ не Рафаила воспріимемъ, а сердцемъ, а нравами, а добротою такожде чуденъ и сей свѣтильникъ: тотъ же и огонь, тотъ же и свѣтъ въ Тимоѳеѣ, яко въ Рафаилѣ былъ. О, дабы только утвердилъ Господь, еже сотвори! Благонадежни убо, слушатели, на милость Божію уповающе, съ приличнымъ сердецъ нашихъ болѣніемъ сего бывшаго нашего архипастыря разслучающеся, отдадимъ въ погребеніи послѣдю нашу услугу ему и за премногія его къ намъ благодѣянія затвердимъ вѣчно имя его въ сердцахъ нашихъ. Повѣдаемъ роду по насъ востающему, да той паки повѣсть третьему и четвертому даже до послѣдняго рода, яко былъ въ насъ Рафаилъ *свѣтильникъ* истинный *и горяй и свѣтяй.* Аминь».

Память митр. Рафаила со дня кончины его благоговѣйно чествовалась и теперь чествуется кіевлянами, которые надъ его гробомъ довольно часто совершаютъ по немъ панихиды».

---

[1]) Преосвященный Рафаилъ, какъ пишетъ составитель его біографіи игуменъ Іаковъ, «аще за жизни своей предрекъ быти пріемникомъ митрополіи кіевскія архимандрита кіево-печерскія лавры Тимофія Щербацкого»,—что по блаженной кончинѣ его и сбылось. За 19 дней предъ его погребеніемъ состоялся указъ св. Синода на имя Кіевской консисторіи о назначеніи, по высочайшему распоряженію императрицы Елисаветы Петровны, на вакансію Кіевскаго митрополита архимандрита Тимофея Щербацкаго. Въ Кіевѣ этотъ указъ былъ полученъ 17 ноября и сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ кіевлянамъ. Указъ этотъ хранится въ Архивѣ Кіевской духовной консисторіи между указами св. Синода за 1747 годъ.

Кончину и погребеніе митрополита Арсенія Могилянскаго игуменъ Іаковъ описываетъ такъ: «Сей Митрополитъ, совершивъ многая церкви и паствѣ дѣла полезная, 1770 года, іюня 8 дня въ вторникъ съ полъ дня, въ 45 минутъ восьмого часа, на священномученика Θеодора Стратилата, отъ сея временныя въ вѣчную жизнь преселился, на шестидесятомъ году отъ рожденія своего, бывъ на правленіи Кіевскою Епархіею дванадесять лѣтъ сполна. А скончался на Шулявщинѣ, подворьѣ каθедральномъ, гдѣ для здоровового воздуха, по совѣту доктора Силы Митрофанова, который его лѣчилъ, боленъ будучи, проживалъ. Тѣло его преосвященства того же іюня 9 дня было съ должною церемоніею соборомъ всего въ Кіевѣ находящагося духовенства въ каθедральную Софійскую церковь перенесено и поставлено въ церкви, а по литургіи, отправленной преосвященнымъ Павломъ Конюшкевичемъ, митрополитомъ бывшимъ Тобольскимъ, пребываніе же имѣющимъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, отправлена панихида, и стояло оное тѣло въ церкви до 10 дня того же їюня. А того іюня 10, по литургіи, отправленной тѣмъ же митрополитомъ Павломъ, и послѣ отправленной панихиды, тое тѣло, по завѣщанію его преосвященства покойнаго, поставлено въ церковномъ склепу, гдѣ и митрополита Рафаила тѣло стоитъ нетлѣнно. «По кончинѣ его преосвященства митрополита Арсенія правлены третины и девятины, а сорочины іюля 17 дня въ день субботній; и въ тіи дни на третины, девятины и сорочины, онымъ преосвященнымъ митрополитомъ Павломъ священнослуженіе въ каθедрѣ отправляемо было,—на третины и сорочины въ каθедральной Софійской церкви, а на девятины въ домовой архіерейской церкви; въ каθедральной же церкви и на девятины священнослуженіе имѣлъ архимандритъ Кіево-Печерскія Лавры Зосима Валькевичъ, а панихиды въ тіи дни по служеніи, отправляемы были имъ, митрополитомъ Павломъ, соборнѣ».

«Потомъ по указу святѣйшаго Синода, пресвященный Самуилъ Миславскій [1]), епископъ Бѣлоградскій и Обоянскій, прибылъ іюля 21

---

[1]) Самуилъ Миславскій въ 1767 году былъ ректоромъ Кіевской духовной академіи и архимандритомъ Кіево-Братскаго монастыря. Вмѣ-

дня 1770 года въ Кіевъ съ архимандритомъ Хотмѣшскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря Ѳеофилактомъ Яковлевымъ, съ ризницею и пѣвчими, для погребенія его преосвященства Арсенія тѣла, и того жъ іюля 24 дня, на святую мученицу Христину, отправивъ въ каѳедральной Софійской соборной церкви божественную литургію, не вынимая изъ оного склепу его, преосвященнаго Арсенія тѣла и не отворяя склепу, въ томъ предѣлѣ (Успенскомъ), гдѣ оный склепъ, священническое только погребеніе отправилъ соборнѣ, при которомъ отправленіи погребенія кромѣ протчого духовенства кіевскаго, были: архимандритъ кіево-печерскія Лавры Зосима Валькевичъ, архимандритъ кіево-золотоверхо-михайловского монастыря Ѳеоктистъ Мачульскій, архимандритъ кіево-братскаго монастыря Тарасій Вербѣцкій, вышеозначенный архимандритъ Ѳеофилактъ, съ епископомъ Самуиломъ прибывшій, архимандритъ Кириллъ, намѣстникъ кіево-пустынно николаевскаго монастыря, архимандритъ Митрофанъ Горленко, на обѣщаніи въ кіево-братскомъ монастырѣ находившійся, игуменъ кіево-выдубицкаго монастыря Іаковъ, игуменъ кіево-кирилловскаго монастыря Амфилохій, игуменъ кіево-петропавловскаго монастыря Рувимъ Истолѣнскій. Притомъ того же 24 дня, въ похвалу его преосвященства Арсенія, говорены двѣ проповѣди: одна по литургіи каѳедральнымъ проповѣдникомъ іеромонахомъ Лукіаномъ Хоржевичемъ, а другая по отправленіи погребенія говорена другимъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ Иліею Шумалевичемъ. Тѣло его преосвященства, въ склепу поставленное, стоитъ по лѣвую сторону преосвященнаго митрополита Рафаила тѣла».

После смерти м. Арсенія, найдено духовное завѣщаніе, на основаніи котораго принадлежавшее ему домашнее имущество было продано и вырученныя отъ продажи деньги розданы лицамъ, принимавшимъ участіе въ погребеніи его тѣла.

Прот. **Петръ Орловскій.**

стѣ съ другими кіевскими архимандритами, онъ участвовалъ въ освященіи Кіево-Андреевской церкви, которое было совершено митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ 19 августа 1767 года.

Украинськи зàпыси Порфирія Мартиновича.

Печатаемый въ настоящей книжкѣ разсказъ о Кошевомъ Гладкомъ писанъ П. Мартиновичемъ по памяти, т. к. точная запись, сдѣланная со словъ козака Грыцька Ганчаря въ с. Веремiевкѣ (золотонош. уѣзда), записывателемъ утеряна, и сохранился только послѣднiй полулистъ, начиная со словъ: «Воны змину зробылы и взялы той городъ безъ ничого»... Этотъ же разсказъ П. Мартиновичъ слышалъ и отъ другого лица—отъ Захарiя Моисеева, который передавалъ, что имъ онъ усвоенъ отъ какого-то стараго козака, жителя с. Демокъ. Въ разсказѣ Захарiя Моисеева то отличiе отъ разсказа Грыцька Ганчаря, что въ разсказѣ перваго *Грыцько прыкажчыкъ* и *Гладкiй* три раза сходились *послѣ трехъ происшествiй*, случившихся съ каждымъ изъ нихъ, и только тогда пошли въ Турцiю къ запорожцамъ; въ разсказѣ-же второго говорится, что *послѣ двухъ происшествiй* они отправились въ Турцiю.—Козакъ Грыцько Ганчарь родился около 1797 года, а разсказъ его записанъ былъ въ 1879 году, слѣдовательно въ то время ему было болѣе 80 лѣтъ.

Отъ козака Олексы Бондаря записано П. Мартиновичемъ только двѣ пѣсни: «Ой повiй витре та буйнесенькый» и «Ой и не знавъ козакъ, а не знавъ Супрунъ». Обѣ эти пѣсни извѣстны уже въ печати, хотя и въ другихъ варьянтахъ. Первую пѣсню

сравн. въ «Записк. о Южн. Руси», т. 2-й, стр. 256, а также въ «Записк. Юго-Западн. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.», т. 2-й, стр. 304; вторую пѣсню сравн. въ записяхъ Метлинскаго «Народн. Южнорус. пѣсни», стр. 429, и у Гринченка «Этнограф. матер.», т. 3-ій, стр. 585.

Козакъ Грыцько Ганчаръ.

М. Вереміевка, золотонисського у.

I.

Про Кошового Гладкого.

Исъ Ковра́ю прыкащыкъ Грыцько прывизъ у Вереміевку на Все́идну сорокъ бочокъ горилкы: трыдьцять девять бочокъ продавъ жыдови Вульхови, а одну бочку, сороко́ву, козакови Смета́нци; тутъ козакъ Сметанка бувъ (у Вереміевци).

Тутъ у Вереміевци въ базари булы скверни люды, скверный домъ держалы. Той Грыцько й пишовъ туды. Пробувъ винъ тамъ усю ничъ, колы кынувся враньци,—нема грошей за вси сорокъ бочокъ горилкы! Вкрадено въ ёго тамъ у тому доми у тихъ людей гроши. «Ну, шожъ мини теперъ робыть?! Ужежъ мени теперъ до-дому не йты». (Винъ бувъ паньськый). Таке, шо йты до Днипра хочъ топытьця. Пишовъ винъ до Днипра, ходе по надъ беригомъ, дывытьця, а тамъ ходе Гладкый, тоже по надъ беригомъ иде. Поздоровалысь воны. Гладкый и пыта его: «куды ты йдешъ, чи чого ты сюда зайшовъ и виткиля»? А винъ и каже: «я одъ пана исъ Ковраю. Пославъ мене панъ у Вереміевку продать сорокъ бочокъ горилкы. Я продавъ, пишовъ у красный домъ и тамъ у мене вытягнено вси гроши. Тепера я иду свитъ за́ очи: уже-жъ равно мини теперъ до пана не йты́». Пытаиця прыкащыкъ Грыцько Гладкого: «а ты хто такый и виткиля ты и якъ сюды зайшовъ»? А Гладкый каже: «я изъ Де́мокъ». Тутъ село есть Демкы на побережжи. «Бувъ я въ Де́мкахъ головою, та мене поци-

нувалы, мущество мое забралы, такъ я й пишовъ соби. Пиду-жъ, кажу, изъ свого й села, шобъ мини й на своихъ не дывытысь». То значыть, бувъ головою, а то вже... «Та оце я й прыйшовъ сюды... Пиду де небудь у други городы наняться. Ходимъ умисьти». Пишлы воны.

Пишлы воны ажъ на вызъ, ажъ на степа́. Гладкый нанявсь ажъ у Мыкола́еви прыкащыкомъ у купця, а той Грыцько (шо прыкащыкомъ бувъ у Ковраи) пишовъ ажъ увъ Одесу и нанявсь тамъ увъ Одеси въ одного чоловика за робитныка. И той чоловикъ одынъ разъ заставывъ его воду возыть Набравъ винъ воды и йиде до-дому; визъ винъ ту воду воламы; прыйшлось йихать ему на гору, а гора була дуже крута, и йихавшы на гору, увирвалась та каблучка, шо де вія прывьязуеться до ярма́. (Стара була та закаблучка чи що, лозова, та пересохла—луснула и розскочылась). Волы-жъ самы пишлы на гору, пара воливъ у ярмахъ якъ була запряжена такъ и пишлы соби на гору, а той Грыцько якось изскочывъ исъ того бендюга, де бочка та була, а бендюгъ той изъ бочкою покотывсь у ызъ... та такъ якъ гора була крута, а бочка велыка видеръ у сорокъ, та важка, та съ крутои горы й покотылась дуже швыдко, а на ту гору йшла женщына, несла воду у видрахъ на коромысли, та якось чы не бачыла вона, чы не туды вона дывылась, вона иде́, на ту гору сходе, а съ тіи горы бочка котыться (йиде вныз), зъ напоромъ котыться зъ горы, тай найихала на ту женщыну, тай убыла ту женщыну на смерть: тутъ же вона й умерла. «Ну шожъ его теперъ робыть»? каже той Грыцько. «Теперъ-же мене на викы засудять; прыйдеться й зогныть увъ острози за те що цю женщыну вбывъ. Пиду свитъ за́ очи». Покынувъ винъ и волы, волы пишлы въ пари у ярми въ городъ; покынувъ винъ ту и бочку и пишовъ соби изъ города швыдче манивцямы, та всякымы глухымы вулыцямы, шобъ ёго де не зусьпилы, та не повелы у городъ пидъ допросъ. Выйшовъ винъ на кинець города и пишовъ изъ города. «Ну куды-жъ я теперъ пиду? Пиду ажъ за Дунай у Турещыну до Запорозьцивъ. Бо равно мене тутъ хоть не скоро, то найдуть, то прыйдеться ще й дужче отвичать и за те що женщыну вбывъ, и за те, що втикъ одъ суда. А за Дунаемъ тоди жылы Запорозьци, ти шо втеклы въ Турещыну писля того, якъ Сичъ зруйнувалы. И такъ люды тикалы отъ панивъ (отъ панщыны) въ Турещыну,—тамъ и селылысь слободамы. Отамъ слободы по Дунаю Катырле́зъ велыка слобода: ото все туды тикалы одъ панивъ: де панъ такый бувъ, що знущався зъ лю-

дей, то було тикають. Ото винъ и населывся съ такыхъ Катырлезъ. Якъ утикъ туды, ото вже тамъ ёго не займуть и виттиля ёго не выдадуть. И нашыхъ людей багато Вереміевськыхъ у тому Катырлези поселылось.

Прыйшовъ той Грыцько до Дуная и ходе по надъ Дунаемъ по надъ берегомъ. Ходе по надъ берегомъ коны дывытьця—и Гладкый ходе по надъ берегомъ. Винъ поздоровкався: «здоровъ», «здоровъ!» Пытаетьця Гладкого: «чого ты тутъ». А Гладкый его пытае: «а ты чого тутъ»? Грыцько каже: «я служывъ въ одного мищанына, нанявся воду возыть; набравъ я воды въ колодязи, йихавъ на гору, каблучка ввирвалась, бочка покотылась у нызъ зъ горы, а знызу на гору йшла женщына зъ видрамы зъ водою и вбыла бочка ту женщыну; то я й втикъ сюды, шобъ не взялы, та не посадылы мене въ острогъ. А ты чого тутъ»? «А я», каже Гладкый: «нанявся до одного купця въ Мыколаеви прыкащыкомъ и служывъ у его (прыкащыкомъ). Одынъ разъ хазяина дома не було, а я взявъ шкатулку, а въ тій шкатульци тысяча цилковыхъ грошей, та въ викно я й выскочывъ съ тіею шкатулкою, тай втикъ зъ Мыколаева. Хазяинъ мини рощоту не дававъ, такъ я за шкатулку, тай давъ маху. Теперъ-же мене шукають тамъ у Мыколаеви, а я ажъ сюды прыйшовъ, шобъ утекты въ Турещыну».

Воны, бачъ, одынъ одному й прызнаються. Пишлы воны обыдва въ Турещыну. А тоди переправа черезъ Дунай у Турещыну була ось якъ: прыйде судно съ того боку Дуная съ Турещыны вночи, пидплыве те судно, а ци люды що хотять, шобъ йхъ перевезлы на той бикъ, та й кажуть: «Святый Боже, Святый Крипкый, Святый Безсмертный, помылуй насъ»! А ти, що на тому судни, люды й пытають: «а які комышныкы»? То имъ и треба отвичать, що съ полтавськои губерніи. Або тамъ съ черниговськои, чы съ кыивськои губерніи. Хто виткиля, то такъ и отвичають имъ. Ото въ ихъ такый знакъ бувъ: що кажуть: «Святый Боже». Ото знакъ, шо тутъ есть таки люды, що хотять, шобъ ихъ узялы на той бикъ Дунаю въ Турещыну, въ подданство. А ти тоже пытають ихъ: а яки комышныкы? бо по комышамъ воны ховалысь у день, покы судно те съ Турещыны пидъиде за нымы у ночи забрать: бо съ цёго боку слидылы за тымъ, шобъ наши люде въ Турещыну не мандрувалы. Московськи караулы (кгардоны) стоялы на берези и навидувалысь до Дуная; скризь ходылы, шукалы, чы нема такыхъ, що въ Турещыну перемандровують. А якъ що побачуть, знайдуть, то заразъ ихъ вьяжуть, та держуть пидъ допросомъ, тай назадъ отсылають

хто виткиля. А якъ прыйдуть салдаты, а ти вже плывуть на судни на той бикъ Дунаю, такъ москали тоди зъ ружьивъ стриляють кулямы на тыхъ людей: якъ кого той вбьють; та не одного вбылы и не двохъ якъ колы, а багато... Такъ и цей разъ було.

Прыйшовъ цей Грыцько зъ Гладкымъ до берега и други люды тоже прыйшлы, шобъ и ихъ перевезлы на той бикъ Дунаю... то душъ изъ сто було людей мужчынъ и женщынъ изъ дитьмы зъ малымы такымы, шо на рукахъ, щобъ ихъ перевезлы на той бикъ у Турещыну. Прыихало судно съ Турещыны: забралы ихъ ти люде, шо на тому судни, и сталы везты черезъ Дунай. А москали прыйшлы до берега, ходылы, шукалы, чы нема такыхъ, шо хотять перевезтысь у Турещыну. Та прыйшлы до берега, такъ уже не засталы цихъ людей на березі, а бачуть, що воны вже посередъ Дунаю; такъ воны сталы на ихъ и стрилять, такъ кули не долиталы, бо Дунай шырокый, а воны вже посередъ Дунаю булы. Такымъ побытомъ ото воны й переправылысь ти люды на той бикъ Дунаю въ Турещыну. Теперъ-же ти люды, шо прыйихалы тоди въ Турещыну, пишлы соби селытьця у ти села, шо за Дунаемъ, а ци два, Грыцько та Гладкый, пишлы вдвохъ у Запорозьку Сичъ просытьця, шобъ прынялы ихъ у запорозьци.

Прыйшлы воны въ Сичъ туды, де жывуть Запорозьци. Пишлы до кошового, де кошовый жывъ. Увійшлы въ хату; кошовый сыдыть у хати и дру́ги старшыны. Ставныкъ горыть, лежыть Евангеліе розгорнуте на такому столыку, якъ ото въ церквахъ, и хрестъ биля ёго лежыть Воны ввійшлы въ хату, поздоровкалысь. Кошовый пыта ихъ: «чого вамъ треба, хлопци»? Воны кажуть, шо мы прыйшлы просытьця, шобъ вы, паноче, прынялы насъ у Запорозьци. «Добре», каже, «хлопци, я васъ прыйму». Ну, теперъ-же прысягты имъ треба. Заставылы ихъ прысягаты, пиднять рукы до горы, и ставъ кошовый имъ чытать прысягу: той же Грыцько за кошовымъ каже, а Гладкый прямо дывытьця въ кныгу, та чыта по словамъ по Евангельськымъ (бо винъ бувъ грамотный); кошовый и замитывъ, шо винъ грамотный. Отъ якъ прысяглы воны и сталы жыть у Запорозьцивъ. А Гладкого кошовый влюбывъ за те, шо винъ грамотный бувъ, и ставъ его держать пры соби, а Грыцько жывъ у курени, де й вси запорозьци.

Росказувавъ Грыцько, якъ воны жылы у куреняхъ ти запорозьци. Курени такъ то хаты таки велыки: у середыни въ хати стоить стилъ довгый и лавкы кругомъ по всій хати; то ти запорозьци обидають— сидають уси вмисьти и вечерять. А якъ спать лягають, уси въ тому

курени спать лягалы на лавкахъ и,каже, лягалы такъ мытусь уси: значыть одынъ до одного ногамы,—той до того ногамы, а той до того ногамы: значыть головамы нáризно: одынъ напротывъ одного, а ногамы до миста; та такъ лягалы, шо пальци нигъ одного доставалы до жыжокъ; значыть одынъ пальцямы нигъ достававъ у другого ажъ пидъ жыжкы. Та каже якъ лежать на лавкахъ, та ще не сплять, тай лескочуть одынъ другого ногамы пальцямы пидъ жыжкы́. Отъ жылы воны тамъ... Черезъ скилькы литъ кошовый захворавъ дуже. А кошовый той ихній уже старый, слабый ставъ. И такъ, шо вже почувъ, шо вже не вставать ёму... Отъ винъ прызвавъ до себе запорозьцивъ, тай каже имъ: «я вже старый, нездужаю; може такъ, шо й вмру: то кого вы соби наставылы-бъ кошовымъ, якъ я вмру?» А воны кажуть: «кого-бъ вы, паноче, хотилы-бъ, шобъ бувъ кошовымъ, то того-бъ и мы бъ выбралы». «Ну, колы такъ, то нехай буде въ васъ кошовымъ Гладкый: винъ чоловикъ бувалый, грамотный; винъ може вамъ порядкы даваты». А воны, якъ любылы того кошового, то й послухалысь ёго, шо винъ имъ казавъ, шобъ Гладкого выбралы кошовымъ. Отъ зновъ той кошовый умеръ. Поховалы ёго. И кошовымъ ставъ Гладкый Іосыпъ Мыхайловычъ. И ото винъ бувъ у запорозьцивъ кошовымъ, ажъ покы вже не прыйшлы запорозьци сюды упьять у наше царство.

А вернулысь воны ось якъ: була война—туркы зъ нашымъ царемъ воювалы. Такъ воны запорозьци зибралысь мижъ собою, тай радяться: що мы, хрыстыяне, та будемъ воювать на Билого Царя? Намъ не прыходыться помагать туркамъ. Якъ увійшлы москали у Туреччыну, такъ запорозьци давалы помочи воювать туркивъ. И царь тоди пойихавъ у Туреччыну. А тоди була весна: такъ крыга на Дунаи розстала такъ, шо рушыла вже йты, и перейизду вже не було, опасно: крыга йде. Такъ самъ кошовый Гладкый, та ще зъ нымъ други запорозьци силы на човенъ, та перейихалы черезъ Дунай на той берегъ, та взялы царя, тай перевезлы на човни черезъ Дунай. Царь бувъ радъ имъ. Дякувавъ ихъ. Такъ воны й сталы просыться въ царя Мыколая Павловыча, шобъ упьять ихъ прынявъ жыть у Россію и шобъ давъ имъ ихни прежни земли. Такъ воны давалы помочи воювать. Тамъ треба було взять городъ такый, шо не здавався: крипость така була найбильша, шо не здавалась. Такъ то воны воювалы, помогалы нашому цареви воювать ото. Якъ кинчылась уже война, такъ воны й кажуть цареви: «дайте жъ намъ ти наши прежни земли, шо вы намъ обищалы». А царь имъ сказавъ, шо неможно: бо теперъ уже позаселювано;

а я дамъ вамъ землю тутъ коло Азовського моря, коло Ростову. Такъ воны то сталы помогать цареви воювать. Тамъ була крипость така, шо трудно було іи взять.

Воны змину зробылы и взялы той городъ безъ ничого. То то вже якъ выйшлы сюды, то имъ и дано мисто коло Ростова. Тамъ же Гладкый и домъ соби выстроивъ и жинку ви́дсиль туды взявъ... Такымъ паномъ сюды прыйиздывъ, шо й Боже сохраны якымъ паномъ прыйиздывъ!... И на́ши такы туды пишлы: и Дви́рный Иванъ туды пишовъ. Такъ я... то́ сваты мои Двирни булы. Ну, такъ ото я бувъ у ихъ у Двирныхъ. А винъ, той Грыцько, по выходу зъ Турещыны и соби тамъ бувъ; такъ винъ мене й замитывъ и сознавсь. (А мы зъ нымъ чумакувалы було замолоду). Та той зачавъ ту роскаку казать, якъ тамъ було... (А любопытствують сыльно запорозьки ти козакы, якъ хто чытае пысьмо святе, або що... сыльно любопытствують було!..).

Такъ и я, якъ чумакувавъ, то бачывъ ихъ увъ Ирменьськимъ. А воны, два ихъ, у харчевни узялы булочокъ чотыри, та рыбы, а я сыдю, сивъ на баклагахъ... та таки́ сыви, якъ я теперъ, а такы съ чупрынамы за вухомъ. Такъ воны вершкы позрывалы зъ булочокъ, тай годи; вершкы позрывалы зъ булочокъ, та мини и булкы и рыбу оддалы́.

Такъ ото воны коло Ростову и засилы, и часть ихъ и доси у Турещыни. Ото-жъ воно за ихъ и бытва́ теперъ ро́быться, шо туркы имъ велыки збыткы роблять.

Такъ та́къ и запышить: шо цю роскаку казавъ той самый чоловикъ, шо разомъ и зайшовъ изъ Гладкымъ у Турещыну, разомъ и выйшовъ.

II.

Ро́сказка про те, якъ дидъ Ивані́нко утикъ зъ Веремієвкы черезъ Днипръ на той бикъ у Боровыцю, а виттиль зъ Боровыци въ Сичъ и якъ пры ему те було, шо и Сичъ руйнувалы; якъ запорозьци тикалы до турецького салтана, якъ війська край бралы и якъ уже навпосли дано имъ запорозьцямъ мисце коло Чорного моря, де воны и поны́ни жывуть.

То бувъ случай ще за́молоду, уже тому литъ за симдесятъ назадъ буде. Мы чумакувалы: ишлы у Хведосій Стрилкою черезъ Сто́мку; та́мъ прыпало намъ ночувать. Наварылы мы соби вечерять.—

Вечеряемъ. Прыйиздыть до нашои валкы чумачокъ изъ хлопцемъ и симъ визъ пры ёму; пытаеться: „господа чумакы, позвольте й мини ночувать коло васъ, бо въ мене симья мала́—боюся самъ“. Повыпрягавъ волы, сталы мы зъ нымъ балакать. Пытаеться винъ насъ, зъ якыхъ мы мистъ.

Мы кажемъ, що полтавськои губерніи, зъ такыхъ то мистъ—зъ Веремiевкы. А винъ намъ говорыть: „и я зъ Веремiевкы, зъ Погорилого, Иваненко. Пытаеться насъ, чы багато вже теперъ хатъ на Погорилому? Мы ему сказалы, що бильшъ якъ пьятдесятъ хатъ буде. А винъ намъ говорыть: „Э-э, тоди, якъ я бувъ у Веремiевци, то на Погорилому тилько дви хати було: наша Иваненкова, да ще Пи́стунъ жывъ, а на Тимче́нкахъ симъ хатъ було“. Мы ёго пытаемось: „стикы-жъ вамъ, дидусю, годъ теперъ?“ Каже „девьятдесятъ чотыри, а якъ утикъ зъ Веремiевкы, то тоди мени симъ годъ тилько було. А якымъ побытомъ утикъ зъ Веремiевкы—то ось якъ:—не було въ мене ни батька, ни матери, а тилько жывъ я пры братови та пры сестри. Дви сестри въ мене—одна замижемъ. И воно робытьця се писля Всеиднои. У Тимче́нкы пишовъ братъ и сестра—пишлы на весильля; мене дома покынулы. А въ насъ на току пшеныци багато намолоченои и недомолоче́нои стигъ. У Пистуна, сусида нашого, сорокъ свыней було; тоди вольни лугы булы и все ходыть по общому. Мини братъ, идучы на весилля, прыказавъ пшеныци глядить, шобъ не вбиглы Пистунови свы́ни. Теперъ, покынулы мене самого (пшеныци глядить),—прыходыть до мене товарышъ, такый-же якъ и я, хлопець, граться. Зачалы мы граться,—забулы тыи й пшеныци. Зима була велыка, тай передъ Всеидною ростала. У насъ була исъ Тимче́нокъ та въ погориле ричка текла горовои воды—Ровецьке звалась. (Такъ воно е й теперъ). Граемось мы зъ тимъ хлопцемъ; якъ оглядивсь я, шо мене покынулы пшеныци стерегты, пишовъ на тикъ, ажъ пшеныця розбыта, и молочена и не молочена, по всимъ току. Якъ занявшы ти свыни изъ собакамы, та нагнавъ ихъ ажъ на Ровецьке. А вода у Ровецькому якъ замерзла, то крыга тилько осталась такъ, якъ исъ чоловикъ заввышкы одъ дна, а вода збигла у Ричы́ще. Якъ нагналы мы ти свыни на той лидъ, якъ завалылы лидъ, то такъ ти свыни до однои и пропалы. Теперъ радымось мы исъ тымъ хлопцемъ, що що его робы́ть (а мини ще тилько симъ литъ). Каже „ну́мъ тикать за Днипръ у Польщу... Уже равно й такъ дурно бье братъ, а теперъ уже убьють мене на викы; я вже буду тикать“.

Теперъ ото радуты булы коло Днипра у насъ за-кгля осторожносты одъ турка. Якъ ту́рокъ ишовъ на нашъ край війною, то наши побере́жане за-кгля осторожносты Днипръ полоныли: понасыпалы радуты, поставылы сторожу коло Днипра и рубалы крыгу, шобъ присна вода йшла;—не давалы ій замерзать, шобъ туркови не дать на сей бикъ перейты. Та не тилькы тутъ у насъ полоныли Днипръ,—и въ Кременчузи; ажъ до самыхъ порогивъ скризь отака сторожа стояла радутамы. То тоди турокъ тилько дійшовъ до Ведме́дивкы, тай завернувсь назадъ.

Якъ турокъ ишовъ тимъ краемъ Полщею, то ти люде съ тихъ слобидъ зъ Мыхайливкы, то зъ Княжого то́ що, зъ усихъ тихъ слобидъ, боячеся турка, тикалы сюды. Ввесь мыръ виттиль тикавъ сюды. И туды вверхъ Днипромъ ажъ до Нижена тикавъ народъ зъ того боку [1]).

Тоди-жъ за моеи молодосты, за мого часу, то стари люды якъ згадають за те время, то було росказують такый случай, шо якъ одна жинка та чотырехъ туркивъ убыла. Отъ якымъ родомъ воно й було: на тимъ боци,—недалеко й видсиль, верстъ за сорокъ, стояла у лиси хатка; у тій хатци жывъ чоловикъ изъ жинкою. Находять на той край туркы. Чоловикъ, злякавшысь туркивъ, забравъ тилько двое дитокъ, тай утикъ, а жинку таку, шо ототожъ розсыплетця, покынувъ у хати на Божу волю, бо іи не можна було ни на коня посадыть, ни на визъ покласты... Отъ, якъ осталась та жинка сама, дытыну изродыла, зачала себе очыщать; окропы гріе, а бачыть у викно, шо прыбигло два туркы киньмы. Кого боятьcя,—тихъ два й прыбигло. Ажъ одынъ съ коня та въ хату!... Вона той окрипъ шо грила, стрившы турка на порози, якъ лыне ёму мыжы́ очы, такъ винъ и не кавкнувъ... та трупъ ёго сховала. А другый жде жде,—не выходыть товарышъ,—тай соби въ хату.—Такъ вона й тому такъ. А посли впьять два прыбигло: вона й тихъ такъ: одньмъ мечемъ повоювала—усе окропомъ такы. Було й нашъ покойный дидъ та невистокъ своихъ якъ зачне лаять,—то все було: „шо вы скверни, бздюхы! Отъ, говорыть, жинка була! Шо вона чотырёхъ чоловикъ турка вбыла. Такъ ото́ жинка!“

Такъ отожъ, кажу, весь мыръ виттиль тикавъ сюды у Гатьманщыну. Оцежъ Гатьманщына була нашъ край; та іи й поны́ни Гать-

[1]) Це вже не той дидъ Иваненко росказувавъ, а я кажу.

манщыною дражнять. Якъ оце й ціи войны зъ туркомъ, та чы пидводу треба або шо доставыть куды, а наши побережане тамъ булы Васютыньци то Пы́цыкы, та тó що,—то заразъ кажуть: «а подай Гатьманьцивъ».

Такъ ото воно ся дидова Иваненкова бесидка діялась саме въ той часъ, якъ тогобицьки люды, писля турецькои колотнечи, верталысь исъ цего боку, зъ Гатьманщыны, на свои миста. Такъ, каже, добигаемъ съ тимъ хлопцемъ до Днипра, ажъ коло Днипра багато людей тогóбоцькыхъ изъ возамы й зъ усымъ гáннямъ зъ чымъ тикалы, вертаються на той бикъ. Такъ я, каже, нышкомъ, шо мене нихто и не бачывъ, зализъ у те гáння у ихне. А той хлопець вернувсь назадъ; тому не страшно дуже. Отъ мене, каже, и перевезлы на той бикъ ажъ у Борові́цю. И пробувъ я въ ти Борові́ци симъ годъ.—А тамъ товарышъ лучывсь, та повивъ мене ажъ у Запорожжа.

Отóжъ и жылы воны у тимъ Запорожжу, вже не знаю стикы литъ жылы—ажъ покы зруйнувалы Сичу Запорозьку... Каже, шо послиднье время москаль налигавъ на запорозьцивъ сылно. Воны, ти москали, ненавыдилы запорозьцивъ и Гатьманьцивъ. То збыткы въ Гатьманщыни и попереду сылни робывъ и беззáконыи всякіи—худобу грабувавъ. жинокъ одъ чоловикивъ однимавъ—збыткы, сказано, беззаконіи робывъ усяки... А запорожецъ ще-жъ воленъ тоди бувъ. Такъ воны й запорозьця оббрехалы царéви. Якъ-же й оббрехалы? Узялы наризалы зъ лошятъ волосся зъ хвостивъ, та зъ грывъ—(а гусары Запорозцемъ не тронени и не зачиплени ничого), та взялы те волося та у четверти позакладалы и позашывалы, тай послалы Цареви, шо отъ-стико и отъ-стико Запорожець гусаривъ перебывъ;—оце ихни й волосы. А тоди гусары въ косахъ ходылы: якъ то було, шо напутрювалы, шо оттака голова була. Царь, прочытавшы ихъ бумагы, каже: «попудь ёго того Запорозьця». [1])

Уже військо налига на Сичу. (А дидъ такы тамъ бувъ).—Кошовый каже своимъ Запорозьцямъ: «а шо, каже, паны-молодци, здаймось». А було тамъ между ныхъ два хлопци, та добрыхъ мабуть. И вышлы воны на валъ—каже: «батьку, покы свитъ соньця насъ не возьмуть!» Одынъ каже: я воды не дамъ, а другый

[1]) Попудьте ёго того запорозьця.

сказавъ: я вогню не дамъ». А винъ имъ отвича. Кошовый той Запорозькый, каже: „жалко... Тамъ у Гатьманщыни наши родытели, батькы й матери, сестры й браты. То знущаеться сылно, а тоще й дужче знущатыметься зъ ныхъ“. Такъ уже имъ прыйшлося, що треба й корыться...

Положылы черезъ Днипръ понтонный мистъ до ихнёго начальства—до Московського; главна старшына Запорозька, побравшы коровгы, знамена, вангелію й хрестъ и все, пишлы поклоныться Московському начальству... А коло ихъ, та хлопцивъ ще багато осталось у городи—сорокъ тысячъ: такъ воны взялы, та башту забылы, мистъ порвалы и військо въ Сичу не пустылы. Та дожыдають ночи. Дождалысь. Якъ узялы ночнои добы у судна убираться, а військо та десь черезъ Днипръ перекынуло цепъ—(винъ казавъ и де, та не згадаю, а по сей бикъ порогивъ), а ничъ темна—и воны думалы, що запорожець дурень—не вмитыме, якъ пройты. И вырештувалы черезъ цепъ бильшъ якъ сто пушокъ; думка въ нихъ така, що якъ тогрне Запорожець судномъ у цепъ, то вдарыть исъ пушокъ, шобъ его тамъ затопыть. Такъ не таки ти й Запорозьци булы: возьмуть судно порожне та нагрузять его землею, та каминемъ, та ше чимъ, тай пустять за водою, щобъ черезъ цепъ торнуло. То судно торгне цепъ, а воны тоди зъ пушокъ и завалять.—Військо думае, що то судно изъ Запорозьцямы. То Москва якъ выстрелыть исъ пушокъ, а Запорозьци вже тимъ часомъ и проскакують за цепъ.—Тамъ уже за цепомъ нема того, що страшно Запорозьцеви. То такымъ побытомъ уси жывымы й проскочылы (сорокъ тысячъ), та до турка и втеклы у Турещыну. А Турещына—якъ за Береславъ, такъ и Турещына вже була. То вже Чорна долына, гайманы, Сирогозы—то то вже була Турещына все. И воны ти Запорозьци упросылысь до Турка. Теперъ-же имъ треба прысягты туркови. (Ото вже имъ дано кутъ сюды: Олешкы то що: теперъ тамъ понасылювано Бо-зна стико слобидъ). Отъ кошовый пославъ у свою прежню землю Запорозьцивъ чоловика два або й тры набрать земли сіи де воны жылы: зъ Запорожжа, „запорозькои земли“. Теперъ уси, стикы ихъ тамъ було, сорокъ тысячъ, коженъ соби у свои чоботы земли тіи взявъ, запорозькои, повзувалыся—пишлы на прысягу до салтана. И прысягають такъ: «на чій земли стоимо,—тому и вируватымемъ и служытымемъ». А воны на своій на Запорозькій земли стоять—туркови клятьбы не дають ніякои. Прысяглы, тай жывуть у турка и туркови служать. А Крымъ турецькый тоди бувъ. Хотя

й йиздылы туды наши малороссіяне по силь, такъ у турка ту силь бралы. Десять рубливъ заплатыть, тай набира на визъ хочъ и 200 пудивъ, та вывезе за башту, тай насыпа на два й на тры возы, шобъ легче везты, та йиде до дому; а турокъ зъ своимы провожателямы ажъ до Береславу провожа, шобъ шо не пообижало.

Теперъ уже Москва налига, шобъ Крымъ одибрать одъ туркивъ. Запорозьци порадылысь мижъ собою: „мы своему Цареви прысягалы на его земли", а вже Москва попудылы турка видсиль исъ Чорнои долыны зъ Гайманивъ; уже турокъ заперся у Перекопи. А палата царьська була на Гаймани. (Долына Гайманъ е). Теперъ москалыкъ найшовсь такый, мабуть дурачокъ дуже (а винъ мабуть розумнишый усихъ бувъ). Пострыглы ёму волосы, такъ повыстрыгалы абы якъ:— те покыне, а те острыже, та вбралы ёго у лахмиття у скверне въ таке: торбы понавишувалы старчецьки, такъ якъ старци ходять. Пишовъ винъ у Перекипъ до туркивъ. Воны зъ ёго кглузують изъ малороссіяньського старця... такый, абы якый... То винъ упавъ у ривъ у той и роздывывсь тилько чого треба запасу у той ривъ и на валъ отой. Ставъ крычать;—туркы его й вытяглы того дурныка зъ рову... та ажъ тры дни, кажуть, воны зъ ёго кглузувалы исъ того старця... Вытяглы ёго туркы зъ рову,—винъ и скрывся... та до арміи... (тай пошлапавсь до варміи). Якъ давъ знать начальствови стикы его треба на той ривъ:—стико драбынокъ, стикы та́росу́ [1]), такъ уже винъ роздывывсь той дурныкъ! А запорозьци все це й знають шо робыться. Пойихало два запорозьци у палату до царя на Гайманъ; кажуть— „дайте намъ ту землю, шо мы жылы въ ній, такъ мы безъ ничого той Крымъ визьмемъ". Такъ царь имъ сказавъ, шо „вже не можна— бо заселено все слободамы те ваше мисце. А есть у мене земли коло Чорного моря, то ти я вамъ дамъ". Такъ воны и согласылысь (тилкы часть, а часть у Турецыни осталась... давно вже е... ажъ покы ихъ Гладкый виттиль вывивъ). Такъ ище ти одъ царя й не прыйихалы, а ци вже знають, шо коло Чорного моря подаровано имъ земли... Ну такъ кавалерію, каже, обвивъ Запорожець Сывашемъ, а пишу той дурныкъ провивъ черезъ валъ. Той ривъ закыдалы, а на валъ драбынкы поставлялы, та вылизла армія. Ничъ темна, а булы таки парни, шо пооберталы пушкы на ихню-жъ сторону, тилько одній угловои не

---

[1]) Хворостъ,—яке небудь смиття.

обернулы и позаклинпувалы у пушокъ понóвкы. Якъ вылизла музыка зъ барабанамы, а Запорозьци виттиль выйихалы Сывашéмъ, а си зъ моря—пиши... Такъ воны якъ зъ сіи вугловои пушкы выстрелылы, то чымало вылущылы; а тамъ посередъ крипости могыла стояла, то якъ стрельнулы, а бонба якъ попала на могылу, то такъ якъ рúвъ перекопало шось;—такъ воно й понúни есть. Оце стико чумакувавъ я, то все той ривъ е.

Такъ бто той дидъ тамъ у тому й бувъ усе въ тихъ компаніяхъ... Якъ то... якъ уже кóнчылась война, то имъ дано й землю тамъ коло Чорного моря; отожъ вона Чорноморіею й зветься. И винъ той дидъ бувъ уже у Катерынодари жытелемъ—то тутъ винъ бувъ Ивáненко, а тамъ у Запорозьцивъ Бурдунисъ. Такъ винъ и насъ пидмовлявъ до себе въ Катерынодаръ: Бондаря Якова и мене. Такъ той уже жонатый бувъ, а я ще. Такъ казавъ, шо въ мене и хазяйство велыке: тры заводы рыбныхъ, по шиснадьцять чоловикъ у кожному заводи,—а дочка тилько одна була—бильшъ нема ни сынивъ, никого. „Такъ я бъ", кáже, „оддавъ за васъ, хлопци й дочку". Я не схотивъ черезъ те, шо боявся батька, шо буде проклёнъ якый велыкый, шо безъ ёго видома пишовъ—а той Бондарь жонатый бувъ.

Такъ той Бурдунисъ симъ визъ рыбы не на прóдажъ визъ, а роздававъ по слободахъ мылостыну; изъ однымъ тилько хлопцемъ йиздывъ. Та днивъ зъ два зъ намы пробувъ винъ. Такъ уже зрадивъ, шо своихъ Веремієвцивъ побачывъ.

III.

Ихалы Запорозьци до царыци на показъ, яки воны е. Царыци захотилось на ихъ подывыться. Такъ яки булы мижъ нымы найпрылышниши люды, яка найпрылышнища одежа и яки кони, то таке вже воны и выбиралы.

Йидуть степомъ. Сыдыть пастушокъ на могыли, пасе вивци и въ козу грае. Пидъйиздять воны до того пастушка, пытаються: «чый ты?» «отакого й такого». Роспыталысь—якъ же въ ёго сынú й дочкы е? каже: «нема сынивъ тилько однымъ одна дочка й е».

Узялы его; овечкы поручылы другымъ пастухамъ, его вбралы въ свое шо найкраще одивання и повезлы до хазяина до ёго. Прыйихалы до хазяина, просяться на квартырю перепочыть. Роздывывшысь по хати—пытають хазяина: «се въ тебе дочка?» «Дочка». «Чы не

можна бъ зъ тобою, батьку, зазнаться; оце въ насъ хлопець. Якъ бы ты оддавъ дочку за цёго хлопця, то мы бъ извинчалы, а виттиль идучи одъ царыци и весилля-бъ одгулялы.—Такъ, якъ понайидалысь, та понапывалысь, зачалы уже те балакать, шо можна й оддать. Колыбъ-же, кажуть, швыдче, бо намъ николы тутъ довго буть,—треба йихать (пылно)». Заразъ по попа. Звинчалы. Пойилы, попылы—уже те весилля одбулы якъ небудь за 'дынъ день. «А шо теперъ намъ часъ йихать: а ну, лыпъ, сыну, та заграй намъ на дорогу». Колы той хлопець вытяга свою козу. Батько и маты, якъ побачылы ту козу, пизналы по кози наймыта свого, та вплачъ, та въ голосъ! шо за наймыта, свою дочку оддалы... пропала дочка! А (ти) запорозьци тоди: «прощайте»! Жывить-же соби зъ Богомъ. Уже бъ батько й маты ради бъ дочку одибрать одъ наймыта, такъ дочка сама не схотила. Каже: «тату, й вы, мамо! У церкви насъ звинчано, я свого чоловика люблю—не розведете вы насъ ніякъ. Тай зачалы соби жыть. То такый то чудный народъ булы ци Запорозьци! Якого хазяина дочку та за наймыта оддалы.

То й це-жъ воно запорозька повисть—покійный дидъ було розсказуе.

IV.

Йихавъ дидъ изъ горшкамы увъ узвози на гору, а зъ горы два Запорозьци йдуть: кони въ рукахъ ведуть. «А ну», кажуть: «звертай, диду».—«А, голубчыкы», каже, «помылуйте, бо я тилько зъ цего й хлибъ имъ... а моя старисть». Кланяеться имъ, просыть... А воны такы ни́: «звертай», покы не прыйшлы уже блызенько до ёго. Винъ тоди (той дидусь) якъ ухватыть одныею рукою цёго за груды, а другою рукою того, та якъ розведе ихъ, та якъ зведе лобамы до купы,—та порозбывалы и лобъ и очи повыбывавъ.—Та тоди того туды одтягъ, а того туды, тай пойихавъ на гору. Такый то дидусь бувъ!»

V.

Отутъ у Веремієвци Гейко Йосыпъ бувъ. А тоди шó ти Запорозьци робылы!.. Йде валка чумакивъ—визьме та ратыще встромыть у землю посередъ шляху, тай не мынай никуды ёго. Прыйидь тай стань. А винъ оддалекы́ й каже: «положы оте на оте».—Такъ уже стикы чого винъ требуе. То такъ и цей разъ було: ставъ винъ требувать—á воны просять, та кланяються: «здилай мылость возьмы такы зъ рукъ, то

бильше корысти буде, якъ зъ земли брать».—Такъ его улещають, шобъ прыйихавъ блыжче. Винъ и наблыжывсь. А цей Гейко за ратыще, що въ землю встромлене було, якъ ухопыть, запорожець завернувъ коня утикать.—Гейко якъ попудыть, та якъ ударывъ у спыну, то такъ воно въ груды й выскочыло те ра́тыще. Тамъ такый здоровый чоловикъ бувъ, що крый Боже. Убылы ёго, та позабиралы що було въ ёго;—заволоклы геть его, тай пойихалы. Не було того, шобъ хто за нымы и слидувавъ.

VI.

Отутъ у Веремієвци въ Погорилимъ бувъ такый чоловикъ Невгамо́та звався: ёго поколиння й теперъ е; такъ було винъ росказуе свои заробиткы: каже було, нема лучого заробитку, якъ у «Сухимъ Заброди». Шо́жъ то, дидусю, за сухый забродъ такый?» А мы ще тоди малымы булы. «А, ты бисовська дытыно, не знаешъ що то за Сухый Забродъ!.. (шей палець у ёго крывый бувъ: отакъ пальчыкъ крывый бувъ: та такъ и ты́ка имъ у вичи). «Ты», каже, «бисовська дытыно, не знаешъ що то за Сухый Забродъ?» Каже, якъ у рыбнимъ заброди, то обгноисся, замочысся, якъ у тимъ що рыбу ловыть. А то, каже, осидлаешъ коня, ни заросыся ничого; прыйихалы, каже, на Чорни Йваны, (тамъ такый Иванъ бувъ,—якъ булы степы дыки, та переходы, такъ винъ трахтырь державъ—та людей ризавъ. Такъ воно Чорни Иваны долына зветься. Якъ якый де ватажокъ ихній звавсь, то те его мисто называлось). Такъ мы, каже, прыйихалы, а горилкы шисьстьдесятъ визъ стоить, а чумакы ти пьють горилку, вже вечеряють—та балакають коло багаття; а мы взялы та откотылы визъ изъ бочкою... Таки́вськый визъ перевернулы! Та тоди ще пойихавъ до табуна, та занялы пару воливъ... Такъ ото, бисовська дытыно, Сухый Забродъ. Ни заросывсь, ни забродывсь... ото й сухи заброды... бочка горилкы й пара воливъ е.

VII.

Ба́гато тутъ и въ Веремієвци було Запорозьцивъ, тихъ що зъ Сичи позаверталыся: Хибаба Корній бувъ и Стучка Наумъ бувъ...

VIII.

Запорожець якъ спобижыть де въ степу мужыка якого, що тамъ або йде куды або що, то заразъ було й гука:

«Эй, мужыкъ ворона,
Чы е въ тебе оборона?»

Якъ нема ніякои обороны, то такъ попудыть ратыщемъ, що и въ спыну выскочыть.

IX.

Бувъ тутечка у Веремієвци Кандыба козакъ и взявъ за себе Назаривну Настю; и будьто винъ іи бравъ не полюбовно, а любывъ Кулишивну. Ну, жывуть соби—тамъ шо чы годъ, шо й пьять годъ жывуть; уже въ ныхъ и дытынка є—хлопчыкъ маленькый Андрійко. И жывуть въ ненавысти вылыкій. Прыдумавъ винъ, якъ жинкы збуться:—нанявъ Хо́луя (тутешній такы чоловикъ—ёго поколиння е й теперъ: скверни таки люды, якъ и той предокъ ихъ бувъ).

Нанявъ Холуя, шобъ застрелывъ жинку...

То вона бидна пиде коровъ доить у вечери, чуе шось цока зза тыну (а тоди ще кременни ружа булы); той цока, а воно не палыть (такъ уже може Господь не допускавъ того). Пиде вона пелюшокъ прать у берегъ пизненько (отъ у цей такы й берегъ; отутъ у сихъ болотахъ),—чуе, щось цока зъ очерету. Не встрелыть такы ще все. Прыйде вона до дому, та своій свекруси й хвалыться: «шо то воно тамъ цока зъ очерету?» «Та то тоби, дочко, такъ, каже, вчуваеться».—

Побалакавъ Кандыба впьять зъ Хо́луемъ—шобъ такы вбыть жинку непреминно. Полигалы въ ночи спать на полу: винъ той Хо́луй у викно ружо (всунувъ) встромывъ, сей же Кандыба одъ стины лежыть, а хазяйка зъ краю. Холуй уставывъ у викно ружо, тай убывъ хазяйку прямо ій въ саме серце и улучывъ іи. Убывъ тай утикъ.—Кандыба кгвалтъ учынывъ, «шо шось мою жинку вбыло». Прыйшлы бабы, обмылы іи й положылы на лаву. То вже такъ балакалы люды: шо, кажуть, «якъ ходыть Кандыба по двори—то вона та жинка лежыть соби тыхо на столи,—а якъ увійде винъ у хату, то такъ и клекотыть у неи кровъ зъ тыи раны. То жинкы ти, шо седять надъ нею, то й замичають це: «Эй», кажуть, «Омельку, це чы не одъ тебе ій смерть?»

Пишовъ винъ волы налыгать, по попа йихать; прыйшовъ до воза, прывивъ и волы, тай становыть ихъ уже рогамы до воза, а хвостамы до ярма. Люды це все бачуть: «Эй, годи вже тоби, Омельку, одмагаться! Се ты погубывъ свою жинку». Та взялы его пидъ пры-

казъ. По попа вже другый бувъ, шо пойихавъ. Такъ его тутъ у Веремiевци й катъ бывъ—ёго й Холуя; и обохъ ихъ у Сибиръ зослано. А дытыну Андрійка добри люды выгодувалы.

Та булы-жъ таки й жиночкы, що проклалы й письню про Кандыбу. Та вже велычна й письня була! И-й ве́-лы-чна була письня! Та той хлопець Андрійко сынъ ихъ якъ пидрисъ, та якъ пиде було въ степъ овечкы пасты, та сяде на могыли, та якъ загра тіи письни въ сопилку, то такъ якъ де старци гарно спиваютъ, та назбыряеться багато народу слухать,—то то такъ збиралось и до цёго хлопця слухать тіи письни. А винъ у сопилку гра.

То така була жалислыва та письня, що вси чысто, хто слуха, то й плаче... И моя покойна баба тямыла тыи письни... а теперъ уже зъ молодыхъ не зна іи нихто. Вырисъ той хлопець, то якъ населявся Крывый ригъ (на Чорноморіи), такъ винъ туды запысався у поселяне. То якъ я ще чумакувавъ, такъ винъ жывый бувъ. Тутъ у Веремiевци бувъ Назаре́нко Мыкыта ёго родычъ: то було винъ усе подае виттиль цему Назаренкови и борошна пшенышного и пшона. Хазяинъ велыкый зъ ёго бувъ. Та садокъ добрящый у его и млыны на Ингули... То тамъ его потомство и доси жыве.

1879 года. Іюль.

Козакъ Олекса Бондарь.

М. Веремієвка. 1879 года.

Ой повій, витре, та буйнесенькый,
Й а зъ Озовського моря—
Мынаеться, а вже й мынулася
Гей а запорозьцямъ воля.
Гей теперъ наши славни запорозьци
Й а въ превелыкому жалю,
Що не знають кому вклонытыся
Эй а котрому ца́рю.
Ой уклонылыся тому турасеви,
Що воны ёго й не зналы;—
Кругомъ церквы, церквы Сичово́и
Эй калавурамы сталы.
Священыку отцю Владымарю
Гей а служыты не далы,
Ой изъ за Пру́са й а табуны гналы,
А отары займалы,
Ой тамъ наши славни запорозьци
Эй а турася впіймалы;
Й а турася впіймалы:
„Ой и скажы скажы,
Нашъ славный, турасю,
Нехай же мы будемъ знаты:
Черезъ що жъ мы того Шмаилова
Эй та не можемо взяты?“
— „Ой идить-же вы, славни запорозьци
Та все по-надъ Бугъ рикою,
Тамъ найдете весь турецькый запасъ
Гей и вси лодкы зъ ордою“.
Ой пишлы наши славни запорозьци
Та все по-надъ Бугъ рикою,
Та забралы весь турецькый запасъ
Гей и вси лодкы зъ ордою.
Ой ходыть, ходыть турецькая Баша,

Та все голову склоняе,
Куды пиде, а куды гляне,—
Эй та все запасу нема.
Ой ходыть м....ь та по надъ Сичою
Тай усе пыше, тай пыше: (Тай усе лысты пыше)
Ой идить же вы, славни запорозьци,
Эй та у наше царство жыты,
Ой дамъ вамъ зе́мли, земли по першому
Й по Днистеръ граныци“.
— „Ой дурышъ, дурышъ, псяюхо....
Ты насъ хочешъ обмануты:
Ой якъ мы пидемъ тай у твое царство
Гей та ты будешъ лобы голыты“.
Ой летыть бонба зъ московського стану
Й а посередъ Сичи впала,
Хочъ пропалы славни запорозьци,
Та не пропала ихъ слава.

Ой не знавъ козакъ,
А не знавъ Супрунъ
А де славонькы нажыты?
Ой забравъ висько
Славне запоризьке,
Ой та пишовъ Орды быты.—
Ой у суботоньку—
Проты недиленькы
Супрунъ изъ Ордою стявся,
А у недилю, въ обидню годыну
Самъ у неволю попався.
Ой и вьяжуть, вьяжуть
Превражи мурза́кы
Мене назадъ рученька́мы.
Не вьяжите, превражи мурза́кы,
Мене назадъ рученькамы,
Та поведить мене въ чысте поле

Изъ моимы козакамы.
Осавуръ могыла,
Глубока долына,
Сызый орелъ пролитае.
Стоить висько
Славне запорозьке
А якъ золото сяе,
Ой якъ макъ процвитае.

Козакъ Иванъ Душейко.

М. Вереміевка, 1879 года.

Ой пидъ вышенькою
Й а черешенькою,
У вышневымъ садочку,
Цье гуляе
Панъ Корчевськый
Й а исъ паномъ Галаганомъ.
Пылы гулялы
Одну раду малы:
„Ой якъ бы намъ
Славныхъ запорозьцивъ
Й а изъ Сичи выманыты".
Ой выманылы
Славныхъ запорозьцивъ
Тай у чыстее поле,
Ой повьязалы
Славныхъ запорозьцивъ
Та по два до купочкы.
Ой поглядають одынъ на другого,
Якъ сыви голубочкы.
Ой стоить салдатъ коло мóсту,
Та дывыться у воду;
Тече ричка, ричка кривавая

Й а дывуеться къ тому.
Половына лисомъ,
Половына Днистромъ
Тай изъ Сичи повтикалы.—
Ой хочъ пропалы
Славни запорозьцы,
Такъ не пропала ихъ слава.

Кырыло Пашковськый (Пашко́).

Съ Шахивкы, 1882 года.

Палій и Мазепа.

Мазепа и Палій обучалысь у лыцаря лыцарства. Мазепу-жъ лыцарь у хати обучавъ, а Семенъ Палій стоявъ за дверьмы, слухавъ, та лучче вывчысь одъ Мазепы.

Говорыть лыцарь: «чы можешъ ты, Мазепа, достать дванадьцять вьюнивъ»? А Палій и одвича пидъ дверьмы: «благословы, паноче, шобъ я доставъ дванадьцять вьюнивъ, бо Мазепа, не способенъ достать ихъ: винъ не зна яки то й вьюны». Одвича ёму лыцарь: «Боже тоби благословы, Семене Палію, колы ты знаешъ дванадьцять вьюнивъ де достать».

Зарядывъ Палій рушнычку и пишовъ у лисъ. Знайшовъ похылне дерево; пишовъ знайшовъ дванадьцять кабанивъ дыкыхъ пасуться; такъ винъ якъ прыцилывсь, та такъ и одбывъ имъ уси дванадьцять хвостивъ, та на те дерево на похылне побигъ утикаты, шобъ не розирвалы. Дыки кабаны пидбиглы до того дерева; у гору-жъ воны не глянуть, а на земли бувъ та нема—похрокотилы, похрокотилы, тай побиглы вньять пастысь. Излизъ Палій зъ дерева, пишовъ заразъ забравъ тыхъ дванадьцять вьюнивъ у заполу, дыкыхъ кабанивъ хвосты, прыносыть тоди вже до лыцаря; отдае ёму поклонъ и каже, шо доставъ дванадьцять вьюнивъ. Дае ёму ти вьюны, той прынимае тай каже:

«Проклята Мазепа теперъ не подужае Семена Палія, колы винъ знае, яки вьюны. Теперъ хиба на бенькетъ ёго вклыкнешъ, та напоишъ, та накормышъ, та вкынешъ у темныцю, та забьешъ у скрепыцю, та поидешъ до царя, та наволочешъ якои брехни на Семена Палія, та царь велыть ёго повисыты, то такимъ хиба побытомъ ты Семена Палія подоліешъ».

Ну сказано-жъ: брехнею сьвитъ пройдешъ, а назадъ не вернешся: то такъ воно й е! Заклыкае Мазепа Семена Палія у госьти: «Семене Палію, прыйидь до мене на бенькетъ».—«Боюся, проклята Мазепа, шобъ ты мене не зрадывъ», каже. «Не бійся мене, я не зрадю тебе, а зрадять тебе хиба напыткы, найидкы, та червона налывка». Оте хиба издзобáе ёго, а то бильшъ нищо Пойихавъ Палій до Мазепы на бенькетъ и послушныка взявъ зъ собою хлопця. Пылы-гулялы, бенькетувалы; извалывсь Палій Семенъ Тоди Мазепа звеливъ своимъ слугамъ: «возьмить Семена Палія въ темныцю та забыйте въ скрепыцю и замкнить и прынесить ключи до мене». А то якъ-бы въ скрепыцю не забылы-бъ, такъ-бы винъ вылизъ-бы и замкы-бъ не вдержалы. Пойихавъ Мазепа до царя, до свого хрестного батька, брехню волокты вже на Семена Палія: «Семенъ Палій собыраетьця на тебе иты воюваты». А винъ самъ, значыть, думавъ иты на царя воюваты, та на Семена Палія извернувъ, шо самъ мыслывъ; а царь и повирывъ. Каже: «де-жъ ёго теперъ взять, шобъ повисыть»? «У мене въ темныци забытый у скрепыцю». Тоди царь звеливъ у дворци коло рундука шыбыныцю ставыты и звеливъ слугамъ, шобъ пишлы одымкнулы Палія и прыставылы до шыбеныци прямо.

Помошныкы Семена Палія—Искра, Посьтилъ и Лапоть—помижъ себе порадылысь: «шо безъ Семена Палія мы ничого не зробымъ; треба схыстыть ёго, шобъ жывый зоставсь, бо якъ повисять, то де мы тоди жывого возьмемъ? Тоди пропаде Гетьманщына: Мазепа зъ панамы іи сплиндрують». Та взялы, тай зьминылы Палія душегубцемъ. Палія замисть душегубця въ Сибирь заслалы, а душегубця замисьть Палія повисылы на шыбеныци. А Семена Палія послушныкъ у Мазепы зоставсь: винъ также знавъ лыцарства, якъ и Семенъ Палій, ёго панъ.

Тоди заразъ потребувавъ Мазепа царя на полёву—хто кого подужа. Увійшлы воны въ Повтаву. Царь звеливъ погулять; прыостановывъ войну тамъ на суткы чы на двое, а самъ пишовъ по своему виську роспытувать, чы нема такого, шобъ подужавъ Мазепу.

Тоди сталы казаты Искра, Посьтилъ и Лапоть: «Мы не можемъ подужать ёго безъ Семена Палія».—«Де-жъ мы визьмемъ Палія, якъ мы ёго повисылы»?—«Ни, мы душогубця повисылы, а Семена Палія схыстылы. Винъ жывъ и доси; тилько въ Сыбири на роботи за душогубця одвича, а душогубця за Семена повисылы». Заразъ царь звеливъ на дванадьцять сутокъ погулять ще, покы зъ Сибиру Семена Палія прыставлять. Якъ подавъ туды лысть, такъ по станціяхъ выставылы коней самыхъ летючыхъ, шобъ не було загаю, шобъ скоро та скоро...

Прыставылы Палія зъ Сыбиру. «На шо ты мене требуешъ? Я-жъ бувъ повишеный, якъ бы не товарыши мои»?—«Дай мени помочи воюваты зъ Мазепою».—«Якъ отдасы мени Гатьманщыну, такъ буду воювать зъ Мазепою: помочи тоби дамъ; а якъ—не отдасы, не буду мишатьця, бо я въ тебе повишенный! Такъ царь зьнявъ образъ и поцилувавъ, шо собственно отдамъ Гатьманщыну».

Вытопылы баню. Пишовъ Палій зъ братчыкамы въ баню; вынарылысь добре. Давай тоди коней. Чотыри коня шобъ було: сири уси чотыри. Ставъ Палій выбирать соби коня съ тыхъ чотырёхъ—падають уси навколишкы—не выдержуть Палія-лыцаря: сыла велыка; царь звеливъ свого любымого коня пидвесты пидъ ёго: отдають изъ збруею зовсимъ. Тоди взявъ Палій ратыще, сивъ на коня на царького (царській выдержавъ). Уси забралыся за плечи. Палій зъ Искрою, зъ Лаптемъ и зъ Постоломъ пойихалы кругомъ Мазепыного виська. Заглянувъ Палій у Мазепыну палатку.

Беспешно гуляе Мазепа у себе въ палатци, а хлопець Мазепынъ, той шо бувъ послушныкомъ у Палія, й говорыть: «благословы, паноче, навитьнёго сокола вбыты». Мазепа й каже: «нехай гуля; мы гуляемъ, то нехай и винъ погуля». Винъ (Палій) у другый разъ прыйиждже до Мазепынои палаткы, объихавшы ёго вармію. Винъ уньять канальськый хлопець одвича: «благословы, паноче, навитьнёго сокола вбыты».—«Нехай гуляе»—отвича Мазепа. «Чы нехай—нехай и гуля; то таке дило». Третій разъ объихавъ Палій Мазепыне висько: заглянувъ у палатку. Винъ уньять той хлопець: «благословы, паноче, навитьнёго сокола вбыты». «Нехай погуля ще. Мы гуляемъ, такъ и винъ нехай погуля».—«Устань, проклята Мазепа, подывысь, шо твое висько робе. Не сокилъ лита, а Палій Семенъ гуляе; уже объихавъ твое висько тричы. Тикай хочъ ты, покы жывый, а то пропадешъ, якъ собака». Выскочывъ Мазепа зъ палаткы, колы подывытьця, ажъ ёго висько само себе рубае, нивечыть.

Сивъ Мазепа на коня, та въ одно стремено піймавъ ногою, а въ друге не піймавъ—штрыкнувъ ёго Палій ратыщемъ у с...у. Мазепа тика, а Палій Семенъ штрыка, такы догоня Мазепу, а царь догоня Палія, хвата ёго коня за повидъ та прыдержуе, шобъ винъ не заколовъ Мазепы. Жаліе свого хресныка, хоче жывого пустыты; поты гнавсь та прыдержувавъ Паліевого коня, покы розирвавъ ёму щелепы ажъ до вухъ. Мазепа втикъ, ёго десь сплиндровалы, не далы ёму ходу. Нема ёго й званыя теперъ ниде.

Семенъ Палій хотивъ панивъ вывесты, шобъ не було; шобъ уся Русія була одна: простолюдые. (Воны) ци паны спершу прыйиздылы съ чужыхъ земель до насъ грошей зароблять у давныну, а теперъ, бачъ, якъ (воно) стало: куды не глянь, куды не глянь—усе ихне. Такъ Палій хотивъ перевесты усихъ чысто, шобъ не було цыи погани; а Мазепа бувъ чужоземець; винъ хотивъ усихъ сплиндровать.

Царь змолвывъ передъ Семеномъ Паліемъ:—не давъ ёму Гатьманщыны,—клявся, тай скрыводушывъ. Палій подавсь одъ царя на острова, не ставъ склонятьця передъ царемъ. И жывый и доси. И винъ жывый и доси. Якъ мисяць нарожаетьця, то винъ молодіе, а якъ мисяць старіе, то й винъ старіе. И жыве винъ и доси. И до страшного суду буде жывый.

Винъ колысь буде воювать зъ царемъ за простолюдые.

Царь пожаливъ Гатьманщыны. Значыть, наплодылысь паны та жыды. Спершу воны прыйиздылы зароблять грошей, тай бачъ скилько теперъ стало ихъ! Де самый послидній жыдъ, тай той себе купцемъ велычае.

Такъ Палій хотивъ перевесты усихъ чысто, шобъ не було ціи дряни (ціи погани).

Такъ Палій подавсь на острова и винъ жывый и доси у запорозьцивъ. Якъ мисяць нарожаеться, то винъ молодіе, а якъ мисяць старіеться, то й винъ старіе. И до страшного суду буде жывый.

Була колысь правда, та перевелась на казку. Кажуть люде, шо винъ жывый и доси. Колысь ёго буде ще треба.

1882 года.

Палій и Мазепа.

Пишовъ Мазепынъ сынъ и Палій Семенъ до чужоземного лыцаря обучаться лыцарства. Мазепыного сына лыцарь у хати обучавъ, а Семенъ Палій пидъ дверьмы слухавъ, стоявъ, дай лучше вывчывсь нижъ одъ Мазепыного сына.

Говорыть лыцарь: «чы можешъ ты, Мазепо, достать дванадьцять вьюнивъ»?

А Палій и отвичае пидъ дверьмы: «благословы, паноче, шобъ я доставъ дванадьцять вьюнивъ, бо Мазепа не тямыть, якъ ихъ достать (не способенъ достать); винъ не зна, яки то й вьюны».—«Боже тоби благословы, Семене Палію, колы ты знаешъ дванадьцять вьюнивъ достать».

Зарядывъ Палій рушнычку и пишовъ соби въ лисъ. Знайшовъ похы́лне дерево, таке шобъ можно на его було збигты. Пишовъ, знайшовъ—дванадьцять кабанивъ дыкыхъ пасуться. Винъ пидождавъ, покы воны сталы врядъ, такъ ви́нъ якъ прыци́лывся, та такъ и отбывъ дванадьцять хвостивъ. Тай побигъ на дерево на похы́льне утикаты, шобъ не розирвалы. Дыки кабаны похрокотилы, пидбиглы до того дерева, тай побиглы впьять па́стысь. Угору жъ воны не глянуть, а на земли бувъ, та нема—на дерево схыстывсь. Винъ пишовъ, заразъ забравъ тихъ вьюнивъ у заполу, дыкыхъ кабанивъ хвосты, прыносыть тоди вже до лыцаря. Отдае ёму честь: «о́тъ доставъ дванадьцять вьюнивъ». Той прыймае: «проклята Мазепа», каже, «теперъ не подужае Семена Палія, колы винъ знае яки вьюны й принисъ мени. Теперъ хиба на бе́нькетъ его вклыкне́шъ, та напоишъ, та вкынешъ у темныцю, та забьешъ у скрепы́цю, та до царя пойидешъ, та наволоче́шъ якои брехни́ на Семена Палія, та може повисыть ёго царь, такъ тоди ты царя подоліешъ, а якъ Семенъ Палій буде, такъ ты и...!

Ну сказано-жъ: брехнею сьвитъ про́йдешъ, а назадъ не вернесься;—то та́къ воно й е!? Заклыка́е Мазепа Семена Палія на бенькéтъ: «Семене Палію, иды до мене на бенькéтъ».—«Боюся, проклята Мазепо, шобъ ты́ мене не зрадывъ», каже. «Не бійся мене, я не зрадю тебе, а зрадять тебе напыткы-наидкы та червона налывка». Ото́ хиба издзоба́е ёго, ато́ бильшъ нищо́. Палій думае-думае... «ну шо́ я за молоде́ць буду, якъ не пойиду до Мазепы въ госьти».

Пойихавъ Палій до Мазепы на бенькетъ и послушныка свого взявъ зъ собою хлопця. Въ ёго бувъ послушныкъ у Семена Палія; такъ и тóй умивъ лы́царства, якъ и Семенъ Палій: одъ Семена Палія вывчывсь. Клыкну́въ на бенькетъ; пылы, гулялы, бенькетувалы. Винъ извалывсь Палій. Мазепа звеливъ своимъ слугамъ: «возьмить Семена Палія въ темныцю, забыйте въ скрепы́цю и темныцю замкни́ть, и прынеси́ть ключи до мене». А то якъ бы въ скрепыцю не забылы-бъ, такъ бы винъ вылизъ и замкы-бъ не вдéржалы.

Пойихавъ Мазепа до царя, до свого хрестного батька брехню вже волокты на Семена Палія. А царь и повирывъ. «Та́къ и та́къ, Семенъ Палій собыраеться на тебе йты воюваты». А винъ самъ, значыть, думавъ иты, та шо са́мъ мыслывъ воювать на царя на свого хрещéного батька, то тé на Палія и звернувъ. Говорыть (царь): «дéжъ теперъ ёго взять, шобъ ёго повисыть?». «У мене въ темныци,—забыто въ скрепыцю. Ось и ключыкъ у мене». Извеливъ у дворци, коло крыльця, шы́беныцю ставыты. Сказавъ своимъ слугамъ, шобъ одимкнулы Семена Палія и прыставылы до шыбеныци прямо.

Помошныкы Семена Палія—Искра, Посьти́лъ и Ла́поть—заюртувалысь (юрту́ються). Помежду собою порадылысь, сказалы своимъ старшымъ, шо безъ Семена Палія мы ничого не зробымъ. Треба схысты́ть Палія, шобъ жывый бувъ. Бо якъ повисять, то дé мы тоди жывого возьмемъ? Тоди пропаде Гатьма́нщына! Мазепа тоди съ панамы іи сплиндрують». Та взялы тай зьминылы Палія душогу́бцемъ. Душогубець бувъ такый, шо людей убывавъ. Такъ воны того душогубьця въ Сибиръ заслалы, а Семена Палія послушныкъ у Мазепы зоставсь. Винъ также знавъ лы́царства, якъ и Семенъ ёго панъ.

Тоди заразъ потребувавъ Мазепа царя на полёву́—хто кого подужа. Увійшлы воны въ Полтаву—Мазепыно виcько и царьськé. Царь звеливъ погулять. Прыостановывъ войну тамъ на суткы, чы на двое. Царь пишовъ по своему війську роспытувать, чы нема такого, шобъ подужавъ Мазепыного сына? Тоди сталы казать Искра, Посьтилъ и Лапоть: «мы не можемъ подолить ёго безъ Семена Палія. Мы хоть и самы лыцари́ велыки, такъ не таки́ якъ Семенъ Палій. Мы мали́ лыцари́».—«Дежъ мы визьмемъ Палія, якъ мы́ ёго повисылы»? «Ни, мы душогубьця повисылы, а Семена Палія схыстылы; винъ жывъ доси, тильки въ Сибири на роботи за душогубьця одвича; а душогубьця за Семена повисылы». Заразъ царь звеливъ на дванадьцять сутокъ погулять ще, покы зъ Сибиру Палія прыставлять. Подавъ

лыстъ, шобъ за дванадьцять сутокъ прыставылы. Якъ подавъ туды лыстъ, такъ по станціяхъ выставылы коней самыхъ летючыхъ, шобъ не було загайкы, шобъ скоро та скоро...

Прыставылы ёго зъ Сибиру. «Нá шо ты мене требуешъ?» — «Я въ тебе просю дай мени помочи воювать зъ Мазепою». «Я жъ у тéбе повишеный бувъ, якъ бы не товарыши мои. Якъ отдасы мени Гатьмáнщыну [1]), такъ буду воювать зъ Мазепою—помочи тоби дамъ, а якъ не отдасы, такъ нехай воюе Мазепа. Я не буду мишаться, бо я въ тебе повúшенный.

Тоди вытопылы баню. Пишовъ Палій зъ братчыкамы въ баню. Выпарылысь добре. Писля того попойилы, закусылы добре. Давай коней тоди. Чотыри коня шобъ було, сири уси чотыри. Ставъ Палій выбырать соби коня съ тыхъ чотырёхъ; одного взявъ за грыву,—упавъ навкóлинкы; звалывъ. Падають уси навколúнкы—не выдержуть Палія-лыцаря: сыла велыка. Царь звеливъ тоди свого любымого коня пидвесты пидъ ёго, отдать и зброю всю. Тоди взявъ Палій рáтыще, сивъ на коня на царьськóго. Царьськúй выдержавъ. Уси забралыся за плечи. Палій зъ Искрою, зъ Лаптемъ и зъ Постолóмъ пойихалы кругомъ Мазепыного виська. Уже Мазепыно висько самó стало себе колоты. Заглянувъ Палій у Мазепыну палатку.

Безпешно гуляе Мазепа у себе въ палатци, а хлопець Мазепынъ, той, шо бувъ послушныкомъ у Палія, и говóрыть: «благословы, паноче, навúтьнёго сокола вбыты». Мазепа й каже: «Нехай гуля. Мы гуляемъ, то нехай и винъ погуля».

Винъ (Палій) у другый разъ прыйиджа до Мазепынои палаткы, объихавшы ёго вармію. Винъ упьять, канальскый хлопець, одвича: «благословы, паноче, навúтьнёго сóкола вбыты».—«Нехай гуляе». Отвича Мазепа. «Чы нехáй,—нехай и гуля. То такé дило!»

Третій разъ объихалы. Заглянувъ у палатку. Винъ упьять гогорить: «благословы, панóче, навúтьнёго сокола вбыты».—«Нехай погуля ще. Мы гуляемъ, такъ и винъ нехай». Винъ ёму на тарильци бомбу й подае, у палатку впала. «Устань, проклята Мазепо, та подывысь, шо твое висько робе! Не сокилъ литае, а Палій Семенъ гуляе! Колы объихавъ уже кругомъ твое висько трычи! Тикай хочъ ты,

[1]) А якá Гатьмáнщына?—Паны.

покы жывый, то може выскочышъ!» Выскочывъ Мазепа зъ палаткы колы подывыться, ажъ ёго висько само себе рубае—нивечыть.

Сивъ (Мазепа) на коня, та въ одно стременó піймавъ ногою, а въ другé не піймавъ. Одну ногу встромывъ у стремено, нахылывся, шобъ друге достать,—штрыкнувъ ёго Палій Семенъ рáтыщемъ пидъ матьню. Піймавъ ёго ратыщемъ пидъ матьню. Мазепа тика, а Семенъ Палій штрыка, такы догоня, ажъ кинь увесь червоный одъ крови. А царь доганя Палія, хватае ёго коня за поводы́ та прыдержуе, шобъ не заколовъ Мазепы. Жаліе свого хрестного сына, хоче жывого пустыты. Пóты гнавсь та прыдержувавъ, покы розидралы Паліевому коневи щéлепы ажъ до вухъ. Мазепа втикъ (вы́проставъ ёго царь). Не далы ёму ходу. Нема ёго и званыя теперъ ниде.

Царь пожаливъ Гатьманщыны. Не давъ Паліеви Гатьмáнщыны.

—

Цé ще я чувъ, якъ маленькимъ бувъ. У шынку стари люды розсказувалы. Батько мій шынкарь бувъ... То було посходяться (якъ колы у празныкъ) стари люды, тай розсказують (було часто) про Палія Семена.

Про чумака и про розбойныка.

Значыть чумáкъ ишовъ и дванадьцять паръ волив гнавъ тыюжъ сáмою дорогою, шо чумакы ходылы. Тилько вже заросла та дорога! Черезъ шó заросла—черезъ розбойныка. Розбóйныкъ тамъ сыдивъ, побывавъ мыра багато. А тóй правýеться туды чумакъ—не боиться. Люды кажуть, шо нильзя йихать туды... А той розбойныкъ сыды́ть якъ орелъ на могыли. А той заразъ прыпынывъ волы... До ковали́въ... Заразъ давай цепъ робыты на того розбойныка: и не поганый,—хорошый цепъ, колы винъ сылачъ такый розбойныкъ. И пружыны поробывъ тому цепу, шо счáлюватымуть заразъ у мисто. И поставлявъ возы до миста, шобъ вія подъ вія усе пидпускавъ. Постáвлявъ такъ якъ городокъ кругомъ; та тоди цéпомъ обнявъ уси дванадьцять возивъ. И двійлó положывъ тутъ же на пружыну, и зворушывъ чимсь то: заразъ пружыны до купы й схватылыся. Тоди взявъ заплатывъ шо слидъ (шо сказалы), положывъ цепъ у визъ, поихавъ до розбойныка.

Пидъизжае до могылы. Волы порозлы́гувавъ; пустывъ на пашу, а возы попидкóчувавъ вія пидъ вія. Городóкъ зробы́въ, цепомъ обнявъ.

Ваговы́й дрюкъ положывъ на пружынахъ. Са́мъ заходывсь кашу вары́ть изъ саломъ, добру; зро́змазь... до́бру... Розбойныкъ прыходыть до ёго: «шо́ ты», каже, «росположывсь тутъ? ше й кашу варыть захо́дывся! ту́тъ и пройихать нильзя,—не то́ кашу вары́ть!»—«Адже жъ и ты́ хочешъ йисты, може? и я хочу наче. Якъ шо ты госьть прыйшовъ,—сидай отдыхаты, каши покы я наварю». Каже, «побалакай».—«Та вже́ жъ», каже, «хоть передъ смертю побалакаешъ». Той верти́всь вертивсь—ни́де сида́ты, тай на двійло й сивъ, а воно й позащипало кругомъ за по́перекъ, якъ обручемъ, шо ни́куды й выпрыснуть. Такъ ви́нъ якъ узявъ тяггы́ той цепъ, та дванадьцять сажни́въ дванадьцять возивъ тягъ. «Подожды», каже; «найимо́сь ще каши; куды ты тягнешъ!?» Годувавъ, годувавъ кашою [1]); письля то́го двійломъ якъ ударывъ, тай убывъ.

Доложылы царю, шо такый то чумакъ побидывъ такого то розбойныка. Отъ царя прыставлено тому чумакови за ёго вслугу на пере́дьни волы золоти ро́гы: шобъ де́ черезъ городъ, або село (пройиждж́а), прохо́дыть, то надива ти золоти ро́гы. Шобъ люды бачылы ёго заслу́гу.

1882 года.

Илія Му́равець.

Значыть винъ трыдьцять литъ не ходывъ ногамы,—на печи сыдивъ. А народъ усе жалуетьця пры ёму, и винъ чуе, значыть, про Соловья-розбойныка, шо побыва свыстомъ за дванадьцять верстъ. И коло Соловья-розбойныка ричка бигла быстро. Перемишалася съ кровью вода вже; отъ до то́го добывся людей Соловей-розбойныкъ!.. А Илія Муравець издыхне, тай мовчыть,—ничого не каже; шо ви́нъ бы ёго подужавъ, такъ ногы слаби́,—сылы тый не зде́ржать ногы. Ви́нъ бы ёго й подужавъ, ногы не можуть ходыть.

Прыходыть Самъ Господь пидъ викно до ёго храмы́ны зъ святымъ Петромъ: «рабъ Божій, подай Хрыстову мылостыню намъ». Илія отвичае: «Радъ бы я пода́ть, не могу встать. Лежыть хлибъ на столи и нижъ; увійдить, скилько нужно одрижте соби и возьмить Хрыстову мы́лостыну». Отъ воны входять у храмы́ну, поздрастувалыся, поздоро-

---

[1]) Вывернувъ ему казанокъ зъ гарячею кашою на голову.

вы́лы, тамъ, съ тымъ днемъ,—якый есть «Уставай», каже, «Илія Муромець, съ печи». Самъ Господь сказавъ. «Боюсь», каже, «провалюсь». И въ другый разъ сказавъ тоже Господь, шо «вставай съ печи», а винъ отвича впьять: «боюсь,—провалюсь». Третій разъ сказавъ Господь: «спускай ногы на прыпечокъ». Винъ спустывъ. Ставъ на ногы, перехрестывсь: «спасыби Богу и вамъ, старычкы, шо вашымъ прыходомъ Богъ давъ мини сылу въ ногы».—«Пиды-жъ корцемъ воды зачерпны въ крыны́чыни, та внесы въ храмыну». Винъ пишовъ, прынисъ корець воды. Господь поблагословывъ корець воды выпыть. Винъ выпывъ, ставъ здоровъ. Господь и пытае: «яку ты сылу имієшъ у се́бе теперъ?» Винъ и сказавъ: «якъ бы посередыни сьвита кильце вправылы,—шобъ не здвыгну́лось нику́ды, такъ я мигъ бы весь сьвитъ повернуть». Господь пославъ ёго зачерпнуть воды ще́ корець. Винъ пишовъ черпать воды, столитняго дуба узявъ вырвавъ одною рукою, та́къ якъ бабы пло́скинь беруть, або пьрядыво, то такъ винъ дуба вытягъ одною рукою. Иде, пидпыраетьця тымъ дубо́мъ. Воды набравъ, прыйшовъ, положывъ понадъ хатою дуба того; та́къ якъ мы палку кладемъ, то такъ ёму дубъ. Уносыть корець воды, дае Господу Богу. Господь надпывъ половыну корця, «а сю половыну ты выпый». Винъ выпывъ. Господь пытае тоди: «яке ты здоровья теперъ имієшъ у соби?»—«И половыны вже немае». «Буде съ тебе и цёго. Противъ тебе вже сыльни́шаго нема по всимъ билимъ царстви». Тоди вже давъ мылостыну Хрыстову и выпроводывъ и поблагодарывъ упьять: «спасыби Богу та й вамъ, старычкы Божи, шо Господь давъ вашымъ прыходомъ сылу въ ногы». И за́разъ заходывся дубья пробувать. Шисьть десятынъ окончывъ дубья, у сажени́ поклавъ и выоравъ и жытомъ засіявъ, того-жъ дня й заволочывъ. И пишовъ и коня найшовъ по своій мири. У чоловичка вырисъ коныкъ [1]).

Иде отець и маты исъ поля. Ды́вытьця,—уже въ сажняхъ дубья и жыто вже засіяно и заволо́чено. Маты жъ не знала, шо сынъ стараетьця,—доволикае жыта, значыть, а отець не йме виры: „ни, не довжно буть, шобъ сынъ изробывъ“.

У скоросты винъ ставъ просыть отця свого: „пидить, коня купить мини у такого то чоловика; що́ заправе,—те́ й давайте; не откладайте на другій день, бо винъ завтра черезъ ничъ ще́

---

[1]) У чоловичка то вырисъ коныкъ.

стилько выросте, то ви́нъ удвое вже буде ці́ну правыть [1]). Купывъ отець (коня) и прывивъ до дому. Сынъ вырвавъ тры шерстыны и пустывъ у чысте поле (коня) гуляты, покуда винъ поробывъ калы́нови сьтрилы и сиде́льце и подушечку и стреме́нце. Тоди ставъ просыть отця и матери, шобъ отпустывъ съ Соловьемъ-розбойныкомъ погулять. Багато мыру побыва. Уже Сморо́дына ричка кровью взялась,—крывава ричка вже стала. Про́сыть отця й матери, шобъ отпустылы. Отець и маты кажуть: „мы диждалы тилько мочи; тебе хто небудь убье, та впьять будемъ мы сами". Винъ пишовъ до старыкивъ; думавъ шо старыкы потягнуть за нымъ; колы жъ и старыкы за отцемъ за матирью руку держуть. Винъ якъ ставъ коло могылы, а могыла преогромная и ричка коло ихъ текла, быстро бигла; такъ якъ торкну́въ ту могылу плечемъ, такъ вона якъ хляпнула,—та такъ и ричку перегатыла пополамъ, до́разу гре́блю зробыла, такъ вода якъ розлылась, та позатопляла скризь слободы и церквы́. Воны соглянулысь дружка на дружку, та до отця й до матери говорять: „треба отпустыть. Мабуть мы й за цилый годъ не загатымъ и не пропустымъ воды". А винъ такъ якъ гребнувъ рукою,—пропустывъ воду,—пишла вода впьять гулять, якъ гуляла; снаружи сталы церквы вже, значыть; вода збигла и слободы знаты... Пропустывъ воду,—впьять стала, якъ и була. Отець и маты по горсти сухаривъ далы въ сумочку и мать землы у вузо́лчыкъ навьязала: „якъ де́ воду пытымешъ, такъ вузолчыкъ умочышъ, тай пый". Попрощався и пойихавъ у чысте поле погулять.

Прыйизжае до бору. Выходыть двадьцять пьять чоловика розбойныка, хотять ёго вбыть. Винъ ихъ и думку знае, зачи́мъ воны идуть до нёго. Коло ихъ дубъ стоявъ недалеко. Винъ стрилу калы́нову пустывъ на дуба на того. Побыла на трыскы калы́нова стрила, пощепа́ла, на милки части порозмета́ла. Дубъ той упавъ до долу. Воны сталы навко́лишкы, та давай просыть: „будь ты въ насъ за старшо́го, колы ты такый воинъ".—„Я не съ тымъ, шобъ мижъ вамы за старшо́го буть, а я иду Соловья-розбойныка побидыть. А шо́, козацтво! пора вже перестать розбой розбывать! Пора перестать цимъ диломъ заниматьця! А вы́ якъ хазяинувалы спервуначала,—такъ и хазяинуйте. Вы не полагайте, шобъ я за старшого бувъ, бо якъ вернусь

[1]) То то́й чоловикъ удвое вже буде цину правыть.

назадъ, та стрилу пущу, такъ стрилою найду и въ земли васъ, бо я не хочу, шобъ вы розбойствомъ занималысь, а шобъ хозяйствомъ занималысь". Такъ воны якъ сталы,—такъ и розійшлысь урóзь по своимъ домамъ.

Винъ пойихавъ тоди до Соловья-розбойныка. За дванадцять верстъ пидъйизжае, винъ свыснувъ; кинь спотыкнувсь пидъ нымъ. Винъ по бедрахъ ударывъ ёго: „шо ты, псыне мьнясо, спотыкаесься? Хиба ты по лису не ходывъ? злыхъ звиру не боявся?—óтъ де спотыкнувсь!" Пидъйихавъ блыжче, пустывъ калынову сьтрилу. Калынова стрила у прáве око піймала Соловья-розбойныка:—тáкъ баньку й вы́вернула и гниздо звалыла и ёго зъ гнизда звалыла. Узявъ ёго, скрутывъ у-двое и увьязавъ у торокы на свого коня. А жени (Соловья-розбойныка) сонъ и прыснывся протывъ сёго времени (Соловьевій жени): „шо вы́дытьця, де взявсь орелъ и выклюнувъ тоби око праве". А винъ, значыть, не послухавъ жены, та на гниздо пишовъ.

Ставъ Илья Муровець йихать у Кыивъ до князя Владымыра. Ставъ йихать до Соловья-розбойныка двора. Просыть Соловей-розбойныкъ Илью Муровця: „зайидьмо до мого двора,—тамъ выпьемъ и закусымъ". А винъ и одвича: „можно", каже. А Соловьева-розбойныкова жена будыть своихъ сынивъ и зятивъ: „сыновья и зяти любезныи! Вставайте, берить срибро-злото, на тарилкы́ кладить и просить шобъ пустывъ жывого"—отьця ихьнёго, значыть. Сказано жена. А дочка старша вышывае коло викна, а меньша на двори гуля, бига коло викна и говорыть: „нашъ батюшка якого вытязя везеть у торокахъ увьязаного". А та шо вышывала, глянула у викно, и говорыть: „ахъ ты дурна! Якыйсь то вытязь нашого батюшку везеть у торокахъ увьязаного". Отъ ти зяти давай ратыща забырать, чорни шляпы надивать, хотилы ити воювать. Илья Муравець ды́вытьця шо не тá стать заходыть,—ударывъ свого коня по бедрахъ, такъ винъ повы́ше ли́са понисъ ихъ обохъ и Соловья и Илью Муравця. Пóлно зайиджать зеленого вына выпывать и закусувать! Спустылыся впьять, значыть, зъ горы на ныз.

Бытва завелась, вóинство [1]). Отъ винъ выдыть, шо мала сыла наша протывъ чужои, спросывъ Соловья розбойныка: „чи ты помочи

---

[1]) Бытва завелась, воинство зъ татарвою.

дасы“, каже „нечысту сылу звоювать?“—„Зъ дорогою душе́ю могу помочи дать. Хотьбы косьти мои росправылысь хоть трошкы“. Винъ ёго розвьязавъ и поставывъ на ногахъ уже. Той исъ тыи стороны зайшовъ, а той исъ тыи стороны забигъ, заразъ ихъ поглушылы. Наши воины давай просыть Илью Муравця, щобъ за старшого ставъ: „якъ булы́ у васъ старши,—такъ нехай и будуть, а я пойиду до князя Владымаря на дворець, Соловья розбойныка повезу на показъ. Я слыхавъ, шо князь Владымарь хлибосолный чоловикъ, прынимае людей пройизжающыхъ, пойить и кормыть; отъ и я пойиду до ёго въ гости“. Двиръ у ёго не зачыняетьця день и нощь. У ёго ще сыльныхъ, могу́щихъ багатыривъ двадьцять девьять чоловикъ, протывъ ёго молодьця нихто не справытьця, протывъ Ильи Муравця.

Винъ тоди прыйизжае у дворець до князя Владымаря. Стоить стовпъ, столитьній дубъ испыляный; дубъ родымый, значыть, у земли,—тилько спыляный пенёкъ, кильце́ управлене у той стовпъ,—може случытьця коня прывьязать. Прывьязавъ коня до кильця, та тоди вставъ съ коня, ажъ исъ коня мыло такъ клаптямы пада. Тоди ставъ до Соловья-розбойныка промовлять: „ты не будешъ у княжецькимъ двори?“—„Такъ“, каже, „якъ не прыйдетьця“. Такъ винъ узявъ и губы до кляка́ прыбывъ гвозьдямы у сидьли, а самъ пишовъ до князя Владымаря, прывьязавшы; безъ прося, безъ усёго, прямо иде. А князь Владымыръ у палатахъ, и тамъ у ёго сыльни могущіи багатыри. Винъ говорыть слузи: „Пиды, спросы шо́ за чоловикъ иде прямо? Розспросы, виткиля винъ е и шо за чоловикъ и зачимъ“. Винъ прыбигае до ёго, ставъ пытать: виткиля чоловикъ, якого ро́да и куды йихавъ,—зачымъ? „Я есть“, каже, „калика, отъ такого-то отця и матери сынокъ“.—„Ну, ступай икъ кнзяю Владымарю“. Винъ прыходыть. И князя и княгыню поздоровы́въ. Воны сталы роспытувать. „Добре вамъ роспытувать, ну тилько не добре розсказувать, шо я давно ку́шавъ; шо я давно йивъ; довжно буть трудно“.

Владымыръ заразъ, глядя по чоловику, веливъ подать пивтора пуда зеленого вына, пивтора пуда закускы. Винъ закусывъ,—тоди ставъ росказувать. Воны сталы роспытувать: „куды жъ ты йихавъ? Чы ты водою йихавъ, чы на калынови мосты прямо йихавъ? Тамъ Соловей-розбойныкъ не пусте“, каже, „я та́къ надіюсь“. Илья Муравець отвичае, шо „Соловей-розбойныкъ у мене въ торока́хъ увьязанъ“.—„Не повирю“, каже. Въ другый разъ сказавъ, шо „въ торокахъ увьязаный“.—„Не повирю“, каже. Въ третій разъ сказавъ. „Пошли́ть же посла́н-

ныка, хай подывытьця тай скаже вамъ". Пишовъ той сыльный могучый багатырь, подывывсь. Прыходе до Владымаря,—каже: „такъ! Увьязаный у торокахъ и губы прыковани до кляка",—„Ну, якъ бы жъ ты съумивъ такъ, шобъ винъ свыснувъ". „Добре. По вашому позволенію. Ну, тилько шобъ соболынни шубы надивалы обворотыть тило,—очи шобъ булы выдьни наружу".

Винъ пишовъ до Соловья-розбойныка, тоди одвьязавъ, губы одкувавъ, поставывъ на ногахъ, росправывъ ёго: „князь и княгыня велять, шобъ ты свыснувъ".—„Та та́къ", каже, „на щёсерце и свыстить голодному?!" Винъ и говорыть: „ну, шо́ жъ тоби заку́скы?" Дванадьцять пудивъ закускы и дванадьцять бочонкивъ зеленого вына представылы. Дванадьцять пудивъ закускы и дванадьцять бочонкивъ зеленого вына выпывъ и закусывъ. „Ше́ жъ цёго мало. Якъ бы ше́ дванадьцять пудивъ закускы и дванадьцять бочонкивъ зеленого вына".—„То́ вже буде, якъ заробышъ". Тоди повелы въ хаты князя и княгыню пидъ плече. Тоди винъ якъ свыснувъ, такъ сыльни могучи багатыри тилько-ти́лько шо жывеньки оста́лысь, а кони ихъ порозбигалысь.

Оставсь князь Владымыръ недоволенъ. Винъ же велывъ на половыну ротка й свыстить, а винъ на ввесь свыснувъ имъ. (Винъ) хотивъ поглушыть усихъ. Илья Муравець тоди прыходыть до Соловья розбойныка, вырвавъ столи́тній дубъ, узявъ ёго (Соловья-розбойныка) за крыло и давай ёго погонять тымъ дубомъ, кори́ньнямъ! Побывъ ёго, понивечывъ. „Оце-жъ тоби", каже, „уся й плата. Якъ бы́ ты бувъ послу́хавъ, то бъ тебе́ на цепу́ держалы та кормылы, а то́ зача́въ коверзува́ть". На землю перевивъ; чысто побывъ. Такъ княгы́ня розважыла князя: „винъ не выноватъ; винъ велывъ на половыну свыстка́ свыснуть".

Князь хотивъ оставыть коло се́бе Илью Муравця. А винъ и каже: „у ме́не есть отець и маты. Ище́ жъ и Соловья-розбойныка сыны́ есть; и ихъ, и ти́хъ треба, и зятивъ треба стребыть, шобъ не було́ розбойства ниде".

Оттакый-то Илья Муравець! Отця и мать пишовъ докормывъ и Господу Богу прыподо́бывся и са́мъ.

Про Мыколай-угодныка.

Одынъ укравъ пару коней у двохъ братывъ и пойихавъ тикать. И воны (браты) добулы у сусидъ по коню, тай доганять пойихалы. Пóщокомъ за нымы у сьлидъ выйихалы. И потрáпылы тыю дорогою, куды винъ пойихавъ, злóдій, у степъ. И вже стало выдать ёго. И вóръ увыдивъ. Оглянувся, що бижать уже сьлидомъ пóщокомъ за нымъ же. А винъ тоди, значыть, обратывся, та давай Мыколай-угодныка просы́ть, шобъ защытыывъ: Мыколай угодныкъ, скорый помóшныкъ! Закрый сей разъ. Не буду красты никóлы вже я! Поставлю тоби сьвичку съ кúньську ногу".

Мыколай угодныкъ являвсь икъ ёму. И требухá зъ вола лежыть передъ ны́мы тамже на дорози. Мыколай угодныкъ сказавъ: „розрижъ требуху, та вытрусы, та лизь у требуху швыдче, та тутъ схыстúсься. Отъ винъ розризавъ, вытрусывъ и полизъ у требуху и заховався.

Прыбигають браты ти два за киньмы. Подывылысь... Кони стоять, а нема никого. Самá тилько требуха лежыть пердъ киньмы. Отýтъ бы жы́сть кончылы, якъ бы догналы, ну нема. „А мáбуть нечыста сыла посьміялася зъ насъ", кажуть у двохъ, шо того нема, шо сыдивъ на конú", тай пойихалы до дому.

Тоди Мыколай угодныкъ сказавъ: „вылазь съ требухы". Винъ вылизъ. Насылу отдыхнувъ. „Трóхы не вмеръ", каже, трохы не задушывсь тамъ".

„Отáкъ-же",—каже (Мыколай):—„та сьвича, що вы съ киньську ногу станóвыте съ краденого, смердыть мини, покýдова згорыть".

1886 года.

Про Мыколая угодныка.

Панъ шисьтúрнею кúньмы прыйихавъ у Кыивъ Богу молытьця. На обохъ рукахъ, на всихъ пальцяхъ булы золотіи кольця. Пастырь высповидавъ ёго,—на престолъ схылывъ голову. Позьнимавъ (панъ) перстéни золотіи съ пальцивъ,—положывъ на престолъ. „Колы ты пожертвовавъ кольця на престолъ, такъ отдáй на ныщу братыю все иминыя свое, колы до царства небесного хочъ дойты".

Прыйихавъ до-дому,—ныща братыя прыходыла до двора. Ангелы хранытели исказалы: «ступайте до двора до такого-то,—панъ буде

роздавать худобу свою на ныщу братыю». Винъ свои иминыя роспредилывъ на ныщу братію. Коня одного оставывъ,—воды прывезты, дровъ прывезты для се́бе, значыть, щобъ на соби не носыть.

Пойихавъ винъ трудыться,—дровъ рубать для себе. Поставывъ коня у половыни ду́ба,—са́ме падать ёму,—на коня похылывсь прямо. Столи́тьнёго дуба зачавъ рубать. Кругомъ обрубавъ ёго, покы й упавъ на коня и вбывъ коня. Винъ тоди сокыру взявъ на рукы и задумався... А Господь и посыла Мыколая: «пойды ты, наймай на роботу, а то́ щобъ чого не здумавъ другого чого не́будь». Прыходыть Мыколай и къ ёму: «наймысь до мене на роботу».—«Що́-жъ у тебе робыть?» «Що заставлю,—те́ й робытымешъ».—«Такъ я», каже, «йисты хочу». «Потрудысься трошкы, такъ тоди й йистымешъ». Показалысь у сумочци у Мыколая угодныка ковбасы́ кильце́ (кусочокъ) и булочкы кусочокъ. «А-а», каже, «йисты хочу».—«Пидожды», каже, «до моря до́йдемъ,—та́мъ и потрапезуешъ».

Ото-жъ до моря дойшлы. «Вынимай ковбасу и булочку й трапезуй сидай». Винъ выньнявъ ковбасу й булочку и дума самъ соби: «насъ», каже, «двое, а тутъ и самому ничого йисты».—«Сидай, сидай», каже, «трапезуй». Винъ сивъ, потрапезувавъ: сы́тъ ставъ, и половынкы не покушавъ. Мыколай угоднықъ говорыть: «поклады-жъ ци кусочкы у сумочку впьять. Отъ ты говорывъ, що кажешъ, що́ тутъ йисты въ двохъ, а ты половынкы не покушавъ и сытъ ставъ. Помолысь Богу, та ступай за мною,—черезъ море пидемъ». Мыколай угоднықъ пишовъ на море: «ступай и ты», каже, «за мною». Панъ сомливается ступать на море, а Мыколай угоднықъ говорыть: «ступай. Якъ що достоинъ, такъ и ты пидешъ, якъ и я, Богу помолывшысь. Усе зробыться, якъ достоинъ того».

Увъ о́стривъ увійшлы,—лопатка лежыть securna: «подберы лопатку и копай. Що на́йдешъ,—твое буде». Копнувъ разъ,—нема ничого. Копнувъ у другый,—выкынувъ земельку саму. Втрете копнувъ,—бочонокъ найшовъ. Обчерпу́въ кругомъ,—вытягъ бочоночокъ. Посли сёго и дру́гый и третій, четвертый, пьятый, шостый, сёмый, во́сьмый, девьятый и десятый, одынадьцятый и дванадьцять бочонкивъ. Позбывавъ по обручыку, пооддына́въ,—дна́ повыймавъ,—подывывсь, що есть у бочонкахъ. Золото саме по всихъ дванадьцяты бочонкахъ. Ну, позадына́въ,—обручыкы понабывавъ. «Ну, ставай-же Богу молысь, то Богъ поможе, може, човнычокъ найты на берегу та веселечко». Винъ ставъ, Богу помолывсь прылижно. Побигъ назадъ бережкомъ. Найшовъ

човнычокъ и веселечко. Прыпливаеть икъ Мыколаю. Ото-жъ заразъ сказавъ Мыколай: «ставай,—Богу помолысь,—бочоночкы складай на човнычокъ». Ставъ, Богу помолывсь. «Ступай теперъ у човенъ сидай,—на той бикъ переплывай». Мыколая тилько й бачывъ. Мыколай уже не показувався вже тоди. Пишовъ соби на той бикъ моря. Сивъ и поплывъ.

Прыплывае до берега такъ якъ съ двое гинъ: «надувъ», каже, «мене Богъ,—надую й я Бога». А човнычокъ хыть-хыть, бочоночкы булькъ-булькъ,—вси попадалы у море. Попадалы вси дванадьцять бочонкивъ; выкотылысь у море исъ човна. Прыплывае до берега. И Мыколай угоднықъ стоить тутъ на бережку вже. «А-що», каже, «надувъ Бога?! Ставай-же навколишкы, та Бога просы, щобъ повыкочувалысь бочоночкы зъ моря». Винъ ставъ навколишкы,—ставъ Бога просыть. Повыкочувалысь бочоночкы вси дванадьцять на бережокъ.

Являеться звощыкъ икъ нёму изъ верблюдамы; ангелы усе булы; и верблюды й тó ангелы. «Отъ, нанимай», каже Мыколай угоднықъ, «договоряйся. Бочоночкы забере и тебе одвезе до-дому. Та гляды щобъ ты роздавъ на ныщу братыю, та на церквы́. Для чóго воны тоби здалысь? Оставъ часточку для пропытанія, а всихъ не держы коло себе». Бочоночкы склалы на хургонъ; винъ сивъ и заснувъ на хургони. Прывезлы до-дому. Ото-жъ Ангелъ Хранытель заразъ помигъ знесты бочонкы у комнаты; и ёго знеслы,—сплящій бувъ,—крипко заснувъ; выморывся, значыть. На лежанци положылы сплящого, а сáмы пидьнялы́сь на óболокы.

Панъ проснувсь. Глянувъ,—бочонкы стоять коло лежанкы. Глянувъ,—мы́ра стоить много коло двора вже. Винъ два бочонкы вынисъ. Избывъ обручи,—давай роздавать на мыръ Божій, одиднýвшы золото. Пивтора бочонка роздавъ на мыръ Божій, а половына бочонка для ёго пропытанія осталась. А ти́ десять бочонкивъ роздавъ на манастыри та на церквы́, щобъ за ёго Бога молылы. Имьня ёго завелы въ кныгы. Покы свитъ соньця,—буде чытанія про ёго.

Такъ оттаки́ колысь булы паны!.. Не таки́, якъ теперъ...

Про Мыколая угодныка.

Въ Ерусалымъ йихавъ Мыколай угоднықъ и Арій посли Мыколая йихавъ. И попросывъ Мыколай угоднықъ у чумакивъ воды на-

пыться. А чумакы-то погрузлы у перекалку въ большому, такъ Мыколая угодныка просылы, щобъ пособывъ. Такъ винъ звеливъ кучерю повыпрягать коней, а самъ помочи пишовъ давать чумакамъ. А Арій поодрубувавъ головы конямъ Мыколаевымъ. Винъ думавъ, що спыть Мыколай, а Мыколай трудыться коло чумакивъ, Бога просыть.

Мыколай угоднык попросывъ Господа Мылостывого: Господь давъ сылу воламъ вытягты зразу. Сьвичокъ нескилько пообищалы поставыть Мыколаю угоднику (чумакы), чы можеть деньгамы далы. Воны-жъ не зналы, що Мыколай угодныкъ,—думалы що пройижджающый, та й подавалы на сьвичи въ Ерусалымъ Мыколаю угоднику. Винъ же сказавъ кучереви: «иды запрягай коней», а Арій поодрубувавъ головы конямъ. Кучерь пишовъ, ажъ тулубы стоять, а головы лежать. Мыколай угодныкъ звеливъ прытулять головы: «яку до якои прытулышъ, запрягай мерщій, бо Арій вже пойихавъ». Зъ чорного до билого прытулывъ, а зъ билого до чорного прытулывъ и поробывъ рябымы киньмы, що не пизнае Арій, чы то пройихавъ Мыколай.

Пытаеть Арій кучеря: «чы не пройихавъ Мыколай?»—«Та куды ёму пройихать, колы поодрубувалы головы конямъ». Богъ велыку сылу иміе. Ничого и Арій не зробывъ протывъ Мыколая, та протывъ Бога. «Пройихавъ хто ёго зна хто такый рябымы киньмы». У Мыколая вороный бувъ та билый та саврастый, кажеться, а то вже сталы рябі. «Тройкою киньми пробигъ, такъ не Мыколай», каже, «я того кони знаю». А теперъ рябымы уже: чорный зъ билою головою, а билый съ чорною, а саврастый якъ бувъ,—такъ и йе, та чорна голова на билому, а била на чорному.

Колы прыбигають, ажъ винъ уже отдавъ деньги на сьвичи, помывъ рукы, Богу помолывсь и на службу ставъ. Кадильныцею вже пишовъ кадыть по церкви. А Арій ставныкомъ пидсмалывъ ёму бороду. Господь сказавъ: «будь-же ты трыжды проклятъ отныни и до вика!» Черезъ то, що не смій трогать, колы вже на службу ставъ.

1886 года.

Палій Семенъ подавсь на острова. И Петро первый подавсь на острова, и Штохвиль.

Царь Петро первый ишовъ черезъ нашу слободу у жныва саме. Моя маты тоди гралась съ диткамы; значыть бильша видъ тыхъ ди-

тей; на писочку гралась, значыть, дитвора, а бабуся моя хлибъ пекла;—тоже, значыть, оставалась дома. Ото Петро и пытае: «де та дивчонка зъ тыеи хаты, що обидать варыть, та хлибъ пече?»— «Я», каже, «съ тыеи хаты». Вынимае цилковый и дае тій дивчынци моій матери, значыть. «А запыску несы-жъ», каже, «до матери, щобъ несла до Штохвиля, до свого пана и немедлено. До барына щобъ понесла и подала. А барынъ бувъ строгый такый, що женщыни низя й доступыть и до двора! Воны дывляться въ викно: бабуся вже вбралась и стала несты,—колы дывляться въ викно,—стоить исъ шаблею и пишовъ; заразъ на дверяхъ запысавъ запыску, ту́-жъ са́му и на воротихъ. А бабуся пишла стала на воротихъ, взяла паперу между пальци и цилковый,—стала на вколишкы. А винъ крычыть на лакея: «пойды, што́ за вѣ̆дьма стойть? Што́ вона держыть?» Выходыть лакей, узявъ понисъ до барына запыску и цилкового. Винъ тоди вскрычавъ: „ступай сюды до окошка поблыже“. Воны пидийшлы. Винъ кынувъ цилкового: „это дивчонкы дано цилкового гостынця. Ступай“, каже. А самъ пишовъ до воритъ. Та́-жъ запыска саме напысана на воротахъ. „Подавай лошади“, воскрычавъ, „и сычасъ!“ Сивъ, побигъ у погонь, та бильше й не чулы. Либо мижъ запорозьцямы. Ма́будь мижъ запорозьцямы: Што́хвиль, царъ Петро и Палій Семенъ. Сорокъ тысячъ запорозьцивъ йе й теперъ.

—

Я говорывъ Кырылу Пашковському: „тоди Петро третій бувъ царь, а не Петро первый“; Пашковськый каже: „ни, Петро первый. Петро первый, кажуть люды“.

Не хвалысь.

И давно́ сказано: не хвалысь!.. Не хвалысь хвальный хва́льнощу, а мудрый мудрощу, а багатый багатствомъ!.. бо Господь вра́зъ все те одбере́ть!.. Господь хвастунивъ не любыть!..

Не хвалысь хвалный хва́лнощу,
А у́мный у́мнощу,
А му́дрый мудрощу,
А сыльный сылою не хвалыся,
А лучче Богу молыся.

Ота́къ-то!..

Дытячи забавкы та гры усяки.

Зибрани по Чыгырынщыни кыивськои губерни.

---

1. **Тарахкотёльце (торохтельце, торохтильце).**

(Зъ гусячои шыи).

Роблять тарахкотёльце за-для малыхъ дитей изъ гусячого горла. Робыть будли хто: найбильшъ той, хто забавляе малыхъ дитей, або той, у кого ихъ багато йе. Часомъ и на подарунокъ чужій дытыни роблять. Роблять такъ: якъ зарижуть гуску або гусака, выймуть изъ неи горлянку. Така вона якъ хрящыкъ, довга и дудочкою дило. Зъ одного краю товща, а зъ другого тонча. Вкынуть у неи сухый горохъ—горошынъ дви, тры. Тоди ту дудочку зигнуть у бублыкъ, застромывшы тончый кинчыкъ у товщый, тай покладуть на комини (бо тамъ не дуже гаряче и тепло), шобъ зисохлась. Якъ зисохнется черезъ день два, тоди беруть у рукы и тарахкотять. Малымъ дитямъ дають его въ руку, то воны не тильки граются нымъ и радіють, шо воно торохтыть, а ще беруть ёго и въ ротъ соби, бо диты, шо не попадуть у рукы, то у ротъ тягнуть—найгиршъ тоди, якъ зубы у ихъ рижутся; а кажуть, що кращи зубы выризуются, якъ диты цей бублычокъ грызуть.

Гусей теперъ мало въ кого поводытся, то й забавка ця не дуже часто попадается. Частій вона у Васылькивщыни поводытся.

2. **Торохтёло.**

(Зъ свынячого пузыря).

Якъ рижуть у-осены кабаны, бо тоди усе ихъ колють, то диты уже й ждуть, колы-то имъ дадуть пузыря зъ кабана.

Сечь зъ ёго выпустять и дають дитямъ. Хто иншый, якъ браво вычыстыть, то складае сало-здиръ, шобъ довше глядить его можно було у-литку, бо воно (пузыреве сало) годытся и на ликы одъ усячыны. А хто, то выкыдае пузыря и на двиръ. Бильшъ же того, що оддають дитямъ. Диты беруть ёго и у гречаному попели мнуть. Якъ добре вымнуть, винъ ажъ билый стане. Якъ добре вымнуть, тоди управляють у его въ ту саму дирку, кудою сечь йшла, дудочку, мицно увязують іи въ пузырь, щобъ духъ не проходывъ, и надымають, покы винъ ажъ трохы не лопне. Вкыдають тоди кризь очеретыну (дудочку) горошынъ скилько, або бляшычокъ и добре ще надмуть, а тоди, де саме вправлена дудочка, заразъ за нею мицно завьяжуть, щобъ и кризь дудку вже духъ не выходывъ. Положать на комынь и ждуть, покы засохне пузырь. Засохне, беруть у рукы за дудочку и торохтять. Ти горошынкы, або бляшечки торохтять, брязкають, або бубонять; диты мали дывлятся, забавляются, плакать перестають, потимъ сами у рукы беруть пузыря и зважуются й соби торохтить. Бильши диты бигають, радіючы, що торохтыть, а меньши, сыдячы торохкотять. Усе-жъ таки забавка воно йе дитямъ. Йе, що й на базаръ выносять продавать таку забавку, и люде й купують. Теперъ повчылысь ще й розмалёвувать торохтёла ціи. Де-хто й зъ дерева выточуе таки торохтёла и на продажъ выносыть.

3. **Деркачь (деркотёло, деркало).**

Деркачь роблять зъ валка або баранця, хвирточкы або драбынкы, та зъ язычка або трыщиткы—усе це деревьяне. На валокъ беруть такый круглый оцупочокъ завдовшкы зъ пядь; зъ вершокъ у розризи за втовшкы. Зверху цей оцупочокъ заризують, таку зарязку або чопыкъ роблять круглу не велыку. Зъ другого краю зарызують зарызку довшу, щобъ у руци за неи

можно було державы; а середына не зменьшается, а тильки уздовшъ по ній одынъ коло одного вырizуютъ зрубыкы, такъ якъ на колищати коло машыны. Якъ готовый валокъ цей, злагожуютъ хвирточку. Уперэдъ зробыть дви дощечкы—у-бильшкы зъ палецъ— и въ тыхъ дощечкахъ (воны не шыроки—не шырше пальця) та попроверчуваты однаково на далечыну одну одъ одной по чотыры дирочкы на кожній. Тры зробыты (краще продовбаты) на вуглы, щобъ угласти булы на кожній дощечци, а по одній зъ краивъ кругли щобъ булы. До цихъ двохъ дощечокъ выготовыть ще тры, коротчи одъ ихъ, але ривни—одна за одною дощечкы, на шырыну трошкы вужчи одъ тыхъ двохъ. Якъ разъ посередыни на кожній вырizать таки й тутъ вугласти дирочкы, а край зарizать зъ обохъ кинцивъ (чопыкомъ дило й тутъ) на кожнои такъ завбильшкы и завтовшкы, щобъ якъ разъ прыпустыть, щобъ щильно увійшлы воны у вугласти дирочкы першыхъ двохъ дощечокъ. Ци тры дощечкы заразъ и позакладаты у ти дви дощечкы (тильки ще не прыбывать гвоздкамы, покы геть не складена уся буде заготовка). Повставлять ци тры дощечкы у перши дви такъ, щобъ ти дирочкы угласти, що по одній у кожній въ трехъ дощечкахъ, та булы якъ разъ одна проты другои. Воны, якъ колы, то роблятся и трошкы продовгувати, щобъ шыршый язычокъ можно було затягты у ихъ (въ уси тры разомъ). Це й буде хвирточка уся. Наостанци треба выготовыть до миры тыхъ трёхъ дирочокъ, що у хвирточци ще не закладани, и язычокъ такый, або трыщитку. Язычокъ—це просто дощечка выстругана, зъ одного краю потовстувата, а зъ другого потонкувата, и на самимъ кинци така завтовшкы, щобъ улазыла у яркы межъ сами зубци на баранцеви, за кожный шрубъ на валку, бо тамъ йе зрубчыкы таки. Якъ затягты цю дощечку у хвирточку, то ажъ тоди вже вкладать у ти дви кругли дирочкы першыхъ двохъ дощечокъ и валокъ, поставывшы ёго державномъ у ныжню дощечку. Якъ усе гараздъ прыпустыть, то тоди ажъ попрыбывать, позаплишувать уже добре, навикы, ажъ у симохъ мисцяхъ хвирточку, щобъ змицнена була, якъ разъ по кинцяхъ трехъ дощечокъ (буде шисть гвоздкивъ, або плишокъ) и на одному кинци, на товщому, язычка—семый.

А вкладеный валокъ самъ тоди не выпаде и винъ упускается на выльготи, слободно ходыть у диркахъ. Ажъ нарешти вже брать рукою за держално и выхать, крутыть кругомъ валка хвирточкою усіею. Язычокъ объ зрубчыкы зачипается, якъ хвирточка обкручуется на валку, и дуже дерчыть. Швыдче вертить хвирточкою кругомъ валочка, то дужче и дрибнише дыркотыть язычокъ объ зрубчыкы. Цей деркачъ—и мали диты и пидлиткы вже—дуже люблять. Люблять и робыть ёго. Люблять и граться нымъ. Вивчари роблять ёго бильшого, щобъ дужче дырчавъ. Пастухы ёго носять зъ собою, щобъ лякать нымъ и овець. Стануть куды вивци звертать и бигты, то пастухъ задерчыть нымъ и вивци заразъ стануть, дослухаются, що воно таке це дерчыть. Пастухъ тоди и встыгне добигты до ихъ и завернуть куды треба. А дытына мала, хочъ якъ роскрычытся, задерчы—перестане. Деркачъ цей зветься ще й трещиткою, деркотильцемъ.

4. **Вуркало (вуркотёло).**

(Зъ свынячои, або зъ баранячои кисточкы).

Якъ заколять свыню, та або якъ рубають ногы на холодець, або якъ уже на мясныцяхъ йидять солоныну, то находять таку кисточку («подобну»)[1]. Вона йе и въ баранячыхъ ногахъ. Отъ іи якъ обйидять, обсмокчуть, то покладуть на коминъ, щобъ засохла добре. Ця кисточка—вона зъ обохъ кинцивъ колинця мае соби однакови и черезъ те й пидхожа на вуркало. Посередыни цеи кисточкы прокручують чымъ небудь дирку, таку завбилшъ, якъ у горлатимъ решети. Потимъ зъ пряжи зсукують мицный мотузокъ аршынъ зъ чверткою удовшкы або що, щобъ два разы можно було протягты ёго у ту дирочку, що въ кисточци. Найбильшъ мотузокъ сучать зъ вовны, бо така мотузка дужче звукъ дае, голоснише, якъ уже вуркотыть на вуркали. Протягать мотузку треба такъ: ущылыть край мотузка у дирку, що въ ки-

---

[1]) Пидхожу.

сточци, и протягты до половыны, не бильшъ, а тоди цей самый же край обвесты по-за кисточкою, та протягты у ту саму дирочку, тильки зъ другого кинця, и звьязать обыдва тоди кинци до купы. Тоди надить петли зъ обохъ краивъ на пальци зъ одного краю на одну руку, а зъ другого на другу и, не дуже натягаючы, махать кругло по мотузку кисточкою. Мотузокъ скрутытся, трохы не до пальцивъ,—тоди потягты цупкишъ мотузку въ рукахъ и тильки що натягты, щобъ не вспила и стать, заразъ попустыть; та й знову не дать ій стать и заразъ же й тягты, то натягать то попускать усе,—а вона то роскрутытся то закрутытся, то роскрутытся то закрутытся, и такъ довго, покы завгодно іи то натягать, то попускать, то скоришъ, то повагомъ, а вона все вуркае, вур-вур-вур-вур... И дуже, на всю хату стане вурчать; зъ вовны мотузка ще дужче буде вурчать. Дитей малыхъ усе пидманюють цею забавкою, щобъ не росплакалось, а пидросткы то й сами цею цяцькою забавляются. Мотузка, якъ перегорыть, що дуже нею труть, то друга й наготови вже буде... Бува до языка котре попробуе прыторкнуть мотузокъ, якъ саме вуркають,—то ажъ дрыжака схватыть, такъ пройме по тили людыну.

5. **Вуркало (гудокъ).**

(Зъ дерева).

Йе вуркало зъ деревыны роблять. Узять такыйципокъ и зробыть зъ его довге пужално. Тоди узять дощечку зъ соснынкы, або будь-ли зъ чого и выстругать гладенько. Дощечка зъ пивъаршына, або бильшъ щобъ була. Не шырока—ушыршъ пальцивъ у два, або й у тры. Тоненька—утончъ трохы товща одъ соломыны-цивкы, бо якъ товста—не буде дуже вурчать. На ій зробыть у краи заризку; та добрымъ мотузкомъ звьязать іи за заризку зъ пужалномъ тымъ за шыйку, а тоди й вертить, пиднявшы въ гору дощечкою, кругомъ пужална у воздуси, то дощечка крутытся й вурчыть такъ само, якъ и зъ кисточкы вуркотело,—тильки дужче. Це вуркотёло диты швыдче роблять, бо його зробыть легше, колы-жъ у хати нымъ гратьсяне дають, бо й тисно, й киптягу пиднима велыку дитвора, якъ нымъ грается.

Горобцивъ имъ добре обгонять коло пашни, або коло садка. Ставлять у пашни, то витеръ самъ нымъ гойдае й птычокъ лякае. А якъ хто зъ дитей стереже пашню, то саме воно бигае зъ вурко̂томъ цимъ, та й вуркотыть. Горобци чують, та й злитають зъ пашни. Такъ само и въ садку ягоды стережуть.

6. **Пукалка** (**стрелька**).

(Зъ дерева).

Зъ бузыны, або зъ калыны выриже цивку товсту. А въ середыни бузына й калына—порожня деревына. Якась потеруха тамъ замисць середовыны деревьянои. Ривну таку цивку выриже одъ колина до колина. Завдовшъ у пьядь, або й у пивторы; зъ середыны выпхне тоненькою палочкою зъ мицного дерева ту потеруху зъ цивкы и добре вычыстыть. Отъ дудка ця уже й готова. До неи ще треба штомпиля та клочча (перепрядивъ). Штомпиля робыть зъ ривного, мицного дерева (ясеныны, або що), палочкы, довшои одъ дудкы на цилу долоню. Цю палочку—товщу трохы одъ дудкы, покы у рукы взять, зоставля, не зменчуе, а дали вже зариже и выстругуе потончъ, щобъ якъ разъ у прыпорціи увійшло въ дудку. Клочча въ хати йе багато, якъ прядуть, и воно ричъ не шкидна въ хазяйстви. Его треба помочыть, щобъ вохке було добре. Увирве его трохы, пожуе въ роти, щобъ змицныть дужче, та тоди й упыхае у дудку штомпилемъ, такъ якъ разъ якъ у рушныцю клейтухъ. Допхае до краю дудкы, та й стане. А треба, щобъ тисно йшло клочча у дудку, це буде «куля». Тоди другу «кулю» зъ клочча тежъ тисно пхае штомпилемъ у дудку. До половыны допхае та й покыне такъ. Це вже пукалка заряжена. Отъ, якъ хоче кого злякать, або похвастать передъ кымъ (диты передъ дитьмы частій), то мыттю пожене штомпиль до краю и не допхае, якъ перша «куля» выскочыть и хлопне, выскочывшы. Пукае часомъ и дуже такы чутко,—нарошне за-для цёго и добырають и дерево лунасте (кленыну) для дудкы; а якъ изъ бузыны роблять дудку, то выскаблюють дуже и высушують, щобъ одляскъ йшовъ.

якъ пукне пукалкою:—луна щобъ ажъ пишла! Така пукалка и дорожша одъ нечуткои. Разъ стрелывшы, глядыть, де «куля» впаде. Знайде и за-друге іи заряжае; а якъ пропала, то перéпряды у пазуси готови на другу,—новеньку «кулю». Цилятся попасты у що небудь. Часомъ и викно бувае выбье, часомъ и сыняка набье кому. Тымъ-то цю забавку зъ хаты выряжають часто. Маленьки диты до неи не дуже лыпки, а вже бильши, то черидкою за пукачемъ ходять и кожне просыть дать и ёму пукнуть. Штомпиль треба, щобъ бувъ на одну кулю коротчый одъ дудкы, бо обыдви будуть кули вылитать, якъ ривный буде, и не стрилятыме.

7. **Сцыкавка (спрыса)** [1]).

Такъ само робыться якъ и пукавка. Тильки штомпиль на кинци не зризуется, а ще краще и щилнище прыпускается у дудци и насылу въ дудци ходыть. А якъ слабко, то й прымотують або ганчирочкою, або перепрядамы. Штомпиль, де рукою брать, товщый одъ дудкы трошкы, а те, що въ дудци, те выстругуется слабко, а вже кинчыкъ штомпиля (винъ не довгый—зъ наперстокъ чоловичый удовшъ) то якъ разъ у щерть прыпускается. Отъ, упхне увесь штомпиль у дудочку, устромыть у воду (часомъ у кухли й носыть за собою) и тоди тягне штомпиль назадъ, а вода й набывается у дудку. Дотягне до половыны дудкы, або и бильшъ, та й стане. Це вже сцыкавку зарядывъ—щытать. Отъ, якъ хоче посмишыть усихъ—то нажме на штомпиль у передъ дуже, прометтю. Вода сцыкне на кого влучыть. Хто сміется, а то й плаче, якъ попаде водою. А вси, кого не впопавъ, регочутся: «а ну ще!» «а дай я!». Усякъ зацикавлюется сцыкавкою. Покы ажъ набрыдне нею забавлятся. Малымъ дитямъ вона й вовси не играшка. Частишъ роблять дудку зъ чопыкомъ на кинци (пробкою), а въ чопыку якъ разъ посередыни дирочку, якъ шыломъ прокрутыть. А штомпиля (шпиня) краще робыть зъ заризкою на кинци

---

[1]) У Сквырському повити.

и намотувать прядывомъ. Зъ бугелы дудку ще краще брать, бо тамъ йе готове колинце (пробка)—провертить тильки дирочку.

8. **Швыгалка**.

Налиплять на палочку, таку завтовшъ якъ зъ ликоть, смолы, наобдераають коло колесъ, якъ возы стоять. Та гарно оброблять, выважать у руци, щобъ ще й замашна була. А тоди по черзи и швырляють въ гору дитвора. Хто выще выкыне, усе добываются. Або й нызомъ, хто дали закыне. Хто зъ усёго гурту найвыщъ и найдальшъ кыдавъ, тому завыдують и той самъ погоржуется. Усякъ соби хоче кращымъ буты.

9. **П р а щ а.**

(Зъ реминякы).

Ремишу таку пошыють калытку наче. До неи до дна прывьязують мотузокъ, або й ремінчыкъ. У неи (у калытку тую) кладуть круглый, браво оброблений каминчикъ. Замотавшы край ремінця за руку мицно, розмахують калыткою зъ каминцемъ и якъ уже выважывшысь добре, швырляють у-передъ, або вгору. Каминець зъ пращи дальше буде летить. Тильки тутъ треба мытця доброго, бо не всякый це й зробыть. Треба зловчуватьця упередъ. Кажуть, якъ хто, то й птыцю на литу дожене нею—тильки треба дуже щилно, щобъ прыйшовся въ пращи каминець. Реминчыкъ, бува, накручують на руци на ливый бикъ, якъ хотять роскручувать на правый бикъ. Якъ роскручувать, то каминець ще буде держатся въ пращи, бо винъ тисно въ ній упхнутый, а вже якъ до краю розмотается реминчыкъ, та якъ сипне добре, то каминчыкъ тоди вмыть вышвыгнется и далеко долетыть и дуже вдарыть. Зручъ такъ не швыгне нихто.

10. **П р а щ а.**

(Зъ дерева).

У палыци, у замашній, одъ половыни іи, вырізують ярокъ. У ярокъ цей вкладають круглый, браво оброблений каминець;

кладуть у ярку одъ краю ярка, що въ середъ палыци почынается. Метко треба махнуть палыцею, щобъ каминець вмыть посунувсь, або покотывсь по яркови тому; и вже якъ выскочыть зъ ярка, то щобъ летивъ куды направлено зразу ще. Хто не зважытся, то й тутъ не гараздъ швырне, а хто зловчытся, та ще й удаль до того мае, то такъ метне, що й окомъ не скынешъ,—такъ каминець той пиде швыдко й далеко. И заздрощи беруть, якъ хто уміе нымъ гараздъ орудувать.

11. **Дзыга (веретено).**

Выробыть зъ доцечкы колесце—у краяхъ воно тонче, а до середыны усе товще робытся, шобъ мицнище и легше воно було. Якъ разъ посередыни колесця выдовбують дирочку—краще якъ вугласта буде, бо не такъ швыдко въ ій стане повертаться веретено. У цю дирку й уроблюють таку палычку, чысто, якъ веретено: зъ одного краю тонча и все товщъ иде ажъ до другого кинця, а пры самому кинци закругляется другый край и трошкы стончуется. Саме де найтовщи, тамъ прымиряется до диркы и щилно прыпускается у колесци на самымъ товщимъ мисци и прыплишуется мицно, щобъ не спадало. Писля цёго узять мижъ долони довшый край, здавыть добренько долонямы и потягты одну у-передъ, а другу назадъ; тильки швыдко потягты долони и пустыть дзыгу до долу, або на пилъ, чы й на стилъ, де ривного багато мисця,—то дзыга тоди закрутытся дуже, стане на мисци и вертытся соби, та гуде на всю хату, якъ велыка. Чымъ дужче потягты долонямы и чымъ жывише пустыть іи, тымъ краще завертытся вона и дужче загуде. У хати вси прытыхнуть, та слухають іи и дывлятся на неи. Бильши диты сами соби пускають дзыгу, а меньшымъ бильши пускають. У хазяйстви и ця играшка якъ колы корысна. За верхній край прывьяжуть нытку, або й мотузокъ, та й сучать: дзыга крутытся и нытку зсукуе. Черезъ це іи звуть и веретеномъ ще.

12. **Дзыга-играшка.**

Ще роблять инчымъ способомъ дзыгу: беруть оцупочокъ деревьяный, оброблены на чотыри вуглы—товщыною у вершокъ,

або що. Недалеко одъ краю вывирчують дирочку такы велыченьку, просторну и круглу. У-пилъ пошты менчу провирчують дирочку зъ боку, якъ разъ, щобъ середына іи стрилась зъ середыною першои диркы. Одъ цихъ дирокъ одступыть трошкы и геть оцупочокъ той застругать, абы въ руци добре ёго держать було. До цёго ще треба зробыть и шапочку таку. Половына верхня щобъ була шыриченька и товстенька и уся кругла—якъ и шапка бувае, а одынъ бикъ тупый заризуется и якъ разъ середына палочкы зоставляется и загоструется, щобъ увійшла у ту бильшу дирку и достала наввылитъ, а шапка, щобъ була уравни на товщыну зъ оцупочкомъ, де диркы саме продовбани. Кинчыкъ шапочкы—шпонька, загоструется и закруглюется, щобъ гарно було окручуваться; якъ закрутыть іи. А щобъ закрутыть іи, то увесь пошты цей кинчыкъ, уся шпонька, сказать, умотуется у мицну нытку, або въ шпагатыну, въ дратву, або що, до́ты, абы слабко такы увійшла у ту ширшу дирку. А першъ, якъ укласты іи сюды, то той край, що недомотаный на шпоньци (зъ пьядь удовшкы) кризь велыку дирку прошыляется у правый бикъ меньшои диркы (або у ливый—якъ хто хоче) и протягуется, а шапочка уже потимъ уставляется, заразъ за цею ныткою. Якъ слабко намотано на шпонци, то зверху за шапку крутять, щобъ ще пидмотать, а якъ туго, то одкручують назадъ, то воно й послабша. Стане у прыпорціи саме, тоди за той кинчыкъ, що высыть зъ маленькои диркы, шарпнуть добре и швыдко, спустыть до-долу, або на яке друге ривне мисце, шапочку зъ оцванка того. Мотузочокъ у руци зостанется, а шапочка на шпоньци буде якъ несамовыта вертиться и густы, дзызчать. Дзызкотыть довго.

Цю дзыгу диты довго запускають, бо іи легше запустыть, якъ ту, що прядуть на ній. И чогось краще люблять іи. Оцю шапочку на шпоньци уміють у пальцяхъ закрутыть и пустыть по ривному крутыться,—колы-жъ це не такъ нравытся, якъ запустыть іи ныткою. Тыеи-жъ дзыгы, що ото зверху ривна, а одъ горы усе у ныз круто загоструется, що ото батогомъ іи ганяють попередъ себе на земли,—то не люблять. А кацапчукы по городахъ дуже нею потишаются.

13. **Журавель (клацалка).**

Выготовляють доще́чкы удовшъ зъ пивъ-аршына, шырыною пальцивъ у два, и тоненьки, якъ у пивпальця одного. Хто хоче бильшого журавля, то тоди и дощечкы бильши; а хто меньшого, то меньши й дощечкы. Дощечокъ треба найменьшъ зъ десятокъ, а то й зо два,—то буде довшый и хымернишый. У кожній дощечци робытся тры дирочкы—уси щобъ до миры ривни булы и на однаковимъ мисци одна одъ однои булы. Перши дви дощечкы роблятся зъ держалнамы (трохы довши будуть одъ усихъ), а останни на кинцяхъ зарублюются фигурамы усякымы—найскоришъ птычымъ, журавлевымъ носомъ. Якъ выготовлени будуть уси дощечкы, то тоди збывать ихъ у порядокъ: перши дви на охрестъ посередыни сбыть; такъ другу, й третю и останню. Выйдуть наче перехрестя накосыну́. Тоди одно перехрестя прыкласты до першого—кинци до кинцивъ и збыть по дирочкахъ, до другого—трете и такъ до останнего. Останне повернуть носамы впередъ. Позбывать на дирочкахъ на-ослаби. Якъ узяться за держакы рукамы першого перехрестя, та рознимать ще дужче, то вси палочкы збижатся до купы и буде таке, якъ гармонія на●с. Отъ и носять ёго за пазухою диты. Якъ треба кого злякать, або ущипнуть, щобъ не догадався й звидкы ёго й зачипають, то вытягнуть ёго и за держална жыво прыдавлюють, наче до миста ихъ зводять,—то уси перехрестя такъ и стрыбнуть упередъ и носамы остани клацъ кого-небудь. Щобъ смишнишъ було, то норовлять клацать за носа кого-небудь, або за чуба. Дивчатъ за косу. Диты мали довго боятся ёго у рукы браты, ажъ покы то обизнаются зъ цяцькою цею и обсмилятся нею и другыхъ лякать, хто ще неляканый нею бувъ.

14. **Пылыцыкъ.**

Зъ деревыны выробыть, якъ хто зъуміе, чоловика завбильшъ хочъ и въ цилый ликоть. У пузи провертить дирку, забыть у неи килокъ, у другимъ, тупимъ краи, трохы плысковатый, и въ цимъ кинци продовбать дирку угласту и вкласты въ неи и прыплишыть

гараздъ деревьяну пылку. Іи легко зробыть. Вкладать однымъ кинцемъ и повертать зубцямы до чоловика, а другый край пылкы, що внызу,—треба тежъ застругать и на його надить и прыплишыть мицно булаву зъ дерева—такый одризокъ. Треба добырать до сылы чоловика и булаву, щобъ выважено було добре. Оце й готовый пыльщыкъ. Щобъ винъ самъ соби пылявъ, ставлять на лаву, або на пилъ зъ краю, щобъ ногамы стоявъ на лави, а пылкою спустывся нызче лавы (черезъ це й пылку роблять у-двое довшу одъ чоловика). Тильки погойднуть за пылку, або за голову цю забавку,—вона й почне хытаться на ногахъ и все хытаючысь выляе. Хто зважытся робыть ци пыльщыкы, то вже такъ уважыть зробыть, що разъ похытнуть, а винъ и не перестае, та все пыляе, Тильки хто його ставыть—уси диты заразъ и збигаются дывытысь на його. Прыкладають пальця до пылкы, чы дуже пыляе пылка,—доты заглядають до його, покы й звалять. Тоди знову його направляють. Переносять його съ хаты въ хату, де йе диты, и ще й тамъ позабавляются, покы й разломають. Йе що ще й люльку въ зубы вправлять пыльщыкови. Усякъ його обквичують, обмережуютъ, щобъ такы й дывытысь було на-що.

15. **Ковали.**

Треба робыть у самый передъ двохъ чоловичкивъ-коваливъ, бо це саме найтруднише браво выробыть. Хочъ одъ такыхъ забавокъ ножамъ и лыхо, та проте нихто не вборонюе дитямъ брать ноживъ на це дило, хиба дуже ще мали диты. Але покы пальцивъ не пориже, дóты не вмитыме й мастрювать. А кортячка бере кожного, щобъ выробыть якъ найкраще. Зроблять коваливъ и звисно зъ довгымы ногамы, шыроко розставленымы,—заразъ выстругують дви, на чотыры ривни вуглы кожну, дощечкы, або палочкы, якъ отъ у школяривъ графчыкъ. Бильшъ пьяди довшыною, щобъ булы якъ хочется не велыкыхъ коваливъ. Хочъ и ривни ци квадратыкы, але складать ихъ треба не ривно одынъ на другому. Треба одзначыть на одному стилько, якъ рукою взятся, и на другому стилько само; отъ тоди й покласты одынъ на одынъ и втулыть мижъ ногы обомъ коваламъ и попрыбывать цвяшечкамы

деревьяными зъ однои ногы у другу той и другый квадратыкъ. Такъ и въ другому ковалыкови. У ногахъ мицно позаплишувать гвиздкы въ усихъ чотырехъ (або й у восьмы мисцяхъ), а у квадратыкахъ—въ усихъ чотырёхъ мисцяхъ буде на-ослаби гвиздокъ управленый. Якъ потягты двома рукамы за два кинця квадратыкивъ, то одынъ коваль назадъ похылытся, а другый до ёго нагнется, а якъ здавыть у рукахъ ти кинци, то павпакы—той що наклонявся, назадъ одхылытся, а вже ёму той другый поклонытся. Такъ можно швыдко робыть, то ковали ти швыдко будуть одынъ одному кланятся. На верхнему квадратыку, якъ разъ на середыни межъ ковалямы, уроблюють столыкъ--одризочокъ маленькый зъ дерева—кувадло. У груди ковалямъ управляють молоткы деревьяни. Теперъ, якъ захытать нымы, то воны ще й закують молоткамы по кувадли. Такъ застукають навпереминкы, що ажъ чудно стане. Сміются диты и жартують зъ нымы, пидкладаючы або пальця, або насиныну, щобъ розбылы ковали. Звисно, йе таки скусныки, що такъ выробыть цихъ коваливъ, що й у рукахъ держать молоткы и ще й хукае, якъ бы по кувадли. Кажуть, що ця забавка не дуже старынна... Якъ дытына показуе кому зъ старыхъ играшку цю, то дытына, якъ воно куе саме нымы, ще й прыспивують ковалыка: «коваль коваля черезъ ногу валя». Воно прыспивування й скризь поводытся, але бувае й коло выграшокъ.

16. **Салдатъ.**

Дитямъ и то дыковына, якъ москаль муштруется. Имъ и цее показують. Выроблять зъ дощечкы, або зъ палятуркы гарного салдата, ногы прыроблять у перепилахъ саме (а колы то въ колинахъ) на гвынтахъ, шобъ тылипалысь, якъ узять за чуба москаля. У голову москалеви уроблять якъ разъ у тимья дротыну, або палычку тоненьку, довгу,—а то й нытку прыбьють до тимья; а тоди за край нытки, або дротыны беруть та й прыказують муштры салдатськои «на права, на лѣва». Та и повертають нымъ. А потимъ якъ замуштрують тропака навпрысядкы,—ажъ не стямытся, таки выкрутасы робыть та танцюе. А диты регочутся, ажъ за жывитъ

берутся. Йе ци салдаты таки выроблени страшни—у кыверяхъ та размалёвани у кавалеріи усяки. Та ще й рукы трипаются на гвынтыкахъ, и очи мыготять. Теперъ дуже вже мудрять, якъ выроблюють москаливъ цыхъ. Та й уся ця забавка недавня ще.

17. **Млынокъ.**

(Зъ очерету).

Выбрать браву очеретыну—ривну и не дуже товсту—и одризать зъ неи дудку одъ колинця до колинця,—тильки зъ одного боку колинця не одризувать. До цеи дудкы одризать дудку другу зъ обома колинцямы и товщу одъ тіеи, шобъ та въ цю влизла. Воны будуть удовшъ ривни. Теперъ ту товщу, шо зъ двома колинцямы, пополамъ перерізать,—стане дви товстыхъ и короткыхъ. У ихъ коло колинцивъ саме попрорізувать наввылётъ (черезъ усю товщызню дудкы) диркы—таки якъ разъ, шобъ перша довша и тонча дудка увійшла щильно у ихъ. Звисно мирять треба. Отъ теперъ и надить на довгу тонку дудку спершу одну корочку и довщу дудку, ажъ коло камого колинця, а потимъ и другу и поставыть на середыни. Це одна справа.

До цеи справы ще й другу треба. Треба до цёго прыпарату робыть и самый млынокъ; тежъ зъ очерету вырізувать треба дви дудкы удовшкы трохы (або на цилу половыну) корочки одъ обохъ тыхъ, шо надити вже на довгу, а утовшкы таки, шобъ одна въ другу влизала, и у товщи посередыни наскризь прорізать дирку и уткнуть у неи до половыны другу тончу дудочку. Выйде бравый хрестъ. Сколюють ёго посередыни дрязочкою зъ очеретыны (оскилкомъ).

Теперъ вымирять треба, шобъ прыйшовсь цей хрестъ—млынокъ мижъ дудкамы на прыпарати, и въ дудкахъ тыхъ, де прыйдется саме, прорізать диркы; протягты у хрестъ выструганый валокъ (палычку) и заложыть у ци диркы кинци валка. Пидъ самымъ хрестомъ у тій найдовшій дудци вырізать щырбыну (дирку зверху тильки). Млынокъ готовый. Шобъ моловся,—треба ротомъ студыть (дуть) у край велыкои дудкы, де колинця немае. Млынокъ

розмелется и буде галасать на вси заставкы. Кожне зъ дитей бере и дме, покы не втомытся.

18. **Млынокъ на хвостивныку.**

(Зъ дерева).

Млынокъ на хвостивныку—се пайлюбымиша забавка по всихъ дворахъ, хоча-бъ де и дитей не було. Изъ давныхъ давенъ винъ поводытся. Разъ що гарно на ёго й поглянуть, а друге, выдко по ёму куды й витеръ віе. Якъ у дорогу йихать, то вже й выглядають, колы за витромъ буде. А то, кажуть, мій двиръ боится того двору, де млынокъ торохтыть. Роблять ёго такъ. Выстругують дощечку завбильшъ, якъ кому хочется. Якъ разъ посередыни провирчують дирочку. Такъ якъ на палець зъ обохъ бокивъ коло дирочкы цеи поступаются и проведуть уширъ дощечки ярочокъ—зъ того й зъ того боку дирочкы; а одъ ярка все до краю дощечку зризують на косыну у одынъ бикъ. Тоди край другый одъ ярка, що колы дирочкы, зризують тежъ на косыну, тильки вже инчу сталку. Якъ упередъ ныжчу зризано, то теперъ вже выщу. Такъ зъ обохъ бокивъ дощечкы. Зробытся такъ само, якъ и у витряка справжнёго рамына. До цыхъ крылъ (рамынъ) роблять хвостивныкъ. Выроблюють ёго, якъ кому прыйде у голову. Найлегше, якъ узять его робыть зъ ривнои палыци. Палычку у одпимъ краи зарызать на чопыкъ, якъ шыя у пужальна, и головку цю (булавку) треба такъ прыпустыть, шобъ насылу велыку вона пройшла у ту дирку, що въ крыли,—це шобъ не спадало й витеръ, якъ рвачкый буде, не зносывъ зъ хвостивныка, и щобъ не прыстромлювать прытычкою, бо не буде якъ на слободи крутыться крыльцямъ. У хвостивныку провирчують дирку и въ неи управляють воряку—такый велыкый дрючокъ, якъ бовтъ або що (жорсть)—и прывьязують воряку цю коло воритъ, або коло тыну. Дирку на ворякови у хвостивныку такъ завдольшкы одъ крылъ вертять, шобъ объ неи крыльця не чипалысь. На воряци чипъ той, що вправляють у сю дирку, повыненъ буты на ослаби у дирци, шобъ усе витеръ его самъ и повертавъ, бо хвостивныкъ такый ззаду

бувае, шо непреминно за витромъ стане, а крыла будуть проты витру. Йе, що прыбывають и наглуху хвостивныкъ до ворякы, то тоди вже треба на витеръ самому повертать млынокъ. Диты часомъ то сами и носять ёго проты витру, усе йдучи, або й бижучы; туды, куды якъ повернуть, то млынокъ мелется. Чупрыны такъ и маёрять у хлопчыкивъ, а воны проты витру бижать зъ нымъ' Щобъ ще дужче маныло дитей, до хвостивныкивъ чипляють выкраску яку небудь: куныци зъ очерету, ганчирку—хай маёрыть Пивня зъ дощечкы, або зъ лубка выроблять и на хвостивныку прыбьють. Шо выдумають!

Выстругують и двое крылъ та навхрестъ збывають и надивають на хвостивныка, щобъ роскишный бувъ млынокъ и дужче ще вертився на витри, а якъ немае витру, то диты, бижучы; й сами гонять витеръ.

19. **Млынокъ (на валкови).**

(Зъ дерева).

Кортыть дитимъ ряснишого млынка. Тоди роблять на валкови. Спершу берутъ довгу палыцю. Товшый кинець іи зстругують на дощечку. Продовбають у ній чотыри вугласти дирочкы. Четверту, саму верхню, скружлюють трохы и проризують у гору до самого краю. До цеи роблять другу таку саму дощечку изъ такымы дирочкамы. Верхня тилько не проризуется и круглиша; збывають тоди ихъ трома щаблямы у угластыхъ диркахъ мицно. Зъ круглои дровынячкы робытся тоди валокъ, трохы довшый одъ щабливъ. Круглымъ чопыкомъ укладають у дирочку круглу; а другый кинець роблять шыйкою дило и вкладають у проризану ажъ до горы дирочку. На цю шыйку надивають у кинци крыла, четверо або й шестеро, и уроблюють такъ само, якъ и въ млынку на хвостивныку, тилько тутъ до шыйкы прыбывають ихъ и не воны крутятся на валку, а самъ валокъ крутытся на витри. Дитямъ ця забавка не такъ скванна, якъ хвостивныковый млынокъ,—отъ и тутъ шобъ було чымъ поцикавыться—уроблюють ступы. Першъ у ти тры щабли посередыни удовбують таки вуха диряви (дощещкы зъ выдов-

баnымы у ихъ диркамы на 4 вуглы). Пидъ нымы подставляется ступа—таке якъ ковганка выдовблюется у щабли найнызчому. Кризь ти вуха у диркы пропускается стовпець, загостреный у нызу (товкачъ), у саму ступу достае. У товкачи противъ валка уторчъ удовбуется дощечка, а у валку противъ неи якъ разъ удовбуется чальма (така товстенька дощечка) на обыдва бокы валка и пускается такъ завдовшкы, шобъ и тымъ и тымъ кинцемъ зачыпала дощечку въ товкачеви, шо проты неи якъ разъ. Одъ витру валокъ крыламы покрутытся и чальмою зачипае товкача. Зачепыть, пидниме въ гору, тоди спустыть, товкачъ гопне, а тутъ заразъ и другый кинець чальмы его пидхоплюе и пускае, и безъ перестану такъ усе гупае. Шобъ гупання ще бильшъ було, вроблюють такыхъ самыхъ ступныкивъ два и тры. Пидставляють дви й тры й ступы, насыпають писку, якъ мелется млынокъ, а то ступы й непотрибни пидъ товкачамы, а цикавиши сами товкачи, якъ воны навперегонкы пидлитають и стукотять. Бидни диты и поснуть, ждучы, колы то вже ти товкачи угомонятся и стануть.

20. **Млынокъ на води**.

(Зъ очеретыны).

Дудку очеретяну зъ обома колинцямы велыченьку росколоть посередыни уздовшъ на чотыре ривни части. Зъ очерету понаколювать шыроченькыхъ ривныхъ одна зъ одною очеретынокъ. А тоди й закладать у росколыны такымъ порядкомъ: одну очеретынку запхнуть на половыни дудкы за першу (яка попадется) щилынку у дудци. Усихъ щилынокъ чотыри, отъ якъ закласты у одну щилыну, по пидъ одною сталкою, то очеретынка выйде у другу, якъ разъ по половыни; тоди другу очеретынку впоперекъ у другу щилыну пропыхають. Выйде наохресть. Теперъ пидрядъ отакъ утыкать трохы не до колинець усю дудку. Млынокъ готовый. Тилько де вода пидъ дощъ, або на весни, бижыть ричечкою,— диты бижать зъ млынкомъ на воду, загачують спускъ, ставлять сишкы дви, а на ихъ кинцямы дудкы млынокъ кладуть. Вода бижыть и зачипается за крыла (очеретынкы) и меле. Але зъ водою гирше бороться, якъ зъ витромъ. Вода и сишкы выносыть и

млынка затоплюе. Морокы немалои, покы выставлять скилько тамъ штукъ такихъ млынкивъ! Иноди валкомъ становять на загату зъ снигу (на весни) або зъ калу (у литку): сишокъ тоди не треба и довше подержытся млынокъ.

21. **Млынокъ павучокъ**.

(Зъ соломынкы).

Якъ граются у соломи, або въ пашни диты, то шобъ такъ не обійшлось, шобъ чого не выдумать, выдумують павучкы-млынкы: зъ товстои соломынкы безъ колинець одломыть цивочку пальцивъ у чотыре удовшъ: на пивтора пальця, або й меньчъ трохы, обыдва кинци на шестеро, або й на четверо поросколюе. У роти помочыть, шобъ вохке було й гнучке, не ламалось. Тоди росколынкы позавертае у бокы. Выйде таке, якъ павучокъ. Тоди у цю соломынку устромлять тоненьку, одъ колоска, стеблынку—довгеньку таку. За обыдва кинци іи возьмутся та й дмуть губамы на павучокъ,—то винъ и мелется. Его й на води ставлять такъ само, якъ и очеретяный на сишкахъ. Тильки цей ше швыдче ламается на води. Дмуть, шобъ не перестававъ вертиться, по черзи вси, хто йе. Набрыдне дуть—закынуть.

22. **Павучокъ**.

(Зъ соломы).

Выберуть таку соломынку товстеньку, шобъ одъ колинця йшла зъ пирцемъ. Тильки треба шобъ пирце було не зломане ще,— воно на всякій соломыни повынно буть. Одрижуть соломынку одъ колинця у передъ, де немае пирця, такъ якъ зъ палець,—а сюды де йде одъ колинця пирце попускають багато, скилько можно. Той кинець, де немае пирця, росколять на четверо, або що, росколять такъ, шо й колинце поросколюють и ще трохы й за колинце, росколюючы й пирце те. Якъ се гараздъ зроблять, поламають вьязы, де саме росколыны кинчаются. Ливою рукою прыдержують довгу стеблыну, а правою—то назадъ то впередъ совають по соломыни пирцемъ, ще не помьятимъ. Тоди росколыны ти то рознимутся,

то зступлятся. Якъ розпимутся, то хватають за носа кого-небудь, або просять языка пидкласты. Хвабрини не боятся, бо воно не сыльне, шобъ здавыть дуже, а де яки недогадлыви та труслыви — тикають. Пирце, якъ часто хававкать павукомъ, швыдко пивечытся и сама забавка залышается.

23. Павучокъ зъ соломкы.

Одрижуть на товстенькій соломыни зъ колинцемъ такъ якъ зъ два пальци соломынкы. Порозризують, до колинця тильки трошкы не доходя, соломынку цю на скилько можно частынокъ, шобъ багато и тоненькихъ було волосынокъ цихъ. Тоди помочать у роти, шобъ за водою не йты, и якъ уже не крахка буде соломынка ця, позагынають ци волосынкы такъ, якъ у павука ногы: сперше коло колинця шыроко розставлять,—ажъ у гору позагынають: зъ половыны назадъ позаламлюють—у середыну. А на крайкахъ знову у бокы поодвертають потрошкы, та й пустять на лаву, або й на землю, а тоди котре зъ дитей постудыть пидъ ёго, то винъ—стрыбъ, стрыбъ! Дужче дмуть, то частинъ и дальшъ пидстрыбуе винъ. Якъ маленькыхъ дитей такихъ шо годъ и по два, то ще й лякають нымъ,—покы не обзнаёмытся гараздъ. Часомъ уси якъ почнуть пиддымать пидъ ёго, то винъ и мисця соби не знайде, такъ стрибае,—якъ колы, якъ зъ усихъ бокивъ на ёго дмуть, то винъ тилько те й робыть, шо плыгае на мисци! Такъ розгарячатся коло ёго, шо котресь и зо зла и ногою надавыть его. То винъ знову пиднимется; тоди вси зъ ногамы на ёго,—покы й зопсують.

24. Змія.

(Зъ паперу)

Недавня дитська забавка—змія. Колы-не-колы вона проявляется. Та й то або жыдокъ межъ нымы орудуе, або зъ городськои школы якый поповычъ або що. А тымъ часомъ и по пивдня диты не отходять одъ цеи забавкы. Сами часомъ іи роблять, якъ де паперу добудуть. Зробыть іи, шобъ готова була, легко, та

трудно вгадать, шобъ легка була на повитри, а ще труднишъ нею такъ правыть, щобъ пиднималась усе въ гору. Якъ уже й пиднимется дуже высоко, то треба уміючы й спускать, бо іи стягты трудно. Злипыть іи треба зъ бумагы на рямци такій. Зробыть зъ чотырехъ дощечокъ шыбку (рямку) таку на чотыри однакови вуглы. Навхресть зъ угла въ уголъ перебыть тежъ двома дощечкамы. Достать газеты и кругомъ облипыть. Буде таке, якъ кватырка у викни. За чотыри вуглы зачепыть мотузочкамы и якъ разъ посередыни кватырьки цеи ихъ докупы звьязать, а тоди да ихъ уси, де саме вузолъ, прычепыть хвоста, треба шобъ довгый бувъ и важкенькый проты зміи. Це вже треба шобъ угадать, вымирять тоди, якъ уже пускать змію, шобъ летила. Падае змія, якъ пидкынуть, легкый це хвистъ у неи; не здіймется у гору и не метко до долу (наче опукою) летыть, значыть трохы важкый хвистъ. Зъ другого боку тильки за верхни два кинци та за середыну зачипають тры мотузкы и до купы звьязують, тежъ на ослаби попускають, шобъ на пивпяди одъ змія[1]) пиднималось, а тоди й тутъ за середыну, якъ разъ, де вузолъ, прывьязують дуже довгу мотузку (шнурокъ зъ дратвы,—або шпагатыну, бычевку, сажнивъ на десять хочь. Тоди одынъ хто небудь бере змію за саму кватырку, одходыть и пиднимае выще себе скилько можно ставшы проты витру; а другый хто небудь бере у ливу руку (жмутъ) палычку зъ намотанною на неи шворкою (а ни—клубокъ), попустыть одъ себе змію, такъ якъ на сажнивъ два, и тильки шо той, шо державъ, попустыть, то той бигомъ проты витру. Змія й пидлитае. Отутъ и треба умить іи то сипать вылыготно, помалу то попускать; то вона все буде пиднiматься въ гору и все зъ жмута веревочку ту попускать потрошку. Покы й усю роспустыть. Змія высоко пиднимется и маёрыть тильки хвостомъ Найкраще въ поли, або де на выгони хочъ, пускать змію, якъ не велыкый и не малый саме дме витеръ. Дитвора, де яка йе, збижытся

---

[1]) Мирять зъ двохъ вуглывъ верхнихъ до середыны саме, а тоди зъ середыны межъ вугламы верхнимы прымирюють мотузку удовшъ до середыны усіеи зміи.

дывыться и пускать змію. Хто скусныкъ пускать іи, то робыть велыку и пускае пидъ вечиръ у поли зъ лыхтарыкомъ зъ бумагы и зъ свичечкою; то воно й блещыть якъ зирка. Свичка згорыть, лыхтарыкъ папирьяный займется, искры до-долу посыплятся. Часомъ и змія згорыть тамъ. Понабигуются, понадывляются диты на сю выдумку и ждуть, покы ще зберуться на неи разъ. Школяри въ ій дуже кохаются.

Диткамъ маленькымъ вона не забавка. Попадуть іи хиба, то возять замисць возыка за собою. За-для бильшыхъ вона и забавка и дывовыжа.

Ще роблять іи прямо, безъ дощечокъ, зъ палятуркы. Скоришъ робыть іи и легше прыладнать усю до неи справу.

25. **Ходули.**

Зъ двохъ килкивъ, убильшкы зъ сажень, можно зробыть ходули, треба тильки у кожному увертить палычкы, зъ пьядь удовшкы и мицьненьки, щобъ не одломылысь, якъ стать на ихъ. Увирчують ихъ, хто якъ хоче соби, хто выще, а хто ныжче. На ныжчыхъ легше вывчыться ходыть. Зате краще дывыться, якъ хто на высокыхъ ходыть и черезъ ли́сы переступае. Такый ходака у шаноби у всихъ, хто любыть забавкы.

Бувае, що хочъ увирчують у дрючечкы накосыну, а хочъ нарошне зъ готовымы довгымы сучкамы знаходять, и до половыны ти сучкы, або й килочкы, заплитають лизкою тоненькою, щобъ мягше на чоботы було, або й на ногы, якъ босонижъ ходыть на ходуляхъ, и щобъ, бува, нога не спрыснула,—бо на ривно увирченому килочкови у килкы опасно стоять, щобъ не посковзнулась нога й не зійшла зъ ходули и не довелось шкопыртака упіймать доброго.

Щобъ ходыть на ходуляхъ, хто ще не вміе, то ихъ упередъ ставлять до тыну, або до стины якои, щобъ спыною обпертысь объ що и ногамы стать на ти килочкы, що въ дрючкахъ. Ногамы якъ стать, то дрючкы, що йдуть уверхъ одъ килочкивъ, пустыть по-пидпличчю за спыну и рукамы взятысь, трошкы схылывшысь, за дрючечкы; стать, одвыхнувшысь объ що обпирався,

на ходули и заразъ же, й капли не постоявшы,—бо й не можно, не топцюючы хочъ на мисци, устоять на ихъ,—пидпимать разомъ и руку й ногу зъ ходулею, уперёдъ одну, тоди другу, та й усе такъ робыть. Ступинь можно дуже здоровый зробыть и можно й маленькый. Далеко одъ того, що гнатыметься на ходуляхъ, не втечешъ, та й винъ самъ далеко не зайде, бо рукы заболять скоро. Выловчуются на ходуляхъ ходыть швыдко.

26. **Дидъ (машкара).**

Дидъ—давня се выдумка, и хоча й часто роблять дида—не набрыдае. Часомъ и стари люде заманюются нымъ до гурту. За те жъ йе и докладають усякыхъ прымуцій, усякыхъ выдумокъ, якъ роблять дида и якъ уже прыставляють дида (граются). Выбырають сыву кожушыну зъ стрючастою довгою вовною, дуже ковтуновату. Прымирюють до выду: тамъ, де щокы й лобъ, выбреюють, а бороду и за́выскы покынуть. Вуса прышывають нарошне велыки добрани. Вовну на бороди розмычують браво. Де саме нисъ, очи й ротъ прыпадають, такъ выризують до миры диркы. Дирочкы ци обшывають червонымъ сапьянцемъ, або червоною кытайкою,—якъ червоне, то найпидхожише сюды: якось и страшнише и лычыть дуже. Бровы зъ вовны выстрыгаются на кожушыни жъ, або й нашываются нарошне (усе щобъ не мале було) Зубы зъ обструганыхъ палычокъ зисподу прышываются.— Языка де треба—свого вставляе у ротъ той, хто прыставляе дида. Штукари йе таки, що зъ сапьянцю выроблюють и языка, и ще й немалого, щобъ якъ уже показать, то було що́. Хто надине сю машкару, то той и горба соби намоцуе и зогнется у пьять погыбеливъ зъ костуромъ у рукахъ и, все шавкаючы ротомъ, гонытся, наче бъ то за дитьмы, що увгородъ, або до баштана лизуть, то за кымъ попало. Й гляды таке вычытуе у сварци, що такъ бы не выказавъ бы безъ машкары—й у голову не прыйшло бъ. А ни, то ворожыть про буду́щи годы. Про старовыну розсказуе, якъ то колы було и якъ теперъ йе и якъ ще й дали буде. Якъ по пысанію все вычытуе. Бувае, такъ гарно выробыть дида, не страшного,

якъ усе люблять ёго робыть, а настояще пидроблюе, та такого, якъ десь угадька знають, або такого, що й у сели и нигде немае. За поворозкы, що коло кожушыны ажъ чотыри йе, щильно по-пидъ своимъ чубомъ увьяже и ще й шапку надине, або брыля, и увалытся у хату зъ торбою—старець наче бъ то. Зайде у одну хату и у другу й у третю, и зайде и у ту, де треба або на зло пидъвесты, або одъ зла одвернуть, и тамъ и напророчыть. Люде й послухають, гляды; а тоди вже якъ увалытся, наче ненарокомъ де молодижъ збырается, якъ начне выказувать та врикать усякъ у свити, якъ зъ псавтыря наче, або зъ оракула якого. Гляды нарозсказуе й пиде, а гляды розсказуе-розсказуе, покы або вбрешется добре, або хто зъ гурту догадается,—тоди буде рахубы й розбору и реготу й бороння и штукъ усякыхъ, и вже те, що винъ навыказувавъ, попрылиплюють, до кого воно стосувалося.

Роблять дида й зъ конопель—зъ прядыва. Роблять и зъ сукна, нашываючы бороду й усы. А найзвычайнишъ изъ кожушыны. Диты нымъ, хочъ и мали, то забавляются и самою машкарою довго граются. Кожне соби ёго прытулюе до свого выду,—забавляется само й другыхъ забавляе. Бува й переляkуются диты й жинкы, якъ хто схоче налякать кого.

27. **Б а б а.**

(Зъ снигу).

Йе камьянни бабы,—по шляху, якъ де, воны стоять. Кажуть ще за гайдамащыны ихъ на шось понастановлено. Часомъ одна каменюка стоить, выду ніякого на ій немае, а кажуть «баба» (на неи). А то диты йе вылиплюють бабу зъ снигу. Якъ снигу багато, товсто, та мягкый, на ногы берется, и злиплюется самъ, отъ диты кожне соби чоботомъ (ногою у чоботи) и суне купу снигу. Снигъ зводытся до купы,—хочъ и посыдить на ёму. Котыть, ажъ покы не подужа; тоди вже гуртомъ, скильки зійдется, и докотять одну бабу, тоди другу, третю, и такъ усихъ, хто де понакочувавъ. Тоди берутся уси, та на спидъ покладуть бабъ зъ чотыри, а на ихъ менчыхъ зъ чотыри, або тры велыкыхъ, а на ци – тры менчи, або дви велыки, а на верхъ цихъ уже выносять

одну довговысту снигову бабу. Поставлять тай выроблюють у ій носа, рота, уха, очи, плечи й закруглюють и голову, ій щей поясомъ обведуть у середыну (ярокъ вырижуть навкругы у бабы). Де-яки повылазять наверхъ та й граются тамъ, штукъ докладають соби; а де-яки доли соби выдывляются на неи, покы надавлять кимьяхивъ у рукахъ зъ вохкого снигу (якъ отъ на-одтани стае), та давай жбурлять у тыхъ, що на баби стоять. А ти тамъ колупають, розвалять бабу. А буває, що зроблять ще й бильшу бабу, рядивъ у пьять навыносять у гору. Браво оброблять, полюбуются та й пидуть. А баба та довго ще стоить. Снигу вже буває не стане, а вона ще не розстала. Згадують, бува, ще й на другу зиму таку бабу. Школярамъ найкраще робыть, бо ихъ багато.

28. **Снижкы.**

Литомъ грудкамы та каминчыкамы у бой идуть диты. Одна пола (sic) кыдаются, влучають у другу. А зимою снижкамы. Злипыть, скильки вѣ жмени захватыть мокрого снигу, а тоди жбурляе. Чысто геть зберуть снигъ поперѣдъ себе. Часомъ и сынякы понабывають. Коло школы найшвыдче у снижокъ пограють диты. Ся играшка десь коло школы наче й выросла.

29. **Кобзалка (скобзалка).**

Тильки трошкы прымерзло де у калюжи, або на ставу, чы й на ричци, диты заразъ и туды. Люблять по лёду гратьця, бигать, якъ винъ ще гнется. Розженется котре, поставыть ногу котору уперёдъ, стане, та й сунется по лёду, лидъ гнется, трыщыть, а кобзалныкъ соби дали йиде стоячы на ногахъ. Якъ витеръ йе, то ще й роспережется и розставыть полы, щобъ за витромъ ще й дали и скоришъ забигты. Часомъ и шурхне ногою, або й обоме (щукы ловыть),—то то байдуже. Сердятся, що лидъ нивечыть. Якъ де блызько немае воды мерзлои,—то пидъ морозъ и землю де въ балочци прочовгають чобитьмы, покы достануть до лёду, до крыгы, що въ земли. Тоди по крызи тій и кобзаются. Найхытришъ, якъ одне зъ одного боку кобзалкы стане, а друге зъ

другого. Розженутся, поскобзнутся разомъ, добижать назустричъ, схоплятся пидъ плечи, або навхрестъ, и тоди на мисци дуже закрутятся—се добре вдается на велыкому лёду. Часомъ по душъ десять на велыкій скобзавци стануть одны протывъ одныхъ, та якъ стринутся уси въ купи—розбору багато! Що чоботамъ лыхо—се не счетъ.

30. **Громакъ.**

Добре спускаться зъ горы санкамы, але не все воны и напоготови. А громакъ—заходывсь и готовый! не треба деревни зшукувать. Пишовъ на лидъ, вырубавъ зъ крыгы на леду велыку крыжыну, обкруглявъ іи, выцюкавъ у ій ямку, щобъ систы було въ чому хочъ трохы, продавывъ дирку зъ краечку де, та завьязавъ въ неи мотузкомъ, та й везы на гору и сидай спускайсь зъ горы, покы крыжына не розстане, або покы не розибьется. Що перекыдаться будешъ—се бува изъ усякымъ!

Немае ще товстои крыгы, а снижокъ уже йе, а спускаться схотилось,—у загороду до кизякивъ. Пидъ морозъ—такый самый якъ изъ крыгы, або ще й кращый можно вылипыть зъ свижыхъ товарячыхъ кизякивъ. Зъ дна тильки треба полывать водою, щобъ обмерзъ и слывкый бувъ. Се й довговишнишый и надежнишый громакъ! На громакови, правда, труднишъ устерныть, якъ на саночкахъ; такъ за те жъ винъ усе на справи! А стерныты треба выловчуватысь.

31. **Грынджолы.**

Щобъ спускаться на спускальци, треба мать громака, а якъ ёго ни зъ чого зробыть (ни товару у двори, ни воды у сели), то роблять саночкы маленьки—таки точъ въ точъ якъ и волови, тильки маленьки. Колы жъ ихъ ридко хто мае, бо трудно полозочкивъ добуты и треба майстернымъ буты, щобъ зробыть. А воно не всякый и батько майстеръ, не тильки малый. Отъ тоби шукають дви дощечкы у пивъ аршына шырыны и зъ аршынъ довжыны, затисують ихъ на косыну зъ одного боку, щобъ булы

похожи на полозкы, и трема щеблямы, а то й чотырма, збывають ихъ до купы, середній пыжче збывають, щобъ краще дыржаться було, якъ систы у крынджолы ци. За мотузку ихъ прывьязують и везуть на спускалку, де уси диты зибралысь спускаться. Въ сели не безъ косогору, а тамъ воны пидъ спускалку уси.

32. **Громакъ-свыня.**

Зъ крыгы або й зъ кизякивъ роблять свыню, щобъ спускатысь можно було. Не круглый громакъ, а зъ продовговуватымъ носомъ буде такъ якъ цыганськый мишокъ и похоже на свыню. За кинець рыла зачыпають мотузочку и везуть; кажуть, стерпыть на ёму легше, якъ спускаться зъ горы.

33. **Конекъ.**

По крамныцяхъ йе готови продаются конькы—таки полозкы зализни (якъ пидризы у панськыхъ сапокъ); на ихъ йе гвынты, щобъ за закаблукъ ухопыть тисно, и реминци, щобъ за пидъёмъ, та коло пальцивъ до чобота прывьязать си полозочкы Панськи диты ными все ковзаются по лёду, або по гололедыци на дорози або й по вгородахъ, по выгонахъ. Йе—бигають мыттю, що й конемъ не збижышъ. А прости, людськи диты дывлятся на ихъ та й соби—або хто дешевенького купыть, або найшвыдче зъ деревыны выробыть по своему чоботови якъ разъ, та ще й зъ бляшкою, або такъ якою зализнячкою пидибье знызу, щобъ не швыдко зчовгувалось пидъ полозочкомъ. А то—то й безъ пидкування човгають, покы й зчовгають геть. Уперéдъ учатся на одному, а тоди вже й на двохъ. Немае выробленыхъ конькивъ—триска або такъ яка дощечка, що́ буде напохвати, буде за конекъ—за полозочкы; стане чоботомъ на неи, та й суне по крызи, покы й згубыть. Тоди вернется за свое. Щобъ ся справа давня мижъ людськымы дитьмы, то сёго сказаты не можно. Давнишъ іи не зналы по селахъ и не маныли никого. А вже якъ школы гараздъ уже почалы заводыться—то школяри одъ учытеливъ переняли сю забавку соби. Велыки у селянъ не забавляются симъ, якъ отъ

у панивъ. Та й до малыхъ вона не прыстае: почовгае, поялозыть по крызи,—та й берется за що инче.

34. **Крутилка.**

Збыраєтся скильки тамъ хлопцивъ—чы велыкыхъ (парубкивъ), чы й малыхъ—затіють крутилку, якъ гарна зима стоить: морозъ и тыхо. Роблять іи такъ. На ставу прорубують ополонку, забывають у дно, ажъ у калъ, килокъ утовшъ такый, щобъ колесо зъ воза простого на ёго нализло и слабко ходыло, а увышъ, щобъ трошкы выще колодкы, що въ колеси (маточыны). Килокъ умерзне добре. Кругомъ килка на сажень навкругы обсыплють лидъ землею, або пискомъ, и ще й покроплять водычкою, щобъ прымерзло, витеръ не позносывъ—це за для того, щобъ не падать, якъ крутыть те колесо доведется. Саме на спыцяхъ, якъ тильки надинуть на дрючокъ, черезъ усе колесо и ажъ далеко, сажнивъ и на пьять удовшъ, увьязують мицно дрючокъ такый—«вырло». А до кинця цёго вырла прывьязують саночкы. Щобъ бигалы ци саночкы навкругы колеса, треба вертить колесо; повернется колесо и поверне до ёго прывьязаный дрючокъ, а дрючокъ потягне и саночкы, до ёго прычеплени. Щобъ легше жъ крутыть було колесо и везты саночкы,—укладають мижъ колесо, мижъ спыци, и зачыпають за колодку дрючкы—два, або й тры—и нымы ходять кружка по земли тій и вертять, такъ якъ млынъ наче повертають. На саночкы унередъ сяде хочъ и дунъ два й тры, и одни сыдять на ихъ, други крутять—и санкы жыво обкручуются, а трети ждуть черги, бо тутъ усе по черзи—и крутять, и йиздять, и ждуть. Колесо поманисеньку нога-за ногою вертять, а саночкы вже якъ несамовыти летять. Пидъ святкы ся забавка найбильшъ у моди.

Гулять идуть «на крутилку» уси гулящи—и стари й мали, и чоловикы й жинкы... Часомъ и безъ оказіи не бувае: одлетять санкы, або перекынутся—далеко тоди одлетають одъ ихъ ти, що сыдилы у ихъ, або и такъ якъ згубытся который та и голову, гляды, занесе. Мали диты маленьку крутилочку соби роблять,—иноди якъ цяцьку тильки.

35. **Возыкъ („карета“).**

За-для дитей найкраща забавка возыкъ: якъ немае зробленого нарошне, то воны й сами зъ чого попадуть зроблять соби: корякъ за мотузку прывьяжуть, тай возять у ёму свои цяцькы, кошыкъ, навить и ваганкы або й дощечку. Черезъ те то дитямъ и роблять возыкы. Якыхъ тильки манеривъ немае на возыкы. Хто якъ выдумае: абы йихало, такъ и возыкъ. Звисно самый найоскомишый—се той, що въ ёму и дытыну малу можно повозыть, и прыбиръ та цяцькы ховать. Найзвычайнишый же, що найбильшъ поводытся—се возыкъ зъ лозы, зъ шелюгу, або й зъ якои инчои гнучкои деревыны. Матеріялу легко достать и робота незамысловата. Взять лозыну завдовшъ аршынъ $2^1/_2$; у тончому кинци іи росколоть на пивъ-аршына або що; зъ тончыхъ на аршынъ пошты удовшкы лозынокъ загнуть дви ривны дугы и звьязать ихъ коринцемъ зъ лозы, чы зъ шелюгу, або й корою зъ чого небудь (лыкомъ).— Тоди скласты ихъ навхрестъ уверхъ звьязанымъ. Саме тамъ, де воны зійдутся си складени дугы, взять у лещата въ росколыну тіеи лозыны и чымъ небудь змицныть у обохъ кинцяхъ. Якъ що, то на сёму й край: уже йе що везты; не вдержытся клади тильки въ ёму багато. Якъ йе зъ чого, то ёго й заплетуть ще, щобъ и на се годывся. Якъ разъ по середыни лещатамы вкладуть дви палычкы одъ середыны росколонои лозыны у гору до полудрабкивъ (що нымы дугы звьязани), а тоди й позаплитають палычкамы уторчъ. Передокъ и задокъ те жъ заплитають якъ хотять.

36. **Возыкъ („цяцька“).**

Одна вись на 2-хъ колищатахъ, зъ деревыны одрызаныхъ, та війячко у неи управлене—и се вже возыкъ здатный дуже; хочъ не покладе на ёго ничого, такъ за те повозыть ёго--то й то радисть дытыни. Щобъ ще бильше воно зацикавлювалось, прыставляють до ёго ще верхни колищатка надъ тымы, що на оси,— тильки такъ ушыляють ихъ, щобъ ныжни, якъ везты возыка, зачипалы верхнихъ. Спершу вись зробыть. Продовбать у іи дирочкы на

війя та на ти килочкы, що на ихъ верхни колищатка надивать. Тоди и сами килкы повправлять за-для тыхъ колищатокъ. Выпылять ныжни колисця—се просто; а верхни роблятся инакше. Ныжнихъ двое, а верхнихъ тильки по одній дирочци, щобъ на оси ихъ надивать, а у верхнихъ пьять дирокъ: чотыри по куткахъ, ривно одна одъ однои, а одна посередыни. Зъ двохъ колищатокъ робытся одынъ барабанчыкъ. У ти чотыри дирочкы заправляется чотыри спыци одными кинцямы у одно кильце, а другымы у друге. Такъ и зъ другымы двома роблять. А у середни диркы ничóго не заправляется, бо у ихъ треба управыть ти килочкы, що у-торчъ въ оси стоять. Тильки прыпустыты до тыхъ колисъ ныжчыхъ на килочкахъ тыхъ, щобъ зачипалысь зъ ныжнимы колисцямы.

37. **Возыкъ-„кони"**.

Увъ-осени якъ соняшныкы позризують, диты шукають, де два зъ одного пенька выросло. Вырвуть. Одынъ запрягается у ёго якъ у голобли и бижыть. Уси за нымъ. А одынъ, котрый за погоныча, зъ батогомъ и вижкы прычепыть, хочъ изъ кориня. Вéрхы на палычци—и се «кони», играшкы (гульня дытяча).

38. **Гойдалка (дытяча)**.

Малымъ дитямъ и пидлиткамъ роблять гойдалку. Вижкы, канатъ, або налыгачъ, або такъ довгый орывокъ, однымъ кинцемъ зачеплять за гиляку пидъ деревомъ, якъ де йе одлога така гиляка, за трямъ у повитци або въ клуни (найшвыдче), або й у хати за сволокъ, а другымъ кинцемъ одступлять на аршынъ небильшъ одъ прямого кинця и знову завьязують, попустывшы въ нызу одъ земли трохы меньшъ, якъ зъ аршынъ, щобъ, якъ систы въ середыну, то ногамы можно й земли достать. Якъ систы, то рукамы взяться за дви сталкы гойдалкы и розгойдуваться. Найкраще той гойдается, хто погойднется ажъ уривни зъ трямомъ, де зачеплена виревка, або ще й трошкы выще пидкынется. Инчого то ще треба й розгойдувать.

Щобъ не мулыло, якъ сыдить, то пидкладають покривлю зъ вулыка, або такъ яку на чотыри вуглы, або й довговасту до-

щечку Хочь и кодолы (канаты) гойдалкамы рвуть, але дитямъ не забороняють гойдалокъ робыть, хоча й посварюются, що нивечать вирёвкы. Инчи диты ще зъ коришня шелюгового, або що, плетуть соби гойдалку. Сею гойдалкою корыстуются й дивчатка; часомъ и велыки.

39. Гойдалка хлопчача („выхалка“, „кобылыця“, “колыска“).

Гойдалку-выхалку роблять парубкы и все пидъ велыкодни святкы, ридко колы пидъ зелени, або пидъ храмъ. Хлопци ще за тры дни до святъ опытують по чоловикахъ, де йе деревня велыка, вильхы, сосна, береза, або й осокори,—будли, яка абы довга. Въ кого папытають,—просять позычыть на гойдалку. Бувае, що й позычають, а якъ ни, то й купують. Сажень по пьятнадцять удовшкы треба деревни—шисть такыхъ деревынъ. Сёму товсту дуже и коротчу. А восьму тонку й довгу—сажень у десять. Дви такыхъ, що по сажню, а одна така, що аршынивъ два. А то на докладъ: на скракли, на прытычкы та на тыбли; на кобылыцю ще треба деревни—звисно мицнои. Роблять такъ. Зносять усю деревню на выгинъ куды, на просторе. Копають ямы упередъ чотыри, а тоди ще по одній прыбавляють до тыхъ чотырехъ. У перши чотыри ставлять высоку деревню по одній, и ти, що въ першыхъ двохъ, деревыны зводять у верхахъ до купы навхресть, и въ перехрести звьязують: хто небудь по деревыни лизе угору и звьязуе хочь лозою скрученою, або шелюгомъ, або й вирёвкою. Такъ и въ другыхъ двохъ ямахъ роблять. Тоди и въ ти останни дви укладують по деревыни и нагынають ихъ мижъ ти кизлыны, що тильки повьязувани, и ихъ прыкручують туды жъ—це на те, щобъ не шатались вопы и не похылылысь, якъ будуть ихъ гойданнямъ росколыхувать. Упоперекъ цихъ кизлынъ зъ однои на другу кладуть сволокъ и тежъ увьязують его добре на обохъ кизлынахъ. Зъ тыхъ двохъ деревынъ выроблюють товсти дошкы, провиртять ихъ у трёхъ мисцяхъ и у верхни диркы управлять кобылыцю—таке, якъ коромысло,—а у ныжнихъ уроблять двило, зъ тіеи останнёи довгои деревыны, кругле и прыбьють двома тыблямы у ти дви диркы—се усе зветься скраклямы. У ныву увертять дов-

гый тыбель, щобъ на ёго стать ногамы, а выще меньшый и тоньшый, щобъ рукамы було за що прыдержуваться. Скракли зъ дийломъ наливають на сволокъ кобылыцею и, змицнывшы скризь добре, почынають гойдаться.

На цій выхальци здорово розгойдуются: повыще хатъ. Буває, що й безъ оказіи не проходыть: головы закручуются, падають и на смерть убываются,—а робыть роблять, не каются! Коло колыскы уся челядь—и стари й диты збыраются. А колышется тильки парубоцтво, та хваброши зъ пидлиткивъ диты. Ридко яка дивка обисмилытся. Полыція слидыть, щобъ ихъ небуло: але парубоцтво ухытряется.—Мали диты, навзирець велыкои, маленьку роблять колыску, а иноди то й забавкою дило роблять, гойдаючы на їй лялёкъ.

40. **Скракли**.

У скракливъ грають вылыченьки хлопци и парубкы. Одведуть два городкы кругли, або вугласти, одынъ одъ одного якъ палыцею разъ кынуть—не бильше. Пороблять соби бычи таки, гылкы замашни, та поодризують зъ товстого килка стовпци завбильшъ у пьядь. Пьять штукъ у однимъ городи ихъ ставлять и пьять у другимъ. Ставлять у кружокъ, у хрестъ, у злію, у церкву, и складають у купу—якъ кому улюбъ, абы у обведенимъ городку булы. Вымиряются кому-якому городови першъ быть стовпци ти (скракли). Два впередъ вымиряется—на палычци рукамы берется [1]): хто зверхъ буде, той и почынать буде, хто нызче—той ждатыме, покы ёму доведется быть. Тоди друга и третя пара. Скильки паръ тамъ буде. Отъ ти, що уперёдъ повыходылы, почынають по черзи быть—улучать у скракли гылкамы, щобъ ихъ выбыть. Не выбьють,—тоди ти бьють у сей городъ и то жъ такъ, якъ не выбьють,—знову перши гылять у свій городъ. Хто першый выбье зъ города скракли, тому и за друге, якъ поставлять, почынать улучать. Ти, що не

---

[1]) За край палычкы берется одынъ усею жменею, тоди по верхъ ціеи жмени другый кладе свою жменю, на верхъ ціеи першый, на верхъ ціеи знову другый и т. д. до краю палыци.

выбылы, або й выбылы, та на останни, звутся «свыни въ поли». И повынни перевозыть на соби на шыяхъ та спынахъ тыхъ, що выбылы другый городъ, у той, де воны спершу самы паслы. А ти--паны хазяины въ городи, у слободи, у сели. Часомъ и гылы на свыней нагонять: ликъ ведуть, скильки то ти разъ паслы свыни, и потимъ пидсміюются зъ тыхъ. Якъ попадутся у одынъ городъ усе зловчени хлопци, то се «не по правди» вымирялысь. Перемиряются знову; а якъ и се не поможе, то тильки два вымиряются на палыци, а тоди кожный до себе пидбирае по черзи любого грача,—се вже «поправди» буде. Якъ и тоди не повезе тому самому городкови,—то то «мисце таке»: його, гляды, переминяють. Якъ выбывають та скраколь упаде на черту, то се не счетъ и скракля цёго на чорти якъ разъ и ставлять стойма—въ торчъ, якъ и въ чорти винъ бувъ, и звуть «пипъ», и тоди влучають такы його, покы й выбьють. Якъ не выбьють, то прыкладають ёму яке ймення погане—«с...», «дучка», «пысокъ» и т. инче—глумлятся, якъ хто добере. У скракливъ грають на всяки маниры: грають и по одному тильки хлопцеви вгороди, грають и безъ гылъ,—усякъ перетолковують, якъ кому хочется. Скракливъ, хоча не часто, а заводять. Бабокъ же тыхъ, що въ городахъ йе грають у кисточокъ, нема—и дывыться не люблять: «костогрызы тильки на ихъ грають».

41. Хрестъ.

(Зъ очерету).

Зъ поколенои товстои очеретыны нароблять очеретынокъ—одну довгу, а то стильки середнихъ и стильки тамъ меньшыхъ. На ту довгу зъ середнихъ двохъ зроблене перехрестя кладуть уздовшъ и посередыни ливою рукою прыдержують його. Зъ того боку, де до велыкои очеретыны прыкладене перехрестя, зверху й знызу перекладають двома очеретынкамы коротчымы; тоди перехрестя само держытся (прыгорожене стане). Ще двома середнимы те перехрестя и зъ бокивъ прыдушують, заклавшы ихъ у кинци въ середыну. Оце й буде хрестъ, любымый дитьмы, якъ забавка. Якъ хотять, то його ще ряснишый роблять: добавляють зверху,

знызу й зъ бокивъ ще по скильки очеретынокъ, у перегородку все ихъ укладають. Якъ робыть по цёму маниру, то воно й само показуе, де саме ще можно прыкладать. Зробывшы хрестъ такый, диты носять ёго у рукахъ, покы не роспадется, ставлять де на горбу на своихъ играшкахъ, якъ «хаткы» роблять, або «пичкы» копають, або «церкву» зъ земли липлять. Якъ колы, то зъ хворосту, зъ лозы довгои на дрючку зроблять такый хрестъ и носять ёго попередъ себе, якъ куды купою йдуть. Звуть ёго часомъ и «корогвою».

42. Хрестъ.

(Зъ дерева).

Ножыкамы диты, звисно вже велычеңьки, выробляють хресты. Майструвать для хлопцивъ—се найкраща и найлюбымиша забавка. Часомъ одынъ майструе, а вси дывлятся, ждуть, що то выйде, яке зробыть. Роблять «млынкы», «дукачи», але почасто роблять и хресты,—часомъ за для того, щобъ подывыться на ёго, якъ уже зробленый буде,—а иноди и въ хати на покути або на викни ставлять. Бувае що й на стини ёго прыбывають мижъ иконамы, хочъ й несвяченый. Люблять робыть зъ крыламы пидъ перехрестямъ, а мижъ перехрестямъ уставляютъ сіяніе. Роблять на чотыри тильки кинци. Кинци иноди ривни, иноди закруглени, а иноди ще й зъ зарубкамы. Якъ бравый выходыть, то й на воротяхъ у двори, або й у загороди ёго прыбывають. Роблять и безъ ничого. Саме перехрестя.

43. Хрестъ.

(Зъ соломы).

Хрестъ зъ соломы—се бильшъ дивчача забавка. Цивкы зъ пшеныци такъ увьязують мокрымы цивкамы, що й столяръ такъ не выточыть. Цивокъ зъ десятокъ або й зъ два, складеныхъ у купу, а де-де тисно здушыть, а де и ни, инде ще й у середыну укладае палычку, або соломынокъ коротенькыхъ жмутыкъ—и буде ще товще колинце. Тоди и друге таке саме зробыть—тильки ко-

ротче. Перекладе, перевьяже браво—и такый хрестъ повыще виконъ у хати бравый! Краи вси чотыри будуть пидибгнути у середыну, на обручыкови зъ соломынокъ. Такый самый хрестъ роблять изъ самыхъ колоскивъ зъ пшеныци. Колоскы будуть на верси вси, а стеблынкы у середыни мижъ колоскамы поховани и тамъ воны посплитувани, або й позвьязувани. Цей хрестъ люблять и на Маковія святыть и держать ёго за иконамы,—годытся такъ.—Зъ соломынокъ самыхъ хрестъ, изъ колоскивъ, бувае, обведуть ще й винкомъ зъ колоскивъ самыхъ, або й зъ квитокъ зимнихъ (крокосу або що). Хресты ще роблять и зъ васылькивъ сухыхъ: и пахнуть, и браво у хрестъ складени. Часомъ утыкають ихъ ласкавцемъ, такою лыстатою и рясною рослыною. А на лавцевыхъ лысточкахъ гарбузяче насиння попрытулюють, хрещыкомъ дило. Це и литня и зимня забавка дивоча, а часомъ и жинкы, щобъ краще у хати було, згадавшы дытячи часы, роблять ци хресты й винкы у хатахъ. Зплитують зъ колоскивъ пшеныци и зъ сосны и межъ иконамы на стини прычеплюють.

44. Голубы.

Голубы роблять и хлопци й дивчата. Хлопци зъ дерева, зъ лубочкивъ, ихъ ножыкамы выробляють, а дивчата зъ паперу, або зъ краму якого. Дивчата голову роблять зъ тиста, зъ воску або й зъ глыны. Хлопци якъ зроблять голуба, то носятся зъ нымъ довго, покы й понивечытся, а инколы й у хату оддають и поверхъ хреста ёго уроблюють; а дивчата хочъ тишатся нымъ якый тамъ часъ, колы жъ и напередъ уже знають, що то винъ буде на стели на слыжи прыбытый, на тому слыжыкови, що самый блызчый до «образивъ» (иконъ). Бувае, що геть увесь унызанный винъ голубамы, або и другый за нымъ такъ само уквитчаный, а на прогайвынахъ по стели, або й на слыжи, мижъ голубамы квиткы зъ бомагы малёванои попрылиплювани, зиркы—то що. Якъ на слыжи ніякъ прыбывать голубивъ, то нытку передъ образамы проведе гойдалкою дило и на іи голубивъ насажае. Голуба найлегше зъ паперу та зъ перкалыны робыть: лысточокъ у складкы складае, якъ на гармоніи ото; де головци буть, звьяже краёкъ ныточкою, на черевце

попустыть, скильки якъ разъ треба, и знову звьяже. Тоди край роспустыть наче хвостыкъ,—якъ можно дужче на самому краи, деревце тришкы роспистре, щобъ посередыни товщеньке було—и голубъ готовый. А хто дуже вдаряется у сю забавку, то, такъ и роблять, що якъ жывый наче. И нижкы, и крыльця попрытулюють. Добере рябои, або й попылястои бомагы малёванои—зъ конхфетивъ або що. Дротынокъ на ногы. И чорныця на бикъ—такъ й е выгаптовують ихъ.

45. Куклы.

У куколъ грають тильки дивчата. Трапляется що одъ куколъ не одирвешъ и велыкои дивкы: замижъ йде и въ скрыни куклы везе свои,—такъ полюбыть се добро свое! Одначе це не похваляется на людське око, хоча зъ усмишкою пробачается. Хлопци часто ворожо якось на си дивчачи забавкы дывлятся: иноди й ныщать и глумлятся, якъ знайдуть де захованп куклы й прыбиръ: тымъ-то хытро й ховають уже де ихъ одъ хлопцивъ! Гляды и сами хлопци, якъ колы, побавлятся коло куколъ,—а проте чогось лукавый таки пидкусыть ихъ и попимстятся надъ самымъ скарбомъ: найлегше що,—то це переховують у друге мисце, щобъ дивчата вже сами ще пошукалы. У хати не разъ и скаргы зъ-за куколъ. Батькы та матери такы тамъ и погрымають на хлопцивъ, щобъ не вмишувалысь не въ свое дило. Скарбъ сей звычайно буде увесь зибраный у коробци якійсь, у решитци невелыкому, у цидылкови покынутому, у старому очипкови, чы й будли въ чому. У куколъ якъ грають, то не роблять хлопчыкивъ, а все дивчатъ та молодыць—зъ ридка бабу и дытынку хлопчыка у сповытку. Клаптыкы зъ краму якого, чы зъ нового, чы зъ старого—це все матеріялъ, зветея винъ: крамъ, крамнынкы, крамкы, прибиръ, прыборынкы; до ихъ ще й прядыво держать; бо це потрибно за-для того, щобъ було зъ чого куклу зробыть—першъ пожують хлиба въ роти, а тоди зъ його вылиплять таке, якъ голова въ молодыци. Якъ положать у пыркалынку, або въ полотнынку той хлибъ, то заразъ завьяжуть якъ вузлыкъ ныткою и тоди зверху вузлыка того удавлюють, щобъ

выйшло таке, якъ очипокъ у молодыци, або якъ кокошныкъ на стричкы у дивкы. Пидождуть щобъ засхло. Якъ засхне, то молодыцю завьязують наче платкомъ, а дивку у косы прыбырають. Вычешуть киску зъ прядыва и узявшы за лобъ, зъ-заду заплитують косу и натуляють кисныкивъ, стричокъ... У той узлыкъ, де звьязано мотузочкомъ, або ныточкою, стромляють палычку коротеньку, а ни, то ще бильшъ намотують на тому вузлыку нызче мотузочка, щобъ було за що зачипать сорочечку и крамокъ, замисць грудей и жывота. Натулять чы мало, у кинци знову намотують мотузка (валынку, прядывынку, ныткы) тисно, и за єго прывьязують спидныци, запаскы, плахты й попередныци и хвартухы. Рукъ немае. Роблять то й спивають: дивота—весильныхъ, а молодыци—«ненькы» або що. Звычайно, що куклы й такъ гарно майструють, що тильки навдывовыжу; и прымуцій до ихъ ще багато и очи сажею на крамныни (перкалеви) малюють, и геть увесь выдъ, и рукы—рукава й вуставы прыробляють, и керсеть надивають.

Куколъ и двадцять, бувае, носыть за собою у скрынци, або у платочку якому и всихъ по именню звуть. Де хаткы роблять, або пичкы копають—тамъ и куклы разсажени на выдкыхъ мисцяхъ. Стари, бувае, дывуются: «чомъ хлопци до сёго не прылижни таки?!—свое таке дивчына вищуе!»—За те хлопцямъ: сокырка, ножыкъ, батигъ; не сховаешся, не одчепышся ніякъ,—якъ и тыхъ одъ куколъ не одирвешъ. Дивчата, якъ куклы нема—оцваночокъ буде въ заполи носыть,—хлопець зъ палычкы ножыка зробыть и буде носыться. До чого яка «чыя врода». «Чыя кому стать».

46. Стрилка.

Стрилка у хлопцивъ дуже влюблена. Зъ сырои лозыны загне дугу, пидбырае, певно, лозыну пружаву таку, якъ іи гнуть. Мотузкомъ за кинце звьяже ту дугу. Посередыни лозыны-дугы ярочокъ выриже и знайде ривни палочкы на одному кинци зъ рижкамы (або й зариже зарубку), а на другому кинци палычку загострыть, якъ спычку, а ни, то й протора (голку) або й дротыну загострыть, уткне туды. Прымирыть, щобъ ця палычка (іи

то и звуть стрилкою) була зъ четверть довша одъ дугы, якъ на мотузку іи поставыть. Тоди укладае гострымъ кинцемъ на ярочокъ, що въ дузи (бувае безъ ярочка, абы посередыни), а вылкамы посередъ мотузка укладае. Ливою рукою берется за дугу коло стрилкы, а правою за мотузокъ, тежъ коло стрилкы. Добре натягне мотузокъ, покы вже й не можна тягты. Прыцилытся на що небудь и якъ пустыть мотузокъ, то дуга розійдется (такъ и порсне), а стрилка упередъ стрелне и добре такы зашкульнуть, якъ попаде у що, часомъ и застряне. На поготови другу стрилку носыть; якъ треба, стрелыть и до першои добигае, та знову заряжае іи и цилыть и стриляе. Се бувае, якъ у горобця кортыть хлопцеви попасты. Горобець не дуже то боится и перелитае зъ гылкы на гылку. Тильки ця стрила трудна такы, щобъ нею не промынуть, а одразу и попасты. Якъ безъ жала лучокъ, то хлопци одынъ у одного цилятся. Попадае—мытець. Выкрутывсь, що пролетила стрилка, и то мытець.

47. Лучокъ.

Оброблять вугласту, довгу (зъ $1^1/_2$ ар.), ривну деревынку зъ вершокъ утовшкы. На однимъ боци уздовшъ выришуть ярочокъ не дуже глыбокый, щобъ у ёму хочъ до половыны сховалась стрилка, якъ іи покласты у ёго. Въ краи провертять дирку и затянуть лозыну и зъ неи загнуть, якъ ото въ стрилци, дугу и звьяжуть мотузкомъ або ременцемъ. Стрилу таку саму роблять, якъ и въ стрилци. Трошкы дали на пьядь одъ мотузка пророблюють заверточку зъ боку деревынкы тіеи. На заверточци й зарубкы дви; за ихъ, якъ стриляють, зачипають мотузокъ и, якъ треба стрелыть, укладають стрилу у ярокъ той и потягнуть завертку; мотузокъ спрысне, дуга прысне и потаскае мотузкомъ стрилку. Се вже меткиша выдумка и забавка справниша, хочъ и морочлывиша, покы зробыть іи. А вцилыть надежниша. Завертку тильки ту краще выроблювать у тій деревыни, а не зъ боку,—саме противъ ярка того,—тоди легше можно уцилыть, бо якъ зъ боку, то у косыну йде стрила, а тутъ уже ривно. Прымиръ добрый

треба мать, щобъ, якъ зъ боку завертка, пустыть по лыни стрилку. А якъ у середыни, то сама йде якъ по шнурку.

Ухытряются ще краще направыть стрилу и дать ій бильшъ розгону: замисть того ярка, що по ёму йде стрила, та роблять дирку—такъ якъ дудку. За-для сёго на той ярокъ та накладують зверху ще таку саму деревынку яркомъ до ярка, тильки трохы тоншу, щобъ выднищъ було стрилку, якъ цилыться. А ни, то ще краще: уробляють у ярку дудку, хочъ изъ очерету, або що, и въ ту дудку управляють стрилу. Дугу або знызу прыбывають у кинци, зробывшы дирку на неи, або й на тимъ самимъ мисци буде, якъ умистытся.

48. **Рижкы** (праща).

Знайдуть де диты таку палычку, що у верси йде на два рижкы: гылячкы поростуть. Одъ картуза одчепыть резынку,—а ни, де отъ черевыкивъ старыхъ навытягують, або зъ выступцивъ старыхъ (калёшъ) навыризують та назшывають, та сплетуть мотузочку; або й увъ односталку.—Резыною тіею перевьяжуть ти кинци, що въ палычци зъ рижкамы. Зъ паперу або зъ ганчирыны зроблять кулю, закотывшы папирыну тисно у цыгарку и перегнувшы іи у двое. Такъ якъ скобель вона буде, тильки гнуча звисно. Зачеплять за резынку ціею кулею и ливою рукою держать рижкы за ту одну палычку, а правою здушать обыдва кинци кули тіеи и натягують кулею резыну. Добре натягне, прыцилытся, пустыть—резына и одшвырне кулю,—та такъ, гиршъ якъ лозыною порсне и сынякъ набижыть, якъ у тило влучыть. Нароблять багато такыхъ рижкивъ, та одне у одного диты якъ заходятся улучать. Таке заведуть, що не розберешъ, хто кого й боится, хто тикае, а хто гонытся.

49. **Ральце.**

Диты що де побачуть—усячыну й соби переймають. Бачать, що стари граблямы громадять сино, копають лопатамы землю, видрамы воду носять, орють плугамы и такого инчого багато. Отъ воны й соби и грабли, и лопаты, й видра, й плужкы,—все

це пороблять. Видра, або дижкы, якъ треба на швыдку́ зробыть, зъ огирка (жовтяка) репаного выроблять и граются нымъ. Колы треба, й картопля напоготови, якъ нема иншого матеріялу. Са̀ма-жъ найулюбленниша забавка—се ральце. Якъ роблять ёго диты, то небезпреминно вдають, щобъ воно уточнишъ таке було, якъ и те, що нымъ роблять стари. Зъ довгои и товстои лозыны выроблять стебло (стеблыну), у ёму продовбають диркы въ товщимъ краи: одну на самимъ ажъ краи, другу одъ неи, на такъ якъ напьядь,—а третю одъ другои ще трошкы дали. Диркы си продовбани будуть удовшъ стебла и сами будуть продовгуваст̆и. До сыхъ дирокъ прымиряють щобъ увійшлы у ихъ дви товстенькыхъ дощечкы, завдовшъ хочъ и зъ пивъ-аршына. Звутся воны сто́вбамы. Зъ одныхъ краивъ стовба повынни буть зарубкы, щобъ не пролазылы у ти диркы. А други кинци стовба будуть трохы зстругани, тончи... До стебла роблять зубо́къ або зубъ. Утовшъ ривный зъ стебломъ, або ще й ыыршый трошкы. И въ зубку таки сами на миру роблять диркы, якъ и въ стебли. Сама-жъ найвыдатниша ричъ—чепига. Якъ іи немае, то й думкы робыть рало не буде. Чепига не робытся, а тильки оброблюется, бо вона росте на дереви. Шукають межъ деревомъ, чы немае це такого, подобного чого на чепигу. Якъ де набачать, що одъ гилякы одросла друга такъ наче въ торчъ одъ неи—ото й буде деревына «подобна». Іи тоди оброблюють гарно, щобъ товщый кинець бувъ ривный утовшкы зъ стебломъ; а тончый—щобъ у руку було добре взять. Якъ немае нигде саморіднёи чепигы, то тоди—(нужда законъ переставляе)—роблять такъ: знайдуть таке, якъ держано у чепигы, зъ-загнутымъ ще й краемъ. Якъ йе чепига, то й зубка не треба; а якъ немае, то й безъ ёго ничого не буде.

Зъ зубка безъ чепигы (се частишъ бувае) роблять ральце такъ: кризь зубокъ пропыляють обыдви стовбы (якъ колы то й одною обходятся) ажъ у стебло и у стебли ихъ прыплишують клынцямы, а у третю, що скраю, черезъ стебло уже у зубокъ пропускають ручку и у зубку прывирчують наослаби тыблыкомъ, а ни то заплишують и тутъ. Рало готове; якъ треба, щобъ глыбше йшло у землю, стебло на сто́вбахъ пиднимають

выще, а якъ мильче, то опускають внызъ ёго по стóвбахъ. Якъ зроблять уже геть, то диты берутся за стебло и везуть, а одынъ берется за ручку и держыть якъ слидъ рало, щобъ у землю йшло. Щобъ скыбу робыло рало, до ёго прыбывають и палычку зъ правого боку—таку дощечку, коло стебла іи прыбьють, а коло чепигы (коло ручкы) іи одводять подали на тыблеви. Отъ вона йде и землю кладе на бикъ. Щобъ легше у земли йшло рало, зубокъ гостро загострюется (а у велыкыхъ ралахъ, то й зализныкъ надивается) й коло переднеи стóвбы одъ зубка до стебла пидставляется жабка, на тры вуглы дощечка, однымъ вугломъ у передъ вона ставытся и здавлюется стебломъ и зубкомъ коло переднеи стовбы, черезъ те й не впаде. Якъ же готова йе чепига, то це все такъ само робытся, тильки вже стебло уробляется у чепигу—у ручку пры самому зломи, а у товщому кинци, де затесано на зубокъ, тамъ ти сами диркы нужны на стовбы. Сказать—то зрощеный зубокъ, и ручка буде чепига.

Палычка й сюды прыроблюется. Лисъ теперъ упрыщеный, то й трудно де й знайты самородню чепигу. Черезъ те й повчылысь тулыть чепигу зъ двохъ деревынокъ.

50. **Ковинькы (патерычкы).**

Ходыть зъ ковинькамы диты не дуже охочи,—бычыкы имъ справнишп. А робыть ковинькы—се забавка любьязна имъ. На огни зъ лозыны запарять одынъ кинець и загнуть. Звьязану положать—нехай засхне. Оброблять іи потимъ и, погравшысь, дають малымъ ще дитямъ. Зимою зъ соломы гнуть. Тутъ дуже треба вже метко. Зигне соломынку у ковиньку, послыныть и пружомъ у полумья-й назадъ. Разъ такъ, або й два. Ковиныча затужавила. Обробыть тильки. Одкусюе кинець одынъ коротенькый, а другый довшый. Роблять, покы не обрыдне. Стари люблять и зъ патерыцею ходыть. Зъ соломынокъ роблять тильки для забавы, що, мовъ, догадавсь, що соломынка помочена на огни зогнется, якъ самъ зигнешъ, и не росправытся.

51. **Свистокъ (свыщыкъ).**

Свыстять диты часто: часомъ свыстыть котре писню, або такъ у ладъ перебирае языкомъ кризь зубы. Велыки хлопци то й дудочкы выробляіть пидъ языкъ, або й губамы; а часомъ свыстять, щобъ подать голосъ, де хто йе. Йе—свыстять дуже: а) губамы самымы, б) ще дужче кризь зубы, в) а ще дужче пидъ языкъ. Якъ же ще треба дужче, щобъ и далеко дуже почулы, то кладуть два пальци въ ротъ: середульшый и або пидмызынокъ, або показательный, и за зубы ныжни загынають, зробывшы ярокъ межъ пальцямы, и тоди свыстять дужче. Иноди вкладають пидъ губу горихъ-свыстунъ (порожній зъ дирочкою), але пальцямы дужче свысне. Диты уміють свыстаннямы пидробляться пидъ птыцю яку: часомъ добре такы іи передражнюють! Крывлять сову, сыча. За-для цего стулюють два велыки пальци и обыдви долони до купы. Межъ долонямы порожнёго миста багато, а щилыны нигде ніякои не пускають, тильки мижъ щиколоткамы двохъ велыкыхъ пальцивъ ярочокъ такый пропускають. У цей ярочокъ дмуть зъ одного краю, то воно й свыстыть по-птычому; а щобъ хававкать у стать такъ, якъ сова, перебирають долонямы—то розтулюючы ихъ, то стулюючы. Складають и такъ долони: усима пальцямы правои рукы прыкладе до чотырёхъ середнихъ суставивъ пальцивъ ливои и ти загне, здушыть ными ци пальци. Межъ долонямы буде пусто, порожне, а велыкый палець правои достане тильки трохы не до кисточкы велыкого пальця ливои рукы, а дали по-надъ велыкымъ пальцемъ ливои буде шыроченька щилына. Укласты трохы ажъ за ниготь ливои рукы вел. палець, прытуленый до тыхъ пальцивъ щильно, у ротъ и дуть. Духъ пиде у ту щилыну, засвыстыть по-птычи, и долонямы то одрывать, то прытулювать, и буде хававкання, якъ ото въ сыча. У Суботови й у стинкахъ по пидъ Чыгырыномъ диты що-осены якъ пасуть по лугахъ та по очеретахъ по-надъ Тясмыномъ, то й безъ ничого—горломъ своимъ такъ пидроблюются пидъ клекитъ якоись ночнои птыци, иноди й пидъ сову, що хто не прывыкъ до цёго клекоту, то сумъ якыйсь находыть на душу. А въ ихъ це пере-

клычка часта и дуже въ моди. Тымъ, що чутна вона (за версту и за дви долунае), іи часто вжываютъ, щобъ не розійтысь зъ кунпаніею; а иноди хочъ и одно де тамъ по болотахъ ловыть, то соби, у-у-укае,—наче за-для розвагы своеи, або й такъ соби: «ни, якъ же безъ цёго?». Щобъ посвыстить ще инче, роблять свысткы—пыщыкы усяки. Одначе ихъ роблять не стилько за-для того, щобъ краще и дужче свыснуть, скилько на те, щобъ самою роботою повтишаться, що, мовлявъ, и таке ще можно выробыть, що по-чоловичи свысне. Беруть сыру вербыну утовщъ якъ добрый палець. Де не мае сучечка, тамъ одрижуть край спуховато (косо). Завдальшъ тежъ якъ палець удовшъ кругло кору переризують до дерева. На тимъ краи спуховатимъ, де саме довшый краекъ, одступывшы трохы, якъ на пивпальця утовщъ, зарizуютъ заризочку не глыбоку—до половыны деревынкы щобъ не дійшла. Побьють колодочкою зъ ножыка, або й такъ якымъ оцваночкомъ по тому всему навкругы мистови, що заризана кора. Постукають, щобъ кора одстала. У-литку вона й такъ не дуже то улыпла до дерева. Та заразъ и знимають ту кору зъ вербынкы. Такъ и вылущытся. Якъ уже знята кора, то на тій зарубци трошкы зризують до краю—абы ривненько було. Надинуть кору, що знята була,—буде прогайвынка. Прогайвынка и зарубка зветься голоснывъ. У ту прогайвынку, взявшы іи въ губы, подуть, то воно й свысне. Якъ заризать и зъ другого боку одъ зарубкы, та вкынуть горошынку пидъ голоснымомъ, або такъ яку смитынку, то якъ посвыстить, то воно не тильки свыститыме, а щей сюрчатыме, якъ ото й у полыцейськыхъ теперъ повелося. Зветься цей свыщыкъ и сюркомъ. Забавляются зробленымъ свыщыкомъ, або й сюркомъ, диты не довго. Швыдко набрыдае.

52. **Пыщыкъ (пыщалка).**

(Зъ дерева).

Впередъ роблять лысыцю—таку деревынку довгеньку, якъ палець удовшъ, и завтовшъ якъ палець утовшкы, зъ вырізаною посередыни зарубкою. А зъ другои деревынкы роблять таке якъ разъ, щобъ у ту зарубку увійшло. На мышіеви найшырши ро-

ступь лысткы. Отъ зъ мышійины вырвуть лыстокъ шырокый и довгый та й положать на лысыцю и надавлять отымъ чопомъ до краю. Щилыною, де лежыть якъ у лещатахъ мышійина, прыкласты до рота та й дыхать у неи то сюды то туды,—то воно й пыщыть. Дужче дуть—тоньче и дужче й пыщалочка пыщыть, а слабше—то и вона тыхиша буде.

Однаково якъ и на голосныкъ якый можно на неи заграть. Духомъ якъ перебирать, то й пыщалочка перебирае соби такъ само—и до танцивъ перебыре, абы грачъ не втомывся.

53. **Пыщалка.**

(Зъ самого мышію).

Ото якъ де йе здоровый мышій, то узять та одирвать одынъ лыстокъ, тильки не самый лыстокъ, а зъ тымъ, що обгорнуло мышійину. Тоди взять у ротъ та въ себе тягты духъ, то воно й пыщыть.

54. **Пыщалка.**

(Зъ жыта).

Саме тоди якъ жыто стане колоскы выкыдать, зирвать жытыну на половыни де и якъ-разъ на колинци на якимъ небудь, та одирвать отъ того колиньця дудочку яку завгодно удовшкы, а зъ того краю, що одъ колинця, узять дудочку у ротъ та дуть,—то воно й гра, пыщыть.

Ще й инче можно: вкоротыть ту дудочку, щобъ уся у роти помистылася, тай покласты іи на языкъ и въ ротъ утягты и дуть кризь губы и все казать: пи! пи! пи! Такъ воно ловко робытся: пика, а не выдко ничого въ роти.

55. **Пыщалка.**

(Зъ лыстка).

Зирве лыстка—зъ будь-ли чого—звычайно зъ рослыны, де лысткы наймнякши,—якъ отъ макъ. Прыкладе до губъ ёго та и просмоктуе кризь ёго духъ у себе. Хочъ и прорвется лыстокъ,

а ще довго буде пикать. Инколы, то покладе уперед лыстокъ на кулакъ, де велыкый палець зъ показательнымъ зтуляется, и пропустыть дирочку у кулакъ. Удавыть тоди у дирочку лыстокъ, якъ твердый (зъ клёну або-що), та и ляпъ тоди долонею зверху. Такъ и бахне лыстокъ одъ духу, и вже тоди тою щылыною прыкладае до губивъ та й знову пика. Разомъ и побахкае и попыщыть.—Уміють диты, и не розирвавшы лыстка, пикать. Пика-пика—набрыдне, а тоди вже покладе на кулакъ и бахне. Выходыть и навпакы: уперед попикае, а тоди бахне.

56. Дудка.

(Зъ гарбуза).

На огудыни гарбузовій ростуть дудкы здорови, а на ихъ лыстя здорове. Пры самій огудыни дудку одризать и одризать зверху лыстокъ, щобъ колинця не зачепыть. Тамъ буде въ цёму кинци, де одъ лыстка одризано, такый ярочокъ, тильки що на скризь непродавленый. Отъ цей ярочокъ и треба уздовшъ дудкы ножыкомъ проризать ажъ у середыну, щобъ другого боку дудкы не зачепыть, а протягты не бильшъ вершка, щобъ у роти помистылось, и ще трошкы розвесты цей ярокъ, щобъ духъ гараздъ проходывъ.

Якъ узять цей край у ротъ и дуть, то дудка товсто й дуже гуде, голосно пыщыть. А якъ зверху на дудци пидъ край, де одъ огудыны одризано, та попроризувать диркы на вси 8 пальцивъ, то однаково що й на сопильци можно вывесты що вгодно до танцивъ чы до спивъ. Тильки голосъ инакшый, нижъ у сопилкы.

57. Дудка.

(Зъ лозовои, або шелюговои коры).

Зъ ривнои, потовстуватои и безъ сучечкивъ лозыны вырizать хочъ и зъ аршынъ удовшъ палыцю. Одъ товщого краю хочъ и на цилу пьядь одступыть та заризать зарізку—голоснычокъ (якъ и въ сюркови); одъ цёго голоснычка вершкивъ на пивтора назадъ, ще блыжче до краю, вырізать другый голоснычокъ, тильки

трошкы довшый. По тій, що зъ краю товщого, заризочци кругомъ кору обризують ножыкомъ. Постукають колодочкою зъ ножа, або чымъ другымъ, кризь по тому краю, що довшый и зъ двома заризкамы, або такъ тисно подавыть, погладыть уздовшъ того кинця. Кора одстане и легко іи покрутыть на деревыни тій, що въ кори, и знять. Якъ знять кору, буде зъ неи така дудка, а деревынка останется. На цій деревыни, де саме заризка перша, одризать; зостанется деревынка, на цій деревынци одъ заризкы до кинця трошкы зризать ножыкомъ ривненько. Цю деревынку вкласты въ дудку. Заризочка стане коло дудкы, а кинець деревынкы дійде до заризкы у дудци—до голоснычка. У ту заризку, що коло дудкы, дуть прытулывшысь губамы. Дудка и буде тоненько грать. Дужче дуть—дужче й грать буде. А якъ хочется, щобъ и пальцямы ще перебырать, то дудку ту въ краи зогнуть треба и у дудци поробыть дирочкы на пальци, хочъ на чотыри.

58. **Сопилка**.

Зробыть таку дудку, якъ и на пукалку. У дудци зъ краю заризать голоснычокъ. Зробыть пробку круглу, щобъ щильно вона увійшла у край дудкы, до голоснычка достала—не-дали. Одынъ бикъ чуточку цеи пробкы зризуется и въ гору зризанымъ упыхается въ дудку до голоснычка. Тильки прытулыть до губивъ дирочкою тіею, що въ затычци цій, и дуть,—сопилка заграе. Поробыть и дирочкы по дудци. Можно й пальцямы перебырать и чы писни, чы танцивъ—що завгодно выграть можно. Голоснычкомъ держать у-нызъ, дирочкамы въ-гору. Якъ хочется грать и турчать, то капельку бильшъ ныжнею губою брать голоснычокъ—трохы не до половыны захоплять губою. Ся забавка у шаноби не тильки у дитей, а й у старыхъ и у дидивъ. Йе таки музычи люде, що й горе нею соби розважыть уміють.—Трохы не сплять зъ нею. До сопилкы й прыспивують:

«Грай, сопилочко, грай
Та не вразы мого серденька въ край».

59. **Выгранъ**.

Цыгане роблять зъ свлиза выграны. Диты ихъ купують, або миняють за крашанкы (за «биленьки»), за хлибъ, за овощы, за вгородыну. Якъ грать, то беруть у ротъ, и пальцемъ за дротыну торкае и все бренчыть. То воно й выходыть—«гивъ-гивъ-говъ-говъ» «гивъ-гивъ-говъ-говъ». Губамы, розтулывшы зубы, держыть скобель, а за дротыкъ пальцемъ усе зачепае. Дўже до смаку ця забавка вивчарямъ. Цыгане добре на ихъ грають, а йе и зъ мужыкивъ (зъ украинцивъ) вдали на цю забавку. Такъ йе—грають, що нарошне збыраются люде послухать. Наче у земли далеко десь хтось жалибно вуркоче.

60. **Скрыпка**.

(Зъ очеретынокъ).

Ухытряются бильши зъ дитей робыть зъ нытокъ струны на дощечци и смычокъ зъ нyткы на палычци,—одначе це ридко поводытся. Частій роблять скрыпку зъ дудокъ очеретяныхъ. На дудци одъ колинця до колинця выйме тонкуватыхъ дви очеретыны и пидниме на закладынкахъ, а найкраще дудку потрощыть посередыни на четверо або-що, поколоть іи. Та дви одколыни очеретыны пиднять и въ однимъ краи коло колина и въ другимъ. Смычокъ зъ очеретыны. И по тыхъ двохъ одведеныхъ очеретынкахъ водять очеретыною—то воно й грае-цугыкае. Цугыкають диты и зъ казкы про «телесыка» прыспивують: «цугы-цугы, скрыпочка, тутъ була лысочка».

61. **Пыщалка зъ рижкомъ**.

(Очеретына и роговый рижокъ).

У очеретынци, не товстій коло колинця, пидрижуть язычокъ. Якъ узять у ротъ усе колинце зъ языкомъ и дуть, то воно пыщыть дуже и тонко, а якъ на край цеи цивкы та надить ще й рижокъ, хочъ зъ скотыны, хочъ и зъ дерева, нарошне выробленый, то буде такъ браво грать, що й сказать ніякъ. А якъ поробыть у очеретынци и дирочкы для пальцивъ, щобъ перебирать,

то краще ніякъ уже буть,—такъ хороше грае: мали диты тильки слухають, а грать,—то тильки пробуются. Бильши жъ то и грать и робыть цю забавку дуже кваплятся. Гра на цёму рижкови дуже подобается дивоцтву и жиноцтву. И вулыцю готови дивкы кынуть и иты туды, де на рижокъ который зъ парубкивъ до-ладу грае. Хочъ и до танцивъ, то жалю багато въ цій гри йе, черезъ те й прыгортуе вона до себе дуже усихъ.

62. **Цынбалы.**

(Зъ очерету).

Бачать диты, що грають на цынбалахъ—ну й соби робыть. Нарижуть зъ обома колинцямы ривныхъ дудокъ зъ очерету и потрощать ихъ посередыни кожну хочъ на четверо. Беруть дви палычкы, а скорійшъ очеретынкы, и на ихъ знызують уси дудкы, забираючы на ти палычкы по одній одколеній очеретыни у-гору. Уси зныжуть и по ихъ бьють палычкамы.—Очеретынкы бреньчать-грають.

63. **Конықъ (свыстунъ).**

Готови зъ глыны гапчари выроблюють маленьки конықы и по шагу ихъ продають. Батькы та матери й купують ихъ дитямъ. Въ середыни винъ порожній и на спыни дви дирочкы за-для двохъ пальцивъ. А въ хвости, саме важлывише, роблять голосныкъ, точнисенько якъ и въ сопильци. Кризь хвистъ дирка (а хвостыкъ угору буде непреминно задраный, щобъ у ротъ добре брать); дирка ця йде ажъ у жывитъ коневи. Трошкы нызче хвоста у дирку пророблюется голосычокъ той. У хвостыкъ дуть. Воно засвыстыть, а якъ пальцямы перебырать по дирочкахъ тыхъ двохъ, то воно и браво такы здается якъ грае. А дытыни и играшка, и забавка не абы-яка!

64. **Дзызкавка.**

Хочъ помижъ зубкамы на гребини—тимъ, що на ёму прядуть, а хочъ помижъ зубкамы на гребинци, що голову чешуть нымъ, укладуть папирыну зъ конхфета або що, прыкладуть до

рота злегка. Прыторкуются до папирцю злегка и дмуть у папиръ—дзъ, дзъ, дзъ,—задзызчыть тоненько. Языкомъ у роти перебывать, то воно й браво выграе. Танцюють пидъ це дзызкання й спиваютъ.

65. Валабайка.

Диты беруть взиръ зъ усихъ музыкъ, яки йе у старыхъ, и соби вытулюють щось похоже. Роблять балабайку и на тры струны на дощечци зъ нытокъ. Беруть гребинь той, що прядуть прядыво на ёму, и по ёму бренкотять пальцямы у перебиръ. Беруть пылку подовжню и по ій якъ по цынбалахъ у-перебиръ бьють, чы й у сковороду, або що.

Якъ лопне пузырь зъ тарахкотёла свынячый, на обручыкъ натягнуть, тай бубонять у його якъ у бубонъ справжній. Перебиръ усе пидбырають бравый—козака, дудочкы, дрибушкы. Передражнюють звоны—якъ «у въ усй дзвонять». Настоящои жъ балабайкы ридко вже хто вміе зробыты. Готови йе купують, такъ не те такы: швыдко не докупышся. Ото на гребини тильки й пограють,—похоже на балабайку.

66. Дзызкавка.

(Зъ чайкы, або хруща).

По весни упіймають диты чайку, якъ уже стануть литать по молодихъ бурьянахъ, або хруща, якъ у зеленому жыти, або у садкахъ стануть попадаться (чайкы попередъ хрущивъ налитають). У чайкы, якъ и въ хруща, по двое крылець на обохъ бокахъ—одни тверди, а пидъ ными тоненьки, мьяки. Отъ ци тверди крыльця прошывать на голку, або ныточку, або на тоненьку палычку, и держать у рукахъ за два краи, а посередыни на крыльцяхъ выситыме чайка (чы тамъ хрущъ) и хотитыме бидне летить, а саме тоди ще й подуть якъ бы губамы,—то воно кругомъ голкы, або палочкы крутытся,—та такъ швыдко, що й невыдко—тильки дзыжчыть добре. Пустыть,—той зъ палычкою залетыть далеко; але диты подзызкотять—тай пустять зновъ на свитъ Божый.

67. Дзызкавка.

(Зъ очеретыны).

Увъ очеретыни йе таке, якъ папыросна бумага. Отъ очеретяну дудку безъ колинець зризують посередыни ажъ до теи папирыны. На кинцяхъ дудкы тильки не зризують. У одному краи папирець цей продушують ножыкомъ,—якъ разъ ткнуть нымъ. У той край, де не проткнуто, дуть ротомъ и казать (непреминно) «гу»—густы все. Отъ воно гуде и дзызкотыть. Це й буде дудка—дзызкавка.

68. Морока.

(Зъ мышію робытся).

Вырвать дви мышійины лыстати и росколоть ихъ посередыни трохы не до краю. Вырізать дви дудочкы зъ жыта чы пшеныци, щобъ булы напоготови. Розризани ти дви мышійины вкласты одна въ одну—якъ лещата въ лещата узять, щобъ однымъ кинцемъ зачепыть другый. Кинци звесты одынъ до одного, склавшы мышійины, и закласты у дудочку обыдва. Такъ само закласты у дудочку другу и краи два и два. И тоди обыдви дудочкы посунуть ажъ до краю. Це и буде морока: якъ ихъ рознять, ци лещатка, и дудочокъ нескыдаючы и нигде не розрываючы? треба розморочыть. Розморочують отакъ. Розсунуты дудочкы ажъ на краи и не розризани краи мышію упыхаты у дудочкы; нерозризаный край однои упыхать у дудочку, надиту на другу мышійину, а цей въ ту. Якъ упхнуть обыдва краи, то зсовують тоди дудочкы одну до однои, щобъ неризани краи выглядалы зъ дудочокъ. За ци крайкы и тягты. Воны выймутся, а дудочкы на краяхъ у ихъ будуть, тильки одна дудочка перейде на другу мышійину, а зъ цеи на ту. Забавка—покы зробышъ мороку, забавка—покы й розморочышь іи.

69. Морока.

(Зъ реминьця).

Узять довгенькый реминьчыкъ, якъ отъ наконешнычокъ у батога. На обохъ краяхъ прорізать петли. Знайты одну дощечку

и въ ій на краяхъ продовбать дирочкы тай затягты першъ у въ одну дирку, потимъ по-за-дощечкою вытягты у другу и запетлювать: у петлю, що выйде зъ другои диркы, протягты другый край реминьця.

Запетлювавшы у цій дощечци, шукать другу дощечку и въ ній продовбать тры дирочкы: дви на краяхъ, а одну посередыни. Незапетлёваный край реминьця затягты у другу дощечку отакъ: петельку протягнуть у крайню дирочку, помынуть середню, затягты у другу крайню дирочку, ажъ тоди тягты петельку у середню дирочку. И добре сюды вытягты та знову у ту першу крайню дирку, де вже йе реминець, протягты петлю цю (назустричь уже). Якъ вытягты, то въ ту петельку пропхнуть усю запетлёвану другу дощечку, тай знову назадъ тягты петельку, та ще й скризь мицненько попрытягувать. Будуть обыдви дощечкы запетлёвани. Морока зроблена. Хто не знае, хай розморочыть. Бо хто знае, якъ заморочыты, то той легко й розморочыть. Часомъ якъ хто, пиднесе кому знаючому цю мороку, думае, що той не знае ще, то той и каже: «дуры кого другого».

70. **Морока („баранець“).**

Выготовлять шисть однаковыхъ палычокъ на чотыри вýглы жодна. Зроблять зъ ихъ лысыци таки. Одну пару лысычокъ цихъ складуть одна до одной, вырызка до вырызкы, и щобъ до миры булы! Другу пару зробыть на взирець таку саму, а вырызкы таки щобъ булы, щобъ якъ скласты ихъ на манирь, якъ и перша пара складается, то у ихъ у середыну улизла-бъ перша парка. А якъ готови будуть, то нымы и обнять першу пару посередыни. Лысыци, сказать, узять у други лысыци. Якъ узять лысыци въ лысыци, то зъ бокивъ будуть диркы межъ лысыцямы. Дви диркы, ти що не затулени верхнимы лысычкамы, будуть таки завбильшъ, що и въ ихъ у кожну ще по одній лысыци можно пропхнуть. Отутъ и вси хытрощи. Пропхнуть треба такъ, щобъ третя пара лысычокъ обняла тисно другу пару лысычокъ—тáкъ завтиснишъ, щобъ баранець (воно выйде такый баранчыкъ) не роспався самъ, хочъ и якъ нымъ перекыдатыся («граться»). А баранець выйде— що й подывытысь любо

71. **Морока**.

(Зъ сырого шелюгу, або лозыны).

Сыру шелюжыну, або лозыну (утовщъ зъ палець, удовшъ зъ аршынъ), на одному краи (якому небудь) застругать, якъ дощечку, зъ чотырёхъ вугливъ и въ цимъ краи саме посередыни кинчастымъ ножемъ, або кискою, продовбать дирку вугласту, не дуже по́малу. На цій шелюжыни тымъ самымъ ножемъ на бильшому краи, що незструганый, оддилыть коры стёжку, щобъ тильки не до краивъ. Буде таке, якъ лучокъ, якъ трохы зигнуть шелюжыну цю. Загынать на тому боци, де саме оддилена кора одъ стебла. Якъ зигнуть дужче ще, то кора геть одвысне, и іи саме на середыни зигнуть и ту петельку упхнуть у ту дирочку вугласту и протягты чымаленько. Хоча, бувае, и наломытся шелюжына, якъ іи згынать, про те ничо́го: ще краще тоди зъ нею пораться, абы тильки зовсимъ не роспалась на двое; а теперъ треба узять коротчый цурпалочокъ шелюговый, або лозовый, и по-половыни на двое перерызать, не до краю, а тильки до коры и ту кору щей пооддилять одъ стебла, по краяхъ перерызавъ, и сами краи ци понадризувать потроху, щобъ бильша стежка зъ коры була и щобъ удобнише було зъ нею ворочатысь. И ажъ допиру затягты одынъ край у ту петлю, що у першій лозыни зроблена. Затягты тай пустыть помалу, хай соби усе стане на своій мири, а якъ вже лозына перша не росправытся сама, то іи треба вже самому помалу росправыть. Якъ росправытся, то вона у вугласту дирку сама протягне за собою другу петлю зъ другои лозы, и морока кончена—заморочена. Хто не знае, попозаглядае коло неи, якъ іи розморочыть, розризныть одну лозыну одъ другои, не рвавшы коры. А хто знае вже, то, звисно, зигне назадъ першу лозыну зъ петли.—Найкраще цю мороку робыты зъ сырого соняшныка: на ёму не выдно, чы зломленый винъ по половыни, чы ни, и вгадаты, що незигнувшы не выведешъ одпои петли другои.

72. **Морока.**

(Зъ пояса роспытлюваться).

Котрый небудь хлопець визьме свого пояса, зкладе удвое, саме де петля—визьме рукою и протягне коло пазухы у рукавъ чы свиткы, чы й сорочкы и прошылы́ть по руци ажъ у закаврапи, геть петлю ту вытягне на двиръ черезъ увесь рукавъ. А два краи зъ пояса, що такъ соби, зосталысь зъ цёго краю, що пишовъ у пазуху. Якъ же петлю вытягне зъ рукава, то тоди у ту петлю прошыляе ци обыдва краи пояса. Пошылыть, тай держыть за ихъ рукою, а ни—прывьяже до чого й каже: «а ну роспетлюйся». Той тоди и мусуе, усякъ роскыдае головою, якъ бы ёго такъ роспетлюватысь.

Роспетлёвуются такъ: рукою, що незапетлёваный рукавъ, беруть петлю и надивають на свою голову, а потимъ іи тягнуть чере́зъ станъ на ногы, а тоди ногамы выступыть зъ петли и поясъ роспетлюется. Геть увесь прорне хлопець кризь петлю.

73. **Морока.**

(Зъ пояса—вузолъ розвьязать).

Заморочыть такъ: посередъ пояса зробыть вузолъ. Такымъ самымъ вузломъ, зробленымъ на обохъ краяхъ, прывьязать будь-ли кому за рукы. Тоди й загадать, щобъ той, кому прывьязаный поясъ, розвьязавъ середній, що въ самый передъ зробленый бувъ, вузолъ насередъ пояса, щобъ тильки вузливъ на рукахъ не розвьязувать и не скыдать зъ рукъ.

Щобъ розвьязать вузолъ середній, треба, щобъ трохы на ослаби и винъ бувъ звьязаный и ти два вузлы, що на рукахъ.— Тоди будь-ли якою рукою взять ту сталку, що йде поверхъ прывьязаного до рукы краю, тай тягты до рукы, надить на руку ажъ по-за вузломъ, що на руци, та по-пидъ вузломъ другою слободною рукою по са́мимъ тили протягты стильки, щобъ руку (жменю) прошылыть и держать, покы рука ця пролизе, а якъ пройде, такъ заразъ и ростягты поясъ рукамы—вузолъ и розійдется, розвьяжется.

74. **Морока (загадка).**

(Зробыть дви петли за разъ—на поясы, або й на будь-ли чому).

Загадують загадкы на словахъ, загадують загадкы и на дили. Зробыть дви петли въ одынъ разъ—завдасть хто завдачу: хто не знае, той не прыгадае. Хиба ридко хто потрапыть, тай зъ довгою морокою. Бувае, що й покаже, якъ воно зробыть треба, и то не вкмитыть друге швыдко. Оце прыйде зъ поясомъ на рукахъ хто до кого та шморгъ и вытягне передъ очыма дви петли въ-разъ, тай каже: а ну вытягны ты. И зайде морока. А воно робытся такъ. Спершу поясъ кладется на дви рукы петлямы, якъ налыгачъ на рогы корови,—тильки обыдва краи пускаются довши наверле́.

Зробывшы такъ, треба потимъ правою рукою та всею жменею узять коло лившы ту сталку, що одъ себе. Ливою рукою такъ же само взяты коло правши. Мицно забравшы въ рукы сталкы, потягты, щобъ рукы зъ своихъ петель повылазылы геть, и потягты. Вытягнутся дви петли зъ одного вузла, бо якъ тягты, то краи непреминно зашморгнутся, а выйдуть тильки дви петли—ривни.

75. **Загадка (морока).**

(На два вузлы на однимъ поясы).

Така сама и це загадка-морока на два вузлы на однимъ поясы, або й мотузци, яка на дви петли—морока. Робытся такъ спершу. У двое складеный поясъ запетлёвують такъ, якъ ото и въ рукавъ, тай держать у рукахъ ливою за петлю двохсталкову, правою—два краи пояса.

Зробывшы таку петлю, заразъ продить у неи усю руку праву (або й ливу) и, продившы руку, брать жменею ту що одъ себе сталку (край пояса) зъ другои рукы, а ту въ тій держать мицно и тоди швыдко потягты.

Якъ потягнуты швыдко, щобъ у лынію вытягты пояса, то зостанутся на пояси два вузлы. Такъ саме заморочують и на бильшъ вузливъ—на тры, чотыри й на пьять.

76. **Морока на шыйку до батога.**

Батигъ надивается на пужално шыйкою, що двома петлямы складается до купы. Двома рукамы іи зробыть легко, якъ хто уміе іи робыть, а вже одніею рукою, хочъ и знаешъ якъ вона робытся, не складешъ такъ легко: гараздъ треба головою роскынуты, щобъ догадатысь, якъ іи складты. Щобъ попробувать, беруть поясъ,—винъ найскоришъ напо́хвати. Складають ёго усякъ, щобъ зробылась шыйка на батигъ. Прыбырають усякыхъ способивъ. Найшвыдче отсымъ доходять. Складуть поясъ наполовыну у-двое—петлею дило (одну руку ховають за пазуху, або за очкуръ стромляють, щобъ нею не орудовать). Той край, що ызомъ пишовъ по-пидъ другымъ краемъ, завирчують тежъ петлею, краемъ наверхъ. Тоди цю другу петлю злегка, щобъ не розсунулась, беруть у руку и кладуть на першу, або першу на неи и, здавывшы обыдви у руци, струснуть іи; краи опустятся у-ызъ, а въ руци зостанется шыйка на батигъ.

77. **Морока—покласты десять палочокъ навхрестъ черезъ дви на третю.**

У самый передъ ложать на лави, або на столи, а то—то й доли на земли, пидрядъ десять палычокъ маленькыхъ, найшвыдче сирнычкивъ; такъ урядъ ихъ и класты 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1. Якый угодно сирнычокъ можна браты тай переносыть хочъ у-передъ, хочъ назадъ усе черезъ два тильки—не бильшъ и не меншъ—и класты на третій навхрестъ. Якъ выкласты вси, хто зуміе, такымъ порядкомъ уси геть сирнычкы, той мороку зморочывъ. Але довга морока, покы попадешъ уси похрестыть сирныкы. Навить и сперщу не вгадаешъ за якый братысь. А казать нихто нехай не каже.—Щобъ мороку цю заморочыть, треба 5-й класты на 2-й; 7-й×10-й; 3-й×8-й; 9-й×6-й або й навпакы 6-й×9-й; 4-й×1

або й навпакы 1-й$\times$4-й; тоди уси будуть навхрестъ покладени и все черезъ дви на третю. Будуть уси складени такъ XX . . . . . XXX (якъ 6$\times$9, а 4$\times$1). Такъ же й розморочувать теперъ само. Якъ хто другый заморочыть, то розморочувать ще труднище самому, бо и розморочувать треба тежъ черезъ два на третій, а на порожни мисця трудно попадать и въ голови вдержувать. А хто вже зловчывся, тому байдуже.

М. Г.

Полтавскій семинаристъ въ плѣну у горцевъ.

Самовольные побѣги на «ту сторону реки Кубани» и «безъ особо нужныхъ къ тому причинъ» лицъ, принадлежавшихъ къ сословію бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) войска или хотя бы временно проживавшихъ на территоріи послѣдняго, строго запрещалось войсковой администраціей. Существовала цѣлая система карательныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ «удержанію отъ побѣговъ черезъ р. Кубань» и въ широкихъ размѣрахъ примѣнявшихся администраціей войска вплоть до 1862 г., когда граница черноморскихъ владѣній была отодвинута за р. Кубань. Виновные бѣглецы, послѣ предварительнаго допроса, снимавшагося съ нихъ въ карантинныхъ заставахъ, куда они препровождались обыкновенно пограничными разъѣздами козачьихъ «бекетовъ», а часто и самими «закубанцами» (обычный терминъ въ устахъ черноморскихъ козаковъ для обозначенія горскихъ народностей, жившихъ на Кавказѣ), матеріально заинтересованными въ доставленіи назадъ войсковыхъ перебѣжчиковъ, и послѣ «выдержанія ими опредѣленнаго карантиннаго термина», препровождались «для поступленія по законамъ» въ войсковую канцелярію. Послѣдняя обыкновенно «мнѣніемъ своимъ полагала: возвратить виновнаго на прежнее его жительство, въ прежнее состояніе», подвергнувъ его предварительно—судя по степени виновности—наказанію плетьми

отъ 50 до 100, а то и больше ударовъ. Судебное разбирательство въ такихъ случаяхъ продолжалось не долго; для судьевъ—членовъ Войсковой канцеляріи—достаточно было самого факта нарушенія подсудимымъ установленныхъ правилъ и распоряженій, чтобы возложить на него соотвѣтствующее наказаніе. Ссылки на тяжести войсковой пограничной службы, на случайное, не «злымъ намѣреніемъ» нарушеніе требованій послѣдней, какъ на мотивы, приводившіеся подсудимыми въ свое оправданіе, не имѣли въ глазахъ судилища особой цѣнности, и значенія смягчающихъ вину обстоятельствъ» имъ не придавалось такое, по крайней мѣрѣ, выносишь убѣжденіе изъ изученія «дѣлъ» Войскового Правительства Черном. каз. войска и «кременальной» экспедиціи Черноморской войсковой канцеляріи, смѣнившей въ 1801 г. названное Правительство, Но вотъ 25 іюня 1819 года членамъ войсковой канцеляріи пришлось встрѣтиться съ небывалымъ до сихъ поръ въ ихъ административно-судебной практикѣ случаемъ. «Поступленію по законамъ» подлежалъ «пойманный закубанцами, дезертировавшій за границу рѣки Кубани, «именующій себя семинаристомъ Иванъ Вакулинскій». Предварительныя дознанія, снятыя съ подсудимаго еще 17 іюня въ Екатеринодарской карантинной заставѣ, выяснили личность Вакулинскаго: онъ происходитъ изъ духовнаго сословія, его отецъ былъ настоятелемъ одной изъ приходскихъ церквей м. Решетиловки, полтавской губерніи, и даже имѣлъ санъ протоіерея. Въ карантинную заставу Вакулинскій былъ представленъ 17 іюня черкесами, получившими въ обмѣнъ за него отъ комиссара заставы 50 пуд. соли по 50 коп. за пудъ. Свои предварительныя показанія подсудимый дополнилъ въ Войсковой канцеляріи, куда его препроводили 25 іюня послѣ выдержанія карантиннаго термина; здѣсь «былъ онъ спрашиванъ» и показалъ: «обучавшись онъ Переяславской семинаріи до класса рыторики, откуда въ прошломъ 1809-мъ году, во время квартированія около города Переяслава Уланскихъ запасныхъ баталіоновъ, былъ съ прочими семинаристами подмануть въ оные безъ вѣдома духовной власти, но какъ оная часть отобрала семинаристовъ, по-

ступившихъ безъ вѣдома туда, въ томъ числѣ и меня, велѣла продолжать ученіе ихъ далѣе. Покойный же родитель мой, протоіерей Вакулинскій, услышавши о семъ, пріехалъ самъ въ городъ Переясловъ и видя меня въ жалостномъ положеніи, просилъ преосвященнаго и Консисторію тамошнюю уволить меня вовся изъ духоваго званія, но консисторія вышеуказанная заключила своимъ опредѣленіемъ: вмѣсто увольненія за такой поступокъ исключить изъ семинаріи и духовнаго званія вовся, не давъ ему никакого письменнаго документа. Я тогда, пріехавши въ домъ родителя моего, прожилъ не болѣе въ ономъ, какъ одинъ годъ въ надеждѣ той, что рано или поздно ошибки молодыхъ людей посредствомъ благодѣянія могутъ исправиться. Но какъ родитель мой померъ, я былъ учителемъ Полтавской губерніи Зѣньковскаго повѣта, въ домѣ помѣщика коллежскаго регистратора Виктора Тимченка два года;—кончивши-же курсъ своей кондиціи, поехалъ тоже для сего единственно Хорольскаго повѣта въ мѣстечко Бѣлоцерковку къ помѣщику ротмистру Александру Быковскому, который, отправляя послѣ сына своего въ Петербургъ, совѣтывалъ и ему туда же поехать,—онъ, на сіе рѣшась, поехалъ и, достигши Петербурга, просилъ медицинской тамошней академіи о принятіи его въ оную; но оная Академія его, не имѣвшаго отъ семинаріи никакого документа, не приняла; въ скорѣ же послѣ сего полковой есаулъ Бѣлой, служившій въ гвардіи, отправлялся въ переводъ оттель въ войско сіе, и онъ, услышавши отъѣздъ его, просилъ, чтобы его взялъ съ собой въ Екатеринодаръ, куда прибывши, подалъ прошеніе въ Войсковую канцелярію войска сего, и находился при письменныхъ дѣлахъ оной и по сіе время до 15 числа сего іюня.—Что же касается до содѣяннаго нимъ нынѣ поступка, онъ отъ того единственно произошелъ, что на сообщеніи сей канцеляріи, послѣдовавшемъ ему—въ причисленіи въ войско сіе непріятные преграды,—и онъ услышавши сіе, началъ безпокоиться такъ, что впалъ въ меланхолическое положеніе и отъ шума въ головѣ отъ того собственно родившагось, рѣшилъ переплыть на ту сторону навсегда, тамо и остаться, что и учинилъ

днемъ, гдѣ сейчасъ незнаетъ какимъ образомъ былъ подхваченъ черкесами, которые, завязавши ему глаза и руки, черезъ двѣ какіе то рѣки перевезли прямо въ свой аулъ, въ которомъ и находился одинъ только день, что правильно показалъ, въ томъ и подписался. Полтавской губерніи, мѣстечка Решетиловки умершаго протоіерея Лазаря Вакулинскаго сынъ Иванъ Вакуливскій».— Услышавъ эту печальную повѣсть, члены войсковой канцеляріи оказались въ затруднительномъ положеніи: передъ ними стоялъ не заурядный бѣглецъ, вслѣдствіе тяжелыхъ условій войсковой службы искавшій счастья, свободы и приволья въ горахъ, у черкесовъ; нельзя было причислить Вакулинскаго и къ разряду тѣхъ невольныхъ «плѣнниковъ», которыхъ приходилось судьямъ такъ часто подвергать наказанію за несоблюденіе ими правилъ пограничной сторожевой службы и которые, благодаря этому, попадали въ плѣнъ къ «Закубанскимъ народамъ». И личность подсудимаго, и обстоятельства, предшествовавшія побѣгу, и, наконецъ, мотивы послѣдняго были настолько своеобразны и необычны, что судьи не рѣшились примѣнить къ Вакулинскому чисто-формальные пріемы судопроизводства, какъ это практиковалось ими въ подобныхъ случаяхъ. Съ другой стороны и оправданіе подсудимаго по такимъ мотивамъ, какъ «меланхолическое» настроеніе, повлекшее за собою «шумъ въ головѣ», не было предусмотрѣно законоположеніями и правилами пограничной сторожевой службы, ясно и опредѣленно говорившими о «тяжести» наказанія за «самовольный побѣгъ» черезъ р. Кубань, «безъ вѣдома начальства» и «безъ особо нужныхъ къ тому причинъ». Желая выйти изъ такого затруднительнаго положенія, члены Войсковой канцеляріи постановили обратиться черезъ войскового Атамана полковника Матвѣева къ Херсонскому военному губернатору графу Ланжерону, главному начальнику Черноморскаго войска, за необходимыми указаніями. Послѣдній въ своемъ отвѣтѣ отъ 12 іюля т. г. на имя войскового атамана писалъ слѣдующее: «Прочитавъ рапортъ вашъ за № 3427 съ объясненіемъ выкупленнаго отъ черкесъ, показывающагося Полтавской губерніи мѣстечка Решетиловки умершаго протоіерея

Вакулинскаго сына Ивана Вакулинскаго, я не нахожу надобности предавать его сужденію по уваженію, что онъ побѣгъ учинилъ отъ меланхолическаго припадка, но предлагаю вамъ только содержать его арестомъ и, справками открывъ настоящее его жительство и званіе, представить все то моему разсмотренію, и ожидать разрѣшенія» (№ 503). Каковы были результаты этого отношенія гр. Ланжерона—изъ дѣла, къ сожалѣнію, неизвѣстно. (Дѣл. Войск. Арх. Куб. каз. войска, кн. 172, св. 75, д. № 748; стр. 22—31).

Сообщ. **С. Петлюра.**

Святъ-вечиръ.

Наставъ святъ-вечиръ. Цилисенькый день падавъ снигъ, а у вечири схопылась така велыка завирюха, що й свита Божого не выдно стало.

Гуде на двори витеръ—завыва, та кучугуры намита таки здорови, якъ ти могылы, що скризь по велыкому шляху, хто ёго зна й видколы: мабуть ще за дидового-дида.

Довго, довго ще свитылось по хатахъ, бо дила було багато у жинокъ передъ Риздвомъ; а день якый у Пылыпивку? манисинькый! Хиба вспіешъ все переробыты що треба?

Хаты хочъ и побилени булы на останнимъ тыжни, а все-жъ таки треба було ще разъ и прыпичокъ зашмаровать, и дилъ змазаты; де-хто не вправывся—прыйшлось и сорочку выкачаты й голову змыты.

Дила було багато у жинокъ, а чоловикы, зразу писля кути, завалылысь спаты.

Цилисенькый вечиръ свитылось и въ земськiй школи, що стояла на выгони, далеченько таки видъ села.

Свитылось у тiй горныци, де жыла учытелька, молода, гарна панночка. Вона ще першый рикъ якъ почала вчыты дитей. Іи помошныця пойихала въ городъ до ридни, а вона сама зосталася зъ старымъ дидомъ-сторожемъ перебуты Риздво.

Давно вже дидусь и самоваръ зогривъ и на стилъ подавъ, а Надежда Васылёвна—такъ звалы учытельку—сыдила соби мовчкы

биля столу, похылывшысь на рукы, смутна, смутна та невесела.

Горныця іи була прыбрана гарненько: постеля заслана новисенькымъ одіяломъ; на подушечкы (що булы въ червоныхъ напирнычкахъ) натягнути тонисенькы зъ мережкамы наволичкы; доли лежалы половычкы, въ кутку иконы; по стинахъ скризь высилы всякы картыны, патреты, а на виконцяхъ билесенькы, такъ и просвичуются наскризь, занависочкы.

— Надежда Васылёвна!—обизвався до неи дидъ—чого це вы сумуете, неначе послидне спеклы? Зирка вже давно просвитыла, а вы ще й доси ничого не йилы: и борщъ стоить цилисенькый, и пыригъ, що прынесла унука, лежыть на тарилочци не розлупаный; я й кашу вамъ олійкою смачненько помастывъ, а вы й не куштуете? Самоварь видколы паруе, а вы ще й доси чаю не заварылы. Що це зъ вамы подіялось?

— Охъ, дидусю! Охъ, голубчыку, чогось мени такъ важко зробылося на серци... що не хочется мени ни пыты, ни йисты и свитъ билый мени не мылый ставъ.

— Чого-жъ це такъ? Вы-жъ булы веселенькы, балакучи, прыязны, а теперъ зробылысь таки неначе батька ридного поховалы. Вы-жъ якъ Риздва дожыдалы!

— Правду кажете, дидусю, диждала я Риздва, хто ёго зна й якъ: думалось диты розійдутся, не будуть туркотиты головы, спочыну на самоти, багато де чого зроблю: чытатыму й пысатыму; радила, колы-бъ швыдче самій зостатыся... Ось и зосталась сама... диждала святого вечира... И не хочется мени ни кныжкы въ рукы браты —бачыте ото скилькы лежыть нечытаныхъ,—и пысаты ничого не хочется... Згадала, якъ ще торикъ весело, та гарно було у городи зстричать Риздво зъ матирью, та мижъ панамы, а теперъ якъ померла маты, та зосталась я сыротою, ни до кого мени пойихаты, ни зъ кимъ слова сказаты... и такъ-то, дидусю, цилисенькый викъ у васъ отутъ пропадатыму, якъ у тюрьми... отакъ и молодисть свою занапастю и помру, не бачывшы ничого доброго й не звидавшы радосты ніякои.

— Хай Богъ мылуе, що це вы кажете?

— Правду, дидусю, кажу. Добрый вы чоловикъ, а тильки не розуміете того, що робытся у мене на серци!

— Добре розумію, моя матинко, що молода вы людына, а пары вамъ немае, и боитесь вы, що тутъ іи й не знайдете.

— Ни, дидусю, я не про те... и въ думци цёго не було.

— Такъ про що-жъ?—здывовався дидъ.

— А про те... Ну якъ бы це вамъ такъ розсказаты, щобъ вы й розибралы?!... Бачыте, выросла я у городи у великій семьи, вчылась мижъ панночкамы, по празныкахъ ходыла въ гости до панивъ—весело та гарно було; а тутъ я все одна, та одна! Адже-жъ и ваши дивчата сходятся на вечорныци докупы: шуткують, спивають, танцюють! И бабы ходять одна до другои, и чоловикы збираются у волости, або такъ де въ хатахъ побалакаты про те, про се... а мени ни до кого слова промовыты, ни до кого й обизватыся.

— Адже-жъ и до васъ ходять диты, бабы й дивчата,—хиба вы мало зъ нымы балакаете?

— Э... дидусю, то балачкы не таки,—не до такыхъ я звыкла. Ось я, дидусю, чытаю кныжкы—и ни зъ кимъ мени побалакаты про те, що я чытаю. И то-жъ то цилисенькій викъ такъ буде отутъ... Гирка моя доля, дидусю, ой яка гирка! Важко молодому отакъ пропадаты!

— Ось слухайте, не плачьте, не надрывайте вы свого серця... Ось, не гнивить вы Бога... Хай плакатымете тоди, якъ справди лыхо взнаете!

— А хиба це, дидусю, й не лыхо?

— Яке-жъ це лыхо? Колы чоловикъ пры здоровьи, молодый, та гарный, йе въ нёго хлибъ, йе й до хлиба; и жыве винъ соби й копійку мае, якъ оце й вы... Мени такъ здается, що паны николы въ свити такого лыха не знають и не бачать, якъ намъ, простымъ людямъ, ёго доводытся бачыты. Ударьте-но лыхомъ объ землю, та й не сумуйте!

— Охъ, дидусю! Ну й важко-жъ мени на серци такъ, що не знаю куды й дитыся?

— А вы на те не вдаряйте, що вамъ на серци важко робытся—безъ цёго не можно прожыты никому. Однаково, якъ ота годына на двори миняется: то сонечко свитыть—то дощыкъ накрапа, то зоряно и ясно—то метелыця круте, а де колы схопытся така завирюха, що й стогы попереверта й крышы позносе й дерева зъ коринням повывертае,—то такъ точнисенько бува й на серци у кожного чоловика. Та, спасыби Богу, тильки ненадовго: на свити все мына—и радисть и печаль. Оце вы теперъ зажурылысь, а завтра сміятыметесь. Ось побачыте, колы я неправду вамъ кажу. А вы, якъ що таке прыйде вамъ на думку, видъ чого на серци стане важко,—одганяйте ёго геть видъ себе, щобъ ёго й не було. Це вы тимъ засумувалы, що нема годыны гарнои на двори и сами зосталыся, та ще й ничого не йилы цилисенькый день, и въ горныци холодно. Ось я вытоплю ще разъ грубку, бо вы вже змерзлы, ажъ помарнилы на выду; а вы тымъ часомъ заходиться та всыпте соби борщыку, та пойижте гарненько, та чайкомъ якъ запьете, то де те й лыхо динется!...

— Може воно й справди такъ, якъ вы кажете... А я ось що надумала, дидусю: добуду я у васъ до весны, а якъ диты экзаменты здадуть, пойиду я тоди соби у городъ миста шукаты.

— Якого-жъ це миста?.

— Такого-жъ самого—за учытельку, тильки панськыхъ дитей буду вчыты... Я й сама, дидусю, багато де чому вчылась: знаю якъ и нимци балакають по своему, й хранцузы, и граты на музыкы вмію, мене визьмуть до дитей у всякый замижный димъ,—сказала вона й очы іи заблыстилы зъ радощи, що надумала, якъ можно кинчыты свое сумування и зажыты такъ, якъ ій хочется: мижъ панамы, весело та гарно.

А дидусь глянувъ на неи, та тильки головою похытавъ.

— Чого це вы такъ, дидусю?

— Гирко мени слухаты, шо це вы кажете... дуже шкода буде, якъ вы пойидете видъ насъ.

— Хыба не однаково? Не я буду—друга буде.

— Добре знаю, що буде... багато вже тутъ народа попережувало—и панычивъ и панночокъ. Тильки тутъ не вдержытся

ничого добре... А якъ попадется ледащо яке—пьяныця, те довго держатыметься.

— Хыба у васъ, дидусю, й таки бувають?

— Чому ни? Тутъ мы разъ одного учытеля насылу здыхалысь. Винъ бувъ поповычъ, та не схотивъ, кажуть, ниде вчытыся; куды вже той бидный батько ёго не виддававъ, якъ винъ ёго не вговорявъ, що вже ёму й не робывъ, и бывъ, кажуть,—такъ ничого й не помоглось! Други сыны гарно повчылысь и на попы выйшлы, а це було таке убоище, що й служыты ниде не схотило, жыло соби на батькивській шыи, та байдыкы было, покы не пидійшлы ти годы, що треба було въ москали йты, такъ воно злякалось военнои муштры, та тоди тильки за кныжку взялось—экзаментъ здало на вчытеля, та до насъ и прыйихало. И що то мы зъ нымъ мукы набралыся: цилисеньку ничъ було гуля зъ волостнымы, та одно зна—по горилку мене посыла, а шынокъ бувъ далеко у сели. И що то мени оти пивъ-кварты увирылысь, до жывыхъ печинокъ... багато я ихъ попереносывъ ёму. Було прыйде винъ передъ свитомъ, ляже спать, а вранци ёго не добудышся; уже й школяры понаходять, а винъ все спыть и не чуе, якый воны галасъ у школи пиднимуть: жартують, борюкаются, одне одного почнуть чубыты, таке було зроблять, хочъ полы врижъ та тикай видъ ныхъ. А вчытель прокынется тоди, якъ сонечко высоченько пидибьется—добрымъ людямъ уже й обидаты пора, а винъ тильки встае, и покы не выпье горилкы на ще серце, такъ и не пидходь—сердытый такый, якъ та звирюка въ лиси; а пиде въ класъ и почне стусанамы годуваты ученыкивъ за те, що не такъ отвичають, якъ ёму хочется.

— Що це вы кажете, дидусю, невже винъ бывъ дитей?—зострахнулась Надежда Васылёвна.

— А то-жъ! Якъ ще й здорово бывъ: и за вуха дравъ и навколюшкы ставывъ. Що то бидни диткы попоплакалы видъ него!

— Хай Богъ мылуе! Чомъ же не жалилысь на нёго?

— Та хто-жъ бы посмивъ и кому? Хыба нашы бабы, або-жъ дядькы знають, якъ ту жалобу пысаты й куды іи подаваты? Було почне хто изъ материвъ казаты старшыни, якъ учытель дуже

дитей обижае, такъ той тильки здвыгне плечыма. — «Дурна ты!» — каже—«Це-жъ винъ такъ ихъ до ума доводыть. Хыба-жъ таки можно дитей вчыты такъ, щобъ котрый разъ и не попобыты?— И щобъ то й було зъ нашыхъ дитей, якъ-бы ихъ ще й не бывъ?! Шыбеннықы, та й годи. Я й своихъ добре луплю».—И пиде маты до-дому ковтаючы слёзы, бо хлопця іи такъ учытель торохнувъ у вухо, що у того другый мисяць головонька болыть. Не розибравшы дила, дурна баба пишла до старшыны, а винъ-же жъ первый прыятель нашому учытелю, зъ нымъ пье й гуляе, такъ стане винъ руку тягты за дитей? Якъ-разъ!

— Боже Мылосердный! Це мени й дывно слухаты!... Ну, чомъ-же-жъ батюшци не казалы за учытеля?

— Не насмилы казаты.

— Якъ-же-жъ той учытель видъ васъ видійшовъ?

— Прогналы, спасыби Богу. Прыйихавъ якось наблюдатель несподивано, а вчытель, писля доброи выпывкы, и лыкомъ не вьязавъ, очы позапухалы и ледви на ногахъ держався. Такъ той якъ глянувъ на нёго, та й балакать зъ нымъ не схотивъ: зибравъ дитей до купы и довго ихъ пытавъ про те й про се—нибы-то экзаментъ зробывъ, та якъ побачывъ, що воны ничого не тямлють и не розуміють, дуже розсердывся, а черезъ тыждень и бамага прыйшла, щобъ учытеля не було. Ну й зрадилы вси, ажъ хрестылысь, якъ винъ выйиздывъ.

— Такъ ось яки учытели бувають!—каже Надежда Васылёвна, и стало ій такъ гирко на души, уже не за себе, а за бидныхъ дитей-школяривъ, що попадають воны до такыхъ учытеливъ, котри горилку пьють и ихъ бьють....

Дидъ узявъ рядно й пишовъ по солому, а вона почала потрошку куштуваты борщыку, що дидъ наварывъ,—винъ у неи кухарювавъ, якъ умивъ. И все зъ думкы у неи не йшовъ той учытель... и шкода, шкода стало ій бидныхъ дитей.

— И за що винъ ихъ такъ обыжавъ?—дума Надежда Васылёвна.—Воны-жъ таки слухняни та гарни диты, що не доводылось ій не те що наказуваты ихъ николы, а й гриматы дуже,

або-жъ лаяты и все було вона ихъ ласкавенько вговоряла, якъ що не такъ, якъ слидъ воны зроблять, а диткы й слухалы іи. Добре вона теперъ знала, що прости мужычи диты таки, що зъ нымы що вгодно можно зробыты, тильки уміючы треба обійтысь коло ныхъ ласкавенько та прыязненько.

Солома жарко горила у грубци, въ хати зробылось тепло, ажъ душно. Воны соби сыдилы зъ дидомъ у-двохъ и пылы чаекъ: Надежда Васылёвна биля столу, а дидъ коло грубкы доли.

— Дидусю! Розскажить мени що небудь, щобъ мени веселише було на души.

— Про що-жъ я розсказуватыму, моя матинко, якъ я й самъ ничого не знаю.

— Якъ таки, щобъ вы ничого не зналы? Я цёму зроду не повирю. Хыба-жъ таки вы мало прожылы на билому свити? Багато де чого вже бачылы, багато де чого знаете; розскажить, якъ перше люде жылы? Хыба мало де чого траплялось вамъ на вашому вику?

— Э-э! На вику якъ на довгій ныви, всёго переведется.

— То-то-жъ и йе! Ось вы казалы, що я справжнёго лыха ще не бачыла, и що паны ёго николы не знають; а вы-жъ, дидусю, ёго бачылы, або-жъ пережывалы? Розскажить, а я послухаю.

— Ну, про що-жъ бы мени вамъ розсказаты?!.. Хыба ось про вищо: згадавъ я, якъ разъ мени трапылось Риздво стричать, та не такъ ще мени, якъ бидному батькови довелось святъ-вечиръ справлять такъ, якъ мабуть никому въ свити ще й не доводылось... Давно це було, я тоди ще невелычкымъ бувъ: годивъ трынадцять не бильше... Жылы мы соби не тутъ, а въ Гупаливци. Покійный батько и маты—царство имъ небесне и вичный покій, хай имъ перомъ земля—булы не таки, якъ теперъ люде насталы: воны Бога боялыся, по закону жылы и насъ, дитей, вчылы почытаты й поважаты старшыхъ и ничого чужого не займаты. А про-те, якъ лыхо прыкрутыло, сами пишлы на грихъ... И якъ-же-жъ воны каялысь и намъ, дитямъ, прыказувалы цёго ихъ гриха не

забуваты и такъ николы не робыты... Бороны Боже видъ такого лыха, видъ такои напасти, якъ имъ трапылось пережыты, у той рикъ, якъ хлибъ святый не вродывъ. Ще зъ самои весны, вырисъ винъ соби ридесенькый, а передъ тымъ якъ ёму налыватыся, настала суша, жарота, витеръ гарячый такый, що якъ вогнемъ ёго выпалывъ. Не було й пашы ни на толоци, ни на стерни; манисенька травка поросла и та посохла такъ, ажъ хрумтила пидъ ногамы. Земля порепалась, якъ той лидъ на ричци, передъ тымъ, якъ ёму роставаты. Якъ-же настала зима, то скотына бидна ревла зъ голоду. У кого ще булы запасы торишни—пойилы, хто мавъ яку одежу, худобу, або такъ що зъ хазяйства—попродавалы, позаставлялы й грошы попройидалы. Доводылось не те що биднымъ, а й багатымъ соломьяни крышы обдыраты та худобу годуваты. И зерна на насиння ни въ кого не було. Покійный батько мій багатыремъ николы не бувъ, ну а все-жъ таки и не бидувавъ до голодного году, й горя не знавъ. А тутъ якъ зосталыся безъ хлиба зъ диткамы (а насъ чы-маленько въ хати було—пьятеро, та вси таки дрибненьки), такъ и зазналы, що таке справжнимъ лыхомъ называется. Багато народу у той рикъ померло у насъ на сели; люде мовлялы—видъ жывота, а я вамъ кажу—прямисенько зъ голоду: бо якъ найидятся хлиба зъ мьякынамы, то такъ жывота й пидведе. И намъ-бы те-жъ було, якъ-бы насъ не пиддержувавъ багатырь нашого села, Тарасъ Грыгоровычъ Ковбаня. Винъ батькови кумомъ доводывся, а намъ, дитямъ, хрещенымъ батькомъ—всихъ насъ винъ до хреста державъ. Своихъ дитей у нёго не було. Люде казалы, що винъ скупый бувъ; це справди, що винъ не хотивъ хлиба свого роздаваты й грошей ридко де кому позычавъ и то за велыки проценты; люде це добре зналы и хату ёго мыналы, а про-те батька мого винъ шанувавъ и багато ёму позычавъ и хлиба й грошей. Тильки де-жъ на таку симью й напозычаться? Надокучыло й кумови даваты,—ставъ винъ и батькови видказуваты. Дожылысь мы до того, що не те що хлиба не було, а послидню картоплю дойилы. А тутъ риздвяни святкы наступають. Що ёго робыты? Дывлятся батько якъ маты побываются: слухають, якъ диткы плачуть—йисткы просять; та

таки зробылысь худи, та жовти, ажъ очы имъ позатягало,—то такъ у ныхъ серце защемыть, неначе гадюка обовье ёго—и душыть и давыть, и мисця воны соби не найдуть одъ печали. Не разъ казалы, що бралысь за налыгачъ и поглядалы въ лиси на сукъ, котрый дебелишій, щобъ петлю накынуты... та перехрестятся, зострахнутся, прочытають отченаша и пидуть соби геть видъ гриха дали.

Ось разъ—це було на самисенькый святъ-вечиръ—не знаючы де дитыся видъ дитського плачу (трое вже лежало на лави, якъ мертви, остатни лазылы такъ-сякъ по хати, якъ ти заморени мухы),—выйшлы батько зъ села... куды свитъ за очы—думка була въ ополонку кынуться, та тильки не блызько, а десь далеко, щобъ и диты не зналы. Идуть соби по дорози, голову повисывшы, а назустричъ имъ трапывся Мыкыта Сопильныкъ.

— Здоровъ бувъ Остапе! Чого це ты зажурывся?—пытается судида.

— Якъ, братику, не журытыся, колы лыхо прыкрутыло... колы другый день въ роти ни у дитей, ни у мене зернятка не було: вже трое на лави лежать, якъ мертви.

— Куды-жъ це ты мандруешъ?

— Куды?... Эхъ! краще й не пытай! страшно й казаты.

— Остапе! схаменыся! що ты надумавъ!? Перехрестысь! Ты-жъ маешъ кума багатыря!

— Що-жъ, що я ёго маю? Я вже й такъ у того багатыря набрався, що бильше вже й не дае!

— Отъ катюга проклятый! Винъ же-жъ батькомъ хрещенымъ доводытся твоимъ дитямъ, чы то-жъ то ёму не соромъ, чы то-жъ ёму не грихъ?

— Слухай, Мыкыто. Я ёго не выноватю. Спасыби ёму: винъ и такъ багато мени запомигъ. Уже давно бъ мы зъ голоду померлы, якъ-бы винъ не ратувавъ насъ зъ самисинького лита. Де жъ и ёму набратыся на таку симью? насъ семеро у хати. Я вже въ нёго такъ напозычався, що цилисенькій рикъ прыйдется ёму видробляты за самый тильки процентъ, а колы стовпъ видда-

ваты, хто его зна й колы... Де жъ мени зъ моимы злыднямы на него зибратыся! Такъ за що-жъ его лаяты?

— А за те, що ему не слидъ зъ кума проценту браты. Не зигнувся бъ винъ, якъ бы, оглядаючысь на похрестныкивъ, подарувавъ бы тоби не те що процентъ, а й стовпъ—щобъ не лежавъ винъ у тебе на думци, якъ важкый каминь. Теперъ ты що жъ? наймытъ его вичный, та й тильки: одно знатымешъ—робыты и въ день и въ ночи, хочъ бы Богъ и благословывъ тебе урожаемъ. А ты ще ему й дякуешь за те, що винъ вызволявъ тебе, якъ ты кажешъ изъ биды. Не бійся! Не дурный винъ: добре знавъ, кому гроши позычавъ; знавъ, що воны за тобою не пропадуть: колы не виддасы—все йидно видробышъ. Ты жъ до всякого дила дотепный: чы борону злагодыть, чы воза зробыть, чы стриху полаштувать, чы пичку складсты—все вміешъ, сказано на все мытець, и винъ це добре зна, що ты ему повсигда чоловикъ нужный, на всяке дило у хазяйстви у прыгоди станешъ. А ты, колы прыйдется, у самисинькы жныва, якъ люде зароблятымуть по карбованцю въ день, дурно спыну гнутымешъ у кума, процентъ видробляючы.

— Та це такъ!

— То-то й йе що такъ! Теперъ ты тильки роздумайся, хлиба въ тебе нема!

— Та де бъ винъ узявся?

— Картопли нема?

— Послидню дойилы.

— Що жъ ты теперъ маешъ робыты?

— И самъ не знаю! Зъ голоду пропадатыму. Правду тоби скажу, братику, якъ бы не грихъ, давно бъ уже повисывся, або жъ утопывся, щобъ очы мои не бачылы, якъ ти диткы бидни зъ голоду пропадають.

— А я тоби коротесенько скажу: дурни мы зъ тобою, дурни! хлибъ у насъ пидъ бокомъ йе, а мы голодомъ пропадаемъ, та журымось; адже-жъ и я такый несчасный якъ и ты, и у мене ничого йисты.

— Якый хлибъ пидъ бокомъ, що ты кажешъ?

— А те, що у твого кума въ засикахъ його пидъ саму стелю насыпано.

— Ну такъ що-жъ?

— А те, що ходимъ у ночи у-двохъ, тай наберемо мишка по два на брата!

— Богъ зъ тобою! що ты кажешъ!? Чы ты зъ глузду не зійшовъ?! Оханыся! Щобъ я пишовъ красты? Та краще голодомъ пропадатыму, а на таке дило не пиду, щобъ у чужій комори замкы видбываты. Бороны Боже! Я зъ молоду ворюгою не бувъ, а то бъ на старисть заходывся красты.

— Хто жъ тоби каже замкы видбываты? Я й самъ цёго не хочу; можно зъ цилисинькымъ замкомъ гарнесенько мукы набраты.

— Якъ же це такъ?

Мыкыта зареготався.

— Ото жъ кажу, що ты, Остапе, дурный, такъ и правда! Стильки годивъ на свити прожывъ, а того й не тямышъ, що пидставывшы драбыну, можно стриху продраты и гарнесенько влизты въ комору.

— Боже мылосердный, а грихъ велыкый красты!

— А якъ диты на твоихъ очахъ помруть зъ голоду, то тоби не грихъ?

— Ой, братику, не кажы такъ, не нагадуй про дитей... Бо я якъ згадаю про ныхъ... то такъ мени зробытся—неначе мене хто зализнымы граблямы по серцю дряпоне,—такъ заболыть воно, що крычаты хочется, щобъ люде добри рятовалы.

— Э! ни, теперъ, братику, не шукай добрыхъ людей на свити, бо яки й булы добри, уси позвирилы зъ голоду; теперъ самъ себе рятуй.

— Крадижкою? Бога боюсь... ну якъ я одважусь на таке дило?

— Адже жъ ты одважувався рукы на себе накладаты, а це жъ у Бога бильшый грихъ, нижъ красты. Украдешъ зъ нужды, покаишся батюсьци, якъ говитымешъ; Богу помолышся—Богъ и простыть, а за той грихъ нема тоби прощенія не на тимъ свити,

ни на цимъ, и нихто и не одмоле за тебе цёго гриха, такъ и пидешъ прямисинько до чортякы въ пекло.

— Боже мій! Боже! Що мени робыты? И дитей шкода й гриха боюся.

— Ну якъ знаешъ, я тебе не сылую; твоихъ дитей жаліючы кажу, а про мене хай воны пропадають зъ голоду!—

Стоять батько мовчкы, дывлятся на землю. Довго воны ще стоялы на дорози у-двохъ зъ Мыкытою, котрый ёму розсказувавъ, якъ можно все зробыть такъ лагидненько й тыхесенько, щобъ нихто про дило не довидався и не догадався. Винъ якъ на долони выкладавъ, якъ треба обернутыся такъ, щобъ усе було шыто й крыто, а батько тильки слухалы й думалы, що такъ не хочется имъ иты на цей грихъ, якъ умыраты, и все видмагалысь видъ цёго дила.

— Ну, слухай, Остапе, послидне слово тоби скажу и бильше вже й не казатыму: мы не будемо красты, а тильки потыхесеньку трошкы позычымо у Тараса Грыгоровыча. Такъ винъ намъ не дасть—то мы сами зъ нымъ передилымось и дуже не будемо ёго й обыжаты: визьмемо мишечка по два на брата, абы зъ диткамы не померты зъ голоду и Риздво перебуты: и побожымось, що колы Господь намъ уродыть, мы кумови твоему виддамо, ще й зъ процентомъ виддамо.

— Ну хыба такъ—сказалы батько, скыдаючы шапку и хрестючысь:—хай уже Богъ буде свидкомъ, що згожуюсь я на це дило тильки зъ тымъ, що я ёму виддамъ, якъ тильки Господь пошле мени хочъ трошкы святого хлиба заробыты. И батюсьци покаюсь, якъ говитыму.

Мыкыта, почувшы ци слова, зрадивъ, самъ перехрестывся й побожывся, що и винъ виддасть крадене; и пишлы воны тоди у-двохъ у село, змовляючысь, якъ се дило краще зробыты.

Наставъ святый вечиръ. Тарасъ Грыгоровычъ Ковбаня, диждавшысь зиркы, найився добре зъ робитныкамы борщу, що наварыла жинка, насолонцювався жареною рыбкою—просельцемъ, що давненько прывизъ зъ города, набухався пырижкамы зъ пряженою капустою, закусывъ узварцемъ, та кутёю зъ медомъ, за-

пывъ вечерю спотыкачемъ и, розперезавшысь, залигъ спаты на печи. У пивъ-ночи винъ прокынувся: вчулось ёму, що неначе шось на двори коло коморы гуркотыть. Тепло ёму на печи та гарно: угрився винъ такъ добре, що не хочется ёму йты на двиръ, бо морозъ здоровый. «Якъ бы хто бувъ на двори чужый, Лабко загавкавъ бы давно, а то мовчыть, мабуть нема никого»,— дума соби Ковбаня, перевертаючысь на другый бикъ. Лежыть. Спаты ёму дуже хочется и чогось и не спытся—сонъ кудысь неначе забигъ, всяки думкы почалы товктысь у голови: и про те здума и про друге нагада, и ремствуе винъ на ци думкы и ніякъ винъ видъ ныхъ не видчепытся,—такъ и лизуть, такъ и лизуть у голову; тильки сонъ розганяють дужче. Колы це винъ зновъ почувъ, неначе хто загомонивъ пидъ коморою и такъ тыхесенько, тыхесенько, а вже-жъ ёму и чуты скризь мазани стины, бо комора стоить блызенько видъ хаты.

— Невже злодій забрався?!—подумавъ Ковбаня, и тило ёму затремтило, и въ души похолонуло зъ ляку. Схопывся винъ мерщи зъ пе́чи и почавъ шукаты чобота, що кудысь завалывся. Не хотилось ёму свитыты каганьця, та ничого робыты—прыйшлось трычы сирнычкомъ чиркнуты, покы винъ розшукавъ гаспыдскій чобитъ, що завалывся пидъ лаву.

Покы Ковбаня роздумувавъ на печи, а дали по хати шамотався зъ чоботомъ та одягався, батько вспилы, прыставывшы зъ Мыкытою драбыну, стриху продраты и въ комору влизты. Мыкыта жъ, якъ побачывъ свитъ у хати, зразу мовчкы злизъ зъ драбыны и гайда до-дому навтикача, а батько тамъ зосталыся у комори.

Ковбаня, перше всёго якъ выйшовъ зъ хаты, наскочывъ на драбыну и впавъ на землю.

— Чого це ты товчешся, якъ Марко по пеклу?—почувъ винъ голосъ зъ коморы. Хочъ болило у Ковбани здорово и гулю винъ соби набывъ велыку на лоби, одначе и не застогнавъ, а потыхесеньку полизъ по драбыни подывыться, що тамъ робытся? Долизъ винъ до стрихы, де вона була продрана, ажъ баче винъ, що тамъ у комори горыть свичка, а батько—биля закрома съ пшенышнымъ борошномъ пораются.

Здывовався Ковбаня, побачывшы кума за такымъ диломъ. Знавъ винъ ёго ще змалечку; вдвохъ воны зъ нымъ гралыся, горобцивъ дралы, коней й овець паслы, и николы Остапъ ничого чужого не зачыпавъ, а колы ёго хлопци клыкалы до багатыхъ козакивъ у садокъ лизты яблокъ або жъ дуль красты, винъ николы не згожувався и дитей своихъ вчывъ чужого не браты, а тутъ и що ёму подіялось, що винъ полизъ до мене, свого благодителя и кума, борошна красты?! Чы сподивався жъ я, щобъ кумъ мій Остапъ ворюгою бувъ? Зъ роду, зъ вику я цёму-бъ не повиривъ, якъ бы своимы очыма не побачывъ,—дума Ковбаня. А батько ничого не знаючы, що тамъ робытся на драбыни, набравшы мишкы й кажуть:

— Чы ты тутъ, братику?

— Туть!—отвича Ковбаня тыхесенько, зминывшы голосъ.

— Оце жъ буду подаваты мишкы: два зъ пшенышнымъ борошномъ, а два зъ жытнимъ.

— Добре, подавай!

— А кума не чуты? Нихто не выходывъ зъ хаты?

— Ни, нихто! Кумъ теперъ писля кути хропе добре на печи! Не бійся, насыпай ще!

— Ни, буде! Годи! И того зъ роду зъ вику не взявъ бы, якъ бы бидни диткы зъ голоду не пропадалы.

Батько добре чуба нагрилы, покы стаскалы мишкы пидъ стриху и передалы Ковбани въ рукы, а той ихъ прынимавъ и зносывъ пидъ комору.

— Беры жъ що небудь изъ одежы,—каже Ковбаня.—Выкыдай швыдче кожухъ, свытку, тамъ ще на жердци вы́сять новисиньки чоботы, подавай ихъ сюды!

— Боже мене бороны, щобъ я одважывся хоть нытку взяты у кума; голый ходытыму, а цёго ввикъ не зроблю. Годи! теперъ и самъ буду вылазыты.

— Ни, куме, не телесуйся старистью тягтысь на крышу, я тебе и въ двери выпустю,—отвича Ковбаня своимъ голосомъ.

Батько якъ почулы голосъ кума, такъ и отетерилы, такъ и зомлилы, кажуть, на мисти. То имъ було душно, покы воны на-

сыпалы, та подавалы мишкы, а то ихъ зразу холодный пить пронявъ и зубы цокалы зъ переляку. А Ковбаня тымъ часомъ побудывъ хлопцивъ-робитныкивъ, засвитывъ лыхтаря, одперъ комору й прысвитывъ до батька, котрый стоявъ якъ мертвый— билый якъ глына и губы посынилы, а очы таки страшни, страшни зробылыся.

— Якъ же це ты, куме, зважывся на таке дило?—спытавъ Ковбаня.—И то тоби не соромъ и то тоби не грихъ, що ты прыйшовъ свого кума-благодителя обкрадаты?! Скильки я тоби запомагавъ, скильки рятовавъ, якъ того доброго, а ты мени отакъ оддячывъ? Мовчать батько якъ въ ротъ воды набравшы; и скильки Ковбаня не пытавъ ихъ, воны й пары зъ вустъ не пустылы.

— Ну що-жъ зъ тобою робыты?—Озвывся Ковбаня найдужче за те, що кумъ мовчыть, неначе не чуе.

— Люде добри! звьяжить ёго, злодюгу, та ведить у другу хату, заприть ёго до свита, щобъ не втикъ. А завтра треба заявыты урядныкови.

Хлопци жывенько побиглы въ хату, знайшлы вирёвку, звьязалы батькови рукы и повелы въ другу хату, де заперлы ихъ на замокъ.

Якъ стало на свитъ благословлятыся, прыйшовъ Ковбаня у ту хату, де батько просыдилы цилисиньку ничъ, все думаючы про те, якого сорому набралысь воны на цилый викъ, та що совисть свою загубылы. Воны вже й забулы про те, що диты зъ голоду дома пропадають, а думалы тильки: що то диткы скажуть, якъ дознаются, що той батько, котрый вчывъ ихъ не красты, самъ попався на крадижци и буде сыдиты у тюрьми, якъ справжній злодій. И такъ воны цилисиньку ничъ побывалысь, що зъ печали у ныхъ ажъ волосся на голови побилило якъ снигъ,

Якъ увійшовъ Ковбаня та побачывъ батькову билу голову, то ажъ зострахнувся, а дали, якъ прыдывывся якъ воны помарнилы за ничъ: зробылысь таки, якъ земля—сири, неначе ихъ зъ хреста знялы,—такъ ажъ отступывся видъ ныхъ, бо сумно було й дывыться.

Батько через сылу пиднялысь, повалылысь ёму въ ногы й кажуть:—Куме! голубчыку, просты мене Хрыста рады! Що хочешъ зо мною робы: оттипай мене добре, або жъ убый своимы рукамы, тильки не доводь дила до суда, не робы ты сорому... я жъ цёго не перенесу и все йидно пропаду; пожалій дитей моихъ, що ты ихъ у хрестъ уводывъ, воны жъ безъ мене пропащи будуть!—И гирко, гирко заплакалы.

У Ковбани въ души шось защемило, да такъ, що ажъ на очы слёзы навернулысь.

— Слухай, куме! счастя твое, що ты мени не схотивъ ничого податы зъ моеи одежи, якъ я тебе прызводывъ до цёго. Та боронь Боже, якъ бы ты мени выкынувъ хочъ свытку, або жъ чоботы, то я бъ тебе зроду звику не простывъ, а такъ якъ ты мене пожаливъ, добра мого не бравъ, то й я тебе пожалію и прощу тебе. Може й справди ты пишовъ на такый соромъ и грихъ видъ велыкого лыха; адже жъ ты доси жывъ по закону, по чести, Бога боявся! Вси жъ тебе поважалы й почыталы, якъ самого честного на сели: не дурно жъ тебе дванадцять литъ пидъ рядъ у церковни старосты выбыралы, а ты на таке дило пишовъ!?... Эхъ! Куме, куме!.. Ну, ничого! Прощаю тебе за-для святого Риздва и подарую тоби оте все борошно, що ты у мене взявъ; беры ёго зуздромъ, тильки мишкы верны назадъ!—сказавъ Ковбаня, розвьязуючы батькови рукы.

— Хай же тебе, Тарасъ Грыгоровычъ, Богъ помылуе, простыть уси твои грихы, якъ ты мене помылувавъ, и той хлибъ святый, що ты мени подарувавъ, хай поставыть передъ твоею душечкою на тимъ свити въ царстви небесномъ!—Ковбаня пиднявъ ихъ зъ колинъ и трычи зъ нымы поцилувався.

— Ходимъ же, куме, до мене въ хату Риздво стричать; може й я выноватъ у твоимъ гриху, що самъ добре зъ вечора найився, а про хрестныкивъ своихъ и про тебе, куме, й забувъ, що вы голодомъ пропадаете. Забудь и ты про це й николы не згадуй! Годи! Не сумуй и не печалься, а за жинкою и диткамы я пошлю заразъ, щобъ воны прыйшлы,—хай переобидають у мене... А якъ люде пытатымутся, що це за чудасія выйшла зъ тобою?—каза-

тыму усимъ, що це мы такъ у двохъ пошуткувалы, або жъ объ закладъ, значыть, побылысь зъ тобою: я казавъ, що нихто до мене въ комору не влизе,—всякого піймаю, а ты обищався влизты нарочыто колысь такъ, що я й не почую; такъ ось ты святкамы й прыдумавъ забавку. А такъ якъ на мое выйшло, то я тебе наказавъ и на ципури продержавъ цилисиньку ничъ,— ось и край.—Такъ Ковбаня батька передъ народомъ захыстывъ и цилисинькый рикъ годувавъ насъ, покы Царь Небесный на насъ не оглянувся и не пославъ намъ урожаю та такого, якъ давно не було.

Такъ ось, Надежда Васылёвна, що «настоящымъ» лыхомъ зветця, що воно зъ чоловикомъ робыть и до чого воно ёго прызводыть, а не те, що вы кажете. Не гнивить же Бога, и за таке лыхо, якъ вамъ трапылось, ще й лоба хрестить на церкву й Богу дякуйте!—сказавъ дидусь, розгортаючы кочергою солому, котра стала стухать у грубци.

Надежда Васылёвна неначе закамьянила, слухаючы, що дидусь ій казавъ, и розибрала вона теперъ добре, що справди іи лыхо не прыйдется до того, яке довелось перетерпиты дидовому батькови; и роздумалась вона, якъ тяжко часомъ прыходытся бидному людови, скильки горя бачыты, про яке паны не чують николы й не видають.

Въ синяхъ щось затупотило, загомонило. Надежда Васылёвна и дидусь кынулысь до дверей и побачылы цилу юрбу хлопцивъ и дивчатъ школяривъ.

— Идить, идить до мене швыденько!—нагукала на ныхъ Надежда Васылёвна.

Вси війшлы въ горныцю и нызенько поклонылыся учытельци.

— Зъ святымъ вечеромъ бувайте здорови!—весело обизвалысь диты-школяри.

— Це мы побачылы що на двори завирюха стыхла, та й змовылысь, зибравшы вашыхъ школяривъ, до васъ прыйты, бо згадалы, що вы жъ зосталыся зъ старымъ тильки дидомъ, и сумно жъ вамъ и невесело у такій вечиръ на самоти буты,—пояснyла одна зъ дивчатъ.

— Спасыби! спасыби вамъ велыке, що про мене згадалы!— казала Надежда Васылевна.—Школа такъ далеко стоить видъ села, и така метелыця було схопылась... Я вже й не сподивалась, щобъ хто провидавъ мене.

Ось стривайте трошкы, я щось прыдбала своимъ ученыкамъ: хотила на Риздво виддаты, ну все йидно—хай на святвечиръ получають.—Вона видчыныла скрыню и почала выйматы бумажни пакеты зъ ласощамы и роздаваты дитямъ горишкы, прянычкы, канхветы. А ти такъ зрадилы, що не зналы, якъ уже й дякуваты ій.

Дывытся на ныхъ Надежда Васылёвна, яки воны вси молоденьки, кругловыди, веселеньки, гарненьки: оченята такъ и горять, якъ ти зирочкы въ неби, а щокы видъ морозу—красни, красни, якъ те яблучко у Спасивку. Сміются диты, та радіють, що вона имъ ласощивъ надавала. И такъ ій робытся самій на серци весело, що хочется ій кынутысь до своихъ дитокъ-школярывъ и всихъ ихъ до себе прыгорнуты, прыголубыты и, якъ тихъ ридныхъ, поцилуваты.

Надежда Васыльевна наче зновъ на свитъ народылась; де поцилася та журба, яка було обхопыла іи зъ вечера? Теперъ ій здавалося, що бильшого счастя и бильшои втихы ниде вона не знайшла бъ, якъ повертаючысь середъ цихъ своихъ любыхъ хлопьятъ. Вона гралася зъ имы, багато имъ де-чого розсказувала и нарешти, довидавшысь, що воны не дуже то розуміють, яке це наступыло свято, розсказала имъ коротенько и про Риздво Исуса Хрыста, и про те, якъ винъ жывъ на земли и якъ научавъ людей буты мылосердными, одно одного шануваты, а ворогивъ своихъ любыты и душу свою за друга положыты. Диты слухалы іи, неначе кожне слово ловылы, та въ голови складалы, щобъ не забуты, а якъ скинчыла вона, вси повставалы и почалы дуже, дуже ій дякувать, ызенько кланяючысь.

Вси розійшлысь. Зновъ вона вдвохъ зосталась зъ дидомъ. Радила вона теперъ, що вси ци диты-школяри понеслы въ души своій Бога-Христа, котрый засіявъ въ серци ихъ, якъ та звизда Виѳліемська, що вела праведни души до Спасытеля.

— Надежда Васылёвна! Невже вы насъ покынете?—спытавъ іи дидусь.

— Ни, дидусю, теперъ вже не покыну васъ... Не покыну своихъ дитей, щобъ часомъ воны не досталысь такому прояви, якъ отой учытель, що горилку пывъ та бидныхъ дитокъ бывъ. Ни, не пойиду вже въ городъ панськыхъ дитокъ вчыты: йе й безъ мене на ныхъ тамъ багато учытеливъ, а ридко хто хоче до простыхъ дитей йихаты,—хыба зъ велыкои нужды та неволи. А я, дидусю, по добрій воли зостануся, бо шкода мени ихъ, Боже, якъ шкода! Воны—диты оци якъ ти вивци ничого не знають, а ласкави, добри, та смырни, якъ ти ягнята. Ну якъ я ихъ покыну й на кого? Перше мени казалы, що въ народній школи таки шыбеныкы, що зъ ными ничого не поробышъ,—це вже брехня: диты, якъ диты, треба тильки умиты коло ныхъ обійтысь: ласкавенько та прыязненько, такъ воны и любытымуть и слухатымуть. Спасыби вамъ, дидусю, шо вы мени про те лыхо розсказалы, що трапылось батькови вашому перетерпиты! Спасыби всимъ дитямъ моимъ, що мене згадалы у святый вечиръ. И я жъ ихъ теперъ не забуду, покы жыва буду. Вси гроши свои, яки матыму залышни, одкладатыму и кныжкы хороши купуватыму,—хай чытають, щобъ порозумнишалы. И кожну недилю и кожный празныкъ буду склыкать всихъ до себе и буду зъ ными балакаты про всячыну, що на свити робытся: якъ по чужыхъ краяхъ народъ жыве, якъ уміе трудытыся на земли своій и зна, що ій робыты, щобъ родыла гарно. Буду розсказуваты имъ, що нового кожный годъ прыдумають: чы то машыны для хазяйства, для всячыны, щобъ людямъ удобнише и швыдче було управлятыся зо всякимъ диломъ... Якъ бы воны булы вси грамотни та чыталы кныжкы про хазяйство, то зналы бъ, що тій земли робыты треба, щобъ вона хлибъ святый родыла, не прыходылось бы тоди тикаты видъ неи въ переселенци, котри теперъ вертаются сотнямы зъ далекои Сибири—боси, голи и обидрани, обшарпани и голодни—въ ридный край... Не хочу вже я теперъ, дидусю, й думаты про себе, та про свое счастя... Колы-бъ

мени Господь помигъ хочъ трошкы дитей своихъ школяривъ просвитыты и до ума ихъ подоводыты, то я бъ уже й счастлыва була!

— Помагай вамъ Бигъ!—сказавъ дидусь.

Николы ще Надежда Васылёвна на своему невелыкому вику не лягала спатытакою веселою та радистною, якъ у цей святый вечиръ.

С. Мерцъ.

По вопросу о призрѣніи слѣпыхъ и всякихъ нищихъ [1]).

„Обнимите, браты мои,
Найменшого брата....“
Шевченко.

Полтавская губ. зем. управа представила 39 очередному зем. собранію, между прочимъ, докладъ «объ устройствѣ профессіональной школы для слѣпыхъ». Послѣ оживленныхъ преній, губ. зем. собраніе, признавъ докладъ недостаточно обоснованнымъ, поручило управѣ разработать проектъ, принявъ во вниманіе указанія собранія.

Такимъ образомъ, намѣченный губ. управою вопросъ подлежитъ новой разработкѣ въ смыслѣ указаній губ. зем. собранія. Въ виду этого, мы, заинтересовавшись этимъ вопросомъ, попытаемся сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія съ своей стороны и начнемъ наши замѣтки съ исторической справки о призрѣніи слѣпыхъ и всякихъ нищихъ на Украинѣ.

I.

Съ первыхъ, можно сказать, дней по принятіи южною Русью св. крещенія, было организовано на христіанскихъ началахъ при-

---

[1]) Читано въ засѣданіи Полтавской ученой архивной Коммисіи 6 марта 1904 г.

зрѣніе больныхъ и нищихъ, и забота объ этомъ была возложена на церковное управленіе. Церковный уставъ великаго князя Владиміра передаетъ церковному управленію больницы, богадѣльни и страннопріемные дома. Князья щедрой рукой раздавали нищимъ милостыню; при монастыряхъ же устраивались больницы и богадѣльни. Вмѣстѣ съ христіанствомъ организація призрѣнія по южно-русскому примѣру распространилась въ сѣверную Русь. Въ «поученіи Кирилла», обращенномъ къ сыну Александра Невскаго, между прочимъ, выражено, что земли и дома даны князьями и боярами, «крылошанамъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ многихъ прокормленіе, обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастехъ пособіе, въ пожарахъ, въ потопѣ, плѣнныхъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе».

Въ литовско-польскій періодъ южно-русской исторіи особенно широкое развитіе призрѣнія нищихъ и убогихъ обнаруживается въ XVII в., послѣ провозглашенія на Брестскомъ соборѣ въ 1596 г. уніи и послѣдовавшей затѣмъ ожесточенной духовной борьбы православія съ католицизмомъ. Могучими поборниками православія выступили южно-русскія братства церковныя съ участіемъ знатныхъ міранъ—въ лицѣ князей и друг., съ Львовскимъ братствомъ во главѣ. Это старѣйшее по времени и славное своею дѣятельностію братство было ставропигіальнымъ, т. е. находилось въ непосредственныхъ сношеніяхъ и подъ вѣдѣніемъ вселенскаго патріарха и пользовалось правомъ избранія не только городского и сельскаго духовенства, но имѣло правомочія и при назначеніи епархіальнаго епископа. Утвержденный вселенскимъ патріархомъ уставъ Львовскаго братства послужилъ прототипомъ или образцомъ для другихъ важнѣйшихъ и второстепенныхъ братствъ. Такъ, наприм., учредители Берестейскаго братства получили и предъявили для вписанія въ актовыя книги «Чинъ Православнаго Львовскаго братства, преподанный Берестейскому братству». Изъ этого акта явствуетъ, что главная цѣль существованія и дѣятельности Берестейскаго братства заключалась «о промышленію (призрѣніи) вдовъ и сиротъ и убогихъ, немощныхъ же, тако же и странно-прилежанію (призрѣніи странниковъ); наипаче же составиша шпиталь

(богадѣльню) и неподвижну обитель училища». По отношенію же къ своимъ братчикамъ--«если съ допущенія Божія на брата будетъ яковый упадокъ и немочъ и не имѣлъ бы достатку,—маютъ ему братія помагати братскими пѣнязьми (деньгами) и въ немочи призирати» Въ свою очередь «который бы братъ яковую справу (дѣло) мѣлъ, и не умѣлъ бы своее речи справити (повести дѣло), волно ему взяти двохъ братовъ на пораду (совѣтъ) и помочъ» [1]). По Львовскому образцу имѣли уставы другія болѣе или менѣе значительныя братства: Виленское, Луцкое, Могилевское, Острожское, имѣвшія собственныя типографіи, училища и т. п.

При энергичной дѣятельности братствъ, южная Русь въ XVII в. была покрыта многочисленными шпиталями, въ которыхъ помѣщались нищіе бѣдняки и неизлѣчимо больные; иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ, иногда даже обѣднѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе: одежда, обувь, пища, постель и проч. Для завѣдыванія шпиталями назначались старшіе изъ шпитальныхъ; главное же наблюденіе за шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ, и священникамъ при церквахъ вмѣстѣ съ ктиторами (старостами церковными) [2]).

Послѣ присоединенія Малороссіи къ Россійской имперіи, южно-русскіе шпитали послужили примѣромъ для московскихъ богадѣленъ. Такъ въ 1682 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ о построеніи въ Москвѣ двухъ «шпиталенъ». А въ государствѣ и городахъ—сказано въ уставѣ—гдѣ такіе шпитали построены, великая отъ того польза, какъ ниже видно, ибо эти шпитальни по «еуропскимъ» обычаямъ будутъ имѣть слѣдующія выгоды: 1) доставлять пристанище бѣднымъ, увѣчнымъ и старымъ, особенно служилымъ военнымъ людямъ; 2) помогать отдѣлить истинно нуждающихся отъ гулящихъ бродягъ, чѣмъ можетъ по-

---

[1]) Чинъ правосл. Львовскаго братства, стр. 57.

[2]) Кіев. Стар. 1883 г. IV, 718.

ложиться конецъ воровству отъ бродягъ; 3) есть нищіе съ страшными болѣзнями, что нельзя чреватой (беременной) женщинѣ ихъ видѣть не испугавшись, и такихъ больныхъ должно лечить. Шпитали должны находиться подъ управленіемъ добраго дворянина, ради любви служащаго, и подъячаго, завѣдующаго хозяйственною частью. Средствами шпиталенъ должны послужить сборы по церквамъ[1]).

Во время ожесточенныхъ религіозныхъ преслѣдованій православія и кровопролитныхъ войнъ между козачествомъ и Польшею, масса населенія переселилась съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра въ предѣлы Малороссіи, т. е. въ черниговскую и полтавскую губ., а послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи въ 1654 г. и окончательнаго порабощенія Польшею правобережнаго населенія и уничтоженія тамъ козачества, какъ вольнаго воинскаго сословія, переселенія до того усилились, что многія правобережныя поселенія совершенно и надолго обратились въ опустошенныя «руины». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Малороссіи закипѣла духовная и общественная жизнь, и получили широкое, но своеобразное развитіе благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія по традиціямъ братствъ церковныхъ, а также цеховыхъ, пользовавшихся на родинѣ такъ наз. Магдебургскимъ правомъ. Подъ вліяніемъ этихъ традицій, по словамъ А. Я. Ефименковой[2]), «у народа естественно связываются съ религіей всѣ высшія формы духовныхъ потребностей, и народъ на практикѣ связалъ съ церковью все, что служило для ихъ удовлетворенія: церковь явилась сложнымъ учрежденіемъ, соединявшимъ въ себѣ храмъ, шпиталь и школу. И вотъ Малороссія оказалась покрытою, какъ показываютъ цифры ревизій, сохранившихся въ ревизскихъ полковыхъ книгахъ, громаднымъ количествомъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Правда, учрежденія эти были элемен-

---

[1]) Н. Сумцовъ. Культур. пережив. 357—358. Указъ приписывается вліянію проживающихъ въ Москвѣ южно-русскихъ ученыхъ Епифанія Славинецкаго или Симеона Полоцкаго (1675 и 1680 г.).

[2]) «Южно-русскія братства». Вырѣзки изъ журн. «Слово» 1879 г.

тарны, какъ элементарны были и самыя потребности, ихъ вызвавшія; но они драгоцѣнны тѣмъ, что были выдвинуты самимъ народомъ,—и уже не цивилизованнымъ мѣщанствомъ большихъ городовъ, промышленныхъ и торговыхъ центровъ, а темнымъ населеніемъ глухихъ городишекъ, мѣстечекъ и селъ Малороссіи».

Достойно особеннаго вниманія, что изъ историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи архіеп. Филарета извѣстно, между прочимъ, что въ заштат. гор. Березномъ, въ старину былъ старечій цехъ изъ нищихъ, жившихъ въ шпиталѣ; они дѣлали приношенія въ церковь. Въ томъ же городѣ былъ старечій шинокъ, построенный въ 1682 г. Село Покошичи славилось нищенскою школой[1]). Въ цитированномъ источникѣ въ рядѣ статей о братствахъ: нищенскихъ, цеховыхъ, церковныхъ, парубоцкихъ и о шпиталяхъ, встрѣчается много данныхъ о дѣятельности разныхъ братскихъ союзовъ въ сѣверо- и юго-западныхъ краяхъ и вообще на Украинѣ, но за недостаткомъ мѣста ограничиваюсь приведеннымъ примѣромъ.

Этого рода данныя наводятъ на мысль, что въ старинной Малороссіи право- и лѣвобережной, животворная идея дѣятельной христіанской любви и организованной широкой взаимопомощи, глубоко проникла въ сознаніе всѣхъ классовъ старосвѣтскаго общества, не исключая и нищихъ; при томъ союзы или братства послѣднихъ бывали иногда коллективными владѣльцами недвижимой собственности. Аналогичнаго изслѣдованія по Полтавской епархіи произведено не было, а случайно собранныя мною по губерніи данныя объ остаткахъ братствъ и цеховъ напечатаны въ статьѣ моей «Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ» (въ «Кіев. Стар.» 1885 г. X, 159—171). Но эти жалкіе остатки я характеризовалъ народною поговоркой: «Маркивъ кинь, та не Марко на нимъ; Маркова зброя, та не Маркова мова», т. е., что осталась форма, а богатое содержаніе ея исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ и духъ ихъ затерялся или затемнился, и самая память о прежней жизни братствъ—говорилъ и повторяю я—утрачена

---

[1]) Культур. пережив. 347—348.

въ живущихъ поколѣніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Высочайше утвержденныхъ 8 мая 1864 г. основныхъ положеніяхъ о церковныхъ братствахъ, какъ-бы снова открывался былой просторъ для широкой общественной взаимопомощи и просвѣтительной дѣятельности. Первое положеніе правилъ гласитъ, что цѣль учрежденія братствъ—служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви, созданіе и украшеніе православныхъ храмовъ, дѣла христіанской благотворительности, распространеніе и утвержденіе духовнаго просвѣщенія. Однако возникшее по иниціативѣ духовенства Лубенское Спасо-Преображенское братство, по утвержденному уставу поставило во главу угла «попеченіе о преуспѣяніи *церковно-приходскихъ* школъ» въ городѣ и уѣздѣ (§ 2). Отдѣленія братства предположено открывать *только* въ такихъ приходахъ, гдѣ существуютъ *церковно-приходскія* школы, и открывать, главнымъ образомъ, въ видахъ попеченія объ этихъ школахъ (§ 21). Впрочемъ сдѣлана оговорка (§ 3), что «братство, сосредоточивая *на первыхъ порахъ* свою дѣятельность на церковно-приходскихъ школахъ, направляетъ и дѣла благотворительности *прежде всего* на учащихся въ этихъ школахъ. Тѣмъ не менѣе судя по ежегоднымъ отчетамъ, братство повидимому не помышляетъ объ измѣненіи столь односторонняго направленія своей дѣятельности и попеченій. Но, по крайней мѣрѣ, Лубенское братство, по преданіямъ старины, всетаки состоитъ хоть изъ *братчиковъ* старшихъ и младшихъ; зато Полтавское Св.-Макаріевское братство уже наравнѣ со всякими свѣтскими обществами, состоитъ изъ *членовъ:* почетныхъ, дѣйствительныхъ и соревнователей. Дѣятельность этого братства такая же односторонняя, какъ и Лубенскаго братства, распространяется (за исключеніемъ названнаго уѣзда), на всю губернію. Такимъ образомъ, совершенно ясно и непререкаемо, что оба братства оставили безъ вниманія глубоко поучительную исторію, духъ и направленіе старосвѣтскихъ украинскихъ братствъ, не смотря на то, что въ 4 положеніи упомянутаго выше закона 8 мая 1864 г. между прочимъ выражено, что «при учрежденіи братствъ, въ составляемыхъ для нихъ уставахъ могутъ быть *сохраняемы* упо-

треблявшіяся *въ древнихъ* церковныхъ братствахъ, *наименованія, правила и внѣшніе обычаи*».

Въ свое время[1]) я говорилъ—и не могу не повторить еще разъ—что если наши историческія братства носили, главнымъ образомъ, религіозный характеръ, если тогдашнія сельскія школы были церковно-приходскими, то вѣдь тогда эти школы были *единственными* оплотами народности и могучими свѣточами православія, мужественно и неустанно боровшагося съ католицизмомъ и его благоустроенными и многочисленными не только элементарными, но и высшаго типа школами. Въ наши же дни описанная выше исключительность и односторонность дѣятельности братствъ несообразна ни съ приведеннымъ закономъ 8 мая 1864 г., ни съ дѣйствительными потребностями сельскаго населенія, ни, наконецъ, съ извѣстнымъ апостольскимъ ученіемъ: «нѣсть еллинъ, ни іудей, нѣсть обрѣзанъ ни не обрѣзанъ, нѣсть рабъ ни свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». Могу добавить, что при старосвѣтскихъ братствахъ на Украинѣ, среди сельскаго населенія не существовало сектанства. При современномъ же положеніи и условіяхъ, конечно, среди сельскаго населенія можетъ чуть не окончательно исчезнуть память о славной дѣятельности и обычаяхъ древнихъ братствъ, къ памяти которыхъ съ такимъ уваженіемъ отнесся законъ 8 мая 1864 г. И тѣмъ болѣе слѣдуетъ присоединиться къ прекрасному мнѣнію почтеннаго профессора Н. Ѳ. Сумцова, что «народъ огрубѣлъ «на самотини», въ отчужденіи отъ руководящихъ общественныхъ слоевъ. Мѣщане въ большихъ городахъ обезличились и опошлились, отставши отъ народа по языку, нравамъ и обычаямъ, и не присоединившись къ высшимъ сословіямъ по недостатку образованія. Сельская же интеллигенція получила односторонній служилый характеръ, и изъ ея одноцвѣтной среды, въ значительной степени тронутой кулацкою червоточиной, рѣдко стали выдѣляться люди съ иниціативой во имя общаго блага» [2]).

---

[1]) Полтав. Губ. Вѣдом. 1890 г., № 14—15.

[2]) Культур. пережив. 354.

II.

Среди питающихся отъ подаянія милостыни, многочисленныхъ нищихъ всякаго рода, съ давнихъ поръ занимаютъ особое положеніе слѣпые бандуристы и лирники, въ качествѣ національныхъ пѣвцовъ-музыкантовъ. Въ то время, какъ заурядный зрячій или слѣпой нищій испрашиваетъ подаяніе «Христа-ради», оплачивая подателю милостыни исключительно молитвенными возношеніями и благопожеланіями,—въ то время бандуристъ и лирникъ привлекаютъ своимъ пѣніемъ и музыкой вниманіе слушателей, которые, съ своей стороны, посильно оплачиваютъ деньгами и проч. слѣпцу за полученное наслажденіе, соотвѣтствующее вкусамъ и настроенію слушателей. Нужно вспомнить, что на Украинѣ въ старину бандура (кобза) «была инструментомъ не только удалыхъ запорожцевъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гуслямъ, которые были присвоены особамъ духовнаго сана и тѣмъ лицамъ, которые чувствовали себя слишкомъ степенными для свѣтской поэзіи. Но затѣмъ—говоритъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ,—мало-по-малу произошелъ разрывъ между народомъ и интеллигенціей, сначала свѣтской, потомъ духовной, а вмѣстѣ съ тѣмъ сначала была заброшена бандура, а потомъ и гусли[1]). Слѣдуетъ замѣтить, что разрывъ достигнулъ крайнихъ предѣловъ въ теченіе XIX в., когда гоголевскіе типы старосвѣтскихъ пановъ, и типы И. Левицкаго (Нечуя) старосвѣтскихъ батюшекъ и матушекъ стали анахронизмомъ; во время же Гетманщины и Коша запорожскаго, даже знатные военачальники игрывали на бандурѣ. Какъ извѣстно, въ музеѣ В. В. Тарнавскаго (нынѣ Черниговскаго земства) хранится бандура гетмана Мазепы; послѣдній же судья Сѣчи запорожской, Антонъ Головатый, также былъ, какъ видно, хорошимъ бандуристомъ, такъ какъ услаждалъ своею музыкой и пѣніемъ петербургскихъ вельможъ предъ «зруйнуваннямъ» Коша и современнымъ уничтоженіемъ Сѣчи запорожской съ ея историческими

---

[1]) Культур. пережив. 166.

правами и вольностями. Достойно также вниманія, что еще Петръ Великій имѣлъ въ своемъ штатѣ придворныхъ бандуристовъ, а въ царствованіе Елисаветы Петровны въ 1758 г. (Полное собран. закон., т. X, № 7656) послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ Малороссіи школы, въ которую указано было набирать учениковъ изъ духовныхъ, козачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей, обучать ихъ «партесному» пѣнію и струнной музыкѣ, а именно на скрипкѣ, на гусляхъ и на бандурѣ, а затѣмъ лучшихъ учениковъ присылать ко двору [1]). Во времена же козачества распространеніе бандуры среди любителей обусловливалось удобствомъ ея конструкціи и сподручностью для передвиженія верхомъ на конѣ, тогда какъ гусли слишкомъ громоздки, ввидѣ старинныхъ клавесиновъ. Независимо отъ этого, извѣстно, что слѣпцы-бандуристы сопровождали козацкіе отряды, распѣвая удальцамъ старинныя героическія думы, а подчасъ развеселяя юмористическими народными пѣснями, иногда забористыми плясовыми мотивами. Съ уничтоженіемъ же Сѣчи запорожской, съ упраздненіемъ прежняго гетманскаго управленія и съ обращеніемъ въ крѣпостное состояніе бывшихъ посполитыхъ и подданныхъ, послѣ дарованія бывшей войсковой старшинѣ правъ потомственнаго дворянства,—измѣнился образъ жизни и быта всѣхъ классовъ малороссійскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ упадокъ народной музыки. «Свѣтская интеллигенція и духовенство не много потеряли, если судить по музыкальному достоинству гуслей и бандуры, и въ то же время много, если принять во вниманіе ихъ общедоступность и дешевизну. Но какъ бы то ни было, тутъ явилась сначала гитара, теперь также почти заброшенная, затѣмъ скрипка, флютъ-гармонія, фортепіано, рояль» [2]). Собственно же сельское населеніе несомнѣнно потеряло очень много, начиная съ того, что старинныя думы и пѣсни остались въ крайнемъ пренебреженіи у пановъ и духовенства и обратились въ достояніе исключительно слѣпыхъ бандуристовъ, влачащихъ до нашихъ дней уничижительное нищенское скитальчество,

---

[1]) См. докладъ Полт. Губ. Зем. Упр., № 171, за 1903 г.

[2]) Культур. пережив., 167.

и притомъ подвергавшихся повсемѣстно полицейскимъ преслѣдованіямъ на ярмаркахъ и базарахъ. На горькій хлѣбъ бандуристовъ находилось мало охотниковъ, такъ какъ требуется искусная игра и хорошая память для точной передачи текста обширныхъ думъ, и потому многіе старые талантливые бандуристы сошли въ могилу, не оставивъ достойныхъ преемниковъ; въ позднѣйшее же время значительно увеличилось число лирниковъ. Разница между бандуристами и лирниками та, что звуки бандуры «напоминаютъ арфу, гитару, фортепіано, звукъ же лиры сопровождается шипѣніемъ, скрипѣніемъ, крикомъ, и вслѣдствіе безконечности смычка представляетъ безконечную нить, не поддающуюся музыкальнымъ оттѣнкамъ. Тогда какъ бандура можетъ отмѣчать всѣ эти оттѣнки, лира способна только на замедленіе или ускореніе темпа. Такая же разница и между исполняемыми при томъ или другомъ инструментѣ словесными произведеніями. Кобзарь, какъ всякій эпическій пѣвецъ, поетъ пѣсни духовнаго содержанія (стихи), пѣсни героико-эпическія, и, наконецъ, сатирическія, тогда какъ лирники вовсе думъ не знаютъ; ихъ репертуаръ составляютъ: 1) псальмы, т. е. духовныя пѣсни въ честь святыхъ, часто не народной композиціи, а произведенія Базиліанскихъ монаховъ, вирши кіевскихъ академиковъ и семинаристовъ съ коверканными церковно-славянскими и польскими словами; 2) правоучительныя пѣсни; 3) сатирическія пѣсни; 4) шуточныя пѣсни, главнымъ образомъ, циническія, и 5) разнообразныя плясы и козачки»[1]).

По доставленіи въ Кіевъ покойнымъ Г. П. Галаганомъ проживавшаго въ Сокиренскомъ его имѣніи слѣпого бандуриста Остапа Вересая, и послѣ доклада А. А. Русова «Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ»[2]), въ литературѣ цѣлые десятки лѣтъ Вересай слылъ послѣднимъ уже бандуристомъ. Однако по случаю Всероссійской выставки кустарныхъ издѣлій въ Петербургѣ въ 1902 г., Полтавская губ. зем. управа экспонировала издѣлія туземныхъ кустарей и разыскала одного изъ

---

[1]) Зап. Юго-зап. отд. геогр. общ. I, 315.

[2]) Тамъ же, 309.

бандуристовъ, Михаила Кравченка, который присутствовалъ на выставкѣ и своеюи грою и пѣніемъ заслужилъ вниманіе столичной публики. Затѣмъ въ томъ же году на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ было устроено этнографическимъ отдѣленіемъ съѣзда публичное засѣданіе, на которомъ фигурировалъ организованный инженеръ-технологомъ И. М. Хоткевичемъ цѣлый оркестръ изъ 6 бандуристовъ и 3 лирниковъ, уроженцевъ харьковской и по одному чел. изъ полтавской и черниговской губ. Слѣпцы исполнили вокально-музыкальный концертъ по разнообразной программѣ, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на множество ученыхъ и на интеллигентную публику. Затѣмъ по постановленію Археологическаго съѣзда было возбуждено, увѣнчавшееся успѣхомъ, ходатайство предъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объ оказаніи бандуристамъ и лирникамъ покровительства. Послѣ того, во время очередной сессіи Полтавскаго губернскаго земскаго собранія 1902 г., по иниціативѣ губ. зем. управы—губернскіе гласные имѣли возможность слышать тотъ-же составъ бандуристовъ и лирниковъ подъ управленіемъ г. Хоткевича.

Въ упомянутомъ въ началѣ статьи докладѣ Полтав. Губернская управа между прочимъ выразила, что «бандуристы и лирники со своими пѣснями заслуживаютъ только лишь одобренія и поддержки, и имъ необходимо прійти на помощь; необходимо оградить ихъ репертуаръ отъ вторженія фабричной пѣсни. А для этого, по мнѣнію управы, нужно дать имъ понять, что усвоенное ими отъ дѣдовъ несравненно дороже и благороднѣе усвояемаго ими теперь отъ парубковъ, побывавшихъ въ городѣ или на заработкахъ. Пока еще чисты эти народные пѣвцы, пока не коснулась еще ихъ разрушительная рука слѣпой моды, нужно помочь имъ выбрать правую дорогу, нужно научить ихъ хорошему». Далѣе читаемъ, что «въ настоящее время бандуристы-слѣпцы предоставлены самимъ себѣ: они учатъ все, на что натолкнутся, и вотъ нужно поддержать то лучшее, что не поддалось еще вліянію темныхъ сторонъ жизни». Исходя изъ этихъ достойныхъ полнаго сочувствія побужденій, губ. управа предположила устроить школу для слѣпыхъ, въ увѣренности, что школа въ состояніи будетъ помочь

этому злу: подъ наблюденіемъ завѣдующаго школой, бандуристы будутъ учить слѣпыхъ своему искусству, передадутъ имъ знанія думъ, псалмовъ, религіозныхъ пѣсенъ и проч., и помогутъ такимъ образомъ, во-первыхъ, имъ самимъ, а во-вторыхъ—и всѣмъ тѣмъ, кто вмѣсто «милой Параши» будетъ слушать нравственную, чистую пѣсню». Въ этой школѣ, по общеобразовательнымъ предметамъ—выражаетъ управа—«пусть повѣдаютъ слѣпцу *что нибудь* (?) изъ окружающаго невидимаго міра, пусть разскажутъ ему о жизни, страданіяхъ и смерти Іисуса Христа, пусть научатъ его хоть таблицѣ умноженія, чтобы ему не нужно было разуваться, когда необходимая цифра превышаетъ десять. Ему не нужна—по мнѣнію управы—азбука для слѣпыхъ; что онъ будетъ съ нею дѣлать въ деревнѣ, гдѣ и обыкновенной книжки съ огнемъ не отыщешь;—ему не нужны экзамены, ибо онъ не въ состояніи повторить пройденнаго; ему нужно просто разсказать, чему его желаютъ научить». «Но кромѣ нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ и игръ на народныхъ инструментахъ, необходимо, по мнѣнію губ. управы, дать въ руки слѣпцамъ и какое-либо ремесло, такъ какъ зимою, напр., нельзя ходить по дворамъ съ бандурою и пѣть на морозѣ. Доступныя слѣпому ремесла извѣстны всѣ наперечетъ, а если принять опять таки во вниманіе нужды деревни, то всѣ онѣ приблизительно сведутся къ плетенію сѣтей, витью веревокъ, вязанію рукавицъ и т. д. А потому съ успѣхомъ могутъ обучать тѣ же самые слѣпцы—музыканты, которые всѣ безъ исключенія знаютъ какое-либо изъ перечисленныхъ выше ремеслъ». Курсъ ученія предположенъ двухлѣтній, съ интернатомъ для помѣщенія на первый годъ хотя бы 15 чел. Расходы на содержаніе школы съ интернатомъ въ наемномъ помѣщеніи исчислены въ 3500 р., въ томъ числѣ учителю, онъ же завѣдующій школой и интернатомъ, 600 р., двумъ учителямъ музыки и ремеслъ 300

III.

Изъ возникшихъ въ губ. земскомъ собраніи по поводу доклада преній [1]) видно, что по объясненію предсѣдателя губ. зем.

[1]) «Хуторянинъ» 1904 г. № 5.

управы Лизогуба, въ основаніе предложенія управы положены соображенія филантропическія и то, что слѣпцы прежде были носителями національной музыки, которая теперь пришла въ упадокъ. Несомнѣнно, большинство слѣпцовъ имѣетъ музыкальныя способности, которые же не имѣютъ—обучаются въ школѣ ремеслу. Школу желательно учредить губернскую; она будетъ типомъ професcіональныхъ школъ губ. земства. По мнѣнію нѣкоторыхъ гласныхъ для слѣпыхъ музыка должна быть побочнымъ занятіемъ, главнымъ же должно быть ремесло. Предположено было устроить школу, по крайней мѣрѣ, на 100 чел. и даже на 150 ч., а между тѣмъ въ докладѣ отсутствуютъ данныя о числѣ слѣпцовъ; учреждать-же школу на 10 чел. ради удовлетворенія идеѣ—неблагоразумно: пусть будетъ этотъ расходъ на губернскій счетъ, но принятый на основаніи полнаго доклада, съ тѣмъ, чтобы онъ удовлетворялъ общегубернской потребности. По мнѣнію одного изъ гласныхъ, репертуаръ бандуристовъ въ настоящее время портится и управа предполагаетъ его исправить. Но бандуристы будутъ пѣть только то, на что есть спросъ. Надо исправить вкусъ публики. Земство обязано дать слѣпымъ ремесло, а не учить нищенству; музыкѣ-же должно учить зрячихъ талантливыхъ людей. Другой гласный вовсе не согласенъ съ мыслію проекта, чтобы школу сдѣлать преимущественно консерваторіей для слѣпыхъ. Это не средство поддержать народный эпосъ. Искусственно поддерживать живыя древности—это дѣло археологовъ, а не губ. земства. Бандуристы могутъ быть приглашаемы и оплачиваемы, могутъ обучать слѣдующія поколѣнія самостоятельно. Но они способствуютъ развитію бродяжества среди мальчиковъ и готовятъ изъ нихъ контингентъ для арестантскихъ ротъ. Наконецъ, еще одинъ изъ гласныхъ, указавъ, что въ докладѣ—центръ тяжести въ бандуристѣ, обратилъ вниманіе на то, что существуетъ для слѣпыхъ особая форма печати, принятая всѣмъ міромъ, но докладъ отвергаетъ обученіе чтенію. Лишить же слѣпцовъ чтенія—значитъ лишить ихъ органа для усвоенія мысли,—поступокъ довольно безчеловѣчный. Не слѣдуетъ имъ запрещать пѣть, но не задача земства учить ихъ бродяжить.

Такимъ образомъ указанія губ. зем. собранія сводятся къ тому, что школа должна быть устроена по крайней мѣрѣ на 100—150 чел., причемъ школа должна имѣть профессіональный характеръ съ преобладаніемъ обученія слѣпцовъ ремесламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ докладъ управы долженъ быть обоснованъ данными о числѣ слѣпцовъ по губерніи. Что касается народной музыки и вообще призрѣнія слѣпыхъ и всякихъ нищихъ въ прежнія времена, то очевидно, что ни губернская управа, ни губернскіе гласные не были знакомы хотя бы съ изложеніемъ въ приведенной выше исторической справкѣ. Во всякомъ случаѣ немыслимо, конечно, на земскія средства сдѣлать школу преимущественно консерваторіей для слѣпыхъ. Да ни о какой консерваторіи и рѣчи не можетъ быть, коль скоро по докладу предполагалось, что двое зaурядныхъ слѣпцовъ-музыкантовъ должны обучать въ школѣ музыкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ремесламъ. Мнѣніе, что музыкѣ должно учить только зрячихъ талантливыхъ людей—представляется одностороннимъ, имѣя въ виду, что дѣйствительно «Господь умудряетъ слѣпцы», и что по наблюденіямъ живой жизни нерѣдко встрѣчаются среди слѣпцовъ талантливые народные пѣвцы—музыканты, и потому слѣдуетъ болѣе талантливыхъ обучать пѣнію и музыкѣ. принявъ мѣры для устраненія, по возможности, бродяжничества въ сопровожденіи зрячихъ поводарей. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что еще въ 1874 г. былъ напечатанъ украинскимъ композиторомъ Н. В. Лисенкомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ музыкальныхъ особенностей, непосредственно списанный съ голоса бандуриста Остапа Вересая полностію весь репертуаръ его. Изъ статьи же А. А. Русова [1]) видно, что думы и историческія пѣсни исполнялись Вересаемъ «такъ вдохновенно и проникновенно, что выжимали слезы изъ ученыхъ академиковъ и у первоклассныхъ артистовъ. Намъ не забыть—говоритъ авторъ—какъ знаменитая артистка Императорскихъ театровъ, пѣвшая въ одномъ концертѣ съ Вересаемъ и мало понимавшая текстъ малорусскихъ думъ, сидя за сценою и слѣдя по либретто за выполняемою на сценѣ

[1]) Кіев. Стар. 1903 г., декабрь, 483.

думою... «Про трехъ бративъ», встала, обратилась въ вслухъ и, съ напряженнымъ волненіемъ дослушавши думу до конца, воскликнула со слезами на глазахъ: «Что, если бъ я обладала такою силою экспрессіи, съ какою поетъ этотъ старикъ»! Далѣе читаемъ: «У нынѣ оставшихся кобзарей, сколько ни случалось автору слышать, нѣтъ ни той характерности исполненія, ни той силы вдохновенія; средствъ ихъ вокальной выразительности хватаетъ на выполненіе псальмъ и сатирическихъ пѣсенъ, но они безсильны для передачи общаго настроенія козацкихъ думъ и даже правильной характеристики ихъ мелодій, какъ этнографическаго матеріала. На сколько они искажаютъ текстъ безсмысленною замѣною однихъ словъ другими, на столько же и мелодіи ихъ думъ измѣнены, обезличены и лишены того общаго колорита, какой проникалъ музыкальное содержаніе образцовъ, сохраненныхъ Вересаемъ. Хорошо еще, говоритъ авторъ, что они могутъ по написаннымъ Лисенкомъ нотамъ до извѣстной степени возвратиться къ правильной интонаціи думъ и соотвѣтственному строю бандуры для аккомпанированія имъ; при выполненіи ими думъ, впечатлѣніе на слушателя производитъ только словесная половина этихъ произведеній творчества давно прошедшаго, а не звуковыя формы вокальной части ихъ».

Къ счастью для нашей музыки, Н. В. Лисенко не только не ограничился точнымъ воспроизведеніемъ въ поученіе потомству полнаго репертуара замѣчательнаго бандуриста старосвѣтской школы, Остапа Вересая, но совершилъ поистинѣ гигантскій трудъ—собираніемъ и положеніемъ на ноты записанныхъ непосредственно изъ устъ народа напѣвовъ многочисленныхъ народныхъ пѣсенъ и т. п. вокально-музыкальныхъ произведеній. Такъ, изъ библіографическаго указателя музыкальной и литературной славной дѣятельности Н. В. [1]) можно видѣть, что въ продолженіе 35-лѣтъ дѣятельности онъ, между прочимъ, выпустилъ въ свѣтъ 106 болѣе или менѣе объемистыхъ выпусковъ своихъ произведеній, среди которыхъ заключается значительное

[1]) Кіев. Стар. 1904 г. № 1, отдѣльный библіограф. указат.

число сборниковъ, вмѣщающихъ въ сложности до 475 № малороссійскихъ пѣсенъ историческихъ, бытовыхъ и проч. и между ними 120 № написанныхъ для хоровъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться о громадныхъ заслугахъ предъ родиной и значеніи трудовъ композитора для развитія національной музыки и самосознанія, но нельзя не привести хотя краткое извлеченіе для характеристики разработки имъ народныхъ мелодій для хоровъ. «И въ самыхъ этихъ «роскладкахъ», и фортепіанныхъ сопровожденіяхъ къ нимъ, Н. В. Лисенко проявилъ очень много таланта и знанія хорового дѣла. Одинъ изъ спеціалистовъ такъ отзывается объ этихъ «роскладкахъ». Такой красоты звука, то мощнаго, то ласкающаго, такого стройнаго движенія хоровыхъ массъ очень трудно встрѣтить въ хоровыхъ пьесахъ. Но главное достоинство этихъ работъ, это—типичное и вмѣстѣ съ тѣмъ художественное голосоведеніе, основанное па глубочайшемъ знаніи народнаго контрапункта» [1]). Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ 1883 г. въ «Кіевской Старинѣ» была напечатана сохранившаяся въ родѣ Галагановъ рукописная XVIII вѣка партитура и полный литературный текстъ «Вертепа» со многими колядками для хора, а также мелодіи народныхъ танцевъ XVIII в.

Съ такою драгоцѣнною сокровищницей доподлинныхъ народныхъ музыкальныхъ произведеній за нѣсколько вѣковъ, представляется въ наши дни счастливая возможность вполнѣ исправить исковерканный репертуаръ наличныхъ бандуристовъ и лирниковъ, а также научить ихъ перезабытымъ историческимъ думамъ и пѣснямъ—какъ изъ репертуара Вересая, такъ изъ сборниковъ Н. В. Лисенка; научить не только точному словесному тексту, но и типичному музыкальному сопровожденію въ строго національномъ духѣ и вкусѣ, которыми вообще отличаются глубоко народныя произведенія нашего славнаго композитора. Понятно, что для использованія сокровищницы, потребуется отъ учителей для зрячихъ и слѣпыхъ бандуристовъ и лирниковъ, основательное музыкальное образованіе, и главное—возможно глубо-

---

[1]) Кіев. Стар. 1903 г. № 3, 150.

кое усвоеніе и вѣрное пониманіе своеобразныхъ особенностей и прелести малороссійской музыки [1]). Не для слѣпцовъ и зрячихъ лирниковъ и бандуристовъ необходима никакъ не консерваторія, а всего лишь профессіональная школа для доставленія насущнаго пропитанія вокально-музыкальнымъ и ручнымъ ремесленнымъ трудомъ; при чемъ учителемъ пѣнія и музыки обязательно долженъ быть зрячій съ музыкальнымъ образованіемъ. При такихъ условіяхъ бандуристы возстановятъ прежнее уваженіе къ своей музыкѣ и пѣнію народной массѣ, которая можетъ отрѣшиться отъ нелѣпыхъ пѣсенъ фабричныхъ и т. п.

IV.

По существу дѣла и по смыслу указаній губ. зем. собранія, губернской управѣ предстоитъ (да съ этого и начать-то слѣдовало) привести въ извѣстность наличное число слѣпыхъ обоего пола въ предѣлахъ губерніи, а затѣмъ уже разработать проектъ, безъ предвзятаго предрѣшенія, что дескать «если немыслимо конечное измѣненіе строя жизни обездоленныхъ, то нужно помочь имъ хотя *палліативомъ*, хотя бы поддержаніемъ того лучшаго, что у нихъ есть (?) Нужно заплатить имъ—говорится далѣе,— *хотя чѣмъ нибудь* за то, чего они лишены волею судебъ, и воздать за наше невниманіе къ ихъ тяжкой жизни въ продолженіе многихъ лѣтъ, необходимо *чѣмъ нибудь* загладить (?) тотъ индиферентизмъ, съ которымъ мы ежегодно констатируемъ количество (?) слѣпыхъ въ уѣздахъ губерній». Очевидно, что категорически уже выраженная губ. зем. собраніемъ принципіально человѣколюбная заботливость и готовность понести затраты для устройства губернской школы или пріюта для 100—150 чел. слѣпцовъ вполнѣ развязываетъ руки губ. управѣ и открываетъ ей возможность предпринять раціональное воспособленіе слѣпцамъ—конечно въ мѣру матеріальныхъ средствъ губернскаго земства. Сколько извѣстно, губ. управа намѣрена приступить къ собиранію чрезъ

---

[1]) Для указанія такихъ лицъ слѣдовало бы обратиться къ Н. В. Лисенку.

волостныя правленія, свѣдѣній о количествѣ слѣпыхъ по губерніи, и потому я, предпринявъ настоящій самостоятельный трудъ, съ своей стороны предоставилъ въ распоряженіе управы выработанную мною программу личной карточки для опроса каждаго слѣпца, а также программу для собиранія свѣдѣній по сельскимъ обществамъ и волост. правленіямъ. Во всякомъ случаѣ, по мысли моей, личная карточка должна заключать вопросы о возрастѣ слѣпца, о знаніи ремесла или промысла, объ умѣньи пѣть и играть на какомъ-либо народномъ инструментѣ, объ имущественномъ цензѣ семьи и, наконецъ, о наклонности и способности къ пѣнію и музыкѣ. Думаю, что собранныя по предложеннымъ программамъ и затѣмъ систематически разработанныя данныя могутъ послужить обоснованіемъ для всякаго рода мѣропріятій и практическаго разрѣшенія многихъ вопросовъ.

Изъ непосредственныхъ наблюденій извѣстно, что въ массѣ слѣпцовъ весьма немногіе обладаютъ хорошими голосами и музыкальными способностями; при томъ у каждаго изъ современныхъ бандуристовъ и лирниковъ репертуаръ чрезвычайно ограниченъ и не отличается художественнымъ достоинствомъ текста, вслѣдствіе искаженій въ особенности думъ и историческихъ пѣсенъ. Такой современный упадокъ, или иначе говоря—низкопробность репертуара слѣпцовъ обусловливается низведеніемъ ихъ до положенія заурядныхъ попрошаекъ-бродягъ вмѣсто пользовавшихся уваженіемъ старосвѣтскихъ бандуристовъ. Отсюда слѣдуетъ, что репертуаръ слѣпцовъ нуждается въ коренномъ поправленіи и пополненіи изъ сокровищницы народной музыки, о которой было упомянуто выше. Эта же сокровищница составляетъ богатѣйшій источникъ для образованія профессіональныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ изъ болѣе талантливыхъ молодыхъ зрячихъ и слѣпцовъ, при посредствѣ профессіональной ремесленно-музыкальной школы, въ которой не должна имѣть мѣста профессіональная тайна, какъ извѣстно, столь обычная среди современныхъ слѣпцовъ при традиціонномъ обученіи пѣнію и игрѣ. Соединеніе въ школѣ и затѣмъ уже въ живой жизни зрячихъ со слѣпыми—для совмѣстнаго вокально-музыкальнаго исполненія—представляется цѣлесообраз-

нымъ и неизбѣжнымъ въ силу слѣдующихъ практическихъ соображеній и потребностей: 1) изъ массы наличныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ слѣпыхъ должны бы только съ *лучшими* голосами, или *наиболѣе способные* къ музыкѣ, поступить въ школу для обученія пѣнію и игрѣ; вся же *остальная* молодежь и взрослые изъ слѣпцовъ должны изучать *исключительно* доступные *ремесла* и находиться вмѣстѣ съ другими взрослыми слѣпцами на попеченіи *въ богадѣльнѣ, или въ пріютѣ колоніи*, какъ это водилось въ прежнія времена на Украинѣ при существованіи шпыталей. Во всякомъ случаѣ совершенно немыслимо обратить всю массу или хоть значительное число слѣпцовъ въ пѣвцовъ и музыкантовъ: послѣднее должно быть предоставлено наиболѣе одареннымъ отъ природы; 2) для устраненія «контингента для арестантскихъ ротъ» изъ тунеядцевъ и бродягъ—зрячихъ поводырей слѣпцовъ, представляется возможнымъ такихъ *зрячихъ* подростоковъ, *преимущественно сиротъ*, и вообще изъ семействъ *безземельныхъ* и *малоземельныхъ*, имѣющихъ менѣе 4 дес. пахатной земли, которые обладаютъ *хорошими голосами* или особенными способностями *къ музыкѣ*,—допустить въ школу для изученія грамоты, пѣнія и игры *по нотамъ* на народныхъ инструментахъ, совмѣстно со слѣпцами; 3) эти зрячіе грамотные, обученные нотамъ, при совмѣстномъ съ слѣпцами вокально-музыкальномъ исполненіи, могутъ значительно способствовать въ каждой голосовой партіи и на каждомъ инструментѣ[1])—болѣе ритмичному голосоведенію и инструментальному сопровожденію хоромъ подъ управленіемъ дирижера, а въ тоже время они *должны служить поводырями* для своихъ слѣпыхъ товарищей. При томъ въ число ремеслъ слѣдовало бы ввести для зрячихъ обученіе производству народныхъ музыкальныхъ инструментовъ улучшенной конструкціи и техническихъ достоинствъ, такъ какъ обращающіеся среди слѣпцовъ инструменты до крайности неудовлетворительны по качеству и по внѣшнему виду. Несомнѣнно, что улучшенные инструменты мо-

---

[1]) Это будутъ своего рода суфлеры, которые могутъ слѣдить за точнымъ выраженіемъ текста и мелодіи исполняемыхъ произведеній.

гутъ быть выгодны для сбыта вообще въ средѣ любителей музыки.

Такимъ образомъ ремесленно-музыкальная школа для бандуристовъ и лирниковъ будетъ имѣть своими питомниками *молодежь изъ зрячихъ и слѣпыхъ*, отличающуюся болѣе или менѣе выдающимися способностями къ пѣнію и музыкѣ. Она также откроетъ свои двери *возмужалымъ* бандуристамъ и лирникамъ, желающимъ исправить и пополнить свой репертуаръ и принять участіе въ соединенномъ хорѣ исполнителей. Ставъ живымъ разсадникомъ и вѣрнымъ хранителемъ сокровищъ народной поэзіи и музыки въ строго національномъ духѣ и вкусѣ, школа можетъ способствовать распространенію въ отечествѣ лучшихъ вокально-музыкальныхъ произведеній въ болѣе или менѣе художественномъ исполненіи хоровыми массами, или одиночными и групповыми (дуэты, тріо) голосами съ тѣмъ или инымъ музыкальнымъ сопровожденіемъ.

Вполнѣ возможное и существенно необходимое объединеніе зрячихъ грамотныхъ съ неграмотными взрослыми и малолѣтними слѣпцами, наводитъ на мысль, что школа можетъ содѣйствовать организаціи братствъ бандуристовъ и лирниковъ на началахъ взаимопомощи,—по примѣру историческихъ братствъ.

При огромномъ запасѣ ставшаго достояніемъ печати нотнаго матеріала, вполнѣ обезпеченъ болѣе или менѣе обширный репертуаръ для нѣсколькихъ десятковъ хоровъ бандуристовъ и лирниковъ, даже безъ повторенія однихъ и тѣхъ же пьесъ въ разныхъ хорахъ, такъ что каждый изъ послѣднихъ можетъ располагать *своею* программой, не конкурируя съ собратами. Слѣдовательно, каждый хоръ можетъ пѣть то, чего нельзя услышать отъ другихъ—и это разнообразіе программъ до извѣстной степени и надолго можетъ обезпечить въ публикѣ интересъ къ малороссійскимъ концертамъ бандуристовъ и лирниковъ. Конечно, школа можетъ подготовить болѣе или менѣе многолюдные хоры съ разнообразнымъ репертуаромъ каждый, съ солистами и т. п. изъ лучшихъ голосовъ. Въ виду того, что въ настоящее время малорусскій народъ разсѣянъ по необъятному отечеству отъ Амурскаго края

до Туркестана, Закавказья, Карпатскихъ горъ и т. п., можно разсчитывать, что бандуристы и лирники будутъ всюду у земляковъ желанными гостями, какъ равно въ столицахъ и многихъ значительныхъ городахъ съ великорусскимъ населеніемъ. Статься можетъ, что впослѣдствіи тотъ или иной хоръ нашихъ бандуристовъ и лирниковъ въ цѣломъ составѣ найдутъ радушіе и обезпеченное пропитаніе среди земляковъ другихъ губерній и областей; но это еще журавли въ небѣ, а синицей въ рукахъ должна быть намѣченная губернскимъ земскимъ собраніемъ ремесленно-музыкальная школа для слѣпцовъ, съ организаціей на предложенныхъ выше главныхъ основаніяхъ.

Что касается призрѣнія остальныхъ слѣпцовъ обоего пола, а также увѣчныхъ, малоумныхъ, спокойныхъ душевно-больныхъ, нуждающихся въ надзорѣ и попеченіи, страждущихъ иногда странными болѣзнями и выставляемыми на показъ язвами, круглыхъ сиротъ и т. п., то этотъ чрезвычайно сложный вопросъ требуетъ спеціальной разработки и прежде всего приведенія въ точную извѣстность числа нуждающихся въ призрѣніи. Наша же историческая справка выясняетъ, хотя отчасти, практиковавшіеся на Украинѣ способы призрѣнія страждущихъ и неимущихъ и вызываетъ необходимость предварительнаго сношенія съ епархіальнымъ вѣдомствомъ, для выясненія способовъ участія монастырей и сельскаго духовенства въ духовномъ просвѣщеніи и утѣшеніи страждущихъ, и въ дѣлѣ устройства пріютовъ и колоній для призрѣваемыхъ.

В. Василенко.

ПЕРЕЛЯКЪ.

(Малюнокъ зъ натуры).

— Паничу, заразъ стражныкъ зъ людьмы пройихавъ повзъ насъ: кажуть, що у панському лиси сторожа вбыто тіеи ночи... Чы не догнать бы мени ихъ, паничу, побачыты що таке тамъ скоилось?

— Бижы, колы наздоженешъ; повертайсь лышъ икъ вечору, Тадею!

— Обвязателно, обвязательно; будьте покійни за се!

На швыдку Тадей насовуе шапку и зачыняе двери. Я зновъ устромляю очи въ газету, про те—не читается: якыйсь сумъ обгортае душу. Одягаюся и иду зъ хаты. Чудова зимова годына. Сонце на вечирнёму прузи осявае кризь сыву габу одностайныхъ хмаръ матовымъ свитломъ сыняво-билый кылымъ безкраій, на обріи якого де-не-де чорніють вербы на шляху та обрысы далекыхъ селъ; трохы праворучъ спочывае у долыни наше село за верству одъ лису. Узлисся, до якого прытулылася сторожка лисныча, вылыскуется яскравымы алмазамы, що рясніють на кожній гилочци. Тыхо, тыхо. Свиже повитря бадёрыть, тягне до руху. Коло хаты нагромаджено купу недорубаныхъ дровъ. Берусь за сокыру. Рубаю завзято, невымовно радіючы що-разу, колы сокыра глыбоко врижется въ одрубокъ и винъ, крекнувшы, роз-

скочется на поли. Рубаю, якъ машына,—безъ жаднои думкы у голови.

— Ого, спасыби вамъ, що допомоглы: на тыждень нарубалы!

Выпростуюсь. Вже смеркае.

— Ну, розсказуй, Тадею, що и якъ?

— Лыхе дило, панычeньку! Таке, значыть, обстоятелство выходыть, що и у насъ погани люде завелыся.

Винъ зъ хвылынку мовчыть за-для эффекту.

— Степана Бовкуна знаете? Да той, що у пана Моцакевыча за сторожа у лиси жывъ?

— Ну?

— Вбыто.

— За що?

— Чутка така, кажуть, бигала мижъ людьмы, що Степанъ грошыкы чымали мавъ,—отъ и накынулы окомъ на ёго. Бачте—самотиннымъ жывъ, роду ніякого, а грошей до чорта бравъ? За Ягорыя и за раны—пьять карбованцивъ одъ Царя; шисть—жалування! А куды дидови гроши дивать?.. Усимъ Сыбиръ буде, стражныкъ каже.

— Хыба винъ знае, хто дида убывъ?

— Ну-да не знае! Та, мабуть, вже добираеться: каже, що то зъ якономіи посталалысь. Охо-хо! Забулы люде на Бога... Чы не казавъ я, колысь, що не буде добра намъ зъ якономіи!

— Чы дуже дида скаличено?—мушу перебыты ёму мову отсимъ запытаннямъ, знаючы добре, що Тадей, згадавшы про Бога и свого особыстого ворога якономію, або заведе якусь своеридну фильозофыю, або лаятыметься довго й добирно.

— Сказаты настояще,—страшно й глянуты: у голови дирка зъ кулакъ завбильшкы, очи вырячывъ, хвызіономія геть тоби чысто заюшена... Що я васъ, панычу, попрошу?—одразу перескакуе несподивано Тадей на инше,—пустить мене у село!

— Чого такъ скортило?

— Та десяцькый, знаете, переказувавъ, що Хома мій сыльно безъ мене загулявъ. И яку соби глупость у голову забравъ?! «Я, каже, рядовый запаса—черезъ якыйсь тыждень мене на війну зъ японцемъ потребують; треба, каже, добре хочъ нагулятысь на останци». Винъ ото гуляе, а жинка зъ дитьмы плаче. Якъ на вашу думку, панычу,—треба, мабуть, батькови сына на путь добру наставыть?—пытае улеслыво Тадей, сміючысь и показуючы рукою, якымъ робомъ треба Хому на путь наставляты.—Що треба, такъ треба—та ба!—закинчуе винъ сумно.

Черезъ вищо жъ такъ?

— Сумниваюся васъ самого у лиси кынуть... Э, ни, не пиду!—Тадей угадавъ—мени якось боязко стае ночуваты самому сіеи ночи.

— Хыба я боюся? Це мени не первынка,—кажу, яко мога, байдужлывише.—Про мене, йды. Прынесы тильки завтра мени газету зъ села, якъ буде.

— Добренько, добренько!

На поли зовсимъ темно. Лисъ у кориня чорный, якъ ничъ. Зъ поля дме вохкый витерець. Вхожу у хату й запалюю гасныкъ.

— Такъ я йду!—крычыть Тадей у викно зъ надвору.

— Йды!

— Покорно васъ благодару. Счаслыво оставатыся, панычу!

Мене обгортае якыйсь неспокій. Хочу побигты, зупыныты, вернуты ёго, а тымъ часомъ якось зъ мисця рушытысь не можу.

— Отъ дурень!.. Треба жъ зачынытыся на ничъ!

Симъ разомъ незвычайно старанно запыраю на засовъ синешни двери. Зачыняю ще хатни и сидаю до столу, але за хвылыну мене непевнисть бере, чы справди я позачынявъ двери, чы мени тильки такъ здалося, що я це зробывъ. Йду, щобъ упевнытысь. Вернувшысь, сидаю дочытуваты сёгодняшни газеты. Почуваю, що мои очи прытуляе, мовъ тягунцемъ, до себе чорне викно, чы навить не викно, а хтось, що дывытся на мене зъ-за викна. Не зважуюсь и очей своихъ звесты. Выбывае годынныкъ висимъ. Сей дзвинъ змушуе мене отямытысь видъ запоморочення и

затулыты налижныкомъ ту безоднюо темрявы, зъ таемною свитлою смугою на снигу, на яку я зырнувъ мымохить. Теперъ уже ни що не стурбуе! Я зъ головою порынаю у військови домыслы, планы та миркування про сылы японцивъ... Разъ, два, тры, симъ, десять. Десять годынъ! Часъ и спатонькы. Озыраюся на двери и лышъ теперъ у-перве сповидомо почуваю, що мени страшно. Оповидання Тадееве не йде зъ головы, хочъ я жену ёго видъ себе: «завелысь у насъ лыхи люде, дирку у голови завбильшкы зъ кулакъ продовбано, усе въ крови»... брр! А мене хыба не можуть вбыты тежъ? Хто зарятуе? Засовъ держыть двери мицно, про те треба ще якоись затрымкы передъ дверыма. Прысуну ослинъ: покы вдерутся у хату—встыгну выстрибнуты у викно. Въ усякому рази сёгодня ляжу не роздягаючысь!

Гашу свитло. Мощуся лягты выгиднише. Нарешти запанове тыша. Ни, не зовсимъ: щось ворушытся! Пидвожу голову—ничого не чуть. Лягаю—ворушытся. Мыша запевно. Ни! Серце голосно бьется. Хай тоби лыхо! це мене подушка налякала своимъ шелестомъ! Теперъ вже спочыну, абы не думаты про те... Охъ, яке звирря!.. У голови дирка завбильшкы зъ кулакъ, кровъ такъ и дзюрыть... Дурный, пустывъ Тадея! Ну, якый соромъ сказаты, що боюся? Одначе жъ я ночувавъ тутъ самъ, безъ Тадея, ще й спавъ такъ мицно. А чому неодминно сёгодня мене вбьють? Певне, «воны» сами теперъ ажъ трусятся зъ ляку, сподиваючысь арешту? А вже жъ дурень, по дурному тильки дрижакы йимъ. Щобъ швыдче заснуть—буду марыты. Чы не пойихаты мени, справди, на театръ війны? Запышуся охочымъ, дарма, що мени лита не выходять—на выглядъ мени рокивъ симнадцять. Можно збрехаты. Колы маты не дозволыть—втечу. Отъ здывуются уси, колы я прышлю лыста зъ Сеула: «Мамо, простить, що втикъ безъ вашого дозволу. Теперъ я вже не маленькый Петрусь, а охвыцеръ россійськои арміи и кавалеръ св. Георгія. Сёго хреста я заробывъ за молодецьке дило, якъ бувъ на чатахъ. Мене послано, якъ смилого и розсудлывого охвыцера (охвыцерство я диставъ ще ранише за одвагу пры атаци, про се розскажу згодомъ) зъ чотырма козакамы роздывытыся японського табору.

Мы прокрадалысь непомитно мижъ скелямы середъ дыкого и непрывитного краєвыду. Ажъ ось по-надъ нашымы головамы просычало вразъ де-килька куль и короткый выбухъ рушныць гулко розкотывсь по горахъ: «Лаштуйся до бою!»—встыгъ я тильки скомандуваты, якъ ту жъ мыть звидусиль хмарою вылетилы на насъ верхивни. Я зъ козакамы не злякався: японци, якъ сино нидъ косою, валылыся видъ нашыхъ куль. Воны хотилы схопыты насъ у бранъ жывцемъ. Одынъ изъ ихъ, безъ кепы, зъ брузументамы на рукавахъ, вымахуючы шаблюкою, пидлетивъ до мене и отъ-отъ розрубавъ бы мени голову, колы бъ важка шаблюка пидручного козака не впала на ёго голову. Винъ упавъ зъ диркою у голови, зъ кулакъ завбильшкы; кровъ залыла густо ёму облыччя, зубы выщерылысь, губы посынилы, якъ бозъ...». Я кыдаюся зъ лижка. Закунявъ на хвылынку, а яке страшне насынлося! Зъ якои речи я такый певный, що воны не прыйдуть до мене. Черезъ два мисяци Велыкдень: грошей кожному треба, а вси, мабуть, ришуче вси знають, що дядько мени на Риздво десять карбованцивъ подарувавъ. Певне, бачылы, що й Тадей на село подавсь и чекають лышъ, колы засну. На що я погасывъ свитло?

Спалахнувъ сирныкъ: темрява тикае передъ блидымы проминнямы свичкы. У кимнати лагидный прысмерокъ. Очи заплющуются, але уява працюе. «Воны» напевно коло хаты, радятся, дывлятся кризь щылыны налижныка; бачать, де я; ще й застрелять у викно! Що сылы дмухаю на свичку. Темно, якъ у труни. Яка нисенитныця! Навищо «воны» стрилятымуть? Воны швыдче розламають двери! Ни, дверей не займуть, а отъ викно: одна мыть, ударывъ—и вси шыбкы геть! У мене жъ ни пистоля, ни рушныци, сокыра—и ту забувъ биля хаты! Де жъ хоча нижъ? Облапкы шукаю на столи ёго и перекыдаю каламаръ? Чы не залывъ кныжокъ? Клопоты, абы на двори не почулы сей грюкъ! Ось и нижъ. Деревá на двори шелестять гиллямъ. Витеръ гуде у бовдури. Осокорына поскрыпуе коло хаты. Усе на хвылыну ущухае. Раптовый трискъ на горыщи порушуе тышу. Серце завмирае. Я забувъ за горище! Злодіи вже тамъ; лизуть у синци;

заступають выхидъ; гадають, що я вже сплю! Покажу «имъ» заразъ, що не сплю, що не боюся ничогисинько! Хай свитыть гасныкъ! Заспиваю найвеселійшои... якои? Отъ лыхо: уси писни забувъ! Ага! «У Кыиви на рыночку»...—ростынается несподивано гострый, непрыродный, швыдче крыклывый спивъ, схожый до выклыку: «поможить, рятуйте, рижуть». Я самъ лякався свого голосу, такъ не до речи винъ середъ сіеи тыши. Краще чытатыму, але що? Еврыка, Евангелію! Чы не зупынить часомъ «ихъ» святе письмо?

Де розгорнется, те й чытатыму.

Тыхо и плавко льются одностайни звукы, непомитно переходячи у церковный тонъ. Я звыкъ до свого голосу—чытаю й чытаю. Нарешти горло пересыхае, чытаты важко. Зупыняюсь. Мене зновъ огортае острахъ, якого я наче бъ гнавъ одъ себе голосомъ. Чытаю дали. Огняный языкъ гасныка спалахнувъ й почынае блыматы: догоривъ гасъ.

У хати зновъ темно, але середъ темрявы скризь, куды бъ не подывылысь мои очи, вытанцёвують огныкы. Бумъ, бумъ! Ще дви годыны... Господы! якъ довго тягнется ничъ! Голова важка; на тили млосно; віи несамохить злыпаются,—куняю.

Угу-у, угу-у-у!—долитае зъ-надвору незрозумилый сумный стогинъ. Схвачуюсь, мовъ опеченый. Чоло вохке й холодне. Це «воны» склыкуются.

Чого я тремчу, якъ заяць? одъ смерти жъ не втекты, не сховатыся. Хай лизуть, каличять, убывають, колы вже прызначено мени вмерты видъ сокиры розбышакъ! И за чимъ мени жалкуваты?..

А моя енергія, мій талантъ? А моя мрія зробыты щось вельмы корыстне людямъ?.. А слава?.. И «воны» вбьють мене?! Не допущу «ихъ» до цёго! Боротымусь, покы сыла!! Дорого продамъ себе!!! Я самъ «ихъ» убью усихъ!!!...

Багато, певно, було бъ галасу въ кыивськыхъ газетахъ. Оттаке бъ пысалы, напрыкладъ: «Надзвычайный выпадокъ смилывосты. Въ N—ському повити одынъ юнакъ Петро Перекыдько вбывъ недавнечко у ночи двохъ (ни, трохъ!) розбійныкивъ, що

хотилы ограбуваты ёго. Се сталося у сторожци, що стоить самитно середъ лиса. Тіеи ночи винъ ночувавъ самъ»...

Биля дверей урывчастый гукъ. Серце падае кудысь у шлунокъ, потимъ бьется такъ здорово, що мени здается—се чуты й на двори. Слухаю, слухаю й слухаю, затрымуючы виддыхъ бо и винъ перешкоджае: шумыть, якъ михъ ковальскый. Сыджу, схылывшысь на руку. Не зручно, а боюся поворухнутыся.--Рука затерпла. Прыляжу, хочъ на хвылынку, бо не сыла! На часъ забуваюся. Прокыдаюся видъ ледве помитного шелестиння чымсь по стриси. Такъ! Розумію: це «воны» прыставляють драбыну до голубныка! Ще, ще мыть—и серце розирвется,—ажъ боляче у боци. Бумъ, бумъ, бумъ, бумъ, бумъ—гуде годынныкъ. Чуты, що хтось пидходыть до викна... Невже у викно?..—Ни, повертають до драбыны... Хтось, обережно ступаючы, лизе по драбыни на гору. Хапаючысь, одягаю кожухъ... Я чую, якъ ступають важко чыись ногы по стели... «Воны заразъ будуть у синяхъ! Швыдче тикаты! Въ одынъ ментъ одкыдаю ослинъ, росчыняю навстежы одни двери, зъ грюкомъ—други. Чымъ дужъ лечу до села, не озыраючысь. «Воны женутся!» Пухкый снигъ лыпне до повстянокъ, обважуе ногы. Свижый ранишній витеръ риже горло...

Дотыкъ рукъ и облыччя до снигу вертае мене до памьяты. Встаю; оглядаюся. Верствы за пивъ позадъ мене чорніе лисъ, до якого протяглыся мои слиды, неривни, самитни, а за гоны одъ мене лежыть чорна шапчына моя. Срибне сяйво мисяшне залывае усе навкругы и веселковымы барвамы грае на закрыгованыхъ витахъ, одбывается перламы на ривному кылыми снигу. Мисяченько, ясный и круглый, застыгъ середъ сынёго неба, де рясніють блыскучи ще, тыхи зиркы. Де дали на схидъ, тымъ небо блиднійше. Увесь схидъ загромаджено пасмамы хмаръ: зъ горы—сиро-жовти, ще ныжче—рожеви, дали червонясти, на обріи жъ зовсимъ кривавіи хмары. Чудова незвычайна картына, картына борни двохъ освитлень! Дзвинъ, повный, гучный, оксамытовый, ударывъ и тане въ повитри. На пивничъ мовъ-бы на долони розкыдалысь безладно хаткы. Якъ ничъ чорніють ихъ ныз. Зъ виконъ де-не-де сяе свитло й прокладае смугы яскрави на плотахъ, що ихъ ожеледь посрибныла.

А бани дзвинныци та церквы, тополи кругъ ихъ, верхы стрихъ и вси верховиття деревъ, облыти проминнямъ мисяця, горять якъ видъ за́гравы. Село прокыдается. Встають нерухомо зъ бовдуривъ стовбуры дыму. Якъ молоко били, воны выпынаются гостро на темному тли. Рыплять журавли та ворота, собакы валують. Розмовляють голосно люде...

Одъ села, стежкою до лису, прямуе хтось у кобеняку зъ напнутою кобкою. Прыдывляюсь—Тадей! Винъ те́жъ бачыть мене, махае рукою, крычыть, прямуе просто до мене. Я вже бачу його червоне облыччя и густи бровы.

— Чого вы такъ рано всталы, панычу?

— Не спалося.

— Не спалося? А я це вагався, чы на заупокойну обидню йты, чы паныча провидаты. Здрастуйте!—каже Тадей, наблызывшысь.

— Теперъ выявылось, де небищыкъ Степанъ гроши дивавъ. Усе у церкву нашу, на вичне його помыновенне, та щобъ його на цвынтари поховалы. Це учора староста на зборни казавъ.

Повертаемось до хаты моимы слидамы. Тадей зъ запаломъ оповидае ще про якись новыны. Я його не слухаю. Чы сказаты, що «тамъ» розбійныкы? Не повирыть; на глузы ще визьме! Нехай тоди самъ усе побачыть! Ось и слидамъ моимъ край. Навколо жъ бильшъ ніякыхъ. Якъ то?? «Воны» жъ пидходылы до дверей, смыкалы ихъ? Обійду кругъ хаты. Скризь ривный, не займаный обрусъ снигу. Мени стае соромно, соромно себе самого. Я почуваю, якъ кровъ прылывае мени до лыця. Хочется плакаты й крычаты видъ злосты й прыкросты. Повертаю до дверей. Тадей вже рубае дро́ва.

— Сокыру учора забулы на двори!

— Хыба вкралы бъ?

— А кому тутъ красты? Прытрусыло снигомъ, ледви знайшовъ.

Вразъ въ мене повстае бажання покаятыся передъ Тадеемъ за свій безглуздый жахъ; оповисты усе, усе, щобъ винъ, хоча смихомъ, покаравъ мене за пустый страхополохъ.

— Тадею!—почынаю лагидно,—Тадею!

— Чого?—одгукуется винъ, не кыдаючы роботы.—А проте зъ якои речы, я мушу передъ нымъ покуту правыты? Виддаваты себе доброхить на посмихъ якомусь-то... а винъ рознесе славу скризь по селу, а самъ кынувъ мене самого середъ лису на прызволяще!

— Вытопы заразъ пичъ! У ночи холодно чортъ-зна якъ було!—загадую я суворымъ тономъ и грюкаю за собою хатнимы дверыма.

Петро Перекыдько.

Дѣятель старой бурсы [1]

(Воспоминанія свящ. Н. Бѣловольскаго).

Статья, помѣщенная въ 58 № Церковно-общественнаго Вѣстника, сообщающая пріемы педагогической дѣятельности инспектора лубенскаго училища іеромонаха Поликарпа, вызвала

[1]) Воспоминанія эти составлены были настоятелемъ Троицкой церкви въ г. Миргородѣ, о. Николаемъ Бѣловольскимъ, скончавшимся въ мартѣ 1900 года. Личность эта въ Миргородѣ пользовалась особеннымъ уваженіемъ и любовью за свою доброту, рѣдкое безкорыстіе и умъ. При похоронахъ его почти всѣ присутствовавшіе плакали навзрыдъ, и это были такія искреннія слезы, какія рѣдко можно видѣть у гроба. Болѣе подробныя свѣдѣнія о покойномъ Н. Бѣловольскомъ можно почерпнуть изъ некролога его, напечатаннаго въ Полт. Губ. Вѣдом. 1900 г. № 24. Какъ видно изъ этого некролога, авторъ воспоминаній родился въ 1832 году, слѣдовательно—въ тѣ годы, которыхъ коснулись его воспоминанія (съ 1844 по 1847 г.), онъ былъ въ возрастѣ 12—16 лѣтъ и самъ обучался въ это время въ Лубенскомъ духовномъ училищѣ. Воспоминанія эти, не давая по существу ничего особенно новаго сравнительно съ тѣмъ, что напечатано уже въ разное время и въ разныхъ литературныхъ формахъ для характеристики старой бурсы, однако же очень цѣнны по своей простотѣ и правди-

и въ моемъ воспоминаніи нѣкоторые факты, которые я уже думалъ навсегда предать забвенію; но коль скоро эта личность поставлена на сцену, то, въ виду болѣе полнаго и обстоятельнаго описанія этого представителя древней педагогики, считаю нелишнимъ сообщить нѣсколько фактовъ.

Если бы описать всѣ дѣянія Поликарпа за 25 лѣтъ его дѣятельности, то составились бы большіе томы, но для этого нужно много времени и труда. Я сообщу факты всего за 4 года, начиная съ 1844 года, когда Поликарпъ вторично пріѣхалъ инспекторствовать въ Лубенское училище.

Пріѣздъ его послѣдовалъ въ одинъ изъ дней, когда ученики сидѣли въ классахъ на послѣобѣденныхъ урокахъ. Во дворъ училища въѣхала громадная колымага, изъ которой вышелъ монахъ и, не заходя въ свои комнаты, прямо направился въ классы. Всѣ сейчасъ же узнали, что это инспекторъ, и всѣ задрожали, такъ какъ о его жестокостяхъ ходило много толковъ. Войдя въ классъ, Поликарпъ спросилъ у учителя объ успѣхахъ учениковъ и сказалъ нѣсколько словъ о томъ, какъ ученики должны хорошо учиться и не заниматься шалостями, а потому—заявилъ онъ откровенно—въ классѣ

вости автора, пріобрѣтаютъ свою цѣнность только тогда, когда имѣется увѣренность въ правдивости ихъ. Центральная личность въ воспоминаніяхъ—о. Поликарпъ, о жестокостяхъ котораго какъ воспитателя,были напечатаны замѣтки въ «Церковно-обществ. Вѣстн.» (? года, № 58). Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ замѣтокъ и были составлены о. Н. Бѣловольскимъ его воспоминанія. Замѣтки эти любезно сообщены редакціи М. П. Пащенкомъ, который лично получилъ ихъ отъ автора со словами: «колы хочете, подарую ихъ вамъ на згадання; може вы що-небудь зъ нымы зробыте». Приносимъ глубокую благодарность М. П. Пащенку за предоставленіе намъ возможности напечатать эту рукопись, которая содержаніемъ своимъ прибавляетъ нѣсколько яркихъ страницъ для характеристики мрачнаго прошлаго въ бурсацкой жизни, а тономъ своимъ обрисовываетъ почтенную личность автора ея.

Ред.

должны всегда быть наготовѣ въ достаточномъ количествѣ лозы. Наружный видъ Поликарпа и его послѣднія слова привели учениковъ въ трепетъ. Такъ какъ наружность Поликарпа имѣла большое значеніе, вмѣстѣ съ свирѣпымъ его характеромъ, въ дѣлѣ устрашенія учениковъ, то считаю не лишнимъ прежде всего описать эту физіономію.

Поликарпу въ это время было лѣтъ 50 съ лишнимъ. Роста невысокаго, довольно толстый; лицо круглое, большое и очень смуглое, усѣянное мелкими черными волосами на носу, на щекахъ и между глазъ; глаза большіе, на выкатѣ, какъ бы двѣ пули, готовыя пронизать того, на кого они устремлены; борода большая, совершенно сѣдая; усы черные; лобъ большой и голова вся лысая, исключая затылка, на которомъ торчалъ маленькій хвостикъ волосъ. Клобукъ свой, который носилъ онъ въ родѣ камилавки, въ классѣ всегда снималъ, и голова его являлась совершенно голою. Голосъ имѣлъ грубый и произношеніе какое-то странное. Одинъ этотъ наружный видъ Поликарпа приводилъ всякаго ученика въ трепетъ.

Посѣтивъ всѣ классы, Поликарпъ отправился въ свои покои, которые находились тутъ же, въ одномъ домѣ съ училищемъ и бурсою. (Въ бурсѣ жили казенные ученики). Не прошло, кажется, и трехъ дней, какъ Поликарпъ началъ дѣйствовать. Самъ же онъ по вечерамъ дозволилъ ученикамъ гулянье (при этомъ онъ выражался, обращаясь ко всѣмъ ученикамъ, въ единственномъ числѣ: «*гуля́й!*»). Ученики играли въ разныя игры, но болѣе возрастные засидѣлись долѣе слѣдуемаго и дозволили себѣ игру въ карты—разумѣется «дурачки». На несчастіе Поликарпъ засталъ ихъ надъ картами, и—о ужасъ! сейчасъ же дѣлается распоряженіе о приготовленіи на завтра побольше лозъ. Воображаю ночь, проведенную этими несчастными въ ожиданіи завтрашнихъ событій. На другой день въ 8 часовъ утра ученики пришли въ классъ. Жившіе на квартирахъ ничего не знаютъ о вечернемъ случаѣ. По приходѣ въ классъ замѣтно было какое то уныніе на лицахъ учениковъ, тайный шопотъ одного съ другимъ и вообще грустное настроеніе всѣхъ. Не успѣли еще ученики передать

одинъ другому о событіи, какъ ужасный крикъ и шумъ въ сосѣдней комнатѣ привелъ всѣхъ въ трепетъ,—это уже началась расправа Поликарпа съ виновными. Покончивъ въ одномъ классѣ, онъ перешелъ въ другой. Дверь отворилась, показался грозный Поликарпъ и за нимъ экзекуторъ съ нѣсколькими пучками розогъ. Послѣ немногихъ словъ нравоученія, приступлено было къ дѣлу; начались визги, крики—и пошли литься слезы ручьями. Насколько безчеловѣчна и грозна была расправа, служитъ доказательствомъ то, что учитель (а учителя тоже не церемонились съ учениками на счетъ розогъ), отошедши къ окну и отворотившись въ сторону, буквально плакалъ. (Учитель этотъ недавно былъ присланъ изъ Переяслава, гдѣ обхожденіе съ учениками было гуманнѣе, что зависѣло отъ того, что ректоръ семинаріи часто посѣщалъ училище и дѣлалъ неоднократно учителямъ выговоры за строгое обращеніе съ учениками). Совершивъ эту экзекуцію, Поликарпъ отправился въ классъ для занятій, гдѣ до конца урока и еще была расправа за незнаніе заданнаго.

Я не буду передавать въ порядкѣ всѣхъ дѣйствій Поликарпа, какъ они слѣдовали одни за другими, а сообщу лишь отдѣльные, болѣе выдающіеся факты, которые сохранились въ моей памяти.

Начну съ 4-го класса, такъ какъ въ этомъ классѣ Поликарпъ преподавалъ, и потому ученики должны были каждодневно выносить его тягостное присутствіе по 2 и даже 4 часа. Это присутствіе настолько угнетало учениковъ, что сидѣвшіе на вторыхъ скамьяхъ прятались постоянно за спины своихъ товарищей, чтобы не встрѣчать этого ужаснаго взгляда. Порядокъ ежедневно былъ такой.—Ученики, не знавшіе уроковъ, сами должны были выходить къ порогу и становиться на колѣни. Входитъ Поликарпъ; по лицу его можно было узнавать, въ какомъ онъ расположеніи духа. По прочтеніи молитвы, Поликарпъ, посмотрѣвши въ эррату, которая лежала на столѣ, и затѣмъ съ злобною улыбкой взглянувши на стоявшихъ у порога, грозно произносилъ: «лозы есть?» (слова эти произносились съ протяжностью); слѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, послѣ котораго Поликарпъ произносилъ громко

и чрезвычайно отрывисто: *сэчь!*—и начиналась расправа. Во время ея Поликарпъ никогда не садился, а стоялъ, какъ бы считая неприличнымъ сидѣть во время этой важной церемоніи; но собственно тутъ имѣлось въ виду, чтобы надъ истязуемыми не было поблажки. Если Поликарпъ замѣчалъ такую поблажку,—что было очень рѣдко,—то и экзекуторъ получалъ по шеѣ палкою, кулакомъ или чѣмъ попало. Покончивъ съ наказаніями, Поликарпъ садился—и начинались занятія. Нельзя сказать, чтобы остальное время занятій проходило благополучно,—нѣтъ, и среди уроковъ находилось еще нѣсколько жертвъ, которыя хотя и считались знавшими урокъ, но изобрѣтательность Поликарпа находила причины виновности—и начинались новыя истязанія. Иногда приходъ Поликарпа въ классъ былъ и противоположнаго свойства: онъ являлся въ хорошемъ расположеніи духа и даже съ веселымъ лицомъ. Тутъ бывало такъ: взглянетъ Поликарпъ на стоящихъ у порога и скажетъ: «жаль! козловъ много, да охоты нѣтъ»,—и тутъ же опредѣляетъ день, въ который явится у него охота. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ являлся въ классъ въ хорошемъ настроеніи духа, бывало, что за весь день никто не подвергнется опалѣ; но такіе дни бывали очень большой рѣдкостью. Суббота считалась преимущественно тяжелымъ днемъ: большею частью въ этотъ день Поликарпъ дѣлалъ усиленную расправу какъ бы для того, чтобы въ воскресенье отдохнуть. Случалось впрочемъ, что и воскресные дни не были для учениковъ днями радости и отдыха: нерѣдко въ эти святые дни разнузданность Поликарпа творила великія беззаконія. Иногда въ воскресенье послѣ обѣда билъ училищный звонокъ, и ученики должны были являться въ училище со всѣми книгами. Начинался осмотръ книгъ, и у кого книги были изорваны, испачканы, не обернуты бумагою или холстомъ, тотъ подвергался біенію. Поликарпъ тутъ вступалъ въ права отца и говорилъ: «отецъ тратится, покупаетъ книги, а ты не бережешь, разоряешь отца»,—и затѣмъ слѣдовало отрывистое «сэчь»! Истязуемыхъ учениковъ онъ еще утѣшалъ словами: «его же люблю наказую». Однажды въ воскресенье, по обычаю собравъ звонкомъ учениковъ въ училище, По-

ликарпъ ужасно насмѣшилъ всѣхъ: когда ученики собрались, онъ вышелъ къ нимъ и грозно закричалъ: «убирайтесь, бо́ охота есть—буду всѣхъ бить!»,—и ученики съ радостью разбѣжались, не подвергшись никакимъ бѣдамъ. Охота на этотъ разъ у Поликарпа была какая то не настоящая, а только воображаемая, на подобіе пресытившагося человѣка, когда онъ съ наслажденіемъ смотритъ на вкусное блюдо, но не въ состояніи ѣсть его. И не мудрено, что Поликарпъ пресыщался истязаніемъ учениковъ до того, что у него отпадала по временамъ охота: вѣдь онъ имѣлъ право расправиться не только съ 4-мъ классомъ, но и со всѣми остальными, и не за одни только уроки, а вообще за все поведеніе учениковъ въ классѣ, въ квартирѣ и въ церкви. Журналъ всѣхъ классовъ о поведеніи учениковъ поступалъ къ нему, но онъ не сейчасъ расправлялся съ виновными, что объяснялось его нелюбовью возиться съ однимъ или съ двумя,—онъ собиралъ побольше виновныхъ, и когда являлась *охота* (а это чаще всего бывало во время пьянства), бралъ журналы и съ ними отправлялся по всѣмъ классамъ и насыщалъ свое звѣрство, сколько ему хотѣлось.

Другой родъ истязанія учениковъ составляли *пали*, которыя давались не линейкою, а обратнымъ, толстымъ, концемъ розги, что равнялось довольно толстой палкѣ. Передъ этимъ наказаніемъ Поликарпъ произносилъ: «дай ему въ лапу». Получать въ лапу чаще всего приходилось ученикамъ за письменныя упражненія. Къ несчастію учениковъ, Поликарпъ преподавалъ греческій языкъ, гдѣ, какъ извѣстно, легче надѣлать ошибокъ, чѣмъ въ латинскомъ. Упражненія эти писались послѣ обѣда и по окончаніи сдавались инспектору. Онъ ихъ просматривалъ дома, исправлялъ ошибки и въ концѣ тетради ставилъ число ихъ. Исправивши нѣсколько тетрадей, онъ призывалъ къ себѣ въ комнату учениковъ и, показавши каждому ошибки порознь, произносилъ: «держи лапу» и по числу ошибокъ давалъ удары въ руку. Случалось, что иной, получивши ихъ много, нѣсколько времени не могъ владѣть рукою, ибо рука распухала такъ, что онъ не могъ ни писать, ни дѣлать что-либо другое. Битье по

рукамъ часто приходилось также принимать бурсакамъ за волошскіе орѣхи, которые въ большомъ изобиліи росли въ училищномъ саду и которые тайкомъ срывались учениками. Поликарпъ, посѣщая классы, осматривалъ руки учениковъ, и если на пальцахъ замѣтна была чернота, то кричалъ: «дай ему въ лапу»!

Для упражненій Поликарпъ выдумывалъ иногда довольно мудреныя вещи. Разъ онъ задалъ перевести на греческій языкъ слѣдующія слова: «соборище смоковницу Христосъ еврейское, плодовъ чуждую духовныхъ вообразуяй, клятвою усушаетъ, ея же бѣжимъ страсти». Говорить нечего, что ни одинъ ученикъ не уразумѣлъ настоящаго смысла этихъ словъ и не сдѣлалъ правильной разстановки, а Поликарпъ не объяснилъ и, разумѣется, душевно былъ радъ, что у каждаго ученика нашлись ошибки, и ему представился пріятный случай «давать ученикамъ въ лапу». Для истязанія учениковъ Поликарпъ придумывалъ невѣроятныя вещи, и ни одинъ ученикъ, идя въ классъ и зная прекрасно урокъ, не могъ быть увѣреннымъ, что онъ возвратится домой благополучно, не подвергшись какому-нибудь варварству. Однажды Поликарпъ, вызвавши къ столику ученика, спросилъ его, сколько буквъ въ греческомъ алфавитѣ, и по числу буквъ велѣлъ ученикамъ наловить мухъ. Пойманныя мухи умерщвлялись и клались на столъ. Затѣмъ онъ велѣлъ отрывать мухамъ—одной крыльце, другой ножку и т. д.—и класть ихъ на столъ подъ рядъ, называя каждую именемъ греческой буквы—отъ альфы до омеги; потомъ по этимъ мухамъ, какъ бы по книгѣ, велѣлъ ученикамъ прочитать азбуку. Послѣ этого, смѣшавши всѣхъ мухъ вмѣстѣ, онъ заставляетъ ученика отыскать такую то букву, другую и т. д. Разумѣется, такихъ мудрецовъ не было еще на свѣтѣ, которые могли бы угадывать эту безтолковую азбуку, и ученикъ послѣ каждаго опыта, слышалъ только: «брешешъ»! и подвергался заушеніямъ, побоямъ и разнаго рода ругательствамъ. А ругался Поликарпъ въ классѣ самыми неприличными площадными словами, особенно во время расправы.

Во время упражненій играла роль старая греческая грамматика, бывшая пособіемъ къ учебнику, но имѣвшаяся не у всѣхъ

учениковъ. Посмотрѣвши въ тетрадку какого-нибудь ученика и нашедши у него ошибку, Поликарпъ велитъ ему сдѣлать справку по этой грамматикѣ. Ученикъ на бѣду свою не взялъ въ классъ этой книги. Ревностный педагогъ дѣлаетъ наставленіе: «то твоя маты; ты всегда долженъ носыть іи зъ собою и спать изъ нею»,— и сейчасъ же велитъ наказать ученика, а затѣмъ подвергались сѣченію и всѣ тѣ ученики, у которыхъ эта книга имѣлась, но не была на этотъ разъ принесена въ классъ.

Иногда бывали и такія сцены. Влетитъ въ классъ въ раствоpенное окно воробей; Поликарпъ поднимаетъ ученика побольше ростомъ и велитъ ловить воробья. Ученикъ бѣгаетъ по скамьямъ и ловитъ, но поймать не можетъ, а Поликарпъ кричитъ, «ловы, ловы,—а то выбью». Если ученики и избѣгали въ такомъ случаѣ наказанія, то только потому, что Поликарпъ былъ въ хорошемъ настроеніи и не являлась у него въ это время «охота».

Однажды разрѣшилъ онъ бурсакамъ гулять; но черезъ нѣсколько времени выйдя изъ комнаты и вѣроятно въ хмелю забывши о своемъ разрѣшеніи, встрѣчаетъ одного бурсака безъ книги и накидывается на него: «чому ты не учышся? воздухъ миряешъ? витеръ гонышъ? собакъ бьешъ»? Ученикъ отвѣчаетъ: я все знаю (т. е. уроки на завтрашній день).—«А, ты все знаешъ!—рычитъ Поликарпъ:—а скильки звиздъ на неби?—Ученикъ, конечно, молчитъ. Поликарпъ притягиваетъ ученика къ себѣ и, указывая пальцемъ на звѣзду, спрашиваетъ: «бачышъ оту звизду? а онъ-ту?» Ученикъ отвѣчаетъ: «вижу».—А знимы мени іи сюды!—Послѣ этого тащитъ за собою беззащитное, невинное дитя, ставитъ посреди комнаты и, созвавши всѣхъ учениковъ, провозглашаетъ: «винъ есть обманщыкъ, брехунъ; его надо наказать!»—и велитъ каждому подходить и бить его со всего розмаху по щекѣ. Замѣтивъ, что кто-нибудь легко ударилъ, Поликарпъ приказывалъ тому становиться позади мучимой жертвы, и тотъ также получалъ отъ каждаго пощечину. Ученикъ долго не могъ выдержать этой казни и послѣ цѣлаго ряда пощечинъ, обомлѣвъ, упалъ.

Даже тѣ рѣдкія минуты, въ которыя отъ Поликарпа отходилъ духъ злобы, когда онъ пребывалъ въ хорошемъ расположеніи и

хотѣлъ оказать дѣтямъ милость и благоволеніе, какъ любящій отецъ,—и тѣ, говорю, немногія минуты не обходились безъ біенія и слезъ. Вотъ примѣръ. Послѣ каникулъ ученики съ билетами являлись къ инспектору, и каждый при этомъ приносилъ маленькій подарокъ: булку, арбузъ, плоды разные. Приношеній этихъ собиралось много, и Поликарпъ иногда угощалъ ими бурсаковъ. Однажды голодные бурсаки съ неописаннымъ восторгомъ насыщались въ комнатѣ Поликарпа, въ его присутствіи, арбузами, фруктами и булками; все было благополучно: со стороны посмотрѣвши, можно было сказать: «се отецъ и дѣти его». Но духъ злобы и тутъ помѣшалъ. Къ послѣднему кусочку арбуза ученикъ протягиваетъ руку! Поликарпъ кричитъ: «стой!»—и велитъ раздѣлить этотъ кусочекъ на всѣхъ учениковъ по равной части. Ученикъ беретъ ножъ и рѣжетъ, а Поликарпъ стоитъ подлѣ ученика и послѣ каждой отрѣзанной части приговариваетъ: «брешешъ, не такъ»—и даетъ пощечину. Въ концѣ концовъ ученикъ, ни за что ни про что весь избитый, обливается слезами.

Игры Поликарпъ устраивалъ не ради развлеченія учениковъ, а для собственнаго удовольствія. Однажды устроилъ онъ такую игру: велѣлъ ученикамъ среди двора становиться въ кругъ; у каждаго ученика долженъ быть такъ называемый *жгутъ*. Выбѣгалъ изъ круга ученикъ и, ударивши по плечамъ своего сосѣда, бѣжалъ кругомъ; сосѣдъ бѣжалъ за нимъ, ударивъ своего сосѣда, и билъ бѣгущаго; слѣдующій выбѣгалъ и билъ этого и т. д. Такимъ образомъ весь кругъ обращался въ бѣгающихъ и бьющихъ другъ друга по плечамъ. Доходило до того, что многіе изнемогали отъ бѣганія и сильныхъ ударовъ и со слезами на глазахъ падали на землю, а Поликарпъ на крыльцѣ любовался этою картиною и велѣлъ игру продолжать подолѣе.

Теперь розскажу дѣянія Поликарпа болѣе грознаго свойства, когда виновные выводились на позоръ и, какъ на эшафотѣ, подвергались публичному поруганію. Возрастный ученикъ замѣченъ въ какомъ-то проступкѣ, который въ глазахъ Поликарпа показался настолько важнымъ, что онъ не рѣшился учинить расправу самъ, а распорядился письменнымъ отношеніемъ вызвать неме-

дленно въ училище отца виновнаго ученика. Отецъ явился. Предложено одно изъ двухъ: или наказать сына публично, или исключить. Отецъ, устрашенный грознымъ инспекторомъ, принимаетъ первое рѣшеніе и отдаетъ своего сына на позоръ. Получивъ согласіе отца, Поликарпъ съ сіяющимъ лицомъ приступаетъ къ исполненію заранѣе придуманной имъ казни. Въ минуту дѣлается распоряженіе, чтобы всѣ ученики выходили изъ классовъ на училищный дворъ. Ученики вышли и шеренгою, образовавши большой полукругъ, стали отъ одного крыльца до другого. На крыльцѣ, довольно высокомъ, ступеней въ шесть, стоятъ Поликарпъ и отецъ виновнаго; передъ крыльцомъ—виновный и около него экзекуторъ, около котораго на землѣ лежитъ нѣсколько пучковъ розокъ, а одинъ пучокъ въ рукахъ. Училищный звонокъ во все это время звонитъ медленно и какъ то уныло. Продолжительное молчаніе... Наконецъ Поликарпъ, походивши по крыльцу, становится на край его и читаетъ виновному нравоученіе, послѣ котораго произноситъ грозное, отрывистое: «сэчь»! Виновный принимаетъ соотвѣтственную позу. Опять молчаніе... Затѣмъ Поликарпъ произноситъ еще нѣсколько словъ нравоученія и оканчиваетъ словами: «дай ему пять»! Черезъ нѣсколько секундъ повторяетъ: «дай ему шисть!»; еще черезъ нѣсколько секундъ—«дай ему чотыри!» и т. д. Такъ эта трагедія продолжалась уже около часу, и неизвѣстно, какъ долго она еще протянулась-бы, если бы сторонніе люди не помѣшали. Улица, идущая мимо училища, наполнилась множествомъ зрителей, и изъ толпы, прорвавъ ученическіе ряды, вбѣжала на крыльцо женщина и, павши на колѣни, просила прекратить истязаніе ученика и затѣмъ прибавила: «якъ вамъ не грихъ, якъ не стыдно мучыть такъ дитей!». Поликарпъ устыдился и прекратилъ истязаніе. Вѣщій звонъ замолкъ. Облитый кровью и слезами ученикъ едва поднялся съ своего мученическаго ложа. Такъ закончилась эта ужасная сцена, наведшая на учениковъ трепетъ, а на гражданъ произведшая ужасающее впечатлѣніе.

Одинъ ученикъ, устрашившись грозныхъ училищныхъ порядковъ, бѣжалъ домой. По доставленіи его обратно въ училище,

принята была слѣдующая исправительная мѣра. Всѣ ученики были разставлены въ длину училищнаго двора въ два ряда; виновный былъ раздѣтъ до-нага; на шею его былъ навѣшенъ большой листъ бумаги съ надписью большими буквами: «бѣглецъ», и въ такомъ видѣ онъ водимъ былъ долгое время взадъ и впередъ.

Одного ученика Поликарпъ хотѣлъ даже прогнать сквозь строй. Съ вечера отдано было приказаніе, чтобы на завтра каждый ученикъ принесъ сырую палочку толщиною въ палецъ. На другой день всѣ ученики пришли въ классъ съ палочками и съ трепетомъ ожидали, что будетъ. Но Поликарпъ, къ утру протрезвившись, раздумалъ, н. ч. убоялся привести въ исполненіе задуманное имъ наказаніе.

А вотъ еще образчикъ его истязаній. Однажды приказалъ онъ нарвать крапивы и, прославши ее на своемъ крыльцѣ и раздѣвши до-нага одного ученика, положилъ его на крапиву да еще крапивою-же и прикрылъ.

Бывали случаи и келейнаго сѣченія,—но что на нихъ происходило, неизвѣстно. Одинъ смѣльчакъ, рискнувшій проникнуть въ эту закулисную сцену, смотрѣлъ въ щелку двери и разсказывалъ другимъ, что онъ видѣлъ слѣдующее: Поликарпъ, послѣ сѣченія, избитыя части тѣла поливалъ водкою,—это, вѣроятно, для затягиванія ранъ, а можетъ быть—и для увеличенія боли. Случались и такія безобразія, что Поликарпъ, въ видѣ наказанія, заставлялъ ученика выпить большую чашку воды, или-же съѣсть корень хрѣну. Одинъ ученикъ проживалъ у смотрителя, котораго Поликарпъ знать не хотѣлъ и ненавидѣлъ, а вслѣдствіе ненависти къ смотрителю, изливалъ ярость свою на ученика. Ученикъ этотъ иногда приходилъ въ бурсу брать себѣ кушанье. Однажды онъ приходитъ съ горшечкомъ въ столовую бурсы, чтобы получить себѣ бурсацкихъ сластей, и въ это время застаетъ въ столовой Поликарпа. Пьяный Поликарпъ, какъ тигръ, бросается на несчастную жертву и сначала кричитъ: «смотрытель краде казну и ты прыйшовъ красты!», а затѣмъ велитъ ученику пролазить подъ столомъ, за которымъ по обѣ стороны сидѣли ученики, а ученикамъ приказываетъ толкать несчастнаго ногами по чемъ по-

нало, и дитя вылѣзло изъ-подъ стола избитое и окрававленное. Но это еще не конецъ бѣдамъ. Злобный Поликарпъ еще кипитъ яростію: онъ беретъ измученное дитя и держитъ одною рукою, а въ другую набираетъ горячей жидкой каши и начинаетъ мазать ученика по лицу, приговаривая грубымъ своимъ голосомъ протяжно «сійся-родыся, сійся-родыся!» Дитя въ мукахъ кричитъ и не можетъ вырваться, а звѣрообразный мучитель еще не насыщается и кричитъ: «подать лозъ!» Но несчастный въ суматохѣ какъ-то вырвался и успѣлъ таки убѣжать. Вотъ какъ дорого достался пищенскій бурсацкій обѣдъ бѣдному мальчику!

И всѣ молчали; никто не доносилъ о подобныхъ ужасахъ; никто не укрощалъ этого звѣря!

Однажды ученики отпущены были всѣ вмѣстѣ на рѣку для купанья. Смотрѣть за порядкомъ назначено нѣсколько учениковъ старшихъ. Ученики выкупались благополучно и отправились по домамъ. Во время купанья случилось такое обстоятельство.—Одинъ ученикъ, не умѣвшій плавать, попросилъ другого, побольше возрастомъ, пронести его немного на глубину, а онъ будетъ пробовать плыть оттуда самъ. Старшій ученикъ пронесъ его на глубину и пустилъ на воду, но тутъ-же и поддерживалъ его, чтобы тотъ не захлебнулся. Обстоятельство, какъ видите, самое ничтожное, на которое никто не обратилъ и вниманія. На другой день ученики приходятъ въ классъ и узнаютъ о готовящейся грозѣ. Дѣло въ томъ, что какой-то шпіонъ изъ бурсаковъ донесъ Поликарпу, что такой-то ученикъ чуть не утопилъ другого, такъ-что едва вытянули его живымъ. Еще съ вечера былъ отданъ приказъ приготовить побольше лозъ. Ученики, какъ громомъ пораженные этою вѣстью, сидятъ ни живы ни мертвы. Отворяется дверь, и показывается Поликарпъ, грозный и страшный; за нимъ постоянный его спутникъ съ множествомъ пучковъ розогъ. Тутъ произошло великое сѣченіе, отъ котораго, кажется, и стѣны содрогались. Поликарпъ заявилъ, что вчера на купаньи случилось ужасное происшествіе и ему никто не донесъ изъ тѣхъ, которые назначены были смотрѣть за порядкомъ,—поэтому всѣ они будутъ наказаны. Началось съ того, который, будто-бы, топилъ ученика.

Оправданія никакого... Эта грозная казнь продолжалась больше часу; классъ наполнился стонами, криками и слезами, а полъ буквально былъ забросанъ отбитыми концами прутьевъ. Удивительно, гдѣ Поликарпъ бралъ такое количество розогъ! Говорили, впрочемъ, что онъ имѣлъ спеціальнаго поставщика. Говорили также, что розги заблаговременно вымачивались въ водѣ съ солью и затѣмъ хранились въ сыромъ подвалѣ.

Не смотря на всѣ эти варварства, а можетъ быть именно благодаря имъ, между учениками было порядочное количество плохо учившихся, а шалости и проступки проявлялись довольно серьезнаго свойства.

Разъ, напримѣръ, ученики старшаго возраста, напившись пьяными, ходили по кладбищу и вырвали съ могилъ нѣсколько крестовъ. Къ счастью для виновныхъ, этотъ проступокъ какъ-то не дошелъ до ушей Поликарпа; а узнай онъ объ этомъ, то виновные, вѣрно, были-бы распяты на крестѣ.

А вотъ еще случай. Во время экзаменовъ нѣсколько учениковъ, тоже изъ старшихъ, вздумали однажды устроить кашу гдѣ-нибудь въ лѣсу. Для этого предположено было, что каждый у своихъ хозяевъ достанетъ, тайно или явно, провизіи: курей, пшена сала и пр. Все это совершалось почью. Мѣстомъ склада до вечера другого дня назначенъ чердакъ училищнаго дома, гдѣ нѣкоторые бурсаки лѣтомъ спали. Приступлено къ дѣлу—и каждый со своей провизіей направился на чердакъ. Къ несчастію, живая провизія испортила все дѣло: принесенныя куры подняли крикъ, который былъ услышанъ плохо спавшимъ, или совсѣмъ еще неспавшимъ, Поликарпомъ. Въ минуту Поликарпъ очутился на чердакѣ—и виновные накрыты на мѣстѣ преступленія. Въ темнотѣ нѣсколько квартирныхъ учениковъ бѣжало домой, но это ихъ не спасло, т. к. захваченные на мѣстѣ открыли и остальныхъ. На другой день въ училищѣ суета, суматоха страшная,—Поликарпъ производитъ строжайшее слѣдствіе, которое увѣнчалось для него полнымъ успѣхомъ: виновные открыты и всѣ сознались. Одинъ изъ участниковъ былъ родственникомъ городского доктора. Доктору послано отъ смотрителя и инспектора письмо; затѣмъ ви-

дѣли, какъ однажды вечеромъ смотритель и инспекторъ пріѣзжали къ доктору и пробыли тамъ долгонько. Результатъ этого визита—виновныхъ не исключать, а наказать. Но Поликарпъ не прямо приступилъ къ наказанію, а придумалъ какой-то курьезный процесъ. Приказано было, чтобы виновные написали отъ себя и подписали слѣдующую бумагу: «18...года мы нижеподписавшіеся такіе-то, сознавая себя виновными въ томъ-то и томъ-то, налагаемъ сами на себя наказаніе и обовязываемся принять по столько-то розогъ». Въ первый разъ было написано что-то немного ударовъ, но Поликарпъ, возвративъ, заставилъ вновь переписать и прибавилъ число ударовъ. Такъ возвращалъ онъ нѣсколько разъ, пока количество ударовъ не возросло, кажется, до 70 на каждаго виновнаго. Тогда Поликарпъ принялъ бумагу и спряталъ у себя. Экзамены продолжались своимъ чередомъ,— наказаніе не приводилось въ исполненіе. Наконецъ экзамены окончены; назначенъ публичный актъ. Актъ вышелъ на славу,—небывалый въ училищныхъ лѣтописяхъ! На актѣ присутствовали: смотритель, всѣ наставники, нѣкоторыя постороннія лица, и не мало было отцовъ, пріѣхавшихъ за дѣтьми. Актъ приходитъ къ концу. Поликарпъ отправляется въ свои покои и черезъ нѣсколько минутъ является выпивши и съ веселымъ лицомъ. Принявши торжественную позу, онъ заявляетъ, что виновныхъ нужно публично наказать, и при этомъ громогласно читаетъ пресловутую бумагу, силою вынужденную у бѣдныхъ жертвъ. По прочтеніи бумаги, началась казнь—и казнь ужаснѣйшая. При первыхъ-же крикахъ и вопляхъ, посторонніе убѣжали изъ стѣнъ училища, чтобъ не видѣть раздирающія душу сцены, а Поликарпъ наслаждался до конца. Вотъ какія награды раздавалъ Поликарпъ на актахъ!

Еще одинъ эпизодъ. Въ началѣ послѣдней трети, передъ переводомъ въ семинарію, приходитъ Поликарпъ въ классъ, совершенно спокойный и какъ будто расположенный къ ученикамъ, и говоритъ совершенно серьезно: «ну, теперь вольному воля, спасенному рай! Хто хочъ—учысь, хто хочъ—не вчысь, быться не будемъ»! Вотъ тутъ ученики вздохнули свободно и обрадовались сердечно. Но радость была напрасна: не прошло и трехъ дней,

какъ Поликарпъ принялся по-прежнему наказывать учениковъ за что ни попало, и такъ продолжалъ вплоть до самаго экзамена. Только послѣ экзамена, который произведенъ былъ инспекторомъ семинаріи, Поликарпъ, встрѣчая ученика, злобно и язвительно говорилъ: «ты вже теперъ панъ,—тебе быть не можно».

Было и еще много безобразій различнаго свойства, но ихъ всѣхъ нельзя и припомнить. Я разсказалъ факты, совершенные Поликарпомъ только въ одномъ училищѣ и всего только за четыре года. А сколько ихъ было еще въ Полтавскомъ училищѣ и вообще за все время Поликарповаго правленія!

Такъ стонало училище многіе годы подъ деспотическимъ гнетомъ этого грознаго мучителя. Сколько бѣдныхъ, невинныхъ дѣтей искалѣчено нравственно и физически! Сколько здѣсь вылилось слезъ и изречено проклятій на самое училище! Не было, кажется, дня, чтобы въ этомъ домѣ, называемомъ храмомъ науки, не раздавались вопли и стоны. Не было, кажется, ни одного проѣзжаго и прохожаго мимо училища, слухъ котораго не поражался-бы раздирающимъ душу крикомъ, исходящимъ изъ стѣнъ этого мрачнаго дома. И Поликарпу никто ни слова! Высшее начальство ничего не дѣлало,—быть можетъ, оно и не знало ничего. Отцы молчали, боясь возвысить голосъ, и никому не заявляли о варварскихъ порядкахъ училища. Только полное сумасшествіе Поликарпа, дошедшее до вѣшанія ученика, положило конецъ его безумнымъ варварствамъ. Преосвященый Іеремія, любившій отечески дѣтей, получивъ донесеніе о варварскихъ поступкахъ Поликарпа, изгналъ навсегда этого мучителя и даровалъ миръ училищу.

Тяжело вспоминать подобные грустные факты, но утѣшаешься тѣмъ, что эта бурса съ ея ужасами навсегда погребена и никогда не воскреснетъ.

Очеркъ изъ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Хотя настоящій очеркъ относится ко времени не очень древему, а именно къ 1814—1866 г.г., но въ немъ найдутся такія черты изъ жизни малороссійскаго панства, какихъ теперь уже не встрѣтишь и какія находимъ лишь въ повѣстяхъ Гоголя. Предлагаемый очеркъ составленъ мною отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, а болѣе всего по разсказамъ самихъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ современниковъ. Онъ относится къ жизни потомковъ Филиппа Васильевича Борзаковскаго, любимца гетмана Павла Полуботка, по семейнымъ преданіямъ — родного племянника гетмана.

Будынки п. Луки Андреев. Борзаковскаго стояли на пригоркѣ, по правой сторонѣ р. Есмани, дѣлившей село на двѣ части: Некрасовъ—по правой сторонѣ рѣчки и Мазуровку—по лѣвому берегу ея. Будынки были крыты гонтомъ, имѣли стеклянныя окна изъ двухъ подъемныхъ половинокъ: верхней и нижней, какъ устраивались тогда окна во всѣхъ панскихъ домахъ. При домѣ былъ небольшой садъ, просторный, поросшій травой дворъ, весь окруженный хозяйственными постройками, крытыми соломой. Ворота изъ панскаго двора выходили на проѣзжую улицу, по которой отъ воротъ направо, возлѣ самого двора, стояла деревянная церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы; по улицѣ же внизъ и влѣво отъ воротъ шумѣли на рѣкѣ колеса трехъ мель-

ницъ; на противоположномъ лѣвомъ берегу рѣчки тянулись луга и сады, за которыми на горѣ стояли будынки шурина Луки Андреев., глуховскаго маршала Ивана Васильевича Магеровскаго [1]).

Настала весна 1814 г. Окутанное чистымъ свѣжимъ воздухомъ весенней ночи, спитъ село послѣ дневныхъ трудовъ; и тихо покойно журчатъ воды Есмани въ обрамленныхъ цвѣтущими садами и лугами берегахъ; на куткахъ изрѣдка перекликаются пѣснями дивчата съ парубками; изъ сосѣднихъ садовъ и лѣсовъ льются чарующіе звуки неподражаемой пѣсни соловья...

Въ будынкахъ п. Луки Андреев. Борзаковскаго въ ночь на 13 мая никто не слушалъ волшебныхъ пѣсенъ соловья, никто не наслаждался нѣгой благоуханной майской ночи: тамъ умиралъ 38-лѣтній глава семейства, оставляя 34-лѣтнюю вдову съ двумя малютками дочерьми—десятилѣтней Маріей и четырехлѣтней Антониной. У одра умирающаго собралась вся семья: жена, дѣти, 22-лѣтняя племяница Надя Бартошъ, боготворившая воспитавшаго ее дядю, и молодая наставница дѣтей Борзаковскаго, сирота изъ Воспитательнаго дома, Марѳа Сергѣевна.

Умирающій простился съ нѣжно-любимой женой, благословилъ дѣтей и племянницу съ ея подругой.

— Вамъ, Надя и Марѳа Сергѣевна, поручаю дѣтей... блюдите ихъ, жалѣйте... учите ихъ добру... какъ я тебя училъ, Надя... Надѣюсь на ваши добрыя сердца... Берегите Елену...

Умирающій заботился о своей легкомысленной женѣ, какъ о ребенкѣ, и заботы о ней, а совмѣстно и о дѣтяхъ, поручалъ двумъ молодымъ дѣвушкамъ...

Лука Андреев. Борзаковскій похороненъ на «цвинтарѣ» своей церкви въ с. Некрасовѣ.

Надежда Яковлевна Бартошъ была дочь сестры Луки Андр.— Анны Андр., съ самаго рожденія своего вросшая у дѣда и бабки Борзаковскихъ, а послѣ ихъ смерти съ 1800 г. остававшаяся при дядѣ Лукѣ Андр. и его женѣ Еленѣ Васил. Борзаковскихъ. Сво-

[1]) Отецъ Ив. Вас.—Василій Ѳеодоров. Магеровскій—вездѣ на документахъ подписывался не Магеровскій, а Маgеровскій.

ихъ двоюродныхъ сестеръ, дѣтей дяди, она любила какъ родныхъ и посвящала ихъ воспитанію все свое время. Когда старшей дочери минуло 8 лѣтъ, Лука Андр. взялъ для дѣтей молодую наставницу изъ Москвы, сироту Марѳу Сергѣевну [1]), которая сдружилась съ Надей, и вдвоемъ умныя дѣвушки послѣ смерти Л. Андр. все стараніе свое прилагали къ воспитанію сиротъ. Ихъ заботы оказались тѣмъ болѣе кстати, что Елена Вас. скоро забыла обожавшаго ея мужа, вела разсѣянную жизнь и въ 1817 г. вышла замужъ за молодого дворянина глуховск. у., капитана Ѳеодота Никол. Косинскаго, но жить вмѣстѣ съ мужемъ осталась въ с. Некрасовѣ.

Дѣти росли и учились всему подъ наблюденіемъ двухъ подругъ: онѣ научились изрядно писать, хорошо читать и довольно правильно говорить литературнымъ языкомъ, хорошо танцовали, знали множество изящныхъ рукодѣлій и не пренебрегали хозяйствомъ.

Въ 1823 г. у Нади заболѣлъ отецъ (мать ея умерла еще въ 1805 г.), и она уѣхала къ нему въ с. Землянку, и когда въ янв. 1824 отецъ Нади умеръ, она уже въ с. Некрасовъ не вернулась, а осталась въ с. Землянкѣ жить съ сестрами.

21-го окт. 1829 года умерла отъ чахотки старшая дочь Л. Андр. Борзаковскаго—Марія Лукинична, и съ этого дня 19-тилѣтняя Антонина Лукинична осталась единственной наслѣдницей прекраснаго имѣнія со 120 ревизскими душами крестьянъ, съ винокурней, хуторами и др. угодьями.

Марѳа Серг., которую больная Марія Борзаковская очень любила и не отпускала отъ себя, послѣ ея смерти переѣхала въ с. Землянку къ Надѣ Бартошъ, сдружилась съ сестрой Нади и оставалась у своихъ подругъ до своей смерти.

---

[1]) Я хорошо знала Марѳу Сергѣевну (она умерла около 1850 г.), но не припомню, въ какомъ именно инстит. она воспитывалась, кажется, въ Воспитательн. Московск.

Стройная, свѣжая, веселая и здоровая голубоглазая блондинка, Антонина Лукин. Борзаковская недостатка въ женихахъ не имѣла, но для ней не наставала еще пора любви, и потому шаловливая наслѣдница пѣла модный тогда романсъ: «прочь, прочь! отойди! какой безпокойный»—и всѣхъ безъ исключенія искателей ея руки надѣляла «гарбузами».

Между тѣмъ мать и дяди Антоси, Ив. и Як. Васил. Магеровскіе, оба старые холостяки, порѣшили устроить судьбу ея: братья уплатили сестрамъ—Еленѣ Вас. Косинской и Праск. Вас. Гернетъ—по десяти тысячъ руб. съ тѣмъ, чтобы сестры отказались отъ наслѣдства, которое оба брата передавали двумъ сыновьямъ двоюроднаго брата: Тимоѳею и Антону Петровичамъ Магеровскимъ, и одного изъ нихъ, именно подполковника Тимоѳея, рѣшено было женить на Антосѣ. Женихъ былъ согласенъ на подобную комбинацію, но Антося и слышать объ этомъ бракѣ не хотѣла и беззаботно продолжала наслаждаться дѣвической жизнію. Мать не спѣшила также передавать бразды правленія имѣніемъ въ чужія руки; не спѣшила со свадьбой и надѣялась, что Антося со временемъ уразумѣетъ выгоды предполагаемаго брака. Но— «не такъ склалось, якъ ждалось».

Въ старину во всей Малороссіи всѣ сколько-нибудь зажиточные хозяева «курили» или «гнали» горѣлку и откармливали на бардѣ скотъ; въ городѣ же Коропѣ и его окрестностяхъ занимались преимущественно откармливаньемъ на бардѣ свиней для заграничной торговли саломъ и свининой. Близъ г. Коропа въ с. Райгородкѣ проживало семейство дворянъ Лихошерстовыхъ; одинъ изъ братьевъ этой семьи былъ женатъ на сестрѣ Ел. Вас.—Маріи Васильевнѣ Магеровской изъ с. Некрасова и проживалъ съ семействомъ въ с. Метченкахъ, конотопскаго у. Братья-же Ѳеодота Васильевича, Василій и Никита, жили въ с. Райгородкѣ. Сынъ Василія Вас—ча Лихошерстова, Иванъ Васильевичъ, служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ Турецкой войнѣ, въ 1828 г. подъ Варной былъ контуженъ въ голову и 28-ми лѣтъ вышелъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана съ ежегодной пенсіей

въ 600 р. Вернувшись на родину, Ив. Вас—чъ пожелалъ продолжать отцовскую торговлю саломъ и свининой.

Порѣшивъ пуститься въ торговыя предпріятія, молодой человѣкъ рѣшилъ сперва посовѣтоваться съ дядей Ѳеодот. Вас. и попросить у него денегъ взаймы на покупку свиней [1]).

Отправившись въ Метченки, Ив. Вас—чъ встрѣтилъ у дяди самый радушный пріемъ и получилъ совѣтъ, рѣшившій всю дальнѣйшую участь жизни молодого человѣка.

— Ивасю, мій голубе!—ласково встрѣтилъ дядя племянника,—якый добрый витеръ занисъ тебе до насъ?

— Я, дядьку, хочу просыть васъ вызычыть мени трохы грошей, бо миркую соби у гильдію запысаться, шобъ свынями торгувать, да и поспытаю у васъ: куды бъ мени кынутысь лучче, шобъ добри свыни безъ оманы знайты.

— Добре, добре, шо лежнемъ буты не хочешъ: *пидъ лежачій камень и вода не тече.* Тильки отъ я тоби якый совитъ дамъ: йихать туды, де йе добри свыни, а ще до ихъ и панночка йе. Йидь ты до нашои сестрычкы Олены Васыльевны Косинськои у село Некрасивъ, пидъ Глуховомъ: вона мае чы малу вынныцю и багато на барди свыней—свыни въ неи добри. А ще краща въ неи дочка одыначка, наслидныця Борзаковськая. Спробуй счастя! Полюбытся—спасыби дядькови скажешъ, паномъ справжнимъ зажывешъ, а якъ шо не гараздъ, то у старои свыни купышъ; свыни, кажу, въ неи добри! Грошей трохы дамъ.—Такъ привѣтствовалъ дядя Ѳеодотъ Вас—чъ своего племянника.

Ив. Вас. отъ души поблагодарилъ дядю за совѣтъ и «позыку» денегъ; дядя съ теткой хорошо «прывиталы» и накормили племянника обѣдомъ съ наливками, поблагословили его на всякія добрыя начинанія и, отпуская изъ дома, просили передать отъ нихъ поклонъ сестрицамъ и племянницѣ.

Возвратясь домой, Ив. Вас. сообщилъ сестрамъ предложенный дядей планъ и сталъ заботиться о предстоящей ему поѣздкѣ. Поручивъ сестрамъ приготовитъ все необходимое къ завтрашнему дню,

[1]) Тогда иного кредита кромѣ «позыки» не существовало.

Ив. Вас. цѣлый вечеръ въ задумчивости гадалъ на пальцахъ: зажмуривъ глаза, вертѣлъ указательный палецъ одной руки объ другой, разводилъ руки врозь и потомъ старался попасть кончиками пальцевъ одинъ къ другому. Но вѣрнаго ничего не выходило: то разъ-два пальцы сходились, то два-три раза попадали врозь и т. д. Сестры цѣлый вечеръ хлопотали надъ чемоданомъ, набили его лучшимъ бѣльемъ, разными туалетными принадлежностями (Ив. Вас. былъ большой щоголь), вычистили и уложили лучшее платье, не забыли и «хварбу» для усовъ и т. п.; только подушки Ив. Вас. съ собой никогда не бралъ и въ дорогѣ спалъ по-суворовски, на шинели. На завтра всѣ хорошенько закусили, подкрѣпились чарочкою; позавтракавъ, всѣ сѣли на лавки посидѣть передъ отъѣздомъ, «шобъ усе добре до насъ сидало»; посидѣвъ немного, встали, помолились на иконы, перецѣловались съ отъѣзжающимъ братомъ и на дорогу поблагословили его хлѣбомъ-солью.

Закутавшись въ шубу, Ив. Вас. сѣлъ въ сани съ катрягою, [1]) запряженныя парою рыжихъ коней [2]) и, съ Грицькомъ на козлахъ, по хорошему морозу выѣхалъ въ путь.

Выѣхавъ за село, Ив. Вас. выкресалъ огня, закурилъ дешевую сигару и всю дорогу до г. Кролевца озабоченно молчалъ. Въ г. Кролевцѣ остановились ночевать у Жука. На завтра встали до свѣта. Ив. Вас. принарядился, напился чаю, намазалъ «хварбой» и закрутилъ свои усы и съ Грицькомъ снова спѣшно продолжалъ свой путь по Кіевскому шляху на гор. Глуховъ. Миновавъ с.с. Быстрикъ, Тулыгоговы, Обложки, путешественники, не доѣзжая «Глиница» [3]), свернули вправо на с. Полошки, проѣхавъ которое, минули сельцо Богдановъ въ трехъ верстахъ отъ с. Некрасова и оттуда «манивцемъ» отправились къ виднѣвшемуся с. Некрасову.

---

[1]) Верхъ въ крытомъ экипажѣ.

[2]) Рыжая масть была любимая Ив. В. и онъ др. масти не держалъ.

[3]) «Глинище»—мѣстность возлѣ с. Полошекъ, гдѣ добываютъ фарфоровую глину.

— Оце, панычу, такъ парубкы завсигда до дивчатъ манивцемъ простують, якъ мы сёгодня зъ вамы,—заговорилъ молчавшій всю дорогу Грыцько. Онъ удивлялся молчаливости своего всегда разговорчиваго панычa и сгоралъ нетерпѣніемъ узнать причину панычевой поѣздки.

— Эге, до дивчатъ, а мы, бачъ, манивцемъ по свыни!—возразилъ Ив. Вас. Грыцьку.

— Да ни бо, панычу, не такъ воно есть: кажуть у Некрасовськои паніи йе паночка гарна, багата.

– Може й йе, да окримъ панночкы мабуть и дивчатъ у Некрасови йе до биса!—возразилъ Ив. В., не желавшій разоблачать озабочивавшей его думы.

— Йе ихъ усюды повно! Вы соби, панычу, визьмете панночку, а мени вже яку-небудь изъ синешныхъ дивчатъ надилить, бо й мени вже парубковать надокучыло!

Ив. Вас. не поддержалъ бесѣды съ Грыцькомъ и впалъ снова въ мечтательное настроеніе.

Въ Некрасовъ Ив. В. пріѣхалъ около полудня, когда въ домѣ начинали завтракать. Когда онъ вошелъ въ столовую, Θеодотъ Никол. Косинскій наливалъ себѣ еще первую рюмку «сорокатравной», а Елена Вас. въ третій разъ посылала козачка за барышней, которая «откушала» чай въ постели.

Увидавъ подъѣхавшаго паныча, горничныя изъ-за дверей любопытствовали его разсмотрѣть, угадывая въ немъ жениха своей панночкѣ; Антосина любимица, Настя, стремглавъ помчалась къ барышнѣ доложить о новомъ гостѣ.

Антося, въ свѣтлой ситцевой блузѣ лѣниво передъ зеркаломъ закалывала черепаховымъ гребнемъ свои золотистыя косы.

— Панночко, панночко!—залепетала, влетая въ спальню, горничная:—якій же гарный панычъ до насъ прыйихавъ видкилясь: молодый, гонкый якъ тополя, чорнявый, румьяный, а вусы таки, що тильки бъ до поцилункивъ... Се прыйихавъ вашъ суженый, ій-же Богу!

— Ха-ха-ха!—захохотала Антося,—который это уже по счету мнѣ судился? «Прочь, прочь! отойди! какой безпокойный!»—запѣла Антося.

— Ни, панночко, ни, не шуткуйте! ій-Богу, кажу вамъ, такого ще гарного панычa до насъ не прыйиздыло, кращого женыха у васъ ще й не було. Ось побачыте, колы сёму панычу не заспиваете вы: прыйды до мене, мое серденько! а свою «прочу» спивать покынете, бо се зовсимъ не такый. яки до насъ найизджалы,—говорила горничная панночкѣ.

Разсказы горничной возбудили любопытство въ Антонинѣ Лукинишнѣ, и она велѣла подавать скорѣе одѣваться и не безъ удовольствія думала о предстоящей встрѣчѣ. Антонина Лукинишна надѣла свѣтло-синее шалоновое платье съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами, какъ носили тогда по модѣ, на шею застегнула нѣсколько нитокъ мелкаго жемчуга, свои золотистыя косы заколола высокимъ черепаховымъ гребнемъ, потрогала серьги въ ушахъ, повертѣла на мизинцѣ колечко и, забывъ наклеить «височки», пошла къ завтраку. Когда она ступила на порогъ столовой, Ив. Вас. закусывалъ колбасой только что выпитую рюмку водки, а Ѳеод. Никол. «пропускалъ» уже 4-ую рюмку, потому что безъ «четырехъ угловъ хата не строится», и самодовольно поглаживалъ рукой свое громадное чрево. Елена Вас., довольная появленіемъ покупателя, весело разговаривала съ Ив. В-чемъ. «Вотъ мы теперь по сестрѣ съ вами свойственны, а купите у меня свиней, тогда и сватами будемъ»,— шутила Ел. Вас. — «Обогрѣетесь, пообѣдаете, тогда съѣздимъ на винницу свиней поглядѣть. Тамъ прелестныя свинки есть!

— Добре, добре, паниматко, я чоловикъ покладлывый: якъ колы скажете, тоди й пойидемо. А шо про торгъ, то вамъ шо слидъ—те й просить, а мени—шо по грошахъ, те й даватыму!

Иванъ Вас. никогда ни съ кѣмъ иначе не говорилъ, какъ по-малорусски. Ел. Вас-ну покоробило обращенное къ ней «панниматко», но она отнеслась къ молодому человѣку снисходительно: вѣдь онъ былъ родной племянникъ уважаемаго мужа ея старшей сестры—Ѳеод. В-ча, да къ тому же, пожалуй, и свиней ему можно будетъ продать съ выгодой. А объ Антосѣ мать и не подумала. Мало ли она не такихъ жениховъ спроваживала съ гарбузами; и какая же пара Антосѣ мелкопомѣстный дворянинъ, торгующій покупными свиньями?!

А въ это время Антося стояла въ дверяхъ за ихъ спинами, очарованная молодымъ красавцемъ, такимъ безупречно изящнымъ, такъ свободно и своеобразно разговаривающимъ по-малорусски съ ея матерью. Антонина Лукин. приблизилась къ матери. Ив. В. увидалъ дѣвушку и вѣжливо расшаркался. Елена Вас. представила ихъ другъ другу. Иванъ Вас. еще разъ шаркнулъ каблуками и приложился губами къ пухленькой, бѣленькой ручкѣ наслѣдницы. Выхоленная, стройная, голубоглазая блондинка съ пышными плечами и нѣжными руками произвела на Ивана В-ча впечатлѣніе вполнѣ «лакомаго кусочка» во всѣхъ отношеніяхъ, а молодой статный воинъ съ «карымы очыма» поступилъ по военному: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ».

Послѣ закуски, пока накрывали столъ къ обѣду, всѣ ушли въ гостинную, и Иванъ Вас., въ присутствіи своей суженой, забылъ свиней и старую хозяйку и все время не отходилъ отъ Антонины Лукиничны.

Обѣдъ у Борзаковскихъ готовилъ «кухарь» и, какъ у всѣхъ тогда въ Малороссіи, состоялъ изъ шести блюдъ, преимущественно свинины: холодная съ хрѣномъ бужанина, борщъ говяжій, гречневая каша, кому какъ угодно съ масломъ или съ смальцемъ, гречневые вареники съ сыромъ и сметаной, которыхъ Ѳеод. Никол. подавали отдѣльно полную миску, жареная свинина съ огурцами и «воздушный пирогъ» изъ яблокъ со сливками. Послѣднее блюдо почти для одной Антоси. Къ обѣду подавались водка и разныя наливки собственнаго приготовленія. Ив. Вас. ѣлъ только свинину и борщъ, пирожнаго и вообще сладкаго ничего никогда не ѣлъ, предоставляя сладости въ пищу «дивчатамъ»; про кашу говорилъ, что она ему «ще маленькому обрыдла», а варениковъ попробовалъ, потому что это были гречневые, а пшеничныхъ не ѣлъ никогда. Отъ наливокъ не отказывался, восхищался ѣдой Ѳеодота Никол. и хвалилъ его за то, «що добре вареныкы ковтае», мялъ за обѣдомъ шарики изъ хлѣба и мѣтко бросалъ ихъ изъ-подъ стола черезъ столъ за открытый лифъ платья Антон. Лукин. и приводилъ ее этимъ въ восторгъ. Антося краснѣла, лукаво улыбалась, поощряя его ухаживанье. По окон-

чаніи трапезы, Ив. В. вмѣстѣ съ хозяевами усердно помолился Богу, приложился къ рукѣ хозяйки, облобызался съ Ѳеодот. Никол. и особенно усердно пожалъ и поцѣловалъ ручку своей суженой. Послѣ обѣда пара буланыхъ, ожидавшая у крыльца, покатила съ Ел. Вас. и Ив. Вас-чемъ въ санкахъ къ винокурнѣ, гдѣ хозяйка съ гостемъ должны были произвесть осмотръ свиней. Сытые буланые, помахивая бѣлыми хвостами, быстро домчали сѣдоковъ къ винокурнѣ, гдѣ уже прогуливалось въ дворикѣ въ ожиданіи оцѣнки стадо жирныхъ свиней. Ив. Вас. съ видомъ знатока осматривалъ и расцѣнивалъ стадо, и оба, какъ продавщица, такъ и покупатель, довольные другъ другомъ, скоро вернулись на буланыхъ домой. Ел. Вас. въ голову не приходило, что Ив. В., расцѣнивая свиней, мечталъ объ Антосѣ, а летя на буланыхъ съ бѣлыми хвостами со старухой возлѣ себя, представлялъ себѣ катанье на рысакахъ съ Антосей вдвоемъ.

Пока вернулись отъ свиней, Антося съ ключницей приготовили чай, сливки, булки, печенья и ромъ; въ виду проведенія предстоящаго вечера съ Иваномъ Вас., Антонина Лукин. достала двѣ колоды чистыхъ картъ для «симпатіи» [1]), повѣсила настроивши гитару въ гостинной поближе къ столу, рядомъ съ картами положила «Новѣйшій пѣсенникъ». Своей любимой бѣленькой кошечкѣ «Бѣляночкѣ» повязала бантикомъ на шею голубую ленточку и положила любимицу возлѣ себя на диванѣ на шитой подушкѣ, сѣла съ ней рядомъ и принялась перелистывать пѣсенникъ. Нѣжное лицо ея вспыхнуло, когда она услыхала голосъ возвратившагося гостя, котораго она мысленно называла уже своимъ «Жаней».

Ел. Вас. прошла въ свою комнату, а Иванъ Вас. остановился въ гостинной, гдѣ сидѣвшая между вышитыми подушками на диванѣ дѣвушка, въ замѣшательствѣ гладившая нѣжной ручкой красивую кошечку, при свѣтѣ канделябровъ, показалась ему еще милѣе.

---

[1]) Пасьянсъ, который раскладывается двумя играющими, каждымъ особой колодой картъ.

Полюбовавшись дѣвушкой, Иванъ Вас. присѣлъ къ ней на диванъ и принялся за свою трубку съ длиннымъ чубукомъ, съ которой никогда не разставался; сигары онъ курилъ только тогда, когда бывалъ въ грустномъ или озабоченномъ настроеніи. Антося предложила ему сыграть въ «симпатію»; Иванъ Вас. не отказался и, раскладывая пасьянсъ, началъ съ Антосей разговоръ.

— Чы вміете вы, панночко, отъ на таки чубукы зъ бисеру вынызувать?»

— О! я бисеромъ всевозможныя работы знаю!

— Дакъ я бъ хтивъ, шобъ вы мени на цей чубукъ чахолъ вынызалы; можно?

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчала Антонина Лук., восхищенная тѣмъ, что можетъ своему «Жанѣ» сдѣлать подарокъ своей работы. —Завтра же начну вязать.

— Эге! глядить же, шобъ якъ прыйиду по свыни, то готове було!

— Окончу скоро, у меня дѣла на рукахъ нѣтъ! Давайте сейчасъ узорчикъ выберемъ!—Антонина Лук. достала пачку узоровъ изъ стола: вмѣстѣ они начали разсматривать. Она одинъ за однимъ предлагала узоры на его разсмотрѣніе, и Иванъ Вас. соглашался, что всякій годится, а Антося хохотала надъ его «безпонятіемъ».

Наконецъ Антося выбрала узоръ сама и отложила его особо, а въ это время явился козачекъ доложить, что барыня проситъ ихъ чай кушать. Молодые люди поднялись съ дивана и, когда козачекъ повернулся къ нимъ спиной, чтобы идти въ столовую, Иванъ Вас. быстро чмокнулъ Ант. Лук-ну въ щеку... Получивъ первый въ жизни поцѣлуй и отъ человѣка, котораго уже выбрало ея сердце, молодая дѣвушка оторопѣла; Иванъ Вас. молодцевато взялъ ее подъ руку и повелъ въ столовую... На порогѣ онъ выпустилъ ея руку, и оба пошли пить чай къ столу, гдѣ сидѣла ничего не подозрѣвавшая мать. За чаемъ Антонина Лук. оправилась и болтала какъ обыкновенно; Иванъ В. говорилъ шутки и прибаутки; пришелъ къ чаю и выспавшійся Ѳеодотъ Никол. Ел. Вас. пробовала за чаемъ начать торги за свиней, но Ив. В. за-

явилъ, что онъ такъ дорогой перемерзъ, а теперь въ теплѣ «розопривъ», что совсѣмъ не чувствуетъ себя въ силахъ торговаться, и просилъ торги оставить до утра, на свѣжую голову. Послѣ чая Антося съ Иван. Вас. снова ушли въ гостинную, а Ел. В. съ Ѳ. Н. остались разговаривать съ пришедшимъ старостой и расцѣнивать свиней. Антон. Лукин. снова помѣстила свою «Бѣляночку» на диванѣ на подушку, но подвинула подушку такъ, чтобы Ив. Вас. сидѣлъ не рядомъ съ ней, Антосей, а по другую сторону кошки. Ив. Вас. помѣстился возлѣ кошки и принялся ее гладить рукой, съ видомъ человѣка, любящаго животныхъ.

— А що, панночко, чы се ваша кишка, чы мо вашои старои?—спросилъ онъ.

— Это моя Бѣляночка, моя любимочка!—отвѣчала Ант. Лук.— А вы любите кошекъ?

— А якъ же не любыть, якъ ихъ любыть така гарна панна, якъ вы?

— Пожалуйста безъ комплиментовъ! За это и еще за другое я вамъ выговоръ сдѣлаю; лучше перемѣнимъ разговоръ. Скажите, зачѣмъ вы такъ рано въ отставку вышли? Такъ интересно быть военной дамой! и когда мужъ носитъ золотые эполеты! Вы бы могли дослужиться до генеральства, или, по крайней мѣрѣ, полковничества, полкомъ бы командовали. Развѣ это не лучше, чѣмъ торговать свиньями?

— Гмъ! якъ для кого. А що здается вамъ добро буты жинкою военного, то якъ бы вы поспробувалы, та ще зъ купкою дитокъ, потягатысь у катрязи за повкомъ, тоди бъ угадалы, яке то добро! Покынувъ же я службу за тымъ, шо пидъ Варною шальна бомба трохы мени головы не розвернула, такъ шо инколы якъ заболыть у мене сяя контузія, то роблюсь я якъ несамовытый, та усе панночокъ цилую; нарешти чы не найшло на мене тее жъ!—придумалъ Иванъ Вас.

Антонина Лук., опасаясь новаго поцѣлуя, отодвинулась отъ него.

— Чого вы, панночко, одъ мене сунетесь? Чы не залыцялыся вже зъ якымъ паномъ полковныкомъ, то вже простого чоловика й цураетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ! у меня никакого жениха нѣтъ.

— То може кохаешъ кого, серце?—спросилъ Иванъ Вас., заглядывая Антосѣ въ глаза и незамѣтно переходя съ *вы* на *ты*.

— Нѣтъ, нѣтъ! я не люблю никого!

— А мене?—все также допытывался Иванъ Вас.

Антонина Лук. молчала; она не могла понять, что съ ней.

— Бачу по оченькахъ, шо мене покохала! Казать старій, хай отдае тебе за мене?

— Завтра, завтра! сегодня не надо, не могу,—чуть не со слезами проговорила Антося и убѣжала въ свою комнату, не давъ времени Ив. В. обнять ее.

Иванъ Вас. въ одиночествѣ докуривалъ трубку, когда его позвали къ ужину. Антонина Лук. не вышла. Ел. Вас-ну не удивилъ отказъ дочери отъ ужина: дѣвушка часто своевольничала и къ гостямъ не выходила. Между тѣмъ Антося съ трепещущимъ сердцемъ сидѣла въ своей комнатѣ и думала: «что это со мной сталось? Какая перемѣна? Зачѣмъ сердце такъ громко стучитъ, какъ никогда? Почему я не могла разсердиться, когда онъ меня поцѣловалъ? Никогда никому не простила бы поцѣлуя,—почему же на него я не сержусь? Ахъ какъ бы ей хотѣлось, чтобы Иванъ Вас. вправду ее посваталъ! Мать можетъ не согласиться, можетъ разсердиться, но она ни за что ни за кого не пойдетъ крому «своего Жани»...—такъ мысленно называла Антося Ивана Вас-ча. Не спалось ей покойно въ эту ночь: ей все мерещилось, какъ они будутъ жить вдвоемъ съ Жаней и будутъ не покупать, а продавать своихъ свиней съ барды, а главное—какъ будетъ Жаня любить ее и цѣловать... Утромъ Антонина Лукин. встала раньше обыкновеннаго, ничего не слышала изъ разсказовъ горничной, быстро одѣлась и, къ удивленію матери, безъ зова пришла къ чаю раньше обыкновеннаго. Ел. Вас. разливала чай и начинала торги о свиньяхъ. «Ну ихъ икъ бису, вашы свыни»!—внезапно возразилъ Иванъ Вас-чъ, вставая навстрѣчу Антосѣ и съ жаромъ цѣлуя ея руки: «Отъ кого я у васъ прошу: виддайте вы іи за мене замижъ!»

Смущенная внезапнымъ предложеніемъ Антося стояла, не отнимая своихъ рукъ у Ивана Вас. и съ недоумѣніемъ глядѣла на мать. Елена жъ В. вообразила, что «мужланъ» Иванъ Вас. «шуткуетъ» и обидѣлась за такую шутку. Иванъ В. крестился на икону. «Не шуткую я, добродійко Олено Вас.; вразыла мое серце ваша дочка гирше одъ турецькои бомбы! Колы я ій не любъ—хай каже; колы любъ—виддайте іи за мене!»—Антося не выдержала и со словами: «милый Жаня!» при матери обняла Ивана В. за шею, а онъ жаркимъ поцѣлуемъ прильнулъ губами къ ея губамъ.

Всѣ громы небесные не могли бы сильнѣе поразить Елену В., какъ поразило ее все происшедшее передъ ея глазами. Она упрекала дочь въ неблагопристойности, въ непослушаніи, Ивану Вас-чу объявила, чтобы онъ не надѣялся ни на что, даже на покупку свиней, что Антося не пара свинному торговцу, что ей мать сама приготовила жениха и т. д.

Ивану Вас-чу не оставалось больше ничего, какъ благоразумно уѣхать, что онъ и сдѣлалъ, обѣщавъ Антосѣ на прощанье вскорѣ вернуться съ дядькомъ Ѳедот. Васыльёвычемъ «якъ слидъ іи сватать съ хлибомъ».

Иванъ Вас. исполнилъ свое обѣщаніе: вскорѣ онъ явился съ дядей оффиціально просить у Елены Васильевны руки ея дочери. Но Елена Вас., несмотря на уговариванья почтеннаго зятя, ни на мольбы молодыхъ людей, оставалась непреклонна и согласія на бракъ дочери не дала.

— Нуте-бо, сестрычко! увольнить воленьку вашои дочкы-едыначкы, поблагословить ихъ зъ Ивасемъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! никогда не позволю я своей дочери идти за свинного торгаша!—визжала Елена Вас.

— Не второпаю я, пани, чого вамъ такъ вадыть, шо я свыни, якъ добри люде, купую! А шо до Антоси—то ще побачымо, паниматко, чы оддасы іи, чы може я й безъ тебе іи визьму!

— Ахъ, ахъ! со мной дурно! такого нахала я не могу выносить! Братецъ!—обратилась Елена В. къ Ѳ. В., прошу васъ, чтобы нога вашего племянника въ моемъ домѣ не была.

— Покы судъ та дило—то й не буде, а усе жъ Антося моя такы буде!—отвѣтилъ Ив. Вас-чъ.

Остававшаяся во время этихъ переговоровъ въ сосѣдней комнатѣ Антонина Лукин. не выдержала, вбѣжала къ ссорящимся и, ломая руки, обратилась къ Ѳед. Вас: «дядя! дядя! я люблю Жаню! я ни за кого не пойду, я вѣчно его любить буду!»

Тогда Ив. Вас. подошелъ къ Антосѣ, нѣжно обнялъ ее за станъ и, прижавъ къ себѣ, поцѣловалъ въ голову. «Не плачъ, серце!—сказалъ онъ ей,—пидождемъ до твоихъ совершенныхъ литъ, тоди обійдемось безъ матери; а я тоби передъ дядькомъ руку даю, що на те лито мы у пари будемъ, хиба сама не схочешъ».

— Я прокляну ее, если она осмѣлится нарушить мою материнскую волю!— визжала разъяренная мать.

Послѣ такихъ безумныхъ рѣчей хозяйки, дядѣ съ племянникомъ не оставалось ничего болѣе, какъ уѣхать.

Антон. Лукин. любила писать письма и вела значительную переписку со всѣми своими двоюродными сестрами (а ихъ было не мало), съ Марѳой Сергѣевной и съ другими подругами; этой переписки мать никогда не провѣряла, и потому ей не трудно было завести переписку съ Ив. Вас. Въ провинціи и до сихъ поръ процвѣтаетъ излишнее любопытство, а за 70 лѣтъ назадъ, при отсутствіи и тѣхъ немногихъ интересовъ, какіе имѣются теперь, половина писемъ на почтѣ прочитывалась и содержаніе ихъ становилось достояніемъ общественныхъ сплетенъ. Одно изъ писемъ Антон. Лукин. къ «Жанѣ» попало въ число вскрытыхъ и заботливой рукой «неизвѣстнаго» возвращено въ руки матери. Снова произошли ссоры, брань и т. п., и дальнѣйшая переписка оказалась невозможной. Антося изливала свое горе въ письмахъ къ сестрамъ, между которыми Пелагея Гавриловна Юркевичъ, бывшая тогда въ замужествѣ за надворн. совѣтн. Дмитр. Саввичемъ Богуномъ, бывшимъ управляющимъ имѣніями гр. Кушелева-Безбородко и жившимъ въ г. Нѣжинѣ, зная нравъ своей тетки, приняла къ сердцу страданія своей сестры и написала дядѣ Ѳеод. Вас. о случаѣ съ перепиской молодыхъ людей, предупреждая о

невозможности дальнѣйшей между ними переписки. Она съѣздила въ Некрасовъ къ теткѣ, надѣясь уломать старуху, въ чемъ, конечно, не успѣла, и лишь утѣшила Антосю тѣмъ, что убѣждала ее, если «Жаня» ее любитъ, то не забудетъ ее, если-же онъ окажется измѣнникомъ, то не стоитъ ея любви и жалѣть о немъ нечего.

Ив. Вас. измѣнникомъ не оказался, а придумалъ весьма своеобразный способъ переписки. Черезъ с. Райгородокъ проходятъ толпы богомольцевъ и странниковъ въ Рыхловскій Николаевскій мужской монастырь, кролевецк. у. Когда Ив. Вас. пришлось изыскивать способъ переписки съ Антосей, то онъ выбралъ изъ среды знакомыхъ ему странниковъ одного наиболѣе смышленнаго старика, разсказалъ ему свою «прыгоду» и предложилъ быть посредникомъ для передачи писемъ. Странникъ согласился на предложеніе Ив. Вас.; онъ зналъ с. Некрасовъ и первое свое путешествіе туда назначилъ на 9 мая 1830 года, когда у Борзаковскихъ справляли ежегодную «Никольщину», т. е. въ этотъ день всѣ странники, сиріе, нищіе, бобыли обѣдали у Борзаковскихъ и получали по двѣ чарки водки изъ рукъ хозяйки. Полонъ дворъ ставили столовъ и лавокъ и на три дня сгоняли панщину готовить пищу[1]).

9 мая 1830 года у Борзаковскихъ дворъ, при хорошей погодѣ, кипѣлъ бѣднымъ людомъ. Ел. В. сама обходила столы и смотрѣла за распредѣленіемъ пищи. Большинство странниковъ было знакомо Ел. В., но одинъ изъ незнакомыхъ стариковъ, такой согбенный, смиренный, обратилъ на себя ея вниманіе своимъ набожнымъ видомъ. Косинская вступила съ нимъ въ разговоръ; онъ ей понравился, и Ел. Вас. пригласила его въ домъ, обласкала, особо накормила своимъ обѣдомъ, дала денегъ, чтобы онъ

[1]) Подобные обѣды не были особенной рѣдкостью: не только паны, но всякій зажиточный хозяинъ имѣлъ свой опредѣленный день для кормленія сирыхъ и убогихъ (у насъ, въ с. Землянкѣ, кормили нищихъ 10 февр., на Власія). Конечно, обѣдъ тогда ставили въ кухнѣ и въ сѣняхъ. Обычай этотъ держался до освобожд. крестьянъ.

молился посѣщаемымъ имъ угодникамъ смирить ея непокорную дочь и просила приходить почаще. Странникъ обѣщалъ ей все исполнить и просилъ позволенія переговорить на дворѣ самъ на самъ съ Антосей. Ел. В. позволила. Странникъ вышелъ во дворъ, гдѣ сейчасъ-же встрѣтился съ Антосей, грустно обходившей столы и вдвоемъ съ горничной потчивавшей водкой нищую братію. Старикъ низко поклонился Ант. Л.

— Спасы тебе, Господы, панночко-голубонько!—заговорилъ старикъ,—не журысь, не печалуйся, возьмы одъ мене отъ Заступныци нашои, Матери Божои, гостынець, шо шле тоби рабъ Божый Іоаннъ.—И на виду у всѣхъ странникъ порылся въ котомкѣ, досталъ оттуда писаный «сонъ Богородицы» и въ него вложенное письмо Ив. В. и подалъ Антосѣ.

— Какъ? Онъ васъ прислалъ?—почти вскрикнула Ант. Л., но старикъ приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія, снова поклонился дѣвушкѣ и, согнувшись, смѣшался съ толпой. Антося убѣжала къ себѣ въ комнату, гдѣ съ трепетнымъ сердцемъ прочла письмо «Жани». Ив. В. писалъ, что онъ ее не забылъ, лишь бы она его не забывала, и просилъ отвѣчать черезъ старика. По субботамъ у Борзаковскихъ подавалась милостыня нищимъ, и старикъ долженъ былъ навѣдываться по субботамъ въ Некрасовъ. Такимъ образомъ установились письменныя сношенія влюбленныхъ.

Съ этого дня Ант. Лук. стала весела по прежнему, переписывалась съ сестрами и подругами, приглашала ихъ подѣлиться «Жаниными» письмами, строила планы о своей будущей жизни, любезно принимала жениховъ и привязывала имъ гарбузы подъ экипажи, а когда пріѣзжали сестры и подруги, то она съ ними уходила въ садъ читать Жанины письма, а потомъ вмѣстѣ барышни гуляли и пѣли: «я вечо́ръ въ лугахъ гуляла, грусть хотѣла разогнать...». Странникъ приходилъ по субботамъ, обмѣнивалъ влюбленныхъ письмами, утѣшалъ панію разговорами и такъ расположилъ къ себѣ старуху, что она скучала и безпокоилась, если въ какую-нибудь субботу старикъ не приходилъ.

Однажды странникъ принесъ Антон. Лукин. писаный масляными красками на полотнѣ небольшой портретъ Ив. В. въ офицерской формѣ. Вечеромъ, когда всѣ уснули, Антон. Лук. развернула на постели портретъ, долго любовалась имъ, цѣловала и, наконецъ, зашила его въ свою головную подушку. Но не всѣ спали въ то время. Съ Ант. Лук. ночевала тогда ея трехлѣтняя крестница—Мароинька Подгаевская, которая въ то время еще не спала и видѣла портретъ, но не увидала, куда онъ исчезъ. На завтра утромъ enfant terrible Мароинька за чаемъ объявляетъ во всеуслышаніе:

— Я ночью у мамы офицера на кровати видѣла, видѣла какъ мама его цѣловала!

Какой содомъ подняли слова ребенка! Мать подумала, что Ив. В. самолично явился въ Некрасовъ, а дочь, на всѣ издѣвательства матери, отвѣчала смѣхомъ. Пошли обыски, допросы, горничныя получили порцію березовой каши, но открыть никто ничего не могъ, а Мароинька не увидала, куда Антося дѣвала портретъ, который благополучно сохранялся у невѣсты въ подушкѣ до дня ея свадьбы, послѣ которой онъ былъ вставленъ въ золоченую рамку и повѣшенъ на стѣнкѣ возлѣ кровати супруговъ.

Послѣ этого происшествія съ портретомъ, снова все вошло въ обыденную колею и жизнь продолжала идти по прежнему мирно до 10 іюня 1831 г., дня именинъ и совершеннолѣтія Антон. Лукин. Въ этотъ день съ утра все шло прекрасно: дочь была особенно весела, мать въ хорошемъ расположеніи духа ожидала, ради совершеннолѣтія дочери, большого пріѣзда гостей и нѣкоторыхъ жениховъ, хлопотала вмѣстѣ съ пріѣхавшей наканунѣ Надей, чтобы всего всѣмъ было въ достаткѣ. Утромъ о. Іоаннъ Базилевичъ отслужилъ въ церкви обѣдню и отъ обѣдни со всѣмъ причтомъ пришелъ поздравить именинницу и принесъ заздравную просфору. Въ домѣ-же отслужили заздравный молебенъ, при чемъ присутствовали, кромѣ хозяекъ и Нади, еще сестра Ел. В-ны Прасковья Вас. Гернетъ и ихъ племянница Пелагея Гавриловна Богунъ съ мужемъ Дмитріемъ Саввичемъ, особенно внимательно

относившіеся къ именинницѣ съ матерью: они были посвящены въ тайну Антоси. Къ полдню стали подъѣзжать еще родные и чужіе гости: дяди именинницы Яковъ и Ив. Вас. Магеровскіе, мужъ тетки—глуховской полиційместеръ Карлъ Васил. Гернетъ, сосѣди послѣдняго—два молодыхъ брата гусары Ал-дръ и Борисъ Як-чи Шемшуковы; изъ нихъ младшій былъ крестнымъ отцемъ Антон. Лукин., а старшій былъ замѣчателенъ своими запорожскими усами до пояса. Собрались и барышни сосѣдки, и судейскіе кавалеры. Подали именинный пирогъ. Всѣ ѣли, пили, поздравляли именинницу съ совершеннолѣтіемъ, желали ей хорошаго жениха; именинница была крайне весела и держала уже себя совершенной хозяйкой: всѣ обращались по преимуществу къ ней, она всѣмъ и распоряжалась. Во время раздѣла именинного пирога, появился и Өеодосій Васил. Лихошерстовъ. Антося такъ и бросилась къ нему навстрѣчу, расцѣловала дядю, потчивала пирогомъ, ухаживала за нимъ. Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ, и на парѣ своихъ «рыжаковъ» въ плетеной «нейтычанкѣ» подъ крыльцо подкатилъ Ив. Вас.... Молодцовато вошелъ онъ въ залъ, всѣмъ поклонился; Антося встала ему навстрѣчу; онъ крѣпко пожалъ и поцѣловалъ ея руку, и Антося представила его всѣмъ какъ своего жениха и будущаго мужа... На Ел. Вас. никто не обращалъ вниманія, но восклицаніе «ахъ!» съ взвизгомъ заставило всѣхъ обратить свои взоры на нее: Ел. Вас. лежала въ истерикѣ. Громадный атлетъ Макс. Мих. Троцкій, мужъ Надиной сестры, Анастасіи Яковл., предложилъ свои услуги: онъ одинъ взялъ старуху на руки и отнесъ ее, какъ ребенка, въ спальню, поручивъ ее надзору прислуги и заявивъ самой Ел. Вас., что онъ самъ берется ее охранять: это значило, что она должна была усмириться, иначе ей не безопасно будетъ волноваться, когда всѣ, даже «гайдамака», какъ называлъ себя Троцкій, на сторонѣ влюбленной молодой пары.

Ел. Вас. провела день совершеннолѣтія дочери въ добровольномъ одиночествѣ. Ничьи просьбы не могли сломить ея упрямства, но благодаря «гайдамакѣ» Троцкому, она не мѣшала гостямъ прекрасно провесть день совершеннолѣтія наслѣдницы.

Попировавъ у молодой хозяйки, большинство гостей и родныхъ разъѣхались подъ утро другого дня именинъ; черезъ день спустя уѣхалъ и Ив. В. съ дядей Ѳеод. Вас., оставивъ Ант. Лук. вступать въ свои права наслѣдства, что она и исполнила вскорѣ по указаніямъ практическихъ Богуновъ.

Ив. Вас. уѣхалъ справляться съ хозяйствомъ и ликвидировать свои дѣла по торговлѣ свиньями, а Антон. Лук. занялась приготовленіемъ своего приданаго, въ чемъ ей помогала «сестра Надя Бартошъ» и ея подруга Елизав. Ѳеодор. Туманская, дочь рижскаго цензора, послѣ смерти матери поселившаяся одиноко въ доставшемся ей въ наслѣдство хут. Теребени, возлѣ с. Землянки. Елиз. Ѳеодор. привезла съ собой и своихъ швеекъ, обучавшихся въ модныхъ магазинахъ Петербурга, и свои модные журналы и выкройки. Надя съ ключницей и Марѳой Сергѣевной усиленно занимались приготовленіемъ различныхъ вареній и соленій къ свадьбѣ, а Ант. Лукин. съ Елизав. Ѳеодор. и швейками кроили, шили, вышивали. Мать не хотѣла ни на что обращать вниманія, жаловалась на дочь и проливала слезы, а Ант. Лук. не обращала на нее вниманія и распоряжалась всѣмъ самостоятельно. Одинъ Косинскій держалъ себя нейтрально и по прежнему продолжалъ за обѣдомъ кушать миску гречневыхъ варениковъ, а послѣ обѣда храпѣлъ до чая на своей постели.

Теперь Ант. Лукин. свободно переписывалась со своимъ Жаней, который свободно пріѣзжалъ часто на нѣсколько дней и дружески распивалъ съ Ѳеод. Никол. «сорокатравникъ» и закусывалъ колбасой. Праск. Вас. Гернетъ, Дм. Сав. Богунъ съ женой, братья Ел. Вас.—Ив. и Як. Вас. Мегеровскіе—много разъ старались склонить Косинскую на миръ съ дочерью; хлопоталъ о томъ-же и Ѳеод. Вас. Лихошерстовъ, но Ел. В. оставалась глуха ко всѣмъ уговорамъ и твердила одно: «Я ее прокляну!». Свадьбу откладывали, но видя неуспѣшность стараній склонить старуху къ миру, рѣшили обойтись безъ нея и назначили свадьбу на 11 ноября 1831 г. Приглашенія разсылала сама невѣста.

Съѣздъ гостей въ день свадьбы былъ великъ. Пріѣхали всѣ родные, съѣхались и сосѣди: Коробчевскіе, Легкобытовы, Толма-

чевы, Уманцы, Кулябки, Львовы и мн. др. Съ Надей Бартошъ пріѣхала Елиз. Ѳеодор. Туманская, и прямо съ почтовой перекладной явился изъ смоленской губ. старшій, холостой братъ Нади—Яковъ Яковл. Бартошъ, взявшій краткосрочный отпускъ у гр. Кушелева-Безбородка, у котораго онъ служилъ тогда повѣреннымъ по дѣламъ.

До вѣнца молодые не должны были между собой видѣться и не принимать никакой пищи. Одѣвали къ вѣнцу Антонину Лукин.—Надя, Елизавета Ѳеод. Туманская и дѣвица Коробчевская (впослѣдствіи замуж. за Яков. Дорошенко) и др. Посаженымъ отцемъ жениха былъ Ѳеод. Вас. Лихошерстовъ и замужняя сестра жениха, со стороны невѣсты—Дм. Сав. Богунъ и Пр. Вас. Гернетъ. Мать не могли упросить благословить дочь.

Хотя церковь стояла подъ дворомъ, но, ради обычая и осенней погоды, молодые въ церковь поѣхали и, какъ требовалось по обычаю, поѣхали порознь: Ив. Вас. съ Ѳедот. Вас. въ дядиной коляскѣ, а Ант. Лукин. съ подругами въ своей каретѣ. Обвѣнчавшись, молодые вернулись въ домъ вмѣстѣ въ одной каретѣ. На порогѣ дома ихъ встрѣтили съ иконой и хлѣбомъ-солью Дм. Сав. Богунъ и Параск. Вас. Гернетъ, отъ которыхъ получивъ благословеніе, молодые вошли въ домъ и направились въ гостинную, гдѣ ихъ ожидали шафера съ шампанскимъ и сладкая закуска... . Навстрѣчу молодымъ изъ другой двери двинулась изступленная фигура матери новобрачной, съ поднятыми кверху руками. Завидя дочь, Ел. В. вскрикнула: «Проклинаю! проклинаю! Будь ты трижды проклята! Не видать тебѣ дѣтей никогда!» Ант. Лук. упала на грудь Жани и разрыдалась; произошло общее замѣшательство; Ѳеод. Вас. поспѣшилъ къ Ел. Вас., но всѣхъ выручилъ «гайдамака» Троцкій: онъ взялъ старуху на руки и какъ ребенка отнесъ ее въ ея спальню, приказавъ прислугѣ не выпускать ее оттуда до конца свадьбы. Всѣ знали легкомысленный нравъ старухи и романическую вѣрную любовь новобрачныхъ и отнеслись къ матери съ негодованіемъ и съ сочувствіемъ къ новобрачной.

Обѣдъ начался грустно, но мало-по-малу всѣ оживились, выкрикивали «горько» и при звукахъ музыки, играющей «тушъ», заставляли молодыхъ цѣловаться. Послѣ обѣда устроились танцы, которые начались общимъ польскимъ, потомъ молодежь танцовала «метелицу», козачка, галопъ, а болѣе свѣтскія особы танцовали «кадриль» и закончились танцы общимъ «гроссъ-фатеромъ». Послѣ танцевъ отъужинали; дѣвицы ушли ночевать во флигель, посторонніе гости разъѣхались, а родные, отправивъ новобрачныхъ въ опочивальню, продолжали пировать всю ночь. По распоряженію веселой Праск. В. Гернетъ и Ѳеод. Вас. Лихошерстова, дворня ночью водила сороку и «скакала журавля». Утромъ Антон. Лук. всѣхъ, приходившихъ къ ней съ поздравленіемъ, «застебывала» красной лентой, куски которой розданы были всѣмъ поселянамъ, а Ив. Вас. потчивалъ чаркой горѣлки и знакомился со своими будущими крѣпостными, которыхъ староста представлялъ ему налицо. Въ качествѣ шафера или боярина разшалившійся какъ мальчикъ 36-тилѣтній братъ Нади, вмѣстѣ съ другими шаферами, выставили на воротахъ свадебный флагъ изъ красной запаски, за что получили отъ новобрачной по шелковому пестрому фуляру въ «выкупъ». Барышни съ горничными сжарили яичницу и изъ флигеля съ пѣсней:

Мы до тебе, Антосю, идемо,
Тоби снидаты несемо!..

сдѣлали кругъ по двору и принесли ее Ант. Лук., которая должна была кушать яичницу, послѣднее дѣвичье «сниданне» [1]).

Покончивъ со всѣми свадебными утренними обычаями, Ант. Лук. пошла одѣваться къ обѣду. При одѣваньи присутствовалъ молодой супругъ и когда Ант. Лук. вознамѣрилась надѣвать корсетъ, Ив. Вас. взялъ его изъ рукъ жены говоря: «Дай мени на цю штуку подывыться, я ще зроду такои цикавои речи не ба-

---

[1]) Почему подружки невѣсты приносятъ на «сниданне» молодой непремѣнно яичницу? Вѣроятно какъ знакъ будущаго плодородія, зарожденія дѣтей....

чывъ»—и съ этими словами бросилъ корсетъ въ топившуюся въ комнатѣ печь.

— Хай винъ, серце, лучче згорыть, шобъ ты зъ нымъ не турбувалась. Страхъ не люблю я тоненькыхъ бабъ! Шобъ ты мени цихъ кистокъ бильшъ не надивала!

Ант. Лук. исполнила желаніе мужа и изъ тоненькой блондинки превратилась впослѣдствіи въ толстую, краснолицую даму.

Послѣ свадьбы мать не примирилась съ дочерью. Бракъ Лихошерстовыхъ оставался безплоднымъ, что супруги приписывали материнскому проклятію. Въ 1836 г. умерла мать, и Лихошерстовы три раза ѣздили въ Кіевъ на богомолье, но дѣтей не вымолили.

Послѣ женитьбы Ив. Вас. оставилъ торговлю свиньями и занялся хозяйствомъ, устроилъ прекрасный садъ, въ саду выкопалъ прудъ и занялся рыбоводствомъ, а свободное время занимался клейкой рамокъ для картинъ и столярствомъ мелкой кленовой мебели: столиковъ, шкатулокъ и т. п., на которой отпечатывалъ черные рисунки. Супруги были добрые хлѣбосолы и любили пожить въ свое удовольствіе. Штабъ и оберъ-офицеры каждаго квартировавшаго въ уѣздѣ полка съ женами и всѣми своими семействами всегда были своими людьми у Лихошерстовыхъ. Одинаково привѣтливо принимали они и прапорщика и генерала; полковая музыка гремѣла въ Некрасовѣ каждый праздничный день, и сосѣдняя молодежь стремилась къ Лихошерстовымъ воспользоваться случаемъ у нихъ потанцовать и найти себѣ жениха или невѣсту. Первымъ бракомъ, устроившимся при сватовствѣ Ант. Лук., былъ союзъ моихъ родителей въ 1832 году, и мало по малу устройство браковъ обратилось у Ант. Лук. въ страсть. У Лихошерстовыхъ постоянно кто-нибудь сирый находилъ себѣ пріютъ: барышни, которыхъ некому было вывозить въ свѣтъ, офицерскія жены съ дѣтьми во время войны или командировокъ мужей проживали у нихъ по нѣсколько мѣсяцевъ. Немудрено поэтому, что имѣніе ихъ таяло, а недоимки накоплялись.

Такъ какъ Антонина Лукин. была двоюродной сестрой моего отца, то послѣ смерти нашихъ родителей Ив. Вас. Лихошерстовъ

былъ назначенъ нашимъ опекуномъ, какъ мужемъ сестры и ближайшимъ по мѣсту жительства нашимъ родственникомъ, и мы съ сестрой, по окончаніи курса ученія въ Москов. Елисав. Инстит., пріѣхали жить въ Некрасовъ къ Лихошерстовымъ. Вотъ какъ случилось наше прибытіе къ опекунамъ. Елена Вас. Майэрова, урожденная Кочубей, благодѣтельствовала намъ по смерти нашихъ родителей и была единственнымъ лицомъ, навѣдывавшимъ насъ въ институтѣ. Наканунѣ нашего выхода изъ училища она была у насъ и поручила сопровождать насъ домой старушкѣ нянѣ Кочубеевъ, ѣхавшей въ м. Дубовичи, глух. у., и велѣла отвезть насъ къ тетѣ Надѣ въ хуторъ Теребень. Пріѣхали мы въ мальпостѣ изъ Москвы въ г. Орелъ 28 мая 1852 г. вечеромъ и остановились у доктора Лоренца, жена котораго также была воспитана г-жей Майэровой. На завтра утромъ старуха няня укладывала наши вещи въ нанятый до г. Глухова тарантасъ [1]), а мы, въ ожиданіи чая забавлялисъ съ дѣтьми Лоренцъ; вдругъ дверь въ комнату отворилась, и на порогѣ появилась 40-лѣтняя прилично одѣтая, очень полная дама съ краснымъ лицомъ и въ желтой атласной шляпкѣ на головѣ.

— Здѣсь остановились ѣдущія изъ Москвы институтки Б—шъ?—спросила дама приготовлявшую чай горничную и оглянула кругомъ комнату.

Услыхавъ свою фамилію, мы привстали съ чемодана и въ тотъ же мигъ были заключены въ объятія толстой дамы, повторявшей, обнимая насъ:

— Дѣти мои! дѣти мои!—при чемъ дама всхлипывала. Дама эта была Антон. Лук. Лихошерстова.

Нашла насъ Антон. Лукин. слѣдующимъ образомъ: когда мы написали ей изъ института, что выѣзжаемъ 26 мая въ мальпостѣ до г. Орла, Ант. Лук. разочла, что 28 мая мы будемъ въ г. Орлѣ и должны остановиться у г-жи Лоренцъ, съ которой она раньше была знакома; она рѣшила поѣхать въ г. Орелъ разогнать свою скуку и забрать насъ съ собой.

---

[1]) Мальпостъ ходилъ изъ Москвы только до г. Орла.

Положеніе наше оказалось между двухъ огней: старуха няня настаивала, чтобы исполнили желаніе Ел. Вас. Майэровой и продолжали свой путь къ тетѣ Надѣ въ свой хуторъ, Ант. Лук. тащила насъ къ себѣ въ с. Некрасовъ, и, право, не знаю почему, мы остались съ Ант. Л., или же просто она насъ отвоевала и только. Старушка наша уѣхала въ м. Дубовичи одна, а мы еще два дня бѣгали съ Ант. Л. по орловскимъ лавкамъ и магазинамъ, въ которыхъ Анг. Лук. накупила множество различныхъ вещей.

Ѣхали мы изъ г. Орла на почтовыхъ лошадяхъ въ собственной Антонины Лук. крытой 4-хмѣстной коляскѣ, наполненной подушками, посудой и нѣкоторой провизіей. Помѣщались мы въ коляскѣ вчетверомъ: Антон. Лук., насъ двое (сестра и я) и рыжая въ веснушкахъ горничная Гашка; на козлахъ съ ямщикомъ помѣщался сопровождавшій Ант. Лукинишну въ путешествіяхъ разноглазый лакей Ѳедька. Гашка и Ѳедька были прекрасные слуги; безъ такихъ слугъ ѣздить тогда было и затруднительно, и опасно. Во 1-хъ, мы могли на станціяхъ и ночлегахъ очутиться въ положеніи Щедринскихъ генераловъ, во 2-хъ—по той дорогѣ «пошаливали» добрые молодцы, и если не наша жизнь, то чемоданы наши могли пострадать безъ охраны. Однако, несмотря на небольшой переполохъ подъ лѣсомъ, вблизи г. Кромъ, наше путешествіе окончилось благополучно и 1-го іюня 1852-го года мы прибыли въ с. Некрасовъ.

Прелестный іюньскій день клонился къ вечеру когда мы подъѣхали къ крыльцу дома господъ Лихошерстовыхъ. Нашимъ глазамъ предстала самая прелестная патріархальная картина. Стоявшій на крыльцѣ дома высокій, статный 50-лѣтній брюнетъ съ взъерошенными послѣ сна черными волосами и еще заспанными глазами, въ бухарскомъ халатѣ и съ трубкой на длинномъ чубукѣ въ рукахъ и четырехлѣтняя сиротка—пріемышъ Оля [1]) съ огромнымъ рыжимъ котомъ на рукахъ, составляли ядро явившейся нашимъ глазамъ картины. Фонъ картины составляли нѣсколько окру-

---

[1]) Оля Борщова была сирота, дочь смотрителя уѣзднаго дворянскаго Глуховского училища.

жавшихъ главныхъ лицъ, за которыми стояли, суетились и выглядывали гурьбой лакеи, горничныя, дворовая дѣтвора, высыпавшая навстрѣчу намъ и др. лица. Всѣ барышни и прислуга бросились наперерывъ помогать хозяйкѣ выйти изъ колымаги, а горничной выносить вещи. Мы выпрыгнули изъ коляски, поздоровались съ Ив. Вас. и очутились во власти барышень, расточавшихъ намъ поцѣлуи. Супруги нѣжно расцѣловались. Оля одной ручкой придерживала у груди кота, другой уцѣпилась за платье мамаши, а супруги, нѣжно обнявшись открыли шествіе въ домъ, куда и мы всѣ послѣдовали за ними.

Ив. В. любилъ удобство и изящество, и вся усадьба носила печать его заботливости. Прежніе будынки были перестроены, и на ихъ мѣстѣ стоялъ бѣлый домикъ съ красной тесовой крышей и съ большими растворчастыми окнами въ лакированыхъ дубовыхъ рамахъ. Къ дому со стороны сада былъ пристроенъ обширный балконъ, отъ котораго къ рѣкѣ спускалась на лугъ большая площадка; посрединѣ площадки, противъ балкона, на сѣромъ пьедесталѣ стояла глянцевая бѣлая невысокая колонна, съ устроенными на верху ея солнечными часами. По всей площадкѣ были расположены различныхъ формъ клумбы съ изящнымъ подборомъ цвѣтовъ, носившихъ мѣстныя названія: *крученые паничи*, *нечесаныя панночки*, *лизетки*, *угольки въ огнѣ*, *10-й часъ* и т. п. Въ саду много было георгинъ, превосходныхъ лилій, гвоздикъ, піоній, жасминовъ и цѣлыя аллеи воздушныхъ розъ; вокругъ сада шла живая изгородь по рву какого-то сильно колючаго кустарника съ лиловыми мелкими цвѣтами; подобнаго я впослѣдствіи нигдѣ больше не встрѣчала. Сѣмена, корни и пр. выписывались отъ Вагнера изъ Риги, и цвѣтоводствомъ завѣдывала двоюродная сестра Ив. Вас.—Елена Никитишна Лихошерстова. Среди сада, по лѣвой сторонѣ главной отъ балкона дорожкѣ, былъ устроенъ Ив. В. небольшой рыбный прудъ; по правую сторону, подъ завѣдываніемъ Антон. Лукин., пасѣка на двѣсти колодъ пчелъ. На окнахъ дома и на балконѣ стояло много гераній, пиляргоній и любимыхъ Ант. Лук. чайныхъ розъ.

Полы въ домѣ были не крашеные, а вощеные подъ паркетъ. Залъ въ 5 оконъ имѣлъ во всемъ желтоватый оттѣнокъ: свѣтлые, желто-коричневые обои покрывали стѣны, вокругъ которыхъ стояли легкой работы берестовые стулья съ плетеными сидѣньями и карточные столы, по угламъ кленовые столики съ черными оттисками батальныхъ картинъ, на стѣнахъ бронзовыя конкеты, и посреди потолка спускалась такая-же люстра. На стѣнѣ въ одномъ углу часы стѣнные въ какомъ-то желтомъ футлярѣ, а въ другомъ вызолоченный образъ Хр. Спасителя довершали гармонію обстановки зала; только стоявшее у глухой стѣны старинное фортепьяно краснаго дерева выдѣлялось своимъ темнымъ цвѣтомъ. Гостинная имѣла два окна, украшенныхъ бѣлыми кисейными занавѣсами, и между этихъ оконъ помѣщалась стеклянная дверь на балконъ. Обои въ комнатѣ были темно-красные съ золотомъ и черными разводами, мебель вся желтая, осокоровая съ черными ободками, обитая краснымъ сукномъ съ черными узорами; на стѣнахъ такіе же конкеты, какъ и въ залѣ; надъ диваномъ широкое зеркало въ золоченой рѣзной рамѣ; въ простѣнкахъ между окнами стѣнные зеркала съ подзеркальниками, на одномъ изъ которыхъ стояли бронзовые столовые часы, на другомъ—букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, въ двухъ углахъ—по угольному низкому осокоровому съ черными ободками шкапчику и вверху надъ однимъ—образъ Христовой Матери въ золоченой ризѣ. Третья парадная комната была столовая или «чайная». Комната эта была довольно велика, но освѣщалась однимъ только окномъ и имѣла двѣ двери: въ гостинную и дѣвичью. Штукатурныя стѣны столовой были окрашены свѣтло-синей краской; у стѣнъ стояли дубовыя черныя стулья и низкій легкій турецкій диванъ; вся мебель обита синей шерстяной матеріей. Посреди столовой стоялъ круглый обѣденный столъ, въ одномъ углу стояла «горка», вся унизанная огромнымъ количествомъ «замѣчательныхъ» чубуковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою особенную исторію происхожденія; на «горкѣ» лежали всѣ необходимыя принадлежности куренія: сигары, съ табакомъ кисетъ, кресало и многогранная осокоровая шкатулка для табака. Въ другомъ углу на стѣнѣ въ черномъ

кіотѣ было разставлено множество образовъ, всѣ въ золоченыхъ шатахъ, и передъ образами горѣла «неугасаемая» лампада. Стѣны были покрыты множествомъ небольшихъ картинокъ, въ рамкахъ работы Ив. В., и между ними висѣла одна надъ диваномъ большая картина масляными красками на полотнѣ, изображавшая хожденіе по водамъ. Эту картину Ив. В. вымѣнялъ за черешневый чубукъ у Т. П. Магеровскаго. Помѣщеніе для насъ, какъ и вообще для проживающихъ у Лихошерстовыхъ дѣвицъ, было устроено съ различными удобствами во флигелѣ, гдѣ проживала и Елена Никитишна Лихошерстова.

Къ чаю мы и Ант. Лук. перемѣнили свои дорожнія платья, а Ив. Вас. одѣлся въ коричневый сюртукъ, и къ чаю же пріѣхали Ант. Петр. Магеровскій съ женой и 2 малолѣтними дѣтьми поздравить Ант. Лук. съ благополучнымъ пріѣздомъ и насъ съ окончаніемъ курса въ институтѣ. Всѣ присутствующія лица были намъ знакомы раньше, почему и встрѣча наша съ ними прошла безъ стѣсненій. Послѣ чая насъ попросили сыграть что-ниб. на фортепіано. Мы сыграли: сестра—мазурку Шопена, я—мазурку Шульгофа. Всѣ выражали восторгъ, но я увѣрена, что дѣйствительно восхищенъ былъ одинъ пятилѣтній не отходившій отъ меня, Митраша Магеровскій. Ив. Вас., стоявшій среди барышень съ своей трубкой съ длиннымъ чубукомъ, обратился къ нимъ:

— Ничого, добре граете! тильки я цихъ вашихъ мазурокъ не второпаю, якъ бы загралы таку, що до танцивъ у собраніяхъ грають, або якои нашиньскои писни, не можно?

— Насъ не учили играть ни танцевъ, ни малорусскихъ пѣсенъ—отвѣчали мы.

— Шкода! то вы навчиться теперечкы, а ноты вамъ дадуть панночкы, бо воны гарни писни спивають.

Дѣйствительно барышни не замедлили насъ снабдить множествомъ малорусскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку талантливыми сыновьями глуховскаго архитектора Ассинга.

Отъ фортепьяно всѣ разбрелись: старики на балконъ, барышни въ садъ, Ант. Л. съ Наст. Петр. Магер. и дѣтьми—въ гостинную. Погода была самая весенняя, соловьи непрерывно вы-

водили свои трели,—до-нельзя было хорошо. Въ 9 часовъ козачекъ Порфирій, поочередно появляясь передъ барышнями, докладывалъ:

— Пожалуйте ужинать!

— Ужинать, идите ужинать!—пищала съ балкона Антон. Лукинишна.

— Вечерять! Ходить, панночкы, ве-че-рять!—гукавъ своимъ звучнымъ голосомъ Ив. Вас.

Послѣ ужина Магеровскіе уѣхали, а мы всѣ пошли спать. День у Лихошерстовыхъ проходилъ въ такомъ же порядкѣ: вставали хозяева въ шесть часовъ утра и добавляли распоряженія, данныя старостѣ съ вечера. Въ 7—8 часовъ пили чай (барышни являлись отъ 8—9 час.), послѣ чая выходили супруги въ дѣвичью, гдѣ ихъ ожидала молодая кухарка Степанида, и заказывали обѣдъ, т. е. заказывала Ант. Лук., а Ив. В. только присутствовалъ и требовалъ для себя неизмѣнно все однѣ и тѣ-же кушанья: борщъ съ говядиной или свининой, картофель съ саломъ и свинина или курица жареная; друг. кушаній онъ не ѣлъ, и Ант. Лук. добавляла остальной обѣдъ для себя и для насъ.

Покончивъ съ заказомъ обѣда, хозяева отправлялись въ гостинную. Ант. Лук. садилась на диванъ, на колѣна къ ней прыгалъ рыжій котъ «Рудько» и, потершись мордочкой о подбородокъ хозяйки, начиналъ отыскивать булавочку: Ант. Лук. заранѣе втыкала куда-нибудь булавку—въ диванъ, кресло, обои, скатерть, иногда въ свою косу, и Рудько непремѣнно отыскивалъ булавочку где бы она ни была, ловко вытаскивалъ ее зубами и въ зубахъ подносилъ ее своей хозяйкѣ, за что получалъ отъ нея поцѣлуй въ мордочку; послѣ этого подвига котъ, совершенно довольный собой, ложился дремать у Ант. Лук. на колѣнахъ. Ант. Л. принималась тогда раскладывать пасьянсъ; если она оставалась въ комнатѣ одна, то раскладывала «Наполеоновскій» пасьянсъ въ двѣ колоды картъ, если-же имѣла партнера, раскладывала «симпатію». Ив. В. въ это время шагалъ молча по гостинной и усиленно курилъ трубку, выходилъ на балконъ, смотрѣлъ на небо, на работавшихъ въ саду дивчатъ, перекидывался шутками съ гулявшими или си-

дѣвшими барышнями, а въ полдень бралъ съ угловаго шкапчика «Академическій календарь», вынималъ изъ кармана часы и шелъ въ цвѣточникъ свѣрять ихъ съ солнечными. Послѣ повѣрки часовъ, всѣ шли завтракать.

Ив. Вас. передъ завтракомъ и передъ обѣдомъ всегда выпивалъ рюмку «Карпѣковки»; Ант. Лук. ничего не пила или пила иногда, но оч. мало, вмѣстѣ съ барышнями, наливки. Закусывали колбасой, селедкой, жареными карасями, вареными раками, которыми славился Некрасовъ, и т. п. Посланный привозилъ изъ Глухова почту и разныя вѣсти. Снова всѣ расходились. Ант. Лук. шла продолжать пасьянсъ, а Ив. Вас. садился въ гостинной въ кресло и читалъ вслухъ полученныя письма и газеты. Когда онъ уставалъ читать, его смѣняла жена, а Ив. Вас. доканчивалъ начатый ею пасьянсъ.

Въ три часа снова всѣ собирались въ столовую къ обѣду. За обѣдомъ всегда подавались наливки и мѣстной глуховской фабрикаціи вино. За столомъ маленькая Оля сидѣла между «мамашей» и «дядюней», какъ она называла своихъ воспитателей, а цѣлые дни проводила со своей няней Аксюткой, гдѣ хотѣла. Послѣ обѣда Ив. В. шелъ отдыхать къ себѣ въ кабинетъ, а Ант. Лук., повязавъ голову бѣлымъ носовымъ платкомъ, ложилась отдыхать въ гостинной на диванѣ между горой вышитыхъ подушекъ. Вечеромъ пили чай на балконѣ, а зимой или въ непогоду, въ столовой. Послѣ чая Ив. В. гулялъ по саду или сидѣлъ съ трубкой на балконѣ; Ант. Лук. боялась вечерней росы и никогда послѣ чая на воздухъ не выходила. Если барышни были въ гостинной, то и Ив. Вас. не гулялъ въ саду, а игралъ въ гостинной на гитарѣ и пѣлъ малороссійскія пѣсни одинъ или хоромъ съ барышнями: «гречаныкы», «сусида» и др., но любимая его пѣсня была «дуда»:

«Якъ пійду я у комору пó муку, пó муку,
Да вдарю я дудочку пó боку, пó боку,
А дудочка: ти-ни-ни, ти-ни-ни!»
А я тоди въ бокы, да въ скокы.
Розсыпала по комори кившъ мукы, кившъ мукы»...

—и Ив. Вас. при этомъ притопывалъ ногой и пританцовывалъ. Сами барышни пѣли преимущественно: «Віють витры, віють буйни» и «Ой не видтиль витеръ віе»... безъ всякихъ аккомпаниментовъ или съ фортепьяно.

Когда Ив. В. кончалъ свое пѣніе, Ант. Лук. говорила: «Дай, Иванечка, гитару мнѣ!» и получивъ отъ мужа гитару, пѣла всегда одинъ и тотъ-же романсъ: «Конченъ, конченъ дальній путь»...

Если Ив. В. оставался безъ Ант. Лук. или вообще скучалъ, то онъ пѣлъ безъ гитары:

«Седыть козакъ на стерни, та штаны латае»...

и вмѣсто трубки курилъ сигару въ знакъ грусти, и зажмуривъ глаза, вертѣлъ указательные пальцы одинъ объ другой, разставлялъ руки и пробовалъ попасть пальцемъ въ палецъ. Такъ онъ гадалъ когда-то о задуманномъ сватовствѣ на Ант. Лукин.

Въ 9 часовъ всегда ужинали и расходились спать. Передъ сномъ приходилъ къ Ив. Вас. староста отдать отчетъ работамъ за истекшій день и приносилъ разнообразныя «бирки»: орѣховыя, черемховыя, рябинныя, чищенныя или въ корѣ, смотря по тому, что эти «бирки» означали, напр., количество работъ, число рабочихъ людей, подводъ, возовъ сѣна, пудовъ хлѣба, ведеръ водки и т. п. Однажды я, глядя на бирочные іероглифы (тамъ были «накарбованы»: полоски, крестики, палочки, колечки, и т. п. означавшіе единицы, десятки, сотни и т. д.), предложила Ив. В. свои услуги для веденія хозяйственныхъ счетовъ, но Ив. Вас. на мое предложеніе рукой махнулъ.

— Ну ихъ икъ бису ціи счоты да росчоты! Пробувавъ я ихъ пысать не разъ, усе одно грошей не прыбува... Шкода марно й папиръ переводыть!

Въ дни именинъ Ив. Вас. и Антон. Лукин.—10 іюня и 27 января—по прежнему продолжали собираться у нихъ гости, но съ 1853 г., когда войска уходили на войну, музыка уже была не полковая, а «Вареныкы» изъ с. Ображевки, остатки прежней музыки генерала Наумова. Лихошерстовы выглядѣли еще бодро и вполнѣ прилично: Ив. Вас. въ своемъ черномъ сюртукѣ и бѣ-

лыхъ жилетѣ и галстукѣ былъ весьма изященъ. Молодежь танцовала до утра, а пожилые люди играли въ преферансъ и штоссъ.

Въ будни два раза въ недѣлю Лихошерстовы ѣздили на другой конецъ села въ гости къ Ант. Петровичу Магеровскому, у котораго Антон. Лукин. крестила дѣтей, и для красивой, молодой, чахоточной жены Анаст. Петр. Антон. Лукин. замѣняла самую внимательную мать. (Ан—сія Петр. Маг—ская ум. въ 1855 г.) Магеровскіе пріѣзжали къ Лихошерстовымъ иногда на цѣлый день съ дѣтьми. Разъ въ недѣлю Ант. Лукин. съ Ив. Вас. ѣздили къ теткѣ Прасковьѣ Вас. Гернетъ въ Глуховъ; разъ или два въ недѣлю собирались у насъ кто-ниб. изъ сосѣдей, бывали у Клоченковъ въ с. Слѣпородѣ «на малинѣ» и т. д. Ив. Вас. всегда бывалъ на дворянскихъ выборахъ, а дворянскихъ танцовальныхъ собраній супруги не пропускали ни одного. Тогда Ив. Вас. надѣвалъ изящный фракъ, а Антон. Лук. золотистое или коричневое шелковое платье и бѣлый блондовый чепецъ съ голубыми незабудками и бѣлыми шелковыми лентами и везли съ собой на балъ по 2 экипажа барышень. Въ ту зиму, когда мы жили у Лихошерстовыхъ, они вывозили пятерыхъ: сестру Ив. Вас.—Елену Никит. Лихошерству, 26-лѣтнюю красивую дѣвушку, насъ двухъ и еще двухъ сиротъ 25—30-лѣтнихъ дѣвицъ В—цкихъ; послѣднихъ приписывали для входа въ собраніе къ билету Ант. Петр. Магеровскаго, который въ собраніе ѣздилъ безъ дамъ. Были тогда еще развлеченія въ видѣ мѣстныхъ ярмарокъ, служившихъ выставочнымъ гуляньемъ для невѣстъ и жениховъ. Самая главная ярмарка была Воздвиженская въ г. Кролевцѣ, продолжавшаяся болѣе двухъ недѣль, съ 13 сент. по 1-ое окт. Тогда, несмотря ни на какую погоду, всѣ окрестные помѣщики, за сто даже верстъ, выѣзжали на ярмарку цѣлыми семьями, нѣсколькими экипажами, повозками съ поварами, прислугой и посудой. Всѣ запасались здѣсь на цѣлый годъ провизіей, краснымъ товаромъ и проч. Общественныхъ развлеченій, кромѣ балагановъ, на ярмаркѣ не было никакихъ, за то помѣщики нанимали квартиры въ нѣсколько комнатъ въ частныхъ домахъ (гостинницъ не

было) и каждый вечеръ впродолженіи 8—15 дней приглашали другъ друга «пробовать» чай, икру, балыкъ, вина, конфекты, одобрить выборъ нарядовъ, серебро въ приданое невѣстамъ и т. д. Здѣсь-же уѣздные торговцы запасались баккалеей и бочками вина, которое на ярмаркѣ-же фабриковалось мѣстными поварами, между которыми своимъ вкусомъ и умѣньемъ приготовить вино на извѣстный сортъ особенно отличались два повара: Михаилъ Ломикинъ изъ дер. Богданова подъ г. Глуховомъ, крѣпостной П. А. Л—ва и, не помню имени, тоже крѣпостной генеральши Пол. Гавриловны Чинчикъ [1]) изъ Новгородсѣверск. у. Оба они пріѣзжали въ числѣ необходимой дворни съ своими господами и по ночамъ зарабатывали немало на фабрикаціи винъ. Глуховскіе бакалейные купцы Х—ко и Б—скій присылали пробы этихъ винъ Ив. Васильевичу, яко бы знатоку въ винахъ.

Съ наступленіемъ зимы начинался увеселительный круговоротъ: 6 дек., въ день Николая, открывалось первое танцовальное (и карточное) дворянское собраніе, за нимъ на Рождество давался балъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, которымъ въ 1853 г. былъ Владим. Ив. Туманскій; потомъ шли балы и вечера подъ рядъ у всѣхъ пановъ: у кого въ Глуховѣ, у кого въ деревнѣ. Пировали всю зиму и масляную.

Наступалъ постъ—и все измѣнялось: ѣли постное, говѣли, готовились къ весеннимъ сельскимъ работамъ, продавали свиней и водку съ винокурни, готовились къ Пасхѣ, шили лѣтніе наряды (Пасха въ 1853 г. была 19 апр.) и другъ другу сюрпризы. Антон. Лукин. велѣла снять съ чердака пяльцы и велѣла горничной Гашкѣ впялить въ нихъ канву: это долженъ былъ вышиваться Антониной Лук. Жаничкѣ «сюрпризъ» къ Пасхѣ—подушка. Должна была вышивать Антон. Лук., и подразумѣвалось, чтобы для мужа это было неожиданностію. Ант. Лук. предложила мнѣ вышивать вмѣстѣ. Выбрали узоръ, подобрали шерсти; во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ и выборѣ тѣней участвовалъ и

---

[1]) П. Г. Юркевичъ, бывшая въ 1-мъ бракѣ за Дм. Сав. Богуномъ.

Ив. Вас., даже помогалъ намъ оч. усердно, при чемъ изображалъ полное невѣдѣніе, для кого шьется подушка, хотя «сюрпризы» для него въ видѣ кисетовъ, подушекъ, ермолокъ вышивались ежегодно такимъ-же порядкомъ при помощи какой-ниб. барышни. Ив. Вас. постоянно исправлялъ наши погрѣшности въ тѣняхъ и даже въ самомъ узорѣ замѣнялъ иногда однѣ мелочи другими.

— Одкиньте цю окрасу, вона не пристала, визьмить жовтогарячу, красна сюды не гожа.

Перемѣнимъ—вѣрно! Такъ и полагаемся на его природный вкусъ. Либо на ермолку скажетъ: «Тутечки шовкомъ выложить, а канитель, або золото кладить замисто шовку»—и выйдетъ хорошо.

Такъ мы и шили съ помощью Ив. Вас. ему «сюрпризъ». Считалось, что «сюрпризъ» работаетъ Антон. Лукин., но въ сущности работала одна какая-нибудь изъ живущихъ у ней барышень. Работа Ант. Лукин. ограничивалась на пятомъ или десятомъ стежкѣ: Антон. Лук. начинала чувствовать головокруженіе, передавала иглу мнѣ, шла полежать съ «Рудькомъ» на диванѣ, вставала и садилась возлѣ пялецъ смотрѣть на мою работу и въ окно на вздувавшій по рѣкѣ ледъ. Ив. Вас. попрежнему курилъ трубку, шагая по гостинной, прочитывалъ вслухъ почту, пока до бездорожья можно было ее получать; не получая почты, смотрѣлъ на мою работу, въ окно на рѣку. Остальныя домашнія лица были также заняты какимъ-нибудь дѣломъ. Ледъ сломало, вода быстро, быстро прибывала, я усердно вышивала, иногда меня смѣняла сестра, а Ант. Лук. продолжала смотрѣть на рѣку.

— Ахъ, Жаня! Жанечка, смотри! Что онъ бездѣльникъ дѣлаетъ!—воскликнула однажды Ант. Лук., глядя въ окно и указывая на рѣку.

— А шо тамъ таке?—вопросилъ Ив. Вас., отнимая чубукъ ото рта и вмѣстѣ со всѣми нами устремляясь къ окну.

Оказалось, что козачекъ Порфирій, большой любитель ловли раковъ, пошелъ ихъ ловить, такъ какъ во время половодья они хорошо ловятся; онъ разулся на берегу рѣки и поставилъ сапоги на сушѣ, не сообразивъ быстроты прилива, которымъ унесло са-

ноги, пока онъ заботился наловить господамъ раковъ. Порфирій вернулся съ наловленными раками, но босой, сапоги были быстро унесены разливомъ и онъ ихъ поймать не могъ. За это Порфирія посадили въ дѣвичьей плесть неретки и, волей или неволей, оставили на недѣлю безъ сапогъ, которыхъ ни сшить, ни купить по бездорожью было нельзя, пока не сошелъ разливъ.

Наступила страстная недѣля; всѣ усердно посѣщали церковь и еще болѣе усердно готовились къ Пасхѣ. Антон. Лук. славилась своимъ умѣньемъ печь «бабы», въ чемъ ей была помощницей булочница Мокрина. Къ сватовству и къ печенью «бабъ» Антон. Лук. чувствовала совершенную страсть: тогда у ней не случалось ни головокруженія, ни насморка, ни усталости, хотя для сватовства и приходилось ѣздить по всякой погодѣ, а для «бабъ» не спать нѣсколько ночей и сидѣть въ жаркой кухнѣ нѣсколько сутокъ. Напекалось у Лихошерстовыхъ «бабъ» безчисленное количество всевозможныхъ величинъ и размѣровъ: длинныя, высокія, круглыя и т. п. Иныя были до полутора арш. высоты и вѣсили 5—10 ф. всего; украшались глазиромъ цвѣтнымъ, сахарнымъ мачкомъ и пр. Много «бабъ» оставлялось для себя, но также много разсылалось и знакомымъ: кумовьямъ, холостякамъ, больнымъ и просто знакомымъ, которые не умѣли такъ хорошо испечь, а еще кому-нибудь такому, кто невѣрно хвасталъ своими печеньями... Подушка была готова, и Антон. Лук., христосуясь съ Жаней на Пасху, поднесла ему свой «сюрпризъ».

Весной я вышла замужъ, и мы съ сестрой оставили опекуновъ, не порывая съ ними.

Вскорѣ началось движеніе войскъ на югъ [1]); патріотизмъ охватилъ всѣхъ; всюду встрѣчали и провожали войска оваціями; Лихошерстовы поили и кормили даромъ проходившихъ черезъ Некрасовъ, не только офицеровъ, но и солдатъ. Когда было собрано козацкое ополченіе, Лихошерстовы предложили у себя да-

---

[1]) Началась Севастопольская (Крымская) война.

ровую квартиру Николаю Аркадьевичу Кочубею, а мой мужъ, при встрѣчѣ козаковъ, поднесъ Кочубею въ даръ ополченію одну изъ моихъ старинныхъ иконъ: образъ Св. Николая въ вызолоченой шатѣ съ вѣнцомъ изъ изумрудовъ.

Ополченіе въ дѣло не потребовалось, а отъ скуки кутежамъ и попойкамъ не было конца... То, что въ молодости проходило для Ив. Вас. безнаказанно, теперь не прошло даромъ: онъ сталъ хворать, у него развилась водянка, отёкъ ногъ. Къ тому же денежныя дѣла Лихошерстовыхъ быстро катились подъ гору; приходилось продавать имѣніе за долги. Иванъ Вас. не дожилъ до этой катастрофы и умеръ въ своемъ домѣ 20 іюня 1856 года. Сестра его Ел. Никит. умерла въ 1855 году.

Продавъ имѣніе, Антон. Лук. оставила себѣ только любимую 30-лѣтнюю дѣвку Гашку, которую замужъ не отдала, и двухъ дѣвочекъ, съ которыми переѣхала на жительство въ г. Глуховъ къ своей 80-лѣтней теткѣ Праск. Вас. Гернетъ, вдовѣ бывшаго глуховскаго полиціймейстера, которая свою превосходную усадьбу на Веригинѣ и при ней нѣсколько десятинъ земли передала Ант. Лукинишнѣ.

Но Антонина Лук. не съумѣла и здѣсь прожить скромно: по прежнему она окружила себя молодежью, задавала по прежнему пиры и проживала остатки денегъ отъ уплаты долговъ за продажу Некрасова, который былъ купленъ Орловскимъ стряпчимъ Степаномъ Яковл. Спановскимъ. Для Оли она взяла гувернантку, пожилую дѣвицу, одѣвавшуюся à l'énfant, бывшую воспитанницу Патріотическаго института. Оля была достаточно лѣнива и избалована, гувернантка педагогическими способностями не отличалась, поэтому дѣвочка въ ученьи поспѣвала мало. Выросла Оля красивой дѣвушкой и вышла замужъ за офицера, квартировавшаго тогда въ Глуховѣ полка, Ш-ва. Старуха Гернетъ умерла, Антонина Лук. успѣла къ этому времени прожить землю, а усадьбу подарила Олѣ въ приданое. Въ 1866 году полкъ перевели изъ Глухова куда то на югъ; Оля, уѣзжая, продала усадьбу г. Дачевскому и увезла съ собой «мамашу». Антонинѣ Лукин. на старости пришлось испытать прелести походной жизни. Уѣзжая

изъ Глухова, она увезла съ собой изъ всего своего прежняго достоянія только одинъ неразлучно висѣвшій надъ ея кроватью портретъ масляными красками своего милаго Жани. Дорогою Антонина Лук. заболѣла холерой и умерла. Что сталось съ портретомъ,—положили ли его вмѣстѣ съ вѣрной подругой въ могилу?

П. Л-ва.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Г. П. Галагана о Малороссійскомъ будынкѣ въ селѣ Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда. Нѣсколько разъ уже упоминалось о существованіи въ с. Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи, оригинальной постройки *малороссійскаго будынка*, скомбинированнаго въ стилѣ старинныхъ малорусскихъ зданій. Было даже высказываемо предположеніе, будто этотъ будынокъ есть старинная постройка, которая можетъ быть образчикомъ для созданія современныхъ построекъ въ старомъ малорусскомъ стилѣ. Лица, знакомыя съ этимъ *будынкомъ*, конечно, знали, что тутъ мы имѣемъ дѣло не со стариной, но съ удачной комбинаціей стильныхъ частностей, созданной по мысли самого Г. П. Галагана Въ архивѣ коллегіи Павла Галагана, куда, какъ извѣстно, поступали всѣ бумаги покойнаго учредителя коллегіи, хранится, между прочимъ, его автографъ, озаглавленный «Письмо о Малороссійскомъ будынкѣ» и дающій подробное описаніе какъ самого будынка, такъ и тѣхъ мотивовъ, которые побудили Г. П. Галагана приступить къ постройкѣ его. Автографъ этотъ представляетъ черновикъ письма къ неизвѣстному намъ лицу, такъ-какъ обычнаго обращенія нѣтъ ни въ началѣ, ни въ срединѣ, ни въ концѣ письма. Есть одно только мѣсто, дающее нѣкоторую возможность искать адресата: говоря о въѣздныхъ воротахъ въ усадьбу, Г. П. Галаганъ даетъ справку, что «фасадъ ихъ заимствованъ изъ рисунка, снятаго *Вами* съ весьма старыхъ воротъ въ 1845 году гдѣ-то въ предмѣстіяхъ Кіева». Хотя даты на автографѣ нѣтъ, но писано это письмо въ 1857 году, такъ-какъ въ одномъ мѣстѣ его сказано: «постройка начата была въ 1854 году, а въ *прошедшемъ* 1856 году со-

вершенно окончена». Изъ письма видно, что къ нему были приложены планъ и рисунокъ будынка.

Ред.

—

Письмо о Малороссійскомъ будынкѣ.

Вы спрашиваете меня, правда ли, что я выстроилъ домъ въ старинномъ малороссійскомъ вкусѣ и какъ это случилось. Съ удовольствіемъ удовлетворю вашему любопытству, какъ всякій человѣкъ, любящій похвастать тѣмъ, въ чемъ имѣлъ удачу.

Въ одномъ моемъ имѣніи, въ селѣ Лебединцѣ, прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, нужно мнѣ было выстроить пріѣзжій домикъ. Рѣшившись на это, я, однако, затруднялся въ выборѣ архитектуры для такого дома. Съ тѣхъ поръ, хотя, впрочемъ, съ недавняго времени, какъ наша сельская архитектура избавилась отъ холоднаго классицизма, который связывалъ ее въ продолженіе полувѣка, фантазіи архитекторовъ разъигрались. Сельскіе дома нашихъ помѣщиковъ принимаютъ видъ разнообразный. Всѣ почти строятъ ихъ съ террасами, выступами, башенками, и только развѣ упрямые послѣдователи прежней моды продолжаютъ придерживаться фронтоновъ съ коринфскими колонками и при нихъ крылечками, на которыхъ нѣтъ ни тѣни, ни простора. Мнѣ хотѣлось, чтобы въ моемъ былъ стиль обозначенный, цѣльный. Я передумалъ о швейцарскихъ хижинахъ, итальянскихъ виллахъ и великорусскихъ избахъ. Всѣ онѣ требуютъ особеннаго для себя характера мѣстности и вовсе не идутъ къ здѣшней нашей обстановкѣ. Одинъ развѣ англійскій cottage сколько-нибудь гармонируетъ съ природой сѣверной части полтавской губерніи, да и тотъ имѣетъ все-таки недостатокъ быть для насъ чужимъ. Тутъ родилась во мнѣ мысль попытаться возсоздать нашу старинную малороссійскую постройку. Я не смѣю сказать архитектуру,—въ ней намъ отказываютъ совершенно. Да, впрочемъ, развѣ не отказываютъ намъ люди близорукіе даже въ отдѣльности языка и въ своеобразности всей нашей народности, называя все это случайными оттѣнками? Многіе не понимали вовсе, какъ можно выстроить домъ малороссійскій, въ которомъ ожили бы стѣны такъ, какъ ожилъ языкъ нашъ въ рѣчахъ нашихъ поэтовъ. «Что-жъ это будетъ? большая мужицкая хата?»,—такъ спрашивали меня многіе выросшіе въ Малороссіи, но такъ отдѣлившіеся отъ всего родного, что въ ихъ памяти оно уже потеряло всякую цѣну и значеніе. За разными барскими и полубарскими построй-

ками, введенными въ нашъ край, они уже не замѣчали еще существовавшихъ лѣтъ за 25 остатковъ старосвѣтскихъ домовъ, уютныхъ, своеобразныхъ, полныхъ самой нѣжной идиллической роскоши. Несмотря на разные остатки, которые еще существовали тамъ и сямъ и показывали совершенно своеобразный стиль постройки, принадлежавшій собственно нашему краю, этихъ особенностей не замѣчали и даже пренебрегали ими, какъ и всѣмъ своимъ роднымъ. Удивляться этому нечего, когда вспомнимъ, что самое драгоцѣнное достояніе всякаго народа—его родное слово и родныя мелодіи—были у насъ въ Малороссіи пренебрегаемы и даже до крайности унижаемы такъ называемымъ нашимъ образованнымъ классомъ. И такъ къ моей постройкѣ я долженъ былъ прокладывать путь новый или скорѣе возобновлять старый, сильно заглохшій. Для составленія плана и фасада я обратился къ архитектору, академику Червинскому, также малороссіянину. Онъ былъ сначала въ такомъ же затрудненіи, какъ и я, и мы должны были положить довольно дальній срокъ для обдумыванія проекта. Въ это время нашъ художникъ пересмотрѣлъ въ разныхъ мѣстахъ всѣ мелочные остатки, изъ которыхъ можно бы было собрать что-либо цѣлое, много переговорилъ съ старыми людьми, перечиталъ разныя описанія старинныхъ малороссійскихъ построекъ, а болѣе всего перечитывалъ Михайла Чарнышенка, въ которомъ не упущены ни малѣйшія подробности, характеризующія жилища нашихъ предковъ, и, наконецъ, составленъ былъ проектъ, по которому постройка начата была въ 1854-мъ году и въ прошедшемъ 1856 году совершенно окончена. Домъ, или скорѣе *будынокъ*, вышелъ очень удачный. Характеръ его совершенно оригинальный, родной и дѣйствующій на каждаго посѣтителя совершенно своеобразно. Слѣдовательно, цѣль достигнута. Не скрою, что, несмотря на все наше стараніе, вкрались нѣкоторые мелочные недостатки, неизбѣжные при первомъ опытѣ и которые я всегда готовъ указать всякому послѣдователю моей фантазіи. Вотъ вамъ планъ и фасадъ будынка и для объясненія подробное описаніе.

Будынокъ стоитъ среди довольно обширнаго зеленаго двора въ мѣстности чрезвычайно ему приличной. Ворота при въѣздѣ въ дворъ сдѣланы высокія, дубовыя съ крытымъ верхомъ; фасадъ ихъ заимствованъ изъ рисунка, снятаго вами съ весьма старыхъ воротъ въ 1845 году гдѣ-то въ предмѣстіяхъ Кіева. Нѣсколько большихъ вербъ случились кстати, чтобы отѣнить эти ворота. При въѣздѣ въ дворъ направо тянется рядъ хозяйственныхъ построекъ и налѣво двѣ длинныя хозяйскія

хаты, почти прикрытыя развѣсистыми вербами. Прямо, хотя немного наискось отъ воротъ (такъ потребовала мѣстность), поставленъ будынокъ. Онъ упирается другими сторонами въ густой старинный садъ съ огромными липами, кленами и вязами. Какъ вы видите на картинкѣ, крыша въ будынкѣ сдѣлана съ широкими навѣсами. Крыша эта соломенная и сдѣлана *гузыремъ* или корнями соломы, а не колосомъ (волотомъ) въ наружу. Такъ вообще дѣлаютъ въ степныхъ мѣстахъ, и это придаетъ крышѣ оттѣнокъ матовый, не лоснящійся и пріятный для глазъ. Стѣны въ будынкѣ не штукатурены и не клинцованы, а просто по бревнамъ вымазаны сначала нѣсколько разъ глиной и потомъ выбѣлены. Отъ земли сдѣлана, такъ называемая, *призба*. Цѣль ея во всѣхъ малороссійскихъ хатахъ есть защитить снизу подвалину отъ гнили и всю хату отъ холода; она дѣлается всегда изъ досчатой или плетневой стѣнки, набитой глиной. Въ будынкѣ она придѣлана къ стѣнѣ для того только, чтобы сохранить характеръ постройки, а между тѣмъ подъ нею скрытъ каменный фундаментъ, который сдѣланъ для прочности строенія. Призба, набитая глиной и обдѣланная досками со столбиками, обходитъ кругомъ всю постройку, и такъ какъ будынокъ имѣетъ много заломовъ, то на этой призбѣ чрезвычайно покойно сидѣть въ тѣни широкаго навѣса крыши. Есть такіе уголки, гдѣ цѣлое общество можетъ усѣсться для отдыха. Двери и окна въ будынкѣ имѣютъ особую форму, какъ видно по прилагаемымъ рисункамъ. Лутки дубовыя, не крашеныя. Главный входъ въ будынокъ составляетъ рундукъ (крытое крыльцо). Онъ имѣетъ 5 арш. въ одну 4 въ другую сторону и обнесенъ тонкими витыми колонками; внизу глухая досчатая стѣнка съ рѣзьбой и дубовыми скамьями вокругъ. На этомъ рундукѣ, въ защитѣ отъ солнца и дождя, можетъ усѣсться человѣкъ 18. На такихъ рундукахъ обыкновенно наши дѣды встрѣчали своихъ гостей и провожали въ будынокъ. Послѣдуемъ и мы за ними. Первая комната—сѣни, довольно широкія, чисто выбѣленныя и съ двумя дверьми: направо въ отдѣленіе хозяйское (женское), налѣво—въ отдѣленіе пріемное. Тутъ вы входите черезъ массивную одностворчатую дверь съ лежневыми (?) желѣзными шпугами въ столовую. Это собственно главная комната всего дома. Она имѣетъ $10^1/_2$ арш. длины и *(пропущ.)* арш. ширины. Стѣны ея липовыя, гладко сдѣланныя безъ лаку и безъ побѣлки. Цвѣтъ ихъ чрезвычайно пріятенъ для глазъ, особенно, когда въ знойный полдень солнечные лучи, проходя сквозь густую зелень деревъ, отражаются на нихъ, принося съ собою и зеленоватый

оттѣнокъ листвы. Окна, двери окружены дубовыми рѣзными лутками, и также ниже оконъ вдоль стѣнъ проведенъ дубовый рѣзной панель (lambri). Все это безъ лаку. Полъ и потолокъ кленовые. На потолкѣ тоненькія балки поддержаны однимъ массивнымъ *сволокомъ* (балкою). Этотъ сволокъ всегда игралъ и до сихъ поръ играетъ важную роль въ малороссійскихъ постройкахъ. На немъ вырѣзываютъ хозяева свои завѣтныя надписи. На моемъ сволокѣ вырѣзано 4 надписи въ 4-хъ отдѣленіяхъ, 1-я: „Благословеніемъ Бога Отца, соизволеніемъ Сына и содѣйствіемъ Святаго Духа аминь"; 2-я: „Року Божого 1856 создася домъ сей коштомъ пана *такого-то*"; 3-я: „Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіе" (Псал.....). Эти три надписи подражаніе и по формѣ и по языку стариннымъ. 4-я надпись назначена для объясненія цѣли постройки будынка: „Домъ сей сооруженъ для оживленія преданія о жизни предковъ въ памяти потомковъ". У одной изъ стѣнъ красуется большая печь изъ зеленыхъ кафель (изразцовъ). Рисунокъ ея затѣйливый: кафли съ выпуклостями, съ карнизами, крайками (?) и колонками. Эти изразцы дѣланы по заказу въ г. Ромнѣ мастеромъ Чумаченкомъ. Посреди комнаты стоитъ большой дубовый столъ на точеныхъ ногахъ; онъ покрытъ полосатымъ ковромъ, на которомъ всегда лежитъ хлѣбъ-соль. Кругомъ стѣнъ точеные кленовые стулья и диванчики весьма стариннаго фасона, обитые желтымъ сафьяномъ. Не забыты и треугольные столики по угламъ и рѣзныя полочки съ иконами, окруженными шитыми *рушниками* (утиральниками), и, наконецъ, пучки разныхъ пахучихъ травъ, разбросанные на окнахъ и столахъ и издающіе простой сельскій и чисто національный ароматъ. Изъ этой залы ведутъ три двери: одна въ гостинную, квадратную комнату съ такими же стѣнами, какъ и столовая, другая въ небольшую галлерейку, ведущую въ лѣвую пристройку къ дому, въ которой особая комната, и третья въ корридоръ.

Гостинная имѣетъ такую же мебель, какъ и столовая, только нѣсколько посолиднѣе, и печь, въ которой на всякомъ изразцѣ нарисованъ мой гербъ.

Эта феодальная замашка замѣчалась во многихъ мѣстахъ старой Малороссіи и до сихъ поръ еще кое-гдѣ есть печи съ гербами; такъ въ Выдубецкомъ кіевскомъ монастырѣ еще половина изразцовъ въ трапезной печи съ гербами фамиліи Миклашевскихъ. Изъ этой гостинной направо ведетъ дверь на такъ называемое *подташье*,—это комната со всѣми своими принадлежностями, но безъ одной наружной стѣны. Тамъ, гдѣ должна бы быть стѣна, рѣзныя колонки поддержи-

ваютъ балку. Этотъ уголокъ имѣетъ характеръ чисто восточный и повторяется во многихъ жилищахъ на востокѣ. Я помню въ дѣтствѣ два дома съ такими подташьями, и одинъ домъ разрушенъ только лѣтъ 8 тому назадъ въ селѣ Калюжинцахъ, прилукскаго уѣзда. Имѣя характеръ восточный, подташье, кажется, носитъ названіе нѣсколько нѣмецкаго происхожденія отъ Dach—крыша; отъ того же слова ташоваться—располагаться на ярмаркѣ или базарѣ подъ навѣсомъ. Нельзя придумать ничего проще и уютнѣе этого уголка. Вы сидите въ тѣни отъ солнца, въ защитѣ отъ вѣтра и дождя, а между тѣмъ и на чистомъ воздухѣ. Подташье довольно глубоко входитъ въ домъ, такъ что на немъ удобно и обѣдать. По счастливой случайности у самаго этого подташья начинается великолѣпная аллея старыхъ развѣсистыхъ липъ въ 6 саженъ ширины и 150 длины. Сидя на подташьи, вы вдоволь можете любоваться этою зеленою перспективою, по которой бѣгаютъ гдѣ ни гдѣ лучи полуденнаго солнца. Не хочу утомлять васъ дальнѣйшими подробностями и скажу еще въ нѣсколькихъ словахъ, что особая пристройка налѣво отъ столовой заключаетъ въ себѣ комнату, чисто выбѣленную и съ зеленою печью. Другая, т. е. правая сторона будынка есть хозяйская: тутъ двѣ спальни, дѣвичья и еще одна комната холодная въ особенной пристройкѣ. Всѣ эти комнаты выбѣлены. Внутренній корридоръ, ведущій въ эту половину изъ столовой, есть собственно отступленіе отъ старой постройки. Въ старыхъ домахъ обѣ половины были обыкновенно раздѣлены обширными сѣньми съ очагомъ. Но это отступленіе, прибавляя много удобства, довольно скрыто, чтобы не вредить цѣльности характера. У обѣихъ пристроекъ, не симметрически расположенныхъ, находятся небольшіе навѣсы съ точеными колонками. Эти навѣсы называются *ганками* и до сихъ поръ иногда употребляются въ крестьянскихъ постройкахъ около коморъ. Это есть преспокойные уголки для сидѣнія.

Вотъ вамъ требуемое описаніе моего будынка. Пріѣзжайте, посмотрите сами, полюбуйтесь вмѣстѣ со мною нашею родною постройкою и, наконецъ, укажите сдѣланныя въ ней ошибки. Начавши впервые дѣло въ этомъ родѣ, и мнѣ и г. Червинскому легко было впасть въ нѣкоторыя погрѣшности, и указаніе ихъ будетъ полезно для нашихъ послѣдователей, которыхъ набирается нѣсколько человѣкъ. Вы найдете безъ сомнѣнія, что общій характръ постройки удаченъ. Это чувствуется по тому впечатлѣнію, которое производитъ будынокъ на душу посѣтителя. Каждая постройка съ опредѣленнымъ стилемъ оставляетъ въ человѣкѣ и свое особое впе-

чатлѣніе,—и замокъ рыцарскихъ временъ, и швейцарская хижина и итальянская вилла. Будынокъ дѣйствуетъ на душу какъ-то особенно успокоительно. Изъ него вѣетъ всѣмъ тѣмъ, что имѣли лучшаго наши почтенные предки въ патріархальную старину. Кругомъ васъ сейчасъ составляется какая-то тихая идилія, среди которой бѣжитъ отъ васъ мысль о нынѣшней роскоши, замѣненной роскошью своего рода, изъ близкой къ вамъ природы почерпнутой. Тутъ можно отдохнуть душою и сосредоточиться.

Два указа митрополита Рафаила Заборовскаго (1733 и 1735 гг.). Сообщаемые ниже два указа митрополита Рафаила Заборовскаго, въ бытность его архіепископомъ кіевскимъ, могутъ служить дополненіемъ къ цѣлой серіи характерныхъ указовъ этого владыки, сообщенныхъ въ свое время г. Д. В. на страницахъ «Кіевской Старины» [1]). Въ одномъ изъ приводимыхъ нами указовъ (1735 г.) повелѣвается произвести ревизію богослужебныхъ книгъ во всей епархіи и постараться завести «великоросійскіе справніе служебники», которые «мало какіи церкви имѣютъ», такъ какъ существующіе въ употребленіи понынѣ «давного изданія разнихъ в Малой Россіи или в Полской державѣ печатей, в которихъ многія непорядки и мнѣніе Римское в священнослуженіи содержится». Другой указъ (1733 г.) бытового характера: повелѣвается лишить сана священника м. Ивангорода, нѣжинской протопопіи, Ивана Ѳедорова за похищеніе «татски» Святого Агнца «не ради спасенія... но знать, что з иного какого злого намѣренія», т. е., повидимому, для цѣлей практическаго свойства, подобно тому, какъ и въ настоящее время нѣкоторыя старухи, „знахарки", стараются не проглотить Причастія, дабы сохранить его, какъ драгоцѣннѣйшее лѣчебное средство отъ всѣхъ недуговъ.

1) *Указъ 1735 г. о пріобрѣтеніи церковныхъ книгъ.*

„Рафаилъ Заборовскій, Божіею Милостію Архіепископъ Киевскій, Галицкий и Малия России.

Вамъ Превелебнѣйшимъ Архимандритамъ Киевскимъ Пустинно-Никольскому Іосифу, Братско-училищному Амвросию, Златоверхо-Михайловскому Алексѣю, Пречестнѣйшому игумену Видубицкому Ѳеодосію,

---

[1]) 1899 г., кн. IX.

Пречестному намѣстнику катедралному Сильвестру, всечестним̆ протопопамъ ныжня гограда Стефану, вышняго града Киева Стефану, да триполскому Ныколаю, и честнимъ игуменіямъ Дѣвичихъ Киевскихъ монастирей, Божія и нашего архіерейскаго благословенія желая, предлагаемъ: извѣстно ест намъ, пастиреви, сіе, что в многихъ приходскихъ епархіи нашеи Киевскои церквамъ(хъ?), а в нѣкоторихъ и монастирѣхъ для отправленія порядочного в Господскія и другия праздники Божественнаго пѣнія не имѣются надлежащихъ и потребнихъ книгъ, имѣнно не токмо дванадесятимѣсячнихъ Мыней великоросийского типу рѣдко, но и Трафологионовъ, какихъ удобнѣе достатъ возможно, нѣтъ, а хочай гдѣ и имѣются Трофолои, то и тѣ неисправного типу, да и зѣло обветшаліе, тако жъ и в олтарѣхъ для отправленія божественнои Лутургии и другихъ служеній, хочай и сутъ служебніки, однакъ тѣ давного изданія разнихъ в Малой Россіи или в Полской державѣ печатей, в которихъ многия непорядки и мнѣніе Римское в священнослуженіи содержится, великоросийскихъ же справнихъ служебниковъ мало какіи церкви имѣютъ, зачимъ в церквахъ Божіихъ отъ священно и церковнослужителей, а найпаче недоволно в томъ искуснихъ непорядочно и неодинако пѣніе биваетъ отправляется; того ради вамъ превелебнѣйшимъ архимандритамъ, пречестнѣйшему игумену, пречестному намѣстнику, такъ в монастырѣхъ своихъ, писанихъ к намъ скиткахъ, какъ и в отчинахъ своихъ монастирскихъ (кому с указомъ нашимъ в вѣдомство определено), а всечестнимъ протопопамъ во всѣхъ церквахъ вѣдомства своего учинить ревизѣю, гдѣ имѣются дванадесято-мѣсячние Минеи и Трафолиони справніе необветшалие и служебники великоросийской печати, и гдѣ имѣются дванадесято-мѣсячніе точию Минеи, а гдѣ толко единіе Трафолои, и по оной ревизѣи в какъ(ихъ?) монастирѣхъ, скиткахъ и приходскихъ церквахъ не явится Минеи и Трафологіоновъ и московской печати служебниковъ, то с тихъ монастирей и церквей, в вѣдомствѣ своемъ Архимандритъ или Протопопъ всякъ денегъ с казни церковной, а буде гдѣ не имѣется церковнихъ, то з священническихъ собственнихъ 10 рубливъ на Трафолой, а на служебникъ нового изданя печерского 3 рубля, и в доношеніи своемъ написавъ сколко числомъ, в каку протопопію и в какой монастиръ з вотчинами или же монастиръ точию надобно Трафолоевъ и служебниковъ, прислать к намъ в катедру для покупки показаннихъ книгъ, в печерской типографіи порядочно вновъ напечатаннихъ, нарочнихъ посланцовъ, а гдѣ имѣются Трафолои необветшалие

и великороссійской печати служебники, то в тѣ мѣста на произволене отдается обявленнихъ книгъ требованіе покупкою. О семъ вамъ, превелебнѣйшимъ архимандритамъ, пречестнѣйшому игумену, пречестному намѣстнику, всечестнимъ протопопамъ да честнимъ игуменіямъ о вишъ писанномъ вѣдать и безотлагателства исполненіе чинить архіерейско накрѣпко повелѣваемъ. З катедри Нашей Киево-Софѣйской 1735 года сентября 1 дня. Вышше именованний Рафаилъ Археепископъ".

—

2) *Лишеніе сана священника за святотатство (1733 г.).*

Рафаилъ Заборовскій, Божіею Милостію Православный Архіепископъ Кіевскій, Галицкий и Малия Россіи.

Вамъ превелебнѣйшымъ отцамъ Архимандритамъ Пустинно-Николаевскому Іосифу, Братско-Училищному Амвросію и Пречестнѣйшымъ отцамъ Ігуменамъ монастирей Кіевскихъ: Золотоверхо-Михайловскаго Алексію, Выдубицкаго Өеодосію и Пречестному отцу Намѣстнику Свято-Софѣйскому Катедралному Сулвестру да Петро-Павловскому Намѣстнику Іосифу, також и вам, честнымъ отцамъ Протопопамъ вышняго града Куева Стефану, нижнего Стефану и Триполскому Николаю и честнымъ игуменамъ монастырей Кіевскихъ и пресвитерамъ и всему причту Духовному, Божіе Благословеніе и наше (архи?)Ерейское преподавше, предлагаемъ: Іоаннъ Өедоровъ, попъ церкви Преображенія Господня мѣстечка Івангорода, протопопіи Нѣжинской, показалъ допросомъ своимъ въ Духовной Консисторіи, что онъ Іоаннъ, будучи по нѣкоторому имѣющемуся в Духовной Консисторіи дѣлу в запрѣщеніи, татски святый Агнецъ зал.....(оторвано) на прежде освященную Литургію сего 1733 года на третой неделѣ поста похитилъ и какъ бы оный во спасеніе себѣ оупотребилъ. О какомъ своемъ святотатствѣ хотяй помянутый попъ Іоаннъ нещадно былъ допрашиванъ боемъ в Духовной Консисторіи, для чого то імянно похитилъ оной святый Агнецъ, но оный в бою не винился, токмо едино то сказивалъ: что де ради единаго спасенія похитилъ и будто во спасеніе себѣ оупотребилъ, с какова отвѣтствованія показаннаго попа Іоанна явная оттуду познавается ложь, что не ради спасенія похитилъ святый Агнецъ, но знать, что з инного какого злого намѣренія на такоебого противное святаго Агнца дерzнулъ похищеніе. Понеже онъ попъ хотяй и былъ в запрѣщеніи от священнодѣйствія, однакъ незапрещено ему тайнамъ Божественнымъ сообщатися, на что было ему воровско похищат Святый

Агнецъ? Когда без похищенія могъ Тайнамъ святымъ причаститися, можно бы ему было ввойти в святый олтар во время каноника (!) и...... божественнымъ причаститися, чего ему по....... откуду показуется, что по нѣткому злому оумыслу...... онъ своимъ показалъ отвѣтствіемъ. .... похищеніемъ подлогъ: другому священнику...... Потому Духовная Консисторія за выш....... онаго попа Іоанна Θеодорова Івангородскаго приговорила...... и мы, пастиръ, утвердили, лишивъ, вовся священства, остричь ему.....(голову?) половѣна бороду, что и учинено, и быть ему простимъ мужикомъ, в расѣ и шапкцѣ поповской не ходить, но в свѣтскомъ одѣяніи, какъ простіи мужики ходятъ, и впред волосов на головѣ и на бородѣ не ростить; а исповѣдоватися ему в пости святыя, толко тайнамъ божественнымъ не сообщатися, кромѣ (крайн)ой нужды, но причастившися ему Тайнъ Божественныхъ при кончинѣ.. ...... ево Івана роспопа, и на томъ приговорѣ Духовной Консисторіи нашей утвержденномъ от насъ, пастиря, велено ему Івану роспопу росписатися, в чомъ онъ и росписался. Да сверхъ того патентъ от него отобрать, и дабы смотря........ протчіе на тое не поощрялися на такое богопротивное святотатства дѣло, во всю епархію нашу Кіевскую послать оуказы для извѣстія и общаго вѣдома. О чемъ сей к вамъ и посылается, и вамъ превелебнѣйшимъ отцамъ архимандритамъ, пречестнѣйшымъ отцамъ Ігуменамъ, всечестнѣйшымъ отцамъ протопрезвитерамъ и честнымъ презвитерамъ и всему причту духовному о вышеписанномъ вѣдати по сему нашему архиерейскому указу.

Данъ з Катедры нашей Кіево-Софѣйской 1733 года, мая 1 дня. Вышеименный Рафаилъ, архиепископъ. М. П.

Въ низу приписка: „Сей указъ Архипастырскій полученъ в Триполлю в отца протопопа Триполского мая 15, а скопѣевавъ отосланъ для извѣстія в протопопію Триполскую мая 16 дня по надлежащему тракту“.

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Полтавское дворянское ополченіе 1812—14 г.г. Въ отечественную войну 1812—14 г.г., въ полтавской губерніи было сформировано: 7 конныхъ, 4 пѣшихъ козачьихъ полковъ, шестисотенная команда и батальонъ госпитальной прислуги, находившейся въ Краковѣ, какъ поясняетъ въ 2-хъ вѣдомостяхъ, составленныхъ 26 февраля 1815 г., начальникъ полтавскаго ополченія князь Филиппъ Жеваховъ. Позаимствуемъ изъ нихъ интересныя свѣдѣнія о составѣ этого ополченія и расходы на содержаніе полковъ. *Конные:* 1-й былъ сформированъ въ пирятинскомъ уѣздѣ и находился подъ командою князя

Ушакова; 2-й—въ хорольскомъ уѣздѣ, маіора Кулябки; 3-й—въ лохвицкомъ уѣздѣ, подполковника Сергіенко; 4-й—въ лубенскомъ уѣздѣ, маіора Бороздина; 5-й—въ роменскомъ уѣздѣ, подполковника князя Кавкасидзева; 6-й—въ константиноградскомъ уѣздѣ, маіора Паскевича; 7-й—того же уѣзда, маіора Макова. *Пѣшіе полки*: 1-й—въ пирятинскомъ уѣздѣ, маіора Санковскаго; 2-й—въ лохвицкомъ уѣздѣ, подполковника Шостака; 3-й—кобелякскомъ уѣздѣ, подполковника Потоцкаго; 6-й—миргородскаго уѣзда, подполковника Клименка; 6-ти-сотенная команда въ золотоношскомъ уѣздѣ, подполковника Левицкаго. Батальонъ госпитальной прислуги, кобелякскаго уѣзда, состоялъ подъ командою капитана Ѳомина. Каждому козаку полка полагалось выдать на покупку вещей въ 1813 г.: шапки, кафтана, шараваръ, трехъ рубахъ, 2 портовъ, 2 паръ сапогъ, на шитье и смазку—по 7 р. 72½ к. въ 1 конномъ полку, въ остальныхъ—по 6 р. 63 к., кромѣ 2 и 3-го пѣшихъ полковъ, въ которыхъ выдавалось на эти вещи по 12 р. 29 к., а въ 4-мъ—по 3 р. 28¼ коп., козакамъ 6-ти-сотенной команды полагались тѣ-же вещи и 3 пары сапоговъ и кромѣ того на шитье одежды и сапогъ по 1 р. 60½ коп.

Въ примѣчаніи противъ 3-го полка сказано, что меньшая часть козаковъ полка не получила денегъ на шаравары, считая за каждые по 3 руб., сапоги по 1 р. 30 коп., и кромѣ того на каждаго козака добавлено за холстъ на подкладку по 1 р. 40 коп. Козакамъ госпитальнаго баталіона полагалось на покупку тѣхъ же вещей по 37 р. 15 коп. каждому и по 2 рубахи, выданныя имъ готовыми, какъ показано по вѣдомости сотника Ставкова, представленной войсковому дежурному подполковнику Дахнову.—Сверхъ того козаки 4-хъ пѣшихъ полковъ по окончаніи похода получили по 2 р. награды, которая имъ была роздана при роспускѣ ополченія губернскимъ обозным подполковникомъ Райзеромъ. Въ 1811 г. тѣ же вещи выдавались козакамъ ополченія, холстъ на рубашки считался по 27½ к. за аршинъ, вмѣсто 13½ коп., а пара сапогъ по 2 р. 50 коп. Вѣдомость эта была составлена княземъ Жеваховымъ для того, чтобы козаки, служившіе въ ополченіи, получили довольствіе отъ полковыхъ командировъ, какъ было объявлено имъ войсковымъ дежурнымъ подполковникомъ Дахновымъ, на смотру въ м. Бориснолѣ, полтавской губ. Въ другой вѣдомости имъ же показано: сколько слѣдуетъ получить козакамъ жалованья за время ихъ службы въ ополченіи, отъ дворянства полтавской губ., съ 1 сентября 1812 г. по 1 марта 1813 года, и отъ казны по 31 декабря 1814 года, полагая козакамъ конныхъ полковъ по 11 р. 28 к., пѣшихъ—по 9 р. 40½ коп. въ годъ. Жалованье это слѣдовало козакамъ ополченія съ 1 декабря 1812 г. на основаніи приказа главно-

командующаго арміями, фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, отъ 28 марта 1813 г. за № 62; при этомъ полки за границей получали жалованье серебряною монетою, считая 1 р. сер. за 4 р. ассигнаціями. Отъ дворянства козаки получили за 6 мѣсяцевъ по 6 рублей, а съ казенными за время похода коннымъ: въ 1-мъ полку по 89 р. 66$^1/_4$ к., во 2-мъ—82 р. 23 к., въ 3-мъ—89 р. 16 к., въ 4-мъ—90 р. 63 к., въ 5-мъ—89 р. 57 к., въ 6-мъ—91 р. 83 к., въ 7-мъ—28 р. 77 к.; въ пѣшихъ полкахъ по 67 р. 68—85 к.; въ 6-ти-сотенной командѣ по 53 р. 72$^3/_4$ к. и баталіона для больныхъ 76 р. 8$^3/_4$ коп. Начальникъ ополченія князь Ф. Жеваховъ, прилагая эти вѣдомости, сообщалъ полтавскому губернскому предводителю дворянства А. Ф. Данилевскому, что въ нихъ не всѣмъ полкамъ назначено одинаковое число аммуничныхъ вещей, потому что нѣкоторые полки не получили ихъ отъ корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Рота. На требованіе пріемщиковъ о выдачѣ денегъ за остальныя вещи, генералъ Ротъ приказомъ отъ 23 сентября за № 66 объявилъ, чтобы они обращались за деньгами въ Варшавскую комиссію, о чемъ полковые командиры донесли начальнику главнаго штаба, генералъ-лейтенанту Собанееву. При возвращеніи ополченія, когда князь Жеваховъ былъ въ Владимірѣ, волынской губерніи, то былъ посланъ генераломъ Собанеевымъ адъютантъ, капитанъ Козначеевъ, по тракту изъ города Варшавы въ городъ Брестъ, отобрать свѣдѣнія отъ полковъ о всѣхъ недоимкахъ и о добротѣ сукна и полотна, отпущеннаго козакамъ на одежды. Въ концѣ отношенія князь Жеваховъ говоритъ, что для сличенія цѣнъ, по которымъ вещи для полковъ были приняты изъ Варшавской комиссіи, „противъ каковыхъ цѣнъ отпущено Его Прево-вомъ гораздо излишними цѣнами въ полки“, онъ приложилъ копіи вѣдомостей и отношенія генерала кригсъ-комисара Татищева. Губернскій предводитель дворянства, или маршалъ, какъ тогда его называли, копіи его отношенія и двухъ вѣдомостей разослалъ 15 марта 1815 г. уѣзднымъ предводителямъ дворянства.

Въ кременчугскомъ уѣздѣ служилъ въ то время предводителемъ дворянства С. Ф. Булюбашъ, разославшій, въ свою очередь, копіи письма князя Жевахова и двухъ вѣдомостей дворянамъ по уѣзду черезъ волостныя правленія. Изъ этой переписки вполнѣ выясняется благородная личность князя Ф. Жевахова, о которомъ г. Павловскій помѣстилъ замѣтку въ „Кіевской Стар.“, за мартъ 1904 г. и приложилъ копію письма его отъ 9 сентября 1817 года къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. В. Рѣпнину, объ увеличеніи ему пенсіи, Можно полагать, что князю Жевахову, при увольненіи отъ службы въ ополченіи полтавской губерніи, была назначена половинная пенсія,

потому что его излишняя заботливость объ интересахъ козаковъ ополченія была непріятна генералу Роту и комиссіонеру Васильеву. Прилагаемъ копію отношенія князя Филиппа Жевахова къ губернскому предводителю дворянства А. Ф. Данилевскому, отъ 26 февраля 1815 г. за № 136.

Копія.

Получ. 4 марта 1815 года.

Милостивый Государь мой, Алексѣй Θеодоровичъ! Предполагая надобностію имѣть свѣдѣнія гг. помѣщикамъ полтавской губерніи, изъ владѣній коихъ находились люди на службѣ въ бывшемъ командованію моему ввѣренномъ ополченіи, сколько и какихъ именно вещей и денегъ аммуничныхъ и жалованныхъ, за которое время получить должны каждый изъ козаковъ съ отпущеннаго уже въ полки отъ казны количества, призналъ я справедливымъ долгомъ моимъ, учиня вѣдомости первую объ аммуничныхъ вещахъ и деньгахъ за оныя слѣдующихъ, а вторую о жалованіи, имѣю честь препроводить къ Вамъ для оповѣщенія чрезъ посредство гг. повѣтовыхъ маршаловъ упомянутымъ господамъ владѣльцамъ, исполняя сіе предварительно извѣстить Вамъ, милостивый государь мой, честь имѣю, что неравенство удовлетворенія козаковъ по всѣмъ вообще полкамъ какъ натурой вещей, такъ и за оныя деньгами аммуничными и жалованными произошло отъ того, что полки неодинаково всѣ получили какъ бы слѣдовало вещи и деньги, кои были приняты корпуснымъ командиромъ генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Ротомъ отъ варшавской коммиссаріатской коммиссіи на собственное свое попеченіе удовлетворить полки и которые неизвѣстно мнѣ по какимъ резонамъ не отдалъ всего принадлежащаго полкамъ, хотя пріемщики отъ полковъ неоднократно посылаемы были къ нему и даже гг. повѣтовые командиры для сего предмета собирались, но за всѣмъ тѣмъ остальное число денегъ, которое должно бы поступить на удовлетвореніе полковъ за вещи, онъ, г-нъ генералъ-лейтенантъ Ротъ, обратилъ опять въ варшавскую комиссію, въ чемъ и отданнымъ приказомъ по корпусу отъ 26 сентября № 66 у сего въ спискѣ прилагаемомъ по второму пункту полки извѣщены, дабы отъ корпуснаго комиссіонера 9-го класса Васильева, когда уже не успѣли принять аммуничныхъ вещей на обмундированіе не требовали, а обратились бы въ варшавскую комиссію комиссаріатскаго депо, куда присланная сумма обратно выслана. Однако-жъ не считаю излишнимъ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что обо всѣхъ недоимкахъ по сему обстоятельству произшедшихъ и дѣйствительно полкамъ слѣдующихъ на удовлетвореніе козаковъ донесено оными съ препрово-

жденіемъ вѣдомостей рапортами начальнику главнаго штаба господину генералу-лейтенанту и кавалеру, а черезъ сего безъ сомнѣнія будетъ имѣть свѣдѣнія и главнокомандующій арміею г-нъ генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ графъ Барклай-де-Толли, ибо извѣстно мнѣ, по пребыванію моему въ г. Владимирѣ во время слѣдованія полковъ полтавскаго ополченія въ свою губернію, для роспуска по домамъ, что посланъ былъ отъ господина генералъ-лейтенанта Собанеева адъютантъ его капитанъ Казначеевъ по трактамъ, на Брестъ и Владимиръ отъ Варшавы идущимъ, отобрать извѣстность отъ проходящихъ по тѣмъ трактамъ полковъ ополченія не только обо всѣхъ недоимкахъ и претензіяхъ, но даже и о добротѣ суконъ и полотенъ, на одежду козаковъ уже отпущенныхъ, съ посланныхъ же къ господину генералу-лейтенанту и кавалеру Собанееву вѣдомостей точные списки при рапортахъ отъ полковыхъ командировъ и мнѣ обо всѣхъ претензіяхъ представлены; слѣдовательно, когда сія претензія отпущена будетъ, въ то время и козаки принадлежащее имъ за все время получатъ. Для сличенія въ цѣнахъ и приведенія ихъ въ извѣстность, до кого будетъ сіе относиться, какъ получено господиномъ генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Ротомъ отъ варшавской комиссіи за вещи противъ каковыхъ цѣнъ отпущено Его Прево-вомъ гораздо излишними цѣнами въ полки, вѣдомость съ отношеніемъ генерала кригсъ-комиссара Татищева въ спискахъ у сего включая, имѣю честь быть съ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ, Милостивый Государь мой, Вашъ покорнѣйшій слуга князь Филиппъ Жеваховъ. Февраля 26-го 1815 года, м. Бѣлики.

Его Высокородію Полтавскому губернскому маршалу дворянства Данилевскому.

Сообщ. **П. Китицынъ**.

Къ вопросу о школахъ въ Малороссіи въ началѣ 19 вѣка. Св. прав. синодъ, указомъ 8 марта 1803 г., поручилъ переяславскому епископу Сильвестру содѣйствовать народному образованію въ полтавской губ., вслѣдствіе чего преосвященный предписалъ консисторіи: поручить священно-церков. служителямъ епархіи обучать дѣтей въ приходскихъ училищахъ, по предварительнымъ правиламъ, 24 января того же года изданнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія; а діаконамъ и причетникамъ—изучать катехизисъ, ариѳметику и нотное пѣніе для того, чтобы они могли быть назначены въ нихъ учителями. По предписаніи консисторіи, благочинный хорольскаго уѣз., В. Горо-

децкій, разослалъ предложеніе настоятелямъ приходовъ 8 октября 1803 г. за № 621, копію котораго прилагаю. Всего предполагалось открыть въ полтавской губерніи 598 школъ, какъ говоритъ г. Павловскій. (См. ж. «Кіев. Стар.» январь 1904 г.; стр. 22).

«Въ указѣ, съ хорольскаго духовнаго правленія сего октября 5-го дня подъ № 623 пущенномъ, а мною 6 числа полученномъ, состоявщемся по указу малороссійской переяславской дух. консисторіи написано: минувшаго августа 14 дня въ данномъ отъ его высокопреосв-ва Сильвестра, епископа малороссійскаго переясл—го и ордена св. Анны 2 класса кавалера, оной дух. конс. предложеніе написано: на основаніи его импер—скаго величества указа, даннаго свят—му прав—му Синоду въ 24 день генваря о принятіи со стороны онаго соотвѣтственныхъ мѣръ для содѣйствія благоуспѣшному теченію народнаго просвѣщенія по предварительнымъ правиламъ отъ министра Народнаго просвѣщенія поднесеннымъ высочайше утвержденнымъ, по слѣдовавшему свят—го прав—го Синода къ намъ отъ 8 марта сего года указу представлено въ оной отъ насъ мнѣнія, что преподаваніе во вновь учрежденныхъ по тѣмъ предварительнымъ правиламъ приходскихъ училищахъ ученіе во ввѣренной намъ переяс—кой епархіи можно при распоряженіи отъ надлежащаго правительства по селеніямъ приходскихъ училищъ поручить священно- и церковнослужителямъ здѣшней епархіи, поставляя самое расположеніе къ тому способныхъ самому тому времени и положенію, когда и какъ расположены будутъ таковыя приходскія училища, а при томъ въ ономъ же мнѣніи положили мы, что какъ со стороны нашей во ввѣренной намъ епархіи соблюдается то, что каждогодно къ сентябрю и вѣдомости отъ духовныхъ правленій благочинныхъ присылаются въ оную консисторію о обучащихся россійскому письму священно- и церковно-служительскихъ дѣтяхъ и самыя таковыя дѣти въ семинарію доставляются, такъ соблюдено будетъ и то, чтобы самыя возрастные при отцахъ безъ помѣщенія состоящіе наипаче помѣщаемы были на причетническія мѣста какъ подготовительнымъ въ семинаріи, хотя въ начаткахъ ариѳметическихъ и въ катехизисѣ образованіи, дабы и таковые бы въ помѣщеніи въ причетъ могли употребленные быть; по сему предмету хотя подъ смотреніемъ приходскаго (священника) совершеннѣйше въ сихъ предметахъ образованнаго, но по одиночеству въ своемъ служеніи должности сельскаго учителя отправлять не могущаго священника; для того дабы исполнить въ точности высочайшую его и. в. волю и вышеписанное

здѣланное нами положеніе, рекомендуемъ косисторіи: 1) послать во всѣ духовныя правленія указы и велѣть всѣмъ, состоящимъ при приходскихъ сельскихъ церквахъ діаконамъ и причетникамъ, кои не обучены ариѳметики и катехизису и притомъ нотному пѣнію, обучить съ подтвержденіемъ о изученіи ими всего того непримѣнно, дабы можно было употребить ихъ съ пользою къ преподаванію ученія въ учреждаемыхъ приходскихъ уч—ахъ, буди же кто ариѳметики, катехизису и нотному пѣнію неизучены и впредь не изучатся, о таковомъ не подъ какимъ видомъ не дѣлать къ намъ представленій о произведеніи или діакона такова въ священническій или причетника въ діаконскій чинъ; 2) какъ многіе епархіи нашей свящ. и церков.-служ. дѣти возрастные проживаютъ при отцахъ своихъ безъ представленія ихъ въ семинаріи къ ученію безъ опредѣленія ихъ къ причетническимъ должностямъ, а тѣмъ сами себѣ и обществу никакой пользы не приносятъ, то потвердить отцамъ ихъ отъ духовныхъ правленій, чтобы таковыхъ своихъ дѣтей предварительно въ семинаріи доставляли для обученія начаткамъ ариѳметическимъ и катехизиса и при томъ нотному пѣнію, дабы сіи были помѣщены въ причетъ и могли употреблены быть по своему предмету, хотя подъ смотрѣніемъ приходского совершеннѣйше въ сихъ предметахъ образованнаго священника, а безъ того не получатъ они, хотя бы просили никакихъ причетническихъ мѣстъ; 3) какъ указомъ с. п. си—да 1798 г., октября 3-го дня состоявшагось 15 пунктъ въ 6 опредѣленіи сказано: во всѣхъ семинаріяхъ наблюдаютъ, чтобы сверхъ обученія въ наукахъ умѣли всѣ исправно читать по церковнымъ книгамъ и пѣть при службѣ Божьей, выходящіе изъ училищъ знали бы и уставъ церковнаго круга, ибо незнаніе сего дѣлаетъ великое для учащихся посрамленіе въ споспѣшествованіи сего имѣется при нашей семинаріи нотныя чтенія и устава церковнаго какъ и уставлены череды къ хожденію семинаристовъ въ соборъ и въ прочія сверхъ праздничныхъ дней для чтенія и познанія на самомъ дѣлѣ устава церковнаго; для того семинарскому правленію предписать указали о потвержденіи всѣмъ низшихъ и высшихъ классовъ студентамъ и ученикамъ, чтобы они при прохожденіи прочихъ наукъ и при непримѣнномъ и совершенномъ обученіи ариѳметики и катехизиса обучались безъ изъятія нотному пѣнію и чтенію и уставу церковному, а если и посему не будетъ кто-либо совершенно всего того знать, то хотя бы и курсъ богословскій кончилъ, при прошеніи себя въ діаконскій или священническій чинъ, не получатъ желаемаго,

доколѣ, возвратясь въ семинарію не изучатся всему тому, да не наносятъ незнаніемъ своимъ общаго для учащихся посрамленія, по оному его в—го придложенія исполненія въ духовныя и семинарскія правленія послать указъ, вслѣдствіи котораго указа въ хорольскомъ дух. правлен. опредѣлено для объявленія свящ. и церковно-служителямъ послать мнѣ указъ съ тѣмъ, чтобы я вашихъ дѣтей возрастныхъ, проживающихъ при отцахъ праздно, выслалъ въ переяславскую семинарію для обученія начаткамъ ариѳметическимъ и катехизиса, а притомъ нотному пѣнію и затѣмъ кто будетъ мною высланъ или не высланъ, въ то правленіе рапортовать, о чемъ для вѣдома и надлежащаго по оному указу исполненія Вамъ сіе предложеніе посылается съ тѣмъ, чтобы оно было возвращено благочинному съ росписками. Октября 8-го дня 1803 года подлинное подписалъ благочинный протоіерей В. Городецкій.

Сообщ. **П. Китицынъ.**

Раввинскія книги временъ Хмельницкаго [1]. Въ еврейской книгѣ «Вопросы и отвѣты» львовскаго раввина Аврама Рапопорта, изданной въ 1796 г. въ Острогѣ подъ названіемъ «Этонъ-Гаэзрухи», находимъ нѣкоторыя данныя объ избіеніи евреевъ козаками въ г. Тульчинѣ:

Вопросъ № 22. Передъ нами, засѣдавшими въ качествѣ судей, явился молодой человѣкъ Хононъ Михелевъ изъ г. Тамошава и далъ показаніе такого содержанія: Что дядя его Ирма изъ Каповки отправилъ его за 12-ью боч. спирта въ Камеръ-Гейдскій виннокуренный заводъ; это было приблизительно за 8 дней до избіенія евреевъ въ Тульчинѣ. Со мною вмѣстѣ тогда пріѣхало еще два брата Пейсиховичи, Лейба и Мейлахъ. Вдругъ въ Камеръ-Гейдѣ поднялась тревога, и насъ не выпускали оттуда. Только съ большимъ трудомъ, при помощи *пана,* удалось намъ всѣмъ бѣжать изъ Камеръ-Гейда въ Тульчинъ, гдѣ мы всѣ засѣли въ замкѣ. Въ это время панъ duxъ Шметвитинскій сошелся съ козаками на томъ, что имъ будутъ выданы всѣ евреи. И въ четвергъ повели плѣнныхъ въ Умань; а въ субботу вломились козаки въ дворъ замка. Дядя мой Ирма со всей своей семьей,

---

[1] См. „Кіев. Стар." 1896 г. № 6.

а также Лейба и Михель Пейсиховичи да еще евреи, среди которыхъ былъ и я,—стояли въ другомъ крайнемъ углу и видѣли, какъ убили жену Ирмы, а также мою мачиху и еще много другихъ евреевъ; кто только пробовалъ бѣжать, былъ изловленъ и убитъ, такъ что не спасся ни одинъ еврей, ибо крестьяне стояли тамъ тысячами. Лишь когда подожгли замокъ и стало невыносимо жарко, убѣжалъ я быстро на еврейское кладбище, а спустя 8 дней пошелъ въ городъ освѣдомляться въ замкѣ объ участи остальныхъ евреевъ, и сказали мнѣ тамъ, что не осталось изъ нихъ ни одного: большая часть были убиты, остальные погибли въ пламени». Таково было его показаніе передъ судьями въ Львовѣ въ четвергъ 18-го мѣсяца Авъ 5408 года (1648 г. по Р. Х.) Яковъ Іосифовъ, Яковъ-Аврамъ Ашкенази, Іуда-Лейви Эпштейнъ.

Допросъ этотъ былъ сдѣланъ *старшимъ* львовскимъ раввиномъ р. Мееръ Іосифовымъ съ цѣлью констатированія смерти *мужа* Лейба Пейсиховича, чтобы вдовѣ послѣдняго было дозволено по еврейскому закону вторично вступить въ бракъ.

Сообщ. **В. Затуловскій.**

Какъ читается Шевченко. На основаніи книжки г. М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» (Одесса, 1903) является въ настоящее время возможнымъ вычислить болѣе или менѣе приблизительно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ были изданы понынѣ «Кобзарь» и отдѣльныя стихотворенія Шевченка, какъ у насъ, такъ и за границей, за все время, начиная съ 1840 года. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ объ изданіяхъ въ Россіи имѣются по большей части точныя указанія количества экземпляровъ, а въ недостающихъ случаяхъ къ нимъ можно довольно близко подойти,—относительно изданій галицкихъ и швейцарскихъ приходится держаться гадательнаго подсчета, принимая во вниманіе довольно слабый тамъ вообще спросъ на книжку. Само собой, что въ послѣднемъ случаѣ можно предположить ошибку съ нашей стороны въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, а для всего количества изданій въ Россіи и за границей—еще большую, быть можетъ до 2-хъ десятковъ тысячъ, но отъ этого общая картина мало измѣняется—общая цифра получается даже приблизительно настолько солидной, что ошибка хотя бы въ 20 тысячъ не оказываетъ особенно большого вліянія на ея измѣненіе.

Итакъ, съ 1840 года было по сію пору 20 изданій «Кобзаря» (32 по счету г. Комарова, а точнѣе—33,—но сюда имъ отнесены и

всѣ изданія избранныхъ стихотвореній Шевченка, которыя мы выдѣляемъ особо въ рубрику «Изъ Кобзаря»)—въ количествѣ экземпляровъ около 120.000. Изданія «Изъ Кобзаря» (всѣхъ 13)—даютъ цифру—22.000.

Далѣе идутъ изданія отдѣльныхъ стихотвореній. Оказывается, что чаще всего издавалась «Катерина» (11 изданій), давшая 111.000 экз.; немного меньшее число даетъ «Наймычка» (7 изданій), а именно 100.000. Съ этими двумя изданіями остальныя не могутъ конкурировать. Довольно большую цифру даетъ еще «Тополя» (4 изданія)—31.000; затѣмъ идетъ «Невольныкъ» (2 изд).—20.000, «Гайдамакы» (6 изданій)—14.000, «Перебендя» (3 изд.)—13.000, «Прычынна, Утоплена, Русалка, Марьяна» (1 изд.)—10.000, «Княжна» (3 изданія)—9.000. Слѣдующія изданія, кромѣ «Гамалія» (2 изд)., давшаго 6000 экз.,не превышаютъ 3000, это: «Тарасова ніч», «Псальмы Давыда», «Иванъ Гусъ», «Сонъ», «Видьма» и Саулъ, Неофиты и Марія (послѣдняя въ 2 изд), Москалева Крыныця, Назаръ Стодоля, Сотникъ, Марына и Тытаривна, Княжна, Варнакъ и Петрусь, Иванъ Пидкова»,—всѣ вмѣстѣ считая и «Гамалія», давшія приблизительно 30.000. экз.

Такимъ образомъ, общая сумма изданій украинскихъ произведеній Т. Шевченка у насъ и за границей за все время достигаетъ цифры 480.000 Допуская же ошибку приблизит. въ 20.000 въ смыслѣ уменьшенія общаго количества, такъ какъ для заграничныхъ изданій мы брали цифры минимальныя (600—1200), можно безъ преувеличенія сказать, что изданіе произведеній Шевченка донынѣ достигло количества *полу-миліонна* экземпляровъ.

В. Доманицкій.

Къ исторіи почтъ въ Малороссіи. Постановлене почтарское, про память въ книзѣ сей записано, якое такъ ся в себѣ мѣетъ.

За волею его милости пана Иоанна Леонтиевича Черняка, полковника войска Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского Полтавского, з общого совѣту пановъ старшини полковой и городовой полтавской: пана Климента Нащинского, обозного, Григория Богаевского, писара, Григория Буцкого, судѣ, Лаврентия Никитовича и Федора Сѣбилевича, асаула, Якова Черняка, и Димитрия Самарского, сотниковъ полковихъ полтавскихъ, Ивана Коломака, атамана городового.

Я, Кирило Ивановичъ, войтъ Полтавский, з мещанами нашими, именно: Гавриломъ Романовичомъ, Григориемъ Манденкомъ, Иваномъ Решетиловскимъ, Василиемъ Малярчинимъ, Леонтиемъ Гавриловичомъ, Яковомъ Рудимъ и с прочими, учинилисмо постановлене з Динисомъ Андрѣевичомъ и з Мартиномъ Александровичомъ, жителями нашими Полтавскими, нанявши ихъ з двадцятми конми на почту роковую служити при ратуши нашой полковой Полтавской, отправуючи подводи всякихъ наездовъ, такъ великоросиских, яко и малоросиских людей, какого-ни будутъ чину, по указу ездячихъ, по трактамъ з Полтави лежащимъ: до Нехворощи, до Кобеляка; в полкъ Миргородскии: до Бѣлоцерковки, Балаклии, до Голтви, до Барановки и до Шишаку; в полкъ Ахтирский: до Коломака и до Великихъ Будищъ; а особливе в дѣлѣ его милости пана полковника нашого, кромѣ войсковихъ дѣлъ, если прилучится для скорости двома чили и трома конми в его-жъ панские маетности, повинни послушати. За якую ихъ працу мѣемо з тоей же нашой Полтавской ратуши в годъ давати имъ плати: на кождого коня по тринадцетъ рублей грошей, полтораста возовъ сѣна, тожъ на кождого коня по двѣ осмачки овса мѣрою полтавскою, муки житной—осѣмъ осмачокъ, пшона—двѣ осмачки з чверткою, полтавскою мѣрою, сала—пять пудовъ, лою—каменъ одинъ, соли—пять пудовъ, а грошей заразъ мѣемо имъ дати сто сорокъ рублей; на тие другие сто двадцетъ рублей—когда будутъ стягнени з городовъ и з сѣлъ уезду нашого полтавского и державческихъ, мѣютъ они-жъ почтарѣ, подлугъ реестра отъ насъ, отбѣрати. Що для лучшого увѣрения естъ записано в книгу мѣскую, а сей екстрактъ при звиклой печати майстратовой в ратушу нашомъ полковомъ Полтавскомъ имъ, Динису и Мартину, виданъ. 1720 году, мѣсяца іюля 13-го дня.

(Полтавская ратушная книга л. 301—302).

Къ исторіи коннозаводства въ полтавской губерніи въ прошломъ столѣтіи [1]). Въ архивѣ мы нашли письмо помѣщика кобелякскаго у., г. Чорбы, къ кн. Репнину, предлагавшаго казнѣ купить у него заводъ.

---

[1]) Изъ „Хуторянина", № 24.

«Въ 1811 г., писалъ Чорба, имѣлъ я счастье поднести Государю Императору для Его Величества сѣдла нѣсколькихъ верховыхъ лошадей собственнаго моего завода и, обрѣвъ тѣмъ Всемилостивѣйшее вниманіе, удостоился получить высочайшую награду и благоволеніе. Заводъ мой, состоящій въ полтавской губерніи, время отъ времени, по неусыпнымъ стараніямъ моимъ приведенъ въ лучшее состояніе и нынѣ я имѣю на лицо до трехсотъ штукъ самыхъ лучшихъ лошадей скаковой и чисто арабской крови, другихъ же вовсе не имѣю. Преклонныя мои лѣта возродили во мнѣ мысль, дабы тридцатилѣтнее мое неусыпное стараніе и трудъ на улучшеніе породъ завода моего не были тщетны, я рѣшился продать весь заводъ мой Его Императорскому Величеству, не для пользы своей, но на пользу общественную и, если благоугодно будетъ Государю Императору принять ихъ въ покупку, то не повелѣно ли будетъ прежде черезъ знающихъ людей сдѣлать заводу моему оцѣнку, о которой объявить мнѣ, и, по согласію моему, отъ меня заводъ принять, а слѣдуемую за оный сумму уплачивать въ теченіе хотя двадцати лѣтъ съ указными процентами; содержаніе лошадей можетъ продолжаться на моихъ земляхъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они родились и нынѣ существуютъ. Я же не ищу себѣ никакой за то награды, а по охотѣ моей и знанію, пока живъ, присматривать за онымъ буду, сверхъ того, нуженъ и казенный присмотръ, какъ чиновниками, такъ и простыми людьми, а за сѣно и овесъ на зимнее продовольствіе я получалъ бы деньги по цѣнамъ, какія существовать будутъ въ окрестностяхъ моихъ; впрочемъ и перевести заводъ отсюда отъ Высочайшей воли зависитъ. Я увѣренъ, что верховыхъ лошадей лучшаго завода въ Россіи нѣтъ. Священнымъ долгомъ себѣ поставилъ сіе намѣреніе мое посредствомъ Вашего Сіятельства довести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества свѣдѣнію, о чемъ, прося всепокорнѣйше Вашего Сіятельства, ходатайствую о удостоеніи меня вашимъ отвѣтомъ. Весьма мнѣ будетъ жаль, если многимъ трудомъ заводъ мой доведенный до сей степени породныхъ лошадей и въ такомъ количествѣ принужденъ буду пустить въ продажу въ разныя руки. Вашего Сіятельства, всепокорнѣйшій слуга *Ѳедоръ Чорба*».

Кн. Репнинъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Императора.

Ѳедоръ Николаевичъ Чорба былъ богатый помѣщикъ кобелякскаго уѣзда (имѣніе Чербовка); съ октября 1805 г. по январь 1812 былъ Кобелякскимъ предводителемъ дворянства. До этой должности, онъ служилъ въ военной службѣ, которую оставилъ въ чинѣ моіора.

Купила ли казна, свѣдѣній нѣтъ. Думаемъ, что нѣтъ, такъ какъ о такомъ заводѣ не сохранилось даже и преданія. Помимо этого, въ полтавской губерніи, сто лѣтъ назадъ, существовали заводы: въ кременчугскомъ уѣздѣ 3, въ кобелякскомъ 3, въ золотоношскомъ 13, въ прилукскомъ 5, въ гадячскомъ 5 и въ миргородскомъ также 5. Эти статистическія данныя относятся къ 1804 году. (Арх. Полт. Губерн. Правленія 1817 г. по описи № 73).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Отвѣты редакціи. 1) Считаемъ долгомъ извѣстить гг. Н. С. Кононенка, Г. Н. Заворотька, В. А. Стаховскаго, М. П. Воронина, приславшихъ изъ г. Екатеринослава въ редакцію 36 рублей на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка, что деньги эти получены и переданы по назначенію.

2) Считаемъ долгомъ извѣстить слѣдующихъ лицъ, приславшихъ въ редакцію деньги на подарокъ Н. В. Лисенку—О. И Каминскаго (5 р.), Н. Е. Гандибера (2 р.), свящ. Михаила Мотылевича (14 р. 60 к. на музык. школу), украинцевъ изъ Екатеринослава (2 р. 54 к.), «землякивъ» изъ Дерпта (5 р. на музык. школу), К. Д. Хуторного (3 р.), NN (4 р.),—что деньги получены и переданы по назначенію, а именно: 1) на покупку дачи 16 р. 54 к. что вмѣстѣ съ прежними 6016 р. 39 к. (см. № 5) составитъ 6032 р. 93 к.; 2) на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка 1021 р. 40 к.; 3) билетъ дворянск. съ выигрышами займа 286 р.; 4) на школу имени Н. В. Лисенка 19 р. 60 к., что вмѣстѣ съ прежними 219 р. 49 к. (см. № 5-й) составитъ—239 р. 9 к., а всего—7669 р. 42 к.

Текущія извѣстія.

Къ постройкѣ школы имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Губернское по гор. и земскимъ дѣламъ присутствіе, при разсмотрѣніи городскихъ смѣтъ на нынѣшній годъ, сдѣлало нѣкоторыя сокращенія въ расходной смѣтѣ, исключивъ изъ нея, между прочимъ, ассигнованіе на постройку зданія для школы имени И. П. Котляревскаго. Участвовавшій въ томъ засѣданіи присутствія, гдѣ разсматри-

вались смѣты, городской голова Трегубовъ просилъ, въ виду исключенія суммы на постройку школы Котляревскаго, разрѣшить думѣ сдѣлать для этой цѣли временное безпроцентное позаимствованіе изъ пожертвованныхъ имъ на школу своего имени 3-хъ тысячъ руб. В П. Трегубову было заявлено, что со стороны присутствія эта комбинація не встрѣтитъ препятствія.

Дума выслушавъ докладъ Трегубова, выразила ему благодарность за пожертвованіе и оказанное содѣйствіе для осуществленія въ этомъ году проектируемой школы имени Котляревскаго.

Губернское земство относится весьма сочувственно къ постройкѣ школы имени Котляревскаго и снабжаетъ ее черепицей, а отчасти и другимъ строительнымъ матеріаломъ.

Даръ будущему музею имени Котляревскаго. Художникъ В. П. Карповъ прислалъ изъ Харькова въ полт. город. управу, въ даръ для музея имени Котляревскаго, двѣ картины (акварели), въ золотыхъ рамахъ. Первая картина «Реве ревучій» (Шевченко) изображаетъ Ненасытецкій порогъ на р. Днѣпрѣ. Вторая картина представляетъ «аллегорію» изъ жизни современной Малороссіи. Самъ художникъ даетъ слѣдующее, очень интересное, объясненіе картинѣ «аллегорія».

«Желѣзныя дороги проложили новый путь жизни.

Фабрики и заводы создали фабричныхъ рабочихъ.

Явились новые люди и запѣли новыя пѣсни.

Кобзарь, пѣвшій народу о томъ, какъ его дѣды и батьки защищали кровью своею вѣру и родину, замолкъ. Бандуру замѣнила гармонія.

И вотъ, поднявшись въ высь на насыпи и мосты, желѣзнодорожный поѣздъ стремительно уходитъ въ даль. Кобзарь на проселочной дорогѣ, поросшей травой, идетъ оставленный «поводатаремъ», не зная куда, пробираясь ощупью, онъ прійдетъ на отдыхъ.

А солнце—на закатѣ, и ночь уже начала своимъ покрываломъ окутывать землю»...

Обѣ картины городская управа рѣшила временно помѣстить въ одномъ изъ фойе просвѣтительнаго зданія имени Н. В. Гоголя.

Народная брошюра по метеорологіи на украинскомъ языкѣ. Статистическимъ бюро губернскаго земства разослана корреспондентамъ этого бюро малорусская брошюра по метеорологіи подъ заглавіемъ «Прыгода на хутори». Брошюра составлена А. Русовымъ, подъ редакціей проф. Клоссовскаго и Броуна, и представляетъ собой первый и при томъ весьма удачный опытъ популяризаціи на мѣстномъ нарѣчіи свѣдѣній по метеорологіи. Брошюра снабжена 18 рисунками. Издана она С.-Пет. Благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ на средства, собранныя три года тому назадъ служащими въ полтав. губернскомъ земствѣ въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ. Разосланные корреспондентамъ бюро 1200 экз. «Прыгоды» составляютъ подарокъ автора. Надо надѣяться, что «Прыгода на хутори» будетъ одобрена, по примѣру другихъ спеціальныхъ малорусскихъ изданій, Мин. земледѣлія, и такимъ образомъ, по циркуляру Мин. нар. пр. отъ 10 ноября 1901 г., получитъ доступъ и въ училищныя, а также въ народныя библіотеки. (№ 435 «Полт. Вѣстн.»).

О невѣстѣ Т. Г. Шевченка. *(Письмо А. Кулишъ въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей»).* М. г.г. редакторъ! Я, конечно, не стану возражать на вымыселъ Лукерьи, бывшей невѣсты Т. Г. Шевченка, скажу только что она никогда у насъ не жила и не была, а прожила она лѣто у моей сестры, къ которой и я, ѣдучи въ Малороссію, передъ отъѣздомъ заѣхала на нѣсколько дней, но тогда Лукерья была уже невѣстой Шевченка, и слѣдовательно, совѣтоваться со мной ей не было надобности. Еще скажу: кто зналъ меня и мою дружбу съ Шевченкомъ, тотъ никогда не повѣритъ клеветѣ Лукерьи.

Если г. Брешковскій желаетъ знать истину, пусть прочтетъ въ «Кіевской Старинѣ» (кажется за 1889 г.) «Воспоминанія о Шевченкѣ», написанныя Н. М. Кибальчичъ, дочерью моей сестры, со словъ своей матери.

Тамъ сказана вся правда.

Къ сожалѣнію, Н. Я. Макарова (братъ г-жи Карташевской), который все зналъ, и съ которымъ моя сестра по этому поводу вела переписку, нѣтъ уже въ живыхъ. Остался только одинъ свидѣтель, это сенаторъ Андрей Николаевичъ Маркевичъ, близкій намъ и бывавшій у насъ. Я увѣрена, что и онъ бы не отказался подтвердить все помѣщенное объ этомъ въ «Кіевской Старинѣ».

Старинная церковь въ г. Лохвицѣ. Въ № 444-мъ «Полтав. Вѣстн.» напечатано слѣдующее письмо Н. Филянскаго, командированнаго Императорскимъ Моск. Археол. Общ. для обозрѣнія замѣчательныхъ памятниковъ южно-русскаго церковнаго зодчества.

«Въ г. Лохвицѣ, полт. губ., мнѣ пришлось встрѣтить драгоцѣнный памятникъ прошлаго—характерный образчикъ южно-русскаго церковнаго зодчества конца XVIII вѣка. Несмотря на условія болѣе чѣмъ неблагопріятныя для всего того, что выходитъ изъ уровня обиходныхъ цѣнностей, памятникъ дошелъ до насъ почти не тронутымъ позднѣйшими реставраторами. Пятиглавая церковь сохранила всѣ свои типичныя черты: кое-что осталось изъ внутренняго убранства; на колокольнѣ уцѣлѣлъ весьма цѣнный въ художественномъ отношеніи крестъ—по композиціи единственный въ своемъ родѣ.

Техническій осмотръ церкви убѣдилъ меня въ томъ, что, при умѣлой и бережной реставраціи, она можетъ сохранить свой первоначальный видъ неопредѣленно долгое время. Каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что этотъ, одинъ изъ немногихъ, послѣднихъ памятниковъ указаннаго періода проектируется на-дняхъ подвергнуть основательной передѣлкѣ!

Мнѣ удалось, благодаря любезности мѣстнаго настоятеля, ознакомиться съ характеромъ перестройки. Ничѣмъ не можетъ быть оправдана та развязность, съ которой составители проекта подходятъ къ ремонту этого замѣчательнаго памятника южно-русскаго народнаго творчества. Слѣдуетъ замѣтить, что указанный памятникъ является однимъ изъ весьма немногихъ представителей уже исчезнувшаго стиля, вліяніе котораго сказалось въ такъ бережно сохраняемыхъ памятникахъ XVI и XVII вѣка сѣверной Россіи.

Неужели и этотъ послѣдній, вопреки желанію какъ мѣстнаго настоятеля, такъ и представителей общества, будетъ подведенъ подъ общій шаблонъ церковныхъ трафаретовъ, назойливая безличность которыхъ такъ ясна въ глазахъ не только спеціалиста-художника.

Музей имени В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ. Благодаря невѣрному и неточному сообщенію газетъ, въ прошлой книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщена во II отд. на 125 стр. замѣтка о музеѣ имени В. В. Тарновскаго, въ которой сообщалось, что музей этотъ

оффиціально еще не открытъ. По этому поводу мы получили слѣдующее письмо отъ г. завѣдывающаго музеемъ.

Прошу редакцію «Кіевской Старины» принять къ своему свѣдѣнію, а также довести и до свѣдѣнія своихъ читателей, что «Музей украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго», принадлежащій Черниговскому Губернскому Земству, фактически былъ открытъ для безплатнаго обозрѣнія предметовъ его и для научныхъ, художественныхъ и литературныхъ занятій съ лѣта 1902 года, а 15 февраля 1904 г. открытъ оффиціально. Въ теченіе 2-й половины 1902 года всѣхъ посѣщеній музея было 296, изъ нихъ 3 ради рисованія копій съ картинъ; выдано изъ музея 2 копіи рукописей и 3 фотографич. снимка съ рисунковъ; поступило пожертвованій въ музей 5 предметовъ и 13 книгъ и брошюръ.

Въ теченіе 1903 года посѣщеній музея было 799, изъ нихъ 15 ради рисованія и фотографированія рисунковъ и предметовъ музея и архивныхъ справокъ; поступило пожертвованій 46 предметовъ и 57 книгъ и брошюръ.

Въ текущемъ году по 15 февраля (день оффиціальнаго открытія музея) посѣщеній было 89 и съ 15 февраля до іюля 3200 (живущихъ въ г. Черниговѣ 2042, черниговской губерніи—933 и иныхъ мѣстъ225).

Прилагаемъ тутъ-же правила для посѣтителей Музея и объявленіе объ оффиціальномъ открытіи его.

Объявленіе.

Музей Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго (Смоленская ул., б. усадьба Сиротскаго Дома), переданный Черниговскому Губернскому Земству, открытъ для обозрѣнія публики *ежедневно*, отъ 11-ти до 3-хъ часовъ въ будніе дни, по воскресеньямъ же—отъ 12-ти до 4-хъ часовъ пополудни.

По понедѣльникамъ, въ двунадесятые праздники, въ день Новаго года, въ два послѣдніе дня масляницы, три послѣдніе дня страстной недѣли и въ первые три дня Пасхи, а также 24, 25, 26, и 31 декабря,—музей для публики закрытъ.

Имѣющійся при музеѣ кабинетъ для занятій научныхъ, литературныхъ и художественныхъ предоставляется для пользованія желающимъ только два раза въ недѣлю: по вторникамъ и средамъ отъ 6 до 10 час. вечера. Лица, желающія пользоваться кабине-

томъ для занятій, обращаются за разрѣшеніемъ въ Губернскую Земскую Управу.

Входъ въ музей и кабинетъ для занятій—безплатный. Объясненія даются смотрителемъ музея А. П. Шелухинымъ.

Правила для посѣтителей музея.

1. Входъ въ музей и въ кабинетъ для ученыхъ занятій безплатный.

2. Дѣти моложе 12 лѣтъ допускаются въ музей только въ сопровожденіи взрослыхъ.

3. Музей открытъ ежедневно, кромѣ понедѣльника, въ будни отъ 11 до 3 часовъ, а въ воскресенье отъ 12 до 4 часовъ пополудни. Кромѣ вышеназначеннаго времени, кабинетъ открытъ для занятій съ 6 и до 10 часовъ вечера по вторникамъ и средамъ.

Примѣчаніе 1. Временно дневныя занятія происходятъ въ помѣщеніи музея въ тѣ же часы.

4. Музей и кабинетъ для занятій закрыты: въ двунадесятые праздники, 1 января, 2 послѣдніе дня масляницы, три послѣдніе дня страстной недѣли, 2 первые дня Святой недѣли, 24, 25, 26 и 31 декабря, а также одинъ лѣтній мѣсяцъ по опредѣленію Управы (о чемъ своевременно будетъ публиковано).

5. Входъ въ залы музея въ верхнемъ платьѣ и съ какими бы то ни было предметами воспрещается.

6. Воспрещается куреніе въ музеѣ.

7. Посѣтители кабинета и музея должны соблюдать совершенную тишину.

8. Дотрагиваться къ выставленнымъ для обозрѣнія предметамъ воспрещается.

9. Предметы, не выставленные для обозрѣнія, какъ напримѣръ: рукописи, оригинальные рисунки, эстампы и проч., могутъ быть выдаваемы для осмотра лишь подъ личнымъ наблюденіемъ смотрителя музея и во время, когда, по обстоятельствамъ службы, для него возможно такое наблюденіе. Посѣтители должны обращаться съ полученными вещами съ надлежащими предосторожностями и возвращать все непосредственно смотрителю.

10. Никакой предметъ не можетъ быть выданъ изъ музея или кабинета на домъ.

11. Къ работамъ въ кабинетѣ допускаются желающіе съ разрѣшенія губернской управы.

12. Для занятій въ кабинетѣ выдаются рукописи и книги. Одному лицу выдается за разъ не болѣе трехъ томовъ или трехъ №№ рукописей. При своихъ требованіяхъ лица, работающія въ кабинетѣ, благоволятъ указывать № книги, или рукописи, подъ которыми онѣ значатся въ каталогѣ

13. Копированіе находящихся въ музеѣ картинъ и рисунковъ или рисованіе предметовъ допускается въ дни, когда музей открытъ, съ тѣмъ, что: а) мѣста для работы занимаются по указанію смотрителя музея; б) занимающіяся въ музеѣ лица не имѣютъ права снимать или передвигать предметы: в) калькированіе воспрещается, равно воспрещается дотрагиваться кистью или карандашемъ до оригиналовъ; г) сдѣланные въ музеѣ копіи или рисунки должны быть предъявляемы смотрителю до взятія ихъ изъ музея. При неисполненіи какого-либо изъ этихъ правилъ смотритель можетъ немедленно взять назадъ данное для занятій разрѣшеніе.

Къ XIII археологическому съѣзду. Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» (№ 2154) напечатана слѣдующая статья А. С—скаго, касающаяся вопросовъ, интересныхъ для разработки по первобытнымъ древностямъ.

Среди запросовъ, на которые желательно было бы получить разъясненіе на XIII археологическомъ съѣздѣ, важнѣйшими нужно признать тѣ, которые остаются екатеринославскому съѣзду въ наслѣдіе отъ одесскаго, кіевскаго и харьковскаго съѣздовъ.

Правда, выдвигаются въ высокой степени интересные и новые вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о слѣдахъ домикенской культуры, оставленной пра-греками въ ихъ движеніи черезъ южную Русь на Балканскій полуостровъ,—поставленный на основаніи раскопокъ въ сѣверной Бессарабіи проф. Э. Р. Штерномъ.

Еще большее значеніе имѣетъ вопросъ о преемственной связи культуры неолитической эпохи въ бассейнѣ средняго Днѣпра, съ культурой мѣстной, славянской. Эта интересная и важная гипотеза явилась

слѣдствіемъ весьма цѣнныхъ раскопокъ, произведенныхъ г. Хвойко. Онѣ, казалось-бы, только подтверждаютъ давнюю теорію чешскихъ ученыхъ сравнительной автохтонности славянъ.

Хотя черты древней культуры нашего Приднѣпровья, по сравненію съ сѣвернымъ, представляютъ отличіе, но и послѣднее предположеніе не можетъ быть оставляемо безъ вниманія при изслѣдованіи сѣверной части херсонской и екатеринославской губерній, южныхъ притоковъ Днѣпра и особенно при разысканіи слѣдовъ славяно-русской культуры.

Изъ прежнихъ вопросовъ поднятый на одесскомъ съѣздѣ вопросъ о мегалитическихъ памятникахъ на югѣ Россіи, слѣды которыхъ были найдены Е. Н. Мельникъ у екатеринославскихъ пороговъ, вѣроятно, обратитъ особенное вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей.

Благодаря степному характеру нашей мѣстности, искать дальнѣйшіе слѣды мегалитовъ возможно только въ скалистой грядѣ, идущей отъ Карпатъ и перерѣзывающей теченіе рѣкъ Днѣстра, Южнаго Буга, Ингула и Днѣпра.

Видѣнныя нами по Днѣстру и Южному Бугу пещеры и груды камней, разбросанныхъ въ своеобразномъ порядкѣ, убѣждаютъ въ томъ, что наукѣ извѣстны еще не всѣ эти древнѣйшія сооруженія на югѣ Россіи.

Происхожденіе и значеніе каменныхъ изваяній, наибольшее количество которыхъ было находимо въ предѣлахъ екатеринославской губерніи, такъ называемыхъ «каменныхъ бабъ», также остается еще неразрѣшеннымъ окончательно, не смотря на многочисленныя попытки въ этомъ направленіи.

Самымъ важнымъ для рѣшенія вопроса было бы производство раскопокъ такихъ кургановъ, на которыхъ сохранились бы каменныя бабы, поставленныя одновременно съ погребеніемъ, но, къ сожалѣнію, свѣдѣній о такихъ курганахъ пока еще не имѣется. Каменныя бабы почти всѣ уже сняты съ мѣстъ, на которыхъ онѣ были поставлены первоначально.

Характеръ скиѳской культуры, ея особенности и степень классическаго вліянія греческихъ колоній Черноморскаго и Азовскаго побережій въ достаточной степени выяснены въ многочисленныхъ трудахъ и раскопкахъ гр. Уварова, Тизенгаузена, гр. Бобринскаго и мн. друг., но несомнѣнно, что съѣздъ, собирающійся въ центрѣ царской Скиѳіи, не оставитъ этого, хоти и стараго вопроса, безъ вниманія и будетъ произведено хотя нѣсколько раскопокъ еще уцѣлѣвшихъ скиѳ-

скихъ кургановъ, которыхъ можетъ не остаться къ слѣдующему съѣзду, въ виду усиливающагося на югѣ Россіи кладоискательства и разграбленія кургановъ.

Югъ Россіи, какъ извѣстно, является путемъ—«битымъ шляхомъ», которымъ народы двигались съ востока на западъ и гдѣ кочевали въ нашихъ степяхъ гунны, готы, авары, печенѣги, половцы, татары и многіе др. Славянское населеніе, конечно, также терпѣло передвиженія, оттѣсняемое къ сѣверу. Отыскать слѣды славянскихъ поселеній на югѣ и опредѣлить юго-восточную границу до-монгольской Руси—одинъ изъ важныхъ вопросовъ съѣзда; изслѣдованію и разрѣшенію этого вопроса посвятилъ себя В. А. Городцовъ, а также—что касается харьковской губерніи, —В. Е. Данилевичъ.

Главное вниманіе съѣзда сосредоточится на выясненіи типовъ кочевническаго погребенія и возможнаго установленія ихъ этнографіи, а также, быть можетъ и начатаго на харьковскомъ съѣздѣ разысканія слѣдовъ хазарской культуры. Эти работы, давшія успѣшные результаты къ харьковскому съѣзду, весьма важныя для рѣшенія другихъ привходящихъ вопросовъ, явились причиной, почему «половецкая степь» снова стала предметомъ изслѣдованія, и общее собраніе харьковскаго съѣзда согласилось на назначеніе мѣстомъ будущаго съѣзда городъ Екатеринославъ.

Результаты изслѣдованій нынѣ покойнаго Бранденбурга, столь плодотворно продолжавшихся г. Городцовымъ, могутъ составить, при окончательномъ разрѣшеніи, одну изъ интересныхъ страницъ европейской археологіи IV—XII вѣковъ.

Спеціальный вопросъ екатеринославскаго съѣзда о слѣдахъ пребыванія готовъ на югѣ Россіи и объ ихъ погребальномъ типѣ также стоитъ на очереди и требуетъ собиранія данныхъ для своего разрѣшенія.

Небезынтересенъ вопросъ, поднятый Э. Р. Штерномъ, о томъ, какъ далеко простиралась въ нынѣшней екатеринославской губерніи сфера вліянія классической культуры. Насъ лично интересуютъ также нѣкоторые вопросы, напримѣръ, вопросъ:

1) О городищахъ-майданахъ екатеринославской губерніи. Это громадныя, идущія, въ большинствѣ, по водораздѣламъ сооруженія полукруглой формы, съ тремя-четырьмя выступами по концамъ, извѣстныя въ народѣ подъ названіемъ «робленныхъ и раскопанныхъ мо-

гилъ». Желательно было бы опредѣлить, по содержанію близъ лежащихъ кургановъ и по содержанію майдановъ, время ихъ сооруженія, назначеніе и взаимное отношеніе, т. к. ни одна изъ существующихъ теорій касательно значенія городищъ-майдановъ не можетъ быть признана удовлетворительной.

2) Интересно установленіе погребальнаго ритуала и культуры каменнаго вѣка въ южномъ Приднѣпровіи и въ частности—у порожистой части Днѣпра, и вопросъ о культурѣ и связи кургановъ праваго берега Днѣпра съ лѣвымъ и въ частности—у г. Екатеринослава, такъ какъ произведенныя раскопки указываютъ на значительное разнообразіе типовъ.

3) Необходимо обслѣдованіе порожистой части Днѣпра—для выясненія, не имѣется-ли еще остатковъ стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка у пороговъ, такъ какъ несомнѣнно, что нѣкоторые ихъ слѣды еще имѣются.

4) Желательно было-бы намѣтить, насколько возможно, погребальные типы кочевниковъ—печенѣговъ, тюрковъ, половцевъ и татаръ.

5) Составленіе сводной карты распространенія скиѳскихъ кургановъ въ южной Россіи, на основаніи новыхъ раскопокъ, способствовало бы выясненію вопроса какъ о географическомъ распространеніи такъ называемыхъ скиѳовъ, такъ и объ ихъ отношеніи къ другимъ народамъ южной Россіи.

Наконецъ, составленіе, согласно общему пожеланію московскаго предварительнаго комитета, археологической карты екатеринославской губерніи по вѣкамъ, начиная съ неолитической эпохи и оканчивая нанесеніемъ послѣднихъ раскопокъ, а также всѣхъ сохранившихся кургановъ различнаго типа и городищъ, явилось-бы огромной важности вкладомъ въ русскую археологію, которая является, если не введеніемъ, то первымъ и особенно важнымъ томомъ русской исторіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Слѣдуетъ-ли въ числѣ просвѣтителей древней курской области считать св. Петра, митрополита Московскаго?

(Критико-библіографическая замѣтка по поводу издан. г. Девріэна «Россія» т. 2).

Широко задуманное капитальное изданіе Девріэна, извѣстное подъ общимъ заглавіемъ: «Россія, полное географическое описаніе нашего отечества», довольно успѣшно подвигается впередъ. До настоящаго времени вышелъ третій—въ хронологическомъ порядкѣ—и второй—въ общей системѣ «Описанія» большой (VIII+717 стр.) томъ. Въ этомъ томѣ разсматривается «среднерусская черноземная область», въ составъ которой, по классификаціи редакторовъ, входятъ губерніи: рязанская, тульская, орловская, тамбовская, пензенская, воронежская и *курская*. Авторы книги не только предлагаютъ читателямъ описаніе природы и населенія, во всѣхъ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ ихъ современной жизни, но даже довольно часто дѣлаютъ экскурсы въ область отдаленнаго прошлаго, затрагивая, такимъ образомъ, насколько позволяли использованные ими источники, исторію края [1]). Вполнѣ, поэтому, понятно, что въ указанныхъ губерніяхъ какъ изслѣдователи экономической жизни населенія и этнографическаго его состава, такъ

---

[1]) Такова, напр., глава IV-я отдѣла II-го: „Историческія судьбы среднерусской черноземной области и культурные ея успѣхи"; глава VII-я того-же отдѣла: „Пути сообщенія" (съ древнѣйшихъ временъ). Особенно много свѣдѣній историческаго характера помѣщено въ отдѣлѣ III-мъ: „Замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности".

и любители отечественной старины съ живѣйшимъ интересомъ прочтутъ этотъ томъ «Россіи». Понятно также и то, что авторы неизбѣжно должны были коснуться религіозной жизни населенія, указать на первые проблески религіознаго сознанія среди жителей, на дальнѣйшее развитіе религіознаго чувства и его проявленія и т. д.

Но разнообразіе намѣченныхъ вопросовъ и соединенная съ этимъ чрезвычайная сложность работы и обиліе матеріала, подлежащаго изученію, повели къ тому, что «Описаніе» нерѣдко грѣшитъ противъ истины. Авторы должны были просмотрѣть всю литературу, касающуюся географіи и исторіи указанныхъ семи губерній и, притомъ, главнымъ образомъ, изданія мѣстныя—рязанскія, орловскія, курскія и т. д. Уже одно это представляло громадный трудъ, такъ какъ иногда для того, чтобы получить какое-нибудь свѣдѣніе частнаго характера, нужно было просмотрѣть мѣстныя епархіальныя и губернскія вѣдомости и другія періодическія изданія за много лѣтъ. Изъ «Описанія» видно, что авторы нерѣдко принуждены были пользоваться свѣдѣніями неполными, неточными или даже и совершенно неправильными; что они иногда имѣли подъ руками источники, уже значительно устарѣвшіе, и притомъ лишены были возможности провѣрить на мѣстѣ указанія источниковъ [1]). Вотъ почему въ «Описаніи» встрѣчаются ошибки и неточности. Нѣкоторые факты освѣщены односторонне, нѣкоторыя черты исторической жизни отмѣчены неправильно и несогласно съ указаніями исторіи. Не имѣя возможности подробно перечислять погрѣшности, допущенныя авторами при описаніи курской губерніи, мы, для примѣра, укажемъ лишь на слѣдующія, замѣченныя нами, неправильности въ области свѣдѣній церковно-историческаго характера. Въ главѣ, посвященной описанію Бѣлгорода, мы видимъ странное утвержденіе, что бѣлгородскіе епископы носили до Петра Великаго титулъ митрополитовъ и *имѣли своихъ викаріевъ въ Курскѣ* [2]). Между тѣмъ извѣстно, что бѣлгородскіе митрополиты не имѣли подчиненныхъ епископовъ, викаріевъ, и были только титулярными митрополитами [3]); именовались же они митрополитами не до Петра Великаго (неточное

[1]) Особенно это замѣтно въ описаніяхъ природы и въ историческихъ очеркахъ.

[2]) „Россія“, т. II, стр. 471.

[3]) См. объ этомъ въ объяснительной статьѣ Н. П. Сенаторскаго: „Бѣлгородско-Курская епархія“, „Курскія Епарх. Вѣдом.“, 1900, № 26.

указаніе «Россіи»), а до учрежденія св. Синода. Во всякомъ же случаѣ одновременно въ Курскѣ и Бѣлгородѣ епископскихъ каѳедръ никогда не существовало. Тамъ же говорится, что епископъ бѣлгородскій Іоасафъ Горленко причисленъ церковью къ лику святыхъ; между тѣмъ извѣстно, что епископъ Іоасафъ Горленко еще не канонизованъ [1]).

Впрочемъ въ данномъ случаѣ изъ сообщеній «Россіи», касающихся религіозной жизни курскаго края, насъ интересуетъ собственно лишь вопросъ, поставленный въ заголовкѣ настоящей замѣтки, также затронутый «Описаніемъ» и рѣшенный ошибочно. Къ выясненію этого вопроса мы и приступаемъ.

Въ историческомъ очеркѣ Курска и его области («Россія», т. II, стр. 460 и сл.) мы читаемъ слѣдующія фразы: ... «Извѣстно, что св. Петръ, впослѣдствіи митрополитъ московскій, уроженецъ Волыни, отыскивая себѣ «безмолвное мѣсто», нашелъ его въ дебряхъ на рѣкѣ Рати (притокъ Сейма въ 15 верстахъ отъ нынѣшняго Курска) и основалъ здѣсь обитель, которой и сдѣлался игуменомъ» (стр. 463).

Разумѣется, изложенныя мысли не составляютъ результата самостоятельныхъ изслѣдованій составителя указаннаго очерка: онъ пользовался готовыми трудами историковъ курской области,—въ данномъ случаѣ книгою, составленною ранѣе 1865 года. Но вина его въ томъ, что онъ не использовалъ источниковъ новѣйшаго времени, въ которыхъ эти мысли опровергаются [2]).

Ошибочное утвержденіе, что св. Петръ подвизался въ курской области, обязано своимъ происхожденіемъ автору «Историческаго описанія Коренной Рождество-Богородицкой пустыни».—І. Л. (іеромонаху, впослѣдствіи архимандриту, намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры, Леониду). Въ этомъ «Описаніи» Коренной пустыни говорится между прочимъ слѣдующее: «О духовномъ состояніи курской области до явленія въ ней чудотворной иконы мы имѣемъ лишь одно частное извѣстіе въ рукописномъ житіи св. Петра, митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца. Тамъ повѣствуется, что святитель... по достиженіи

---

[1]) Подобныя ошибки не могли бы имѣть мѣста въ книгѣ, если бы редактированіе соотвѣтствующихъ отдѣловъ книги было поручено кому-либо изъ курскихъ обывателей.

[2]) См., напр., „Курскія Губернск. Вѣдомости", 1897 г., № 262, 263, 265, 266.—статья, принадлежащая автору настоящей замѣтки.

двѣнадцатилѣтняго возраста... бѣжалъ въ одинъ изъ окрестныхъ монастырей, гдѣ, поселившись, принялъ постриженіе... Потомъ, оставивъ этотъ монастырь и обходя *многія* мѣста и пустыни, нашелъ безмолвное мѣсто на рѣкѣ *Рати*, протекающей отъ бывшаго города Курска въ 15 верстахъ и впадающей въ рѣку Сеймъ, и здѣсь устроилъ себѣ жилище, воздвигнулъ церковь, построилъ келліи и собралъ *немалое* число братій» [1]), т. е., основалъ монастырь, въ которомъ и былъ игуменомъ. По мнѣнію автора «Описанія», свидѣтельство біографа св. Петра о существованіи построеннаго имъ въ окрестностяхъ Курска монастыря подтверждается указаніемъ извѣстной «Исторіи о городѣ Курскѣ» [2]) на то, что «въ 1650 году курскій протопопъ Григорій сыскалъ на старомъ городищѣ, отстоящемъ отъ Курска за 15 верстъ, близъ рѣки, именуемой Рать, въ земляномъ валу отъ древности вшедшія въ землю палаты» [3]). Эти палаты, утверждаетъ авторъ, представляютъ остатки монастыря св. Петра.

Эти мысли, принадлежащія І. Л., высказываются, вслѣдъ за нимъ, и въ историческомъ очеркѣ г. Курска, составленномъ,—кстати скажемъ, довольно небрежно и поспѣшно—покойнымъ Т. І. Вержбицкимъ [4]). Теперь, какъ видимъ, утвержденіе о пребываніи св. Петра въ курской области опять повторяется во II томѣ Россіи.

«Описаніе» Коренной Пустыни, а также и «Памятная книжка курской губ.»—это изданія, которыя разсчитаны на строго опредѣленный кругъ читателей. Но описаніе «Россіи», о которомъ мы говоримъ, имѣетъ въ виду уже широкую публику, и потому мысли, высказываемыя въ немъ, могутъ получить гораздо большее распространеніе. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ еще разъ, примѣнительно къ случаю, разъяснить, почему слѣдуетъ признавать указанныя выше мысли о св. Петрѣ ошибочными.

Замѣчанія І. Л. о св. Петрѣ сами по себѣ очень важны. Для исторіи распространенія и утвержденія христіанства въ курской области указанный фактъ—основаніе монастыря св. Петромъ недалеко отъ Курска—долженъ былъ бы имѣть большое значеніе. Онъ доказы-

---

[1]) „Истор. описаніе Коренной Пустыни", С.-Пб. 1876. Стр. 12—13. Тоже самое можно читать и въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Описанія".

[2]) Курскъ. 1792. Стр. 35.

[3]) Стр. 13-я „Описанія", примѣчаніе.

[4]) Напечатанъ въ „Памятной книжкѣ курской губ.". На 1892 г., отд. II, стр. 6 и слѣд.

валъ бы, что вначалѣ XIV в., когда—приблизительно—былъ основанъ монастырь, христіанство въ Курскѣ вошло уже въ большую силу: св. Петръ не только основываетъ монастырь и строитъ церковь, но и собираетъ «немалое число братій». Мысль о значительномъ распространеніи христіанства въ курской области еще рѣзче оттѣняется, если мы къ тому-же вспомнимъ, что въ 1295 году явилась чудотворная курская икона Знаменія Божіей Матери. Кромѣ того—монастырь св. Петра, сколько-бы онъ ни существовалъ, не могъ не оказать вліянія на окрестное населеніе; по крайней мѣрѣ, если монастырь и былъ разрушенъ послѣ, то хоть завѣты святителя остались въ назиданіе. Одно пребываніе святого въ курской области могло оказать нравственное воздѣйствіе на ея обитателей; хоть одинъ лучъ отъ ореола, окружавшаго личность св. Петра, могъ упасть въ неблагодарную среду тогдашнихъ воинственныхъ жителей Курска.

Въ виду важности извѣстія «Описанія» и полнаго отсутствія въ первоисточникахъ свѣдѣній о томъ, что вблизи Курска былъ монастырь св. Петра, мы сдѣлали попытку провѣрить указаніе автора «Описанія».

І. Л. основывается на какомъ то рукописномъ житіи св. Петра. Извѣстны въ настоящее время двѣ редакціи житія св. Петра, митрополита московскаго. Одна—болѣе древняго происхожденія (приблизительно 20-хъ годовъ XIV столѣтія)—принадлежитъ Прохору, епископу ростовскому. Житіе, составленное Прохоромъ, имѣетъ характеръ пролога и отличается сухимъ, сжатымъ изложеніемъ. Прохоръ сообщаетъ мало свѣдѣній о жизни св. Петра въ Галиціи—онъ не указываетъ ни мѣста рожденія его, ни монастыря, гдѣ онъ постригся. Издано это житіе преосв. Макаріемъ [1]), но, по отзыву профессора Ключевскаго [2]), въ очень неисправномъ видѣ. Интересующее насъ мѣсто, въ изданіи Макарія, читается такъ: «Бувши же ему (св. Петру) 12 лѣтъ, иде въ монастырь и бысть мнихъ... И посемъ постави церковь св. Спаса на рѣцѣ Рати [3]) и створи монастырь».

---

[1]) Исторія русской церкви. Т. IV. Прилож. III.

[2]) Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Стр. 75, прим. 2.

[3]) Но въ своемъ очеркѣ жизни св. Петра пр. Макарій называетъ эту рѣку: „Рата“ Исторія, т. IV.

Митрополитъ Кипріанъ переработалъ (между 1397 и 1404 год.) житіе, составленное Прохоромъ. Онъ украсилъ простой сравнительно разсказъ Прохора широковѣщательными разсужденіями о высокомъ достоинствѣ св. Петра, дополнилъ подробностями, которыя узналъ о св. Петрѣ на его родинѣ, во время своего продолжительнаго пребыванія въ южной Руси [1]). Онъ прибавляетъ извѣстіе о волынскомъ происхожденіи св. Петра, о состояніи Волыни при св. Петрѣ и пр. Кипріаново житіе помѣщено въ Степенной книгѣ [2]) и даетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія объ основаніи св. Петромъ монастыря... «Родися во единомъ отъ мѣстъ земли Волынскія... Бывшу-же ему двѣманадесяте лѣтомъ, иде въ *прилежащей тамо* пустыни во единъ отъ монастырей и иже отъ тамо сущаго игумена постризается и къ братіи причитается... По времени-же исходитъ отъ обители... и обходитъ *округная* мѣста пустынная, и обрѣтаетъ мѣсто безмолвно на рѣцѣ, нарицаемой Рата, и церковь воздвизаетъ во имя Спаса нашего Іисуса Христа и келіи поставляетъ. И князю тогдашнему въ слухъ пріиде добродѣтельное мужа житіе... и всей странѣ и земли оной. Тогда-бо бяше въ своей чести и времени земля *Волынская* всякимъ обильствомъ и славою преимуща» [3]).

І. Л. пользовался, очевидно, спискомъ житія второй редакціи, принадлежащей митроп. Кипріану. Фразы кипріановскаго житія дословно повторяются въ «Описаніи» Коренной пустыни. Въ указанномъ житіи мы находимъ слѣдующія имѣющія для насъ большое значеніе указанія: во-первыхъ—родиной св. Петра была земля Волынская, во-вторыхъ—св. Петръ основываетъ монастырь на р. Рати, или Ратѣ, въ-третьихъ—въ избранномъ мѣстѣ св. Петръ построилъ церковь во имя Спаса, т. е. въ воспоминаніе Преображенія Господня.

О томъ, гдѣ находится рѣка Рата, источникъ не даетъ ясныхъ указаній; но изъ контекста рѣчи видно, что эта рѣка могла быть только въ Волынской землѣ. Дѣйствительно: св. Петръ идетъ въ пу-

---

[1]) Въ 1396 г. Кипріанъ предпринялъ путешествіе для обозрѣнія юго-западныхъ епархій и пробылъ въ Кіевѣ 1½ года. Въ 1404 г. онъ поѣхалъ въ Литву, потомъ въ Кіевъ, потомъ въ волынскую землю. (Макарій, Исторія р. церкви, т. IV, стр. 78, 85).

[2]) Житіе Петра, списано Кипріаномъ смиреннымъ мнихомъ и митрополитомъ кіевскимъ и всея Русіи". Степ. книга, стр. 410 и слѣд.

[3]) Степ. книга, стр. 410, 411, 412, 413.

стыню, которая была по отношенію къ мѣсту его родины *прилежащей*, и въ одномъ изъ монастырей, расположенныхъ въ этой пустынѣ, принимаетъ постриженіе; чрезъ нѣсколько времени онъ уходитъ изъ этого монастыря, обходитъ *«округная* мѣста пустынная» и въ безмолвномъ мѣстѣ на рѣкѣ Ратѣ строитъ церковь и келліи. Совершенно неправдоподобнымъ является предположеніе, что это «безмолвное мѣсто» было въ курской области, потому что курская область находилась по отношенію къ Волынской землѣ на разстояніи цѣлой тысячи верстъ. Исторія жизни св. Петра ничего не знаетъ о пребываніи св. Петра въ курской области въ 15 верстахъ отъ Курска; и трудно допустить. чтобы фактъ пребыванія св. Петра въ окрестностяхъ Курска—если-бы св. Петръ дѣйствительно былъ тамъ—не былъ отмѣченъ въ источникахъ. Исторически установленныя обстоятельства поставленія св. Петра въ митрополиты указываютъ именно на то, что предшествовавшая этому поставленію дѣятельность его протекла въ Волынской землѣ. Извѣстно, что внукъ князя галицкаго Даніила Юрій Львовичъ посылалъ св. Петра въ Константинополь исключительно затѣмъ, чтобы получить въ лицѣ его отдѣльнаго галицкаго митрополита. Патріархъ Аѳанасій охотно утвердилъ св. Петра въ санѣ митрополита, но неодобрительно отнесся къ мысли о раздѣленіи русской митрополіи и поставилъ его не галицкимъ митрополитомъ, а «кіевскимъ и всея Руси» [1]). Извѣстно также, что когда митроп. Максимъ въ 1301 году, во время путешествія своего на соборъ въ Царьградъ, обозрѣвалъ Волынскую землю [2]), здѣсь ему поднесъ икону Богоматери св. Петръ [3]).

Поэтому понятно, что Карамзинъ и Амвросій, которымъ представился случай говорить о монастырѣ св. Петра, указываютъ именно на Волынь. Карамзинъ, приводя выдержки изъ Кипріанова житія, послѣ словъ: «обрѣтаетъ мѣсто безмолвно на рѣкѣ Ратѣ» прибавляетъ отъ себя: *«въ Волыніи, а не близъ Курска»* [4]). Амвросій же пытается

---

[1]) См. объ этомъ у Н. Тихомірова: „Галицкая митрополія". Церковно-историческое изслѣдованіе„ С.-пб. 1896. Стр. 55, 56.

[2]) Преосв. Макарія „Исторія р. церкви", т. IV, стр. 14—15.

[3]) Житіе Прохора говоритъ о св. Петрѣ: „написа святую Богородицю и вда ю Максиму митрополиту".

[4]) Смирдинское отдѣльное изданіе „Примѣчаній" къ „Исторіи госуд. росс". С.-пб. 1852, т. II, прим. къ IV части 243-е.

даже указать, гдѣ именно находился монастырь, хотя въ этомъ случаѣ и допускаетъ ошибку [1]).

Для того, чтобы точно опредѣлить мѣстонахожденіе монастыря, мы должны обратиться къ указаніямъ тѣхъ писателей, которые разрабатываютъ исторію галицко-волынской земли, причемъ естественнѣе всего отдавать предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые находились недалеко отъ мѣста рожденія (по житію) св. Петра и, такимъ образомъ, могли собрать наиболѣе достовѣрныя сдѣдѣнія о монастырѣ.

Извѣстный галицко-русскій писатель А. Петрушевичъ говоритъ такъ: «Рѣчка Рата течетъ въ жолковскомъ округѣ, нѣкогда бельзкой земли, и вливается въ Бугъ. Древній монастырь, въ которомъ св. Петръ былъ игуменомъ, стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ на рѣцѣ Рата, въ деревнѣ, именуемой тамошнимъ простонародіемъ Спасское (Спаске), въ книжной географической номенклатурѣ же извѣстной подъ названіемъ Дворцы (Dworce); слѣдовательно, упомянутый монастырь былъ сооруженъ во имя Преображенія Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, и того же титла есть настоящая церковь. На правомъ березѣ рѣчки Раты находится полянка, названа Петрова долина, принадлежащая до здѣшней приходской церкви, на которомъ мѣстѣ стояла нѣкогда монастырская церковь» [2]). Другой писатель—Денисъ Зубрицкій—указываетъ на тоже самое мѣсто. Рѣчка Рата, по его утвержденію, истекаетъ въ жолковскомъ округѣ, у села Верхраты, и впадаетъ въ Бугъ выше Крестіанполя. Мѣсто, въ которомъ находилась обитель, основанная св. Петромъ, есть село Дворцы на лѣвой сторонѣ Раты. Приходская церковь во имя Преображенія построена въ позднѣйшее время. «Есть пни истлѣнныхъ отъ старости берестовъ,

---

[1]) „Ратскій *Воздвиженскій* монастырь—говоритъ Амвросій—находилсл въ волынской губ., епархіи житомірской, на р. Ратѣ, отъ Житоміра къ с. з. въ 310 в.“ и т. д. („Исторія росс. іерархіи“, ч. V. стр. 667). Амвросій тамъ же ссылается на Прологъ; но въ Прологѣ мы ничего не могли найти, кромѣ того же извѣстія, что св. Петръ основалъ монастырь „на рѣцѣ, зовомой Рата“ (Прологъ, изд. 1843, 21 дек.). Значитъ ссылка эта не имѣетъ значенія для указанія мѣста монастыря. О томъ, что опредѣленіе Амвросія невѣрно, см: у Е. Е. Голубинскаго въ ст.: „Митрополитъ всея Россіи св. Петръ“ (Богослов. Вѣстникъ, 1893, январь, 23 стр., прим.). Да это, впрочемъ, будетъ ясно при дальнѣйшемъ изложеніи.

[2]) Галичскій историческій сборникъ, издаваемый обществомъ галицко-русской Матицы. Вып. III. Львовъ, 1860. § 9-й. О галицкихъ митрополитахъ. Примѣч. 6-е.

есть и роща на правой сторонѣ рѣки, подъ названіемъ Петровой долины, и преданіе о существованіи здѣсь монастыря доселѣ остается въ устахъ народа» [1]).

Точность и опредѣленность указаній этихъ двухъ писателей, по нашему мнѣнію, исключаетъ возможность сомнѣній въ вопросѣ о мѣстонахожденіи монастыря св. Петра.

Проф. Е. Е. Голубинскій, съ своей стороны, склоненъ довѣрять указаніямъ упомянутыхъ писателей. «Можно думать—говоритъ онъ,—что родину св. Петра составлялъ либо городъ Бельзъ, находящійся на сѣверѣ отъ Львова, либо Львовъ, тогдашняя столица Галиціи» [2]). Этимъ до нѣкоторой степени опредѣляется и мѣсто монастыря. Село Дворцы (Спасское), по указаніямъ Голубинскаго, находится почти на равномъ разстояніи между городами Жолковымъ, къ округу котораго принадлежитъ, и Бельзомъ, прямо на югъ отъ послѣдняго [3]).

Какъ-же объяснить ошибку, допущенную авторомъ «Описанія» Коренной пустыни? какимъ образомъ I. А. пришелъ къ неправильному заключенію о мѣстонахожденіи монастыря св. Петра? Всѣ главныя историческія свидѣтельства о томъ, что монастырь былъ не въ курской области, находятся въ книгахъ, изданныхъ до 1865 года, когда вышло изъ печати первое изданіе «Историческаго описанія» Коренной пустыни. Трудно допустить, чтобы авторъ его, I. Л., не зналъ этихъ свидѣтельствъ—по крайней мѣрѣ, Амвросія или Карамзина, который прямо говоритъ, что мѣсто монастыря было «не близъ Курска».

[1]) Исторія древняго галическо-русскаго княжества. Часть 2-я Львовъ, 1852. Стр. 255. Примѣч. 243. Срав. его-же „Критико-историческую повѣсть временныхъ лѣтъ червонной или галицкой Руси“. Перев. съ польск. М. 1845, стр. 71.

[2]) См. вышеуказанную статью въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1893, янв. стр. 22—23. Извѣстный проф. Павловъ А. С., изучавшій исторію галицкой митрополіи, называетъ эту статью „превосходной“ („О началѣ галицкой и литовской митрополіи“, М. 1894, стр. 9, прим. 2). Голубинскій ссылается на „Галичскій истор. сборникъ“, упрекая въ ошибкѣ Д. Зубрицкаго. „Зубрицкій—говоритъ онъ—полагаетъ бывшій монастырь св. Петра въ *нынѣшнемъ селѣ Верхратѣ*“. Мы, однако, видѣли, что у Зубрицкаго такой мысли нѣтъ: онъ говоритъ только то, что р. Рата „*истекаетъ* у с. Верхраты“, относительно-же мѣста монастыря онъ дѣлаетъ указанія совершенно согласно съ „Галичскимъ сборникомъ“. Поэтому—упрекъ Е. Е. Голубинскаго несправедливъ.

[3]) Зубрицкій утверждаетъ, что св. Петръ родился гдѣ-то въ окрестностяхъ Бельза („Исторія др. галиц.-русск. княж.“, ч. 2, стр. 256).

Сравнивая приведенныя нами выдержки изъ кипріановскаго житія св. Петра съ тѣми сужденіями, которыя высказываетъ І. Л., мы прежде всего замѣчаемъ, что въ «Описаніи» Коренной пустыни прибавлено много лишняго сравнительно съ житіемъ, благодаря чему повѣствованіе житія принимаетъ совершенно другой характеръ. Въ житіи сказано, что св. Петръ обходитъ «округная мѣста пустынная» (т. е. находящіяся недалеко отъ его родины); между тѣмъ въ «Описаніи» говорится, что онъ обходилъ *«многія* мѣста и пустыни». Это измѣненіе сдѣлано, очевидно, съ тою цѣлью—если только, впрочемъ, здѣсь можетъ быть рѣчь о намѣренномъ измѣненіи,—чтобы представить болѣе правдоподобной мысль объ основаніи монастыря въ курской области, находящейся на большомъ разстояніи отъ родины святителя—Волынской земли. Вѣдь, если св. Петръ обходилъ многія мѣста, а не окрестныя только, то онъ могъ зайти и въ Курскъ, несмотря на то, что онъ отстоялъ отъ родины его болѣе чѣмъ на тысячу верстъ. Затѣмъ, основываясь на созвучіи названій: «Рать, Рата», І. Л. указываетъ на рѣку Рать въ курской области, добавляя, что Рать впадаетъ въ р. Сеймъ, чего въ житіи, конечно, нѣтъ.

Мы не беремся рѣшать съ несомнѣнностію, кто именно виновникъ этихъ измѣненій—І. Л., который, можетъ быть, комментировалъ житіе по своему, или же кто-нибудь другой: можетъ быть, І. Л. только пользовался неточнымъ спискомъ житія, которое было измѣнено какимъ-либо благочестивымъ курскимъ жителемъ. Во всякомъ же случаѣ нужно признать, что этотъ комменатарій принадлежитъ къ числу довольно неудачныхъ, и на отвѣтственности автора „Описанія" лежитъ то, что́ совершенно неправильная мысль была пущена въ обращеніе и повторяется въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

Сознательно ли сдѣлано было указанное измѣненіе авторомъ „Описанія" или несознательно, для дѣла рѣшительно все равно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ процессъ, происходившій въ душѣ автора, является вполнѣ понятнымъ. І. Л., повидимому, имѣлъ въ виду не столько научныя цѣли, сколько нравственно-назидательныя. Насколько можно судить по книгѣ, онъ былъ самъ человѣкъ очень вѣрующій [1]). Даже обстоятельствамъ, сопровождавшимъ развитіе Коренной пустыни, онъ придаетъ провиденціальное значеніе. Въ читателяхъ онъ хочетъ

---

[1]) См., напр., стр. 4, 8, 9, 13 и др. „Описанія" въ указанномъ изданіи.

возбудить благоговѣніе къ пустыни, создать благочестивое настроеніе и внушить убѣжденіе въ томъ, что самое мѣсто, гдѣ она находится, и вся область курская освящены божественною силою. Мысль о томъ, что св. Петръ былъ въ курской области, подвизался въ ней въ санѣ игумена и основалъ даже монастырь, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ его настроеніемъ и подходитъ къ его цѣлямъ. І. Л.—присяжный историкъ, ему знакомы научные пріемы изслѣдованія, какъ можно видѣть изъ „Описанія"; но воодушевившись высокой задачей агіографа, онъ сходитъ съ исторической почвы и пользуется сближеніями совершенно примитивнаго характера, забывши, что одно только сходство названій рѣки (Рата, Рать) не даетъ еще никакихъ твердыхъ и опредѣленныхъ указаній.

То обстоятельство, что Коренная пустынь владѣла такъ называемымъ „святымъ городищемъ" на р. Рати [1]), указываетъ лишь на то, что на этомъ мѣстѣ когда-нибудь *могъ быть* монастырь—какой, неизвѣстно.

Что же касается извѣстія „Исторія о городѣ Курскѣ" о томъ, что въ 1650 году найдены около рѣки Рати развалины палатъ, то объясненія его нужно искать въ другихъ фактахъ. Существуетъ указаніе, что первый „властелинъ" Курска—Изяславъ Владимировичъ—построилъ „дворецъ съ каменнымъ укрѣпленіемъ", и что остатки этого дворца были разобраны въ 1650 году [2]). Мы не знаемъ, на чемъ основывается это утвержденіе, но если оно имѣетъ какую-нибудь историческую цѣнность, то извѣстіе „Исторіи о г. Курскѣ" о палатахъ можно относить именно къ этому дворцу. Можетъ быть, на мѣстѣ развалинъ была когда-нибудь сторожка или даже поселокъ кого-нибудь изъ служилыхъ людей. Въ XVI—XVII в. московское правительство съ охотою раздавало земли въ южной окраинѣ служилымъ людямъ, обязывая ихъ охранять предѣлы государства отъ набѣговъ кочевниковъ. Поверхность курской области почти сплошь была покрыта лѣсомъ, особенно по бассейнамъ рѣки Сейма и его притоковъ; лѣсъ же давалъ много средствъ для защиты первымъ поселенцамъ. И вотъ на лѣсистомъ берегу р. Рати, въ укромномъ уголкѣ, можетъ быть, и устроилъ кто-нибудь маленькую крѣпость для защиты себя и своихъ

---

[1]) См. „Описаніе"—въ концѣ главы, заключающей обзоръ „перваго періода" существованія Коренной пуст.

[2]) См. Экциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, статья: „Курскъ".

пожитковъ. А протопопъ курскій Григорій изъ развалинъ этой крѣпости ломалъ кирпичъ и дикій камень для постройки соборной церкви [1]). Наименѣе правдоподобнымъ является предположеніе, что это были развалины древняго монастыря: извѣстно, что основатели обителей селились въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ и имѣли возможность строить лишь самыя убогія церкви и келліи; и только въ пору наибольшаго процвѣтанія своего монастыри украшались великолѣпными каменными храмами.

Такимъ образомъ, курянамъ приходится признать невѣрнымъ извѣстіе о томъ, что св. Петръ освятилъ своею дѣятельностію курскій край. Разумѣется, вполнѣ очевидно, что отъ этого признанія, сдѣланнаго исключительно въ интересахъ исторической правды, ни слава курской святыни, благоговѣйно чтимой въ курской губерніи и даже далеко за предѣлами ея, ни вліяніе святыни на религіозную жизнь края нисколько не могутъ уменьшиться.

Поэтому надѣемся, что въ новомъ изданіи „Историческаго описанія“ Коренной пустыни и II-го тома „Россіи“ указанная нами ошибка будетъ устранена.

Д. Булгаковъ.

А. Войтковъ. Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій и участіе его въ церковно-политической жизни Польской Украины. *(1771—1776). Кіевъ. 1903 г. стр. 1—194.*

Едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ послѣднее время въ русской читающей публикѣ интересъ къ вновь появляющимся произведеніямъ исторической, а особенно церковно-исторической литературы, весьма незначителенъ. Виновата въ этомъ, конечно, не одна публика, увлекаемая новыми литературными вкусами и теченіями мысли, новыми научными горизонтами и перспективами, наконецъ, новыми запросами жизни,—виновата въ этомъ и сама историческая литература. Она рѣдко даритъ современнаго читателя произведеніями несомнѣнной научной цѣнности, гдѣ бы новизна историческаго матеріала или, хотя бы, новизна постановки и рѣшенія историческихъ вопросовъ соединялась съ живостью и легкостью

[1]) См. „Исторію о г. Курскѣ“.

изложенія. Весьма рѣдки историческіе труды, которые бы въ описаніяхъ и выводахъ опирались на обильныхъ архивныхъ данныхъ и проливали бы въ самомъ дѣлѣ новый свѣтъ на болѣе темныя страницы прошлаго нашей родины. Естественно, поэтому, что всякая, болѣе или менѣе серьезная, попытка въ этомъ родѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и нуждается въ болѣе тщательной научной оцѣнкѣ.

Вышеназванный трудъ г. Войткова, представляющій собою оттискъ изъ академическаго журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи", обращаетъ на себя вниманіе, прежде всего, множествомъ ссылокъ на обильный архивный матеріалъ, бывшій, повидимому, подъ руками у автора. Матеріалъ этотъ взятъ по преимуществу изъ актовъ бывшей нѣкогда переяславской консисторіи, хранившихся до послѣдняго времени (замѣтимъ отъ себя—въ крайнемъ безпорядкѣ) при кіевской духовной консисторіи. Кромѣ того, имѣются ссылки и на архивъ св. синода Архивныя данныя, въ свою очередь, старательно комментируются, подкрѣпляются и дополняются многими данными изъ разнообразныхъ печатныхъ источниковъ. Далѣе, предметомъ изслѣдованія являются 1771—1776 годы изъ исторіи возсоединенія уніатовъ Западной Украины съ православной Россіей,—годы, сравнительно слабо освѣщенные въ нашей церковно-исторической литературѣ, а между тѣмъ,—слѣдовавшіе за столь значительными по народному и церковно-религіозному движенію въ Украинѣ 1766—1769 годами. Все это придаетъ названному труду характеръ явленія незауряднаго и побуждаетъ насъ къ обстоятельному и по мѣстамъ даже очень подробному его разсмотрѣнію.

Авторъ называетъ свой трудъ историко-біографическимъ очеркомъ и даетъ ему заглавіе: „Іовъ Базилевичъ, еп. переяславскій и участіе его въ церковно-политической жизни Польской Украины". Итакъ, главнымъ предметомъ этого изслѣдованія авторъ считаетъ личность и дѣятельность епископа Іова Базилевича. Въ дѣйствительности же, при чтеніи книги, оказывается, что годы жизни этого епископа и мѣропріятія формально-бюрократическаго характера служатъ лишь искусственной рамкой, куда вставлены авторомъ полныя глубокаго интереса картины (часто не безъ ущерба для ихъ широты и выразительности) изъ церковно-политической жизни Польской Украины. Читатель сосредоточиваетъ свое вниманіе всецѣло на этихъ картинахъ, на этихъ замѣчательныхъ событіяхъ, а о главномъ якобы дѣйствующемъ лицѣ этихъ событій почти забываетъ, и только характеристики

лица, дѣлаемыя авторомъ настойчиво и довольно неожиданно, чуть ли не въ концѣ каждаго отдѣла книги,—крайне цвѣтистыя, но не имѣющія достаточной опоры въ изложенныхъ фактахъ, заставляютъ вспоминать о немъ.

Слишкомъ очевидны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тщетны всѣ усилія автора подчеркнуть каждый шагъ въ дѣятельности Іова Базилевича. То вѣрно, что названный епископъ ревностно относился къ своимъ обязанностямъ по управленію церковно-религіозной жизни православныхъ украинцевъ при весьма трудныхъ, измѣнчивыхъ условіяхъ, но также несомнѣнно, что при этомъ особаго рода энергіи и замѣчательнаго образа дѣйствій онъ не проявляетъ и замѣтнаго вліянія на ходъ событій не оказываетъ. Онъ предоставляетъ самыя широкія полномочія переяславской консисторіи, которая дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, допуская различныя злоупотребленія въ важномъ дѣлѣ защиты православія на Украинѣ. Никакихъ новыхъ путей въ своемъ отношеніи къ церковно-религіозному вопросу Украины еп. Іовъ не пролагаетъ. Въ особую заслугу ему,—въ заслугу, относящую его якобы къ разряду незаурядныхъ дѣятелей,—авторъ ставитъ „неуклонное" (а въ дѣйствительности едва замѣтное) стремленіе къ „твердо поставленной цѣли", которая „заключалась, по традиціи отъ предшественниковъ, въ старой охранѣ національной самобытности православно-русскаго населенія Польши и въ осторожномъ, но послѣдовательномъ проведеніи въ народную среду той единственно вѣрной, историческимъ опытомъ оправданной, идеи, по которой рѣшительнымъ средствомъ для выхода изъ безотраднаго положенія могла служить лишь органическая ассимиляція съ кореннымъ русскимъ народомъ и русской государственностью" (стр. 183—184). Но отсюда ясно, что въ образѣ дѣйствій преосв. Іова самъ авторъ не находитъ никакой оригинальности и считаетъ этотъ образъ дѣйствій „унаслѣдованнымъ по традиціи"— съ осторожностью, постепенностью и прочими добродѣтелями.

Не смотря на это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ старается усмотрѣть въ тѣхъ или иныхъ дѣйствіяхъ преосв. Іова какія то необычайныя особенности и недюжинныя способности. Такъ, напр. въ совѣтахъ его, преподанныхъ украинскимъ протопопамъ о томъ, чтобы „насильно къ православію никого не принуждать и грабительствъ отнюдь никакихъ не дѣлать" авторъ видитъ „глубокое политическое прозрѣніе и дальновидность" (стр. 117), тогда какъ все въ этомъ случаѣ можетъ быть объяснено внушеніями простого благоразумія, требова-

ніями элементарной морали и чувствомъ самосохраненія, въ виду печальнаго примѣра его предшественника, преос. Гервасія, который и при довольно осторожномъ образѣ дѣйствій все же былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ народныхъ украинскихъ массъ къ бунтамъ и въ наказаніе за это былъ удаленъ изъ своей резиденціи въ Кіевъ. Въ другомъ случаѣ, авторъ приписываетъ преос. Іову крайне хитрую заботу о „проявленіи народнаго негодованія (въ Украинѣ) въ легальныхъ формахъ" (стр. 165), иначе говоря, о выполненіи какого-то удивительнаго сочетанія нелегальнаго съ легальнымъ. Въ третьемъ случаѣ, считается замѣчательнымъ то обстоятельство, что преос. Іовъ, признававшій за украинскими приходами право избирать себѣ священчика, шелъ въ данномъ случаѣ „въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ своей эпохи", которая была временемъ „систематическаго уничтоженія выборной системы и проведенія началъ централизаціи" (стр. 62). Но ничего замѣчательнаго здѣсь нельзя видѣть. Дѣло объясняется очень просто: никакого намѣренія итти въ разрѣзъ съ эпохой у преос. Іова не было, о централизаціи и уничтоженіи выборнаго начала Польской Украины ему въ то время нельзя было и думать, такъ какъ епархіальная православная власть тамъ была до крайности слаба, православіе поддерживалось, главнымъ образомъ, прихожанами, а не пастырями, и для епископа поддерживать выборное начало—это значило располагать къ себѣ народъ, а подрывать это начало—значило итти противъ желаній прихожанъ и обращать ихъ въ сторону уніи.

Въ своемъ непремѣнномъ желаніи разрисовать личность преос. Іова авторъ доходитъ до чрезмѣрной идеализаціи ея и до приторнаго панегиризма, расплывающихся въ апріорныхъ, даже предположительныхъ сужденіяхъ, подъ-часъ противорѣчиваго характера. Сопоставивши эти сужденія другъ съ другомъ и съ фактическими данными, имѣющимися въ книгѣ на лицо, крайне трудно согласить ихъ. Въ результатѣ получается какая то игра словъ на подобіе: „Съ одной стороны нельзя не сказать, а съ другой—нельзя не замѣтить". Въ этомъ отношеніи особенно интересна характеристика преос. Іова, какъ человѣка и администратора, помѣщенная на стран. 107—109. Содержащіяся въ ней противорѣчія трудно примирить даже при самомъ тонкомъ психологическомъ анализѣ (къ чему напрасно стремится авторъ). Возьмемъ слѣдующія выраженія: „Идеалистъ, онъ (т. е. преос. Іовъ) относится къ людямъ мягко и довѣрчиво и видитъ въ нихъ одно хорошее", но при этомъ онъ „караетъ ихъ строго и безпощадно"; въ отношеніи

къ подчиненнымъ онъ „избѣгаетъ теплыхъ словъ, а исключительно приказываетъ, предписываетъ и обовязываетъ“, „бываетъ въ иныхъ случаяхъ суровъ“, но „эта черта примиряется и смягчается въ немъ душевной добротой“ (которая ни въ чемъ не видна, но) „которая ищетъ высшей идеальной правды“; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ (очевидно—наивныхъ) людей, для которыхъ „незначительныя уклоненія отъ нормы представляются безусловнымъ нарушеніемъ закона, долга и справедливости“ (между тѣмъ, изъ наличныхъ данныхъ видно, что онъ караетъ лишь грубыя отклоненія отъ закона и долга!...) и въ объясненіе этого (по совершенно произвольному предположенію автора) долженъ быть причисленъ къ натурамъ, „отличающимся глубиною чувства и сильною впечатлительностью“. Такія натуры „часто допускаютъ ошибки. Желая выровнять дерево, они слишкомъ перегибаютъ его на другую сторону (въ отношеніи къ преос. Іову это—совершенно непонятный намекъ на совершенно неизвѣстныя дѣйствія)“ и т. д.

Также трудно согласить категорическое утвержденіе въ одномъ случаѣ, что преос. Іовъ отдавался „борьбѣ съ враждебными вліяніями“ въ сферѣ духовно-религіозныхъ интересовъ Украины „всѣмъ своимъ существомъ“, и не менѣе рѣшительное заявленіе въ другомъ случаѣ, что живое дѣло защиты православія онъ пускалъ чрезъ мертвящій „консисторскій фильтръ“, „всецѣло довѣрялся консисторіи и даже подчинялся ея вліянію“ (стр. 109).

Исключительно біографическій характеръ имѣетъ лишь II-я глава книги г. Войткова (стр. 25—37), которая говоритъ о рожденіи, воспитаніи и дѣятельности Іова Базилевича до епископства—въ качествѣ ректора Харьковскаго Коллегіума, а затѣмъ—архимандрита Курскаго Знаменского монастыря, и представляетъ собой точный, весьма старательный сводъ печатныхъ данныхъ по этимъ вопросамъ. Глава I-я посвящена общему обзору эпохи, на которую падаетъ дѣятельность преос. Іова (стр. 1—24), III-я и IV-я главы—важнѣйшему предмету изслѣдовавія, церковно-политическимъ событіямъ въ Украинѣ, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ въ извѣстной мѣрѣ пришлось быть этому епископу. Третья глава обнимаетъ собой первый періодъ указанныхъ событій съ 1771 по 1773 г., характеризующійся, „перевѣсомъ и торжествомъ православной идеи и русской народности въ краѣ“, а четвертая глава—второй періодъ, ознаменовавшійся по словамъ автора, „численнымъ превосходствомъ въ краѣ польско-уніатской партіи и терроризаціей его послѣдней“. Краткій эпилогъ содержитъ

въ себѣ общій заключительный взглядъ автора на судьбы православія въ Украинѣ и послѣднюю оцѣнку дѣятельности преос. Іова. Въ приложеніи, наконецъ, помѣщенъ документъ, содержащій въ себѣ современный указаннымъ событіямъ діалогъ на русскомъ и польскомъ языкѣ между представителями православной и уніатской духовной власти въ Украинѣ.

Въ общемъ обзорѣ эпохи кратко говорится о многомъ: о происхожденіи и характерѣ западно-русской уніи и вѣковой борьбѣ съ ней православнаго населенія Польши, времени, предшествовавшемъ дѣятельности преос. Іова въ Украинѣ, о сеймѣ 1767—68 гг., о барской конфедераціи и гайдамацкомъ бунтѣ, о послѣдующемъ настроеніи враждующихъ въ Украинѣ партій, о диссидентскомъ вопросѣ послѣ перваго раздѣла Польши, объ отношеніи къ этому вопросу русскаго правительства и въ частности—важнѣйшихъ представителей этого правительства, начиная съ императрицы Екатерины II-й. Обо всемъ говорится кратко, авторитетно, рѣшительно и фразисто, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне поверхностно и неосновательно. Мнѣнія и сужденія автора по всей видимости разсчитаны на полную безошибочность и убѣдительность, а между тѣмъ обнаруживаютъ недостаточное или поверхностное знакомство его съ широкообслѣдованными уже историческими данными и заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ неопредѣленностей, преувеличеній, а то и прямыхъ погрѣшностей. По мѣстамъ весьма замѣтно, какъ громкими словами и цвѣтистыми выраженіями прикрывается недостатокъ ясности, точности и основательности въ историческихъ выводахъ и сужденіяхъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго отмѣтимъ болѣе характерныя мѣста первой главы. Произнося рѣшительный судъ надъ уніей, авторъ между прочимъ говоритъ: „Унія (ко времени дѣятельности преос. Іова), обнаруживъ въ теченіе двухвѣкового существованія полную несостоятельность въ проведеніи указанныхъ ей политическихъ религіозныхъ тенденцій и ознаменовавъ свое господство непрерывнымъ рядомъ насилій, доживала послѣдніе дни“... и далѣе неожиданно, безъ всякихъ комментаріевъ, продолжаетъ: „Казалось бы, въ этомъ процессѣ саморазложенія она должна была обезсилѣть, лишенная внутренней и внѣшней точки опоры, сойти въ могилу никѣмъ незамѣченной, никому ненужной“... Здѣсь, что ни слово, то загадка. Что собственно надо разумѣть подъ „этимъ процессомъ саморазложенія“? Каковы были признаки его? Не вѣрнѣе ли, что къ указанному времени унія захва-

тила почти все православное населеніе Польши, подавляла уже послѣдніе проблески православія, особенно входила въ силу и не только имѣла внѣшнія точки опоры въ польскомъ правительствѣ, но и находила внутреннія—въ душахъ украинскаго духовенства, а то и простого, уже отчасти свыкавшагося съ ней, украинскаго народа? Этимъ и надо объяснять то обстоятельство, что въ послѣдніе свои дни, постепенно лишаясь, подъ давленіемъ Россіи, внѣшней точки опоры, унія проявляла большую живучесть и вела упорную борьбу съ православіемъ, что она не „сошла въ могилу никѣмъ незамѣченной". Да и могло ли исчезнуть незамѣтно вѣковое явленіе—то, что такъ долго всѣми средствами насаждалось въ народѣ? Конечно, нѣтъ. Посему страннымъ кажется намъ все недоумѣніе автора и приводимое даже хитроумное объясненіе удивительнаго для него явленія: „Но вышло иначе. Никогда она (унія) не проявляла столько живучести—упорной, поразительной, какъ именно въ это время... То были послѣднія судорожныя движенія, еще болѣе ускорившія ея погибель» (стр. 6). Послѣднее сравненіе, по нашему мнѣнію, совершенно неудачно опредѣляетъ характеръ рѣшительной и подъ-часъ искусной борьбы уніи съ надвигавшейся со стороны Россіи опасностью: то были живыя, напряженныя движенія вошедшаго въ силу организма, въ виду все возраставшихъ внѣшнихъ препятствій для его развитія, а не предсмертныя судороги организма одряхлѣвшаго, разложившагося.

Приводимъ далѣе рядъ сужденій гиперболическаго характера: 1) „Барская конфедерація залила кровью всю Украину" (стр. 9), 2) „Въ волнахъ народной крови политическій организмъ Польши приблизился къ окончательному разложенію" (Рѣчь о первомъ раздѣлѣ Польши, стр. 12), 3) „Шляхетскій походъ (послѣ 1773 г. противъ православныхъ Украины) по обыкновенію принялъ форму крестоваго" (стр. 12), 4) „По трактату 1768 г. диссидентамъ была предоставлена полная свобода вѣроисповѣданія" (стр. 6—7), 5) „Это была реакція забитаго народа" (Рѣчь о возстаніи 1768 г. стр. 10). 6)» Если въ Римѣ все еще вѣрили въ великое значеніе уніи, какъ средства къ водворенію католичества на украинской территоріи, то здѣсь, на мѣстѣ ея существованія, давно уже перестали думать объ этомъ" (стр. 14—15). „Въ послѣдніе годы существованія польской республики... лица, поставленныя во главѣ управленія, равнымъ образомъ и та часть націи, для которой благо отечества было дороже тѣхъ или другихъ формъ религіознаго созерцанія, стали приходить къ одинаковому убѣжденію, что

унія—зло,... что необходимо парализовать ея энергію и дать больше средствъ къ самозащитѣ страдательной (т. е. православной) сторонѣ"... и дальше, гдѣ авторъ старается развить ту мысль, что польское правительство употребляло всѣ средства, чтобы ослабить унію, а польскіе паны относились къ православнымъ „съ замѣчательной вѣротерпимостью" (стр. 13—14).

Въ первомъ и второмъ случаѣ „волны крови", разлитыя авторомъ для краснаго словца, производятъ совсѣмъ непріятное впечатлѣніе. Въ первомъ случаѣ это тѣмъ болѣе непростительно, что въ подтвержденіе сказаннаго дѣлаются ссылки на печатные источники, гдѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для подобной гиперболы. Такъ, если обратимся къ ссылкѣ на Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. 3, стр. 734, то найдемъ здѣсь, въ письмѣ епископа переяславскаго Гервасія къ графу Кречетникову, стоявшему въ то время съ русскимъ военнымъ отрядомъ на границахъ Украины, упоминаніе „о возмущеніяхъ и гвалтовничествахъ отъ нѣкоторыхъ конфидератовъ и другихъ бунтовщиковъ" (разум. гайдамаки) въ Украинѣ. Въ то время незначительные отряды конфедератовъ, собиравшіеся въ Украинѣ, уже были разсѣяны коліями Желѣзняка, а Кречетниковъ, усмирявшій раньше конфедератовъ, взялся за усмиреніе „коліевъ". По второй ссылкѣ у Антоновича (Монографіи. 1,274) находимъ лишь указаніе, что конфедерація 4 года волновала Польшу. Столь же неубѣдительны и другія ссылки. О залитіи кровью Украины не говорятъ. Да оно и понятно. Если барскіе конфедераты и имѣли желаніе „залить кровью всю Украину", то имъ не удалось и отчасти осуществить его, такъ какъ помѣшали русскія войска, сразу загнавшія ихъ за Днѣпръ. Съ мелкими же мѣстными отрядами конфедератовъ въ Украинѣ, вздумавшими устрашать населеніе Украины да вербовать себѣ охотниковъ, скоро расправились возставшіе коліи.

Въ третьемъ случаѣ стремленіе польскихъ шляхтичей удержать въ повиновеніи уніатскимъ духовнымъ властямъ украинскій народъ, проявлявшееся частично, по тому или другому поводу, а иногда пріобрѣтавшее болѣе общій характеръ и сопровождавшееся насиліями, авторъ, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, возводитъ въ обыкновеніе совершать походы, подобные крестовымъ. Въ четвертомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что по трактату 1768 г. не разрѣшался свободный переходъ изъ католичества въ православіе или возвратъ изъ уніи въ православіе, а потому едва ли справедливо будетъ утвер-

жденіе, что по этому трактату дана была диссидентамъ полная свобода вѣроисповѣданія. Въ пятомъ случаѣ коліивщина названа реакціей забитаго народа, между тѣмъ какъ она имѣла мѣсто въ средѣ украинскаго населенія, пользовавшагося еще сравнительно большими льготами, въ общемъ безпокойнаго, жившаго въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и потому легко воспламенявшагося, при всякомъ серьезномъ ограниченіи своихъ правъ со стороны польскихъ властей. Названіе „забитаго“ къ этому непокорному населенію Украины совсѣмъ неприложимо.

По шестому случаю замѣтимъ, что, если въ Польшѣ католики и разочаровались отчасти въ уніи, какъ въ скоромъ и незамѣтномъ пути перевода православныхъ въ католичество, если и досадовали на медленность такого перевода и старались даже тѣснить уніатовъ, чтобы склонить ихъ къ католичеству, то все же рѣшительно пренебрегать этимъ средствомъ они не имѣли основаній и всячески поддерживали унію въ борьбѣ съ православіемъ. Уніатскіе епископы половины XVIII в. неоднократно обращались съ жалобами къ папскому престолу на то, что католическое духовенство Польши слишкомъ энергично обращаетъ ихъ пасомыхъ въ католицизмъ. Они даже побаивались, какъ бы, чрезъ убыль уніатовъ въ латинство, въ скоромъ времѣни совсѣмъ не остаться безъ пасомыхъ (см. „Sejm czteroletni“ Waleryana Kalinki, Lwow, 1884—1886 г. т. II, стр. 370—371. „Dzieje kosciola unickiego na Litwe i Rusi w XVIII i XIX wieku“. Edwarda Likowskiego, Poznań, 1880, стр. 66).

Въ седьмомъ случаѣ единичные примѣры терпимости и сочувствія въ отношеніи православныхъ со стороны представителей польскаго правительства и польскаго высшаго общества слишкомъ преумножены, найдена даже цѣлая часть націи такого образа мыслей, которая будто бы была убѣждена въ томъ, что унія зло и что ее надобно всячески ограничивать, чтобы поддержать православіе. Безспорно, что эта терпимость поляковъ дальше платоническаго сочувствія православнымъ не шла и, во всякомъ случаѣ, мирилась съ полной терпимостью ихъ въ отношеніи къ уніи. Въ противномъ случаѣ, какъ объяснить отсутствіе этой „части націи“ на сеймахъ 1766—1768, 1773 и 1775 гг., гдѣ самъ авторъ отмѣчаетъ проявленія сплошного фанатизма со стороны поляковъ, при всякомъ предложеніи русскаго посла объ облегченіи въ законодательномъ порядкѣ участи православныхъ въ Польшѣ? Ссылка автора на уніатскаго историка Пелеша въ подтвержденіе того, что польское правительство старалось всячески

ограничить унію, неосновательна, такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ (стр. 502—504) Пелешъ ясно свидѣтельствуетъ, что король, если и желалъ, то ничего не могъ сдѣлать для поддержанія уніи, такъ какъ Репнинъ слѣдилъ за нимъ глазами Аргуса.

Отсюда уже—доводить сочувствіе высшаго польскаго общества уніи до того, что видѣть единственный базисъ ея въ мелкой шляхтѣ, какъ это дѣлаетъ авторъ на страницахъ 16—17-й, значитъ допускать явную ошибку. При одной поддержкѣ мелкой шляхты на мѣстѣ,—въ провинціи, безъ сильной партіи въ сеймѣ (напрасно авторъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 139) утверждаетъ, будто вліяніе мелкой шляхты на сеймѣ было такъ велико, что она составляла „общественное мнѣніе", имѣвшее рѣшающее значеніе въ сужденіяхъ сейма. Обычно на сеймахъ представительствовала крупная шляхта), унія въ законодательномъ порядкѣ оказалась бы беззащитной, между тѣмъ, при всемъ давленіи русскихъ пословъ на депутатовъ сеймовъ, она находила здѣсь, и именно въ высшихъ сферахъ, самыхъ ярыхъ защитниковъ.

Остановимся еще предъ нѣкоторыми сужденіями автора изъ той же главы: „При Елисаветѣ, когда всѣ силы государства сосредоточились на семилѣтней войнѣ, было не до диссидентовъ" (стр. 19). Во-первыхъ, невѣрно, что эта война поглощала всѣ силы государства, во-вторыхъ, не семь лѣтъ царствовала Елисавета Петровна, въ третьихъ, дипломатія этой императрицы энергичнѣе, чѣмъ когда-либо раньше, ратовала за интересы православныхъ въ Польшѣ, такъ что диссидентскій вопросъ переданъ былъ Екатеринѣ II-й, какъ уже готовый и назрѣвшій для окончательнаго разрѣшенія.

„Глубокій политическій умъ (говорится объ Екатеринѣ II-й), все взвѣшивавшій, постигавшій самыя тонкія и сложныя настроенія дипломатическаго искусства и непреклонная сила воли, не останавливавшейся ни передъ какими препятствіями—таковы отличительныя черты женщины, какъ будто созданной для царственнаго служенія" (стр. 19). Столь рѣшительное сужденіе по вопросамъ, въ исторической наукѣ пока еще спорнымъ, повидимому, разсчитанное на то, чтобы явиться послѣднимъ словомъ науки, кажется намъ тѣмъ болѣе излишнимъ, что данныя для его ограниченія можно найти въ любомъ школьномъ учебникѣ исторіи. Какъ извѣстно, монаршей волѣ Екатеринѣ II не одинъ разъ приходилось останавливаться предъ препятствіями, хотя бы, напр., при попыткѣ осуществить законодательную реформу или при желаніи улучшить положеніе крестьянъ.

„Униатскіе историки заблуждаются, когда утверждаютъ, что Екатерина стремилась только къ водворенію на польской территоріи вѣротерпимости“ (стр. 19). Не знаю, почему авторъ приписываетъ такое мнѣніе униатскимъ историкамъ, ссылаясь на Пелеша:—какъ разъ наоборотъ,—они подвергаютъ это самое большому сомнѣнію и высказываютъ тотъ взглядъ, который авторъ считаетъ своимъ.

„11 апрѣля 1764 г. она (Екатерина II-я) заключила съ Фридрихомъ II секретную конвенцію, гдѣ рѣшенъ былъ положительно и безповоротно раздѣлъ Польши“ (стр. 20). Интересно здѣсь то, что въ подтвержденіе своего личнаго мнѣнія, такъ категорически заявленнаго, авторъ ссылается на различные источники, которые, какъ бы ни суммировать ихъ показанія, не даютъ основанія для столь смѣлаго сужденія: ни Шлоссеръ (стр. 139—140), ни Костомаровъ (стр. 80), ни Пелешъ (стр. 545). Послѣдній, между прочимъ, приводитъ подлинный текстъ секретной конвенціи и въ ней говорится лишь о взаимномъ обязательствѣ Екатерины II-й и Фридриха II-го поддерживать въ Польшѣ выгодный для нихъ политическій ея порядокъ, но ничуть не о безповоротномъ намѣреніи раздѣлить ее.

„Мы тебѣ и королю твоему снесемъ голову, чтобы онъ не давалъ правъ схизматикамъ, собачьей вѣрѣ, говорили конфедераты Мелхиседеку по пріѣздѣ его изъ Варшавы“ (стр. 9, примѣч. 2). Эти слова авторъ относитъ къ барскимъ конфедератамъ, при чемъ ссылается на Архивъ Ю. З. Россіи, ч. I, т. 2, стр. CXXI. Но въ указанномъ мѣстѣ этихъ словъ нѣтъ, о конфедератахъ нѣтъ и рѣчи. Слова эти находятся на страницѣ 837, 3 тома I части Арх. Ю. З. Р.; и вотъ если разобраться, какъ слѣдуетъ, въ нихъ, то окажется, что они относятся къ 1766 г., когда Мелхиседекъ, вернувшійся изъ Варшавы съ привилегіями, имѣлъ въ Украинѣ разговоры съ поляками; съ ноября же сего года онъ жилъ въ Переяславѣ и въ Украину не возвращался и въ 1768 г. никакихъ пререканій съ барскими конфедератами не имѣлъ.

„Въ Андрусовскомъ договорѣ 1686 г. онъ (Алексѣй Михайловичъ) рѣшительно высказалъ свое сочувствіе“ жителямъ праваго берега Днѣпра (стр. 18). Извѣстно, что Андрусовскій договоръ заключенъ былъ въ 1667 г., и вѣчный миръ 1686 г. состоялся въ правленіе царевны Софіи.

Больше всего интереса, какъ по богатству и новизнѣ содержанія, такъ и живости и стройности изложенія, представляетъ, по на-

шему мнѣнію, третья глава книги г. Войткова. Разсказавши сначала о поѣздкѣ въ Петербугъ украинскихъ протопоповъ, Симеона Переровскаго и Михаила Гуранды, и о дарованіи, по ихъ ходатайству, императрицей Екатериной II-й рескрипта на имя русскихъ войскъ, пребывавшихъ въ Польшѣ, объ оказаніи покровительства православнымъ жителямъ Украины,—и объ открывшемся послѣ этого грандіозномъ присоединеніи къ православію украинскихъ уніатовъ (правда, грандіозность эта здѣсь не обрисована), авторъ далѣе обстоятельно повѣствуетъ о православной церковной организаціи въ Украинѣ и характеризуетъ нововозсоединяющихся, начиная съ прихожанъ и кончая главными духовными дѣятелями. Здѣсь онъ говоритъ объ избраніи кандидатовъ во священство, объ ихъ образовательномъ цензѣ, о правилахъ „презенты", о ставленнической процедурѣ и связанныхъ съ ней формальностяхъ, о волошскихъ постриженцахъ, о снабженіи церквей необходимыми священными принадлежностями, объ украинскихъ протопопахъ, о духовенствѣ вообще, о монашествѣ и проч. Всѣ эти вопросы, конечно, не новы въ церковно-исторической литературѣ, но въ изложеніи г. Войткова они много выигрываютъ, при наличности новыхъ фактическихъ данныхъ, по мѣстамъ очень характерно иллюстрирующихъ въ общемъ извѣстныя уже положенія. Но что заслуживаетъ особеннаго вниманія,—такъ это весьма рельефно отмѣченныя отрицательныя стороны въ дѣятельности украинскихъ протопоповъ и недостатки въ жизни православнаго духовенства. Въ данномъ случаѣ авторъ не только не замалчиваетъ ихъ, не старается во всемъ обѣлить православныхъ, потому только, что они православные (въ чемъ немало погрѣшаютъ наши церковные историки, такіе, какъ профес. Кояловичъ), но даже впадаетъ по временамъ въ крайность, сгущаетъ краски, дабы получить болѣе яркія картины. Такъ, напр. онъ рѣшительно заявляетъ, что „простое украинское духовенство погрязало въ пьянствѣ" (стр. 98), что священники „за горѣлочный напой нередко (sic!) закладывали въ шинкахъ церковныя вещи, напрестольные кресты, подсвѣчники и другую утварь" (ibid.), что монахи „нерѣдко (sic!) совмѣщали исполненіе уставныхъ обязанностей съ удовлетвореніемъ нажитыхъ привычекъ. Взявъ богослужебныя принадлежности и свѣчи, они отправлялись въ шинокъ и тамъ, комфортабельно устроясь, отправляли службу" (стр. 101) и проч.

Нельзя отрицать того, что пьянство въ то время среди необразованаго, близкаго по привычкѣ къ простому люду, украинскаго ду-

ховенства было нерѣдкимъ явленіемъ, но зачѣмъ такъ обобщать это явленіе, заявляя, что въ пьянствѣ погрязало все духовенство? Ужели среди него такъ-таки и не было трезвыхъ людей? Зачѣмъ, далѣе, обобщать не только пьянственную страсть, но и самыя уродливыя, святотатственныя проявленія ея (продажу и заложеніе церковныхъ вещей, отправленіе службъ въ шинкахъ...)? Что же это, въ самомъ дѣлѣ? Если таковы были представители православія въ Украинѣ, то не правы ли были поляки и уніаты въ презрительномъ отношеніи къ нимъ и все православное движеніе тамъ не было ли одной насмѣшкой надъ православіемъ? Или, можетъ быть, оно было ничто иное, какъ отраженіе винныхъ паровъ? Безспорно, что въ данномъ случаѣ авторъ слишкомъ неосторожно обращается со словами „нерѣдко" и „очень нерѣдко". Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ подтверженіе этихъ словъ онъ все время ссылается лишь на дѣло 1773 г. № 550, въ которомъ говорится о подвигахъ настоятеля Богуславскаго монастыря, іерея Иларіона. Но позволительно ли одинъ или два примѣра возводить въ общее явленіе, не значитъ ли это—злоупотреблять научными данными?

Указанная глава имѣетъ, кромѣ того, еще нѣкоторые недочеты, большинство которыхъ можетъ быть объяснено недостаточно основательнымъ знакомствомъ автора съ предыдущей, эпохой положившей начало возсоединенію уніатовъ на украинской территоріи. По словамъ его, до времени преос. Іова православнаго движенія въ Украинѣ какъ бы не существовало. «Церкви православныя были всѣ почти обращены въ уніатскія (стр. 54)... Преос. Гервасій и иг. Мелхиседекъ, руководившіе православными Украины, уже два года удалены были отъ дѣлъ (стр. 38). Православные священники «томились въ неволѣ— въ Корсуни, Радомыслѣ, Трояновѣ». Украина осталась безъ пастыря и хищный волкъ скоро распудилъ овцы» (ibid.). Поѣздка въ іюлѣ 1771 г. Михаила Гуранды и Симеона Переровскаго въ Петербургъ «составила эпоху въ исторіи православія на Украинѣ» (стр. 47). Украинскій народъ точно въ первый разъ услыхалъ радостную вѣсть о заступничествѣ императрицы и... «началось возсоединеніе уніатовъ» (стр. 54), «началось движеніе, одно изъ тѣхъ историческихъ движеній, которыя составляютъ эпоху въ народной жизни». «Сила народнаго духа, скованная цѣпями рабства и гнета, проявилась теперь во всей стихійной мощи и величіи» (стр. 53).

На это замѣтимъ, что преос. Гервасій, хотя и переѣхалъ, согласно синодальному указу, въ ноябрѣ 1768 г. въ Кіевъ, но не былъ совершенно устраненъ отъ украинскихъ церковныхъ дѣлъ, какъ не былъ устраненъ отъ дѣлъ общеепархіальныхъ. Только просители должны были являться къ нему въ Кіевъ, туда же отсылались и дѣловыя бумаги для просмотра. Умеръ онъ 22 декабря 1769 г., до послѣднихъ дней принимая просителей (между прочимъ изъ Украины) и занимаясь дѣлами. Игуменъ Мелхиседекъ устраненъ былъ отъ должности правителя духовныхъ дѣлъ Украины лишь 28 ноября 1771 г. (см. Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. 3, стр. 862), значитъ, уже при преос. Іовѣ. Поэтому нельзя утверждать того, что Украина два года до прибытія этого преосвященнаго оставалась безъ руководителей. Мелхиседекъ, сдавая дѣла, засвидѣтельствовалъ, что въ его вѣдѣніи на Украинѣ находилось 530 православныхъ церквей. Духовные правители, назначенные преос. Гервасіемъ въ Украинѣ, особенно такіе, какъ Зражевскій и Переровскій, продолжали дѣйствовать при самыхъ трудныхъ условіяхъ. При чемъ первый изъ нихъ находилъ поддержку у русской Бѣлоцерковской команды. Украинская паства, хотя и потеряла немало пастырей, между прочимъ и захваченныхъ командами Стемпковскаго, но не была покинута ими. Изъ Переяслава продолжали посылаться въ Украину новые замѣстители ихъ.

Въ подтвержденіе того, что православные священники томились въ это время въ Корсуни и Радомыслѣ, авторъ ошибочно ссылается на Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. 3, стр. 76—78, 104, 81, 144 и др.: здѣсь говорится о священникахъ—узникахъ 1766 г. (а не 1768, 69, 70..), которые были отпущены на свободу въ 1767 г. (см. Архивъ Ю. З. Р. ч. I, т. 3, стр. 112, 151—153, 189—190, 169—170 и др.). Поѣздка Гуранды и Переровскаго эпохи въ исторіи православія на Украинѣ, конечно, не составила и начала возсоединенію уніатовъ не положила. Прежде всего, она не была какой-либо новостью, а прямымъ повтореніемъ того, что дѣлалось при преос. Гервасіи, когда иг. Мелхиседекъ ѣздилъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Варшаву. Слѣдствіемъ той и другой поѣздки было оказаніе русскимъ правительствомъ поддержки православію въ Украинѣ и дальнѣйшее возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ. Но въ первомъ случаѣ это было начало, которое потрясло своими послѣдствіями (событія 1768—1769 гг.) всю Украину, а во второмъ—продолженіе, которое, хотя и сопровождалось присоединеніемъ многихъ уніатовъ къ православію, при дѣ-

ятельной поддержкѣ со стороны русскихъ войскъ, но вскорѣ затѣмъ, по минованіи русской помощи, смѣнилось отпаденіемъ столь же многихъ православныхъ въ унію. При этомъ продолженіи народъ принималъ уже болѣе пассивное участіе, чѣмъ при началѣ, значительно ослабѣвъ въ своей духовной энергіи послѣ необычайнаго подъема силъ въ 1768—1769 гг. Авторъ говоритъ о «стихійной мощи» народнаго движенія, но нигдѣ не рисуетъ и малѣйшей картины этого движенія. Оно и понятно: главными дѣятелями этого движенія были духовныя лица, да русскіе солдаты.

«Когда послѣ депутаціи въ Петербургъ (сказано на стр. 60-й) православіе на Украинѣ восторжествовало и одни уніатскіе священники присоединились къ церкви православной, другіе же подъ давленіемъ оставили свои приходы, на территоріи украинской открылось до 1902 свободныхъ приходовъ, имѣвшихъ настоятельную нужду въ священникахъ». Показанная цифра вакантныхъ приходовъ чрезмѣрно велика. Въ данномъ случаѣ авторъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, сослался на Бантышъ-Каменскаго (Историч. Извѣст. объ уніи), а не принялъ свидѣтельства позднѣйшихъ и болѣе освѣдомленныхъ историковъ уніи—Кояловича (у него показано 1000 приходовъ), Пелеша и Ликовскаго (у нихъ 1200). Между тѣмъ около 1764 г., когда унія господствовала на Украинѣ и юридически не признавала православія (у послѣдняго оставалось нѣсколько десятковъ приходовъ), она считала за собой всего 1900 приходовъ (см. книгу автора, ст. 126). Затѣмъ, къ 1771 году 530 приходовъ (изъ которыхъ большая часть была отнята у уніи) оказалось православными, значитъ, имѣли православныхъ священниковъ, которые, если даже были изгнаны на время уніатами, то по минованіи опасности, могли вернуться къ своимъ приходамъ. Кромѣ того, по словамъ самого автора, одни уніатскіе священники присоединились къ православію, значитъ—остались при своихъ приходахъ. Какимъ же это образомъ могло, все таки, оказаться, почти въ одно время, около 1902 свободныхъ приходовъ? Это число, наконецъ, противорѣчитъ приводимому авторомъ заявленію поляка-современника, который при всемъ своемъ желаніи отмѣтить порѣзче преступную дѣятельность духовныхъ дѣятелей во вредъ уніи, опредѣляетъ число отнятыхъ у уніатовъ церквей всего въ 1200.

Тамъ же, на страницѣ 60-й, авторъ рѣшительно замѣчаетъ: «Просматривая синодальные списки украинскихъ церквей, составленные въ нашъ періодъ, мы находимъ, что почти всѣ онѣ были замѣ-

щены ставленниками преос. Іова». Большинство (если не всѣ) этихъ списковъ намъ хорошо извѣстно, но найти въ нихъ то, что находитъ авторъ, мы никакъ не можемъ. Возьмемъ для примѣра (по случайному выбору) нѣкоторые списки: въ «Описи церквей уманской протопопіи» отъ 1775 г. 1-гв марта (см. Кіевск. Епарх. Вѣдомости 1894 г. № 3) на 105 церквей приходится 25 ставленниковъ преос. Іова, въ «Описи церквей каневской протопопіи» (Кіев. Еп. Вѣд. 1894 г. № 1) на 54 церкви—21 ставленниковъ, кальницкой протопопіи (Кіев. Еп. Вѣдом. 1894 г. № 5) на 18 церквей—5 ставленниковъ, богуславской протопопіи (Кіев. Еп. Вѣд. 1893, № 20) на 118 приходовъ—33 ставленниковъ и т. д.

Глава четвертая книги г. Войткова по нашему мнѣнію крайне сжато повѣствуетъ о событіяхъ 1773—1776 гг.; авторъ не счелъ нужнымъ воспользоваться широко всѣми имѣвшимися у него данными, особенно печатныхъ источниковъ, какъ видно, не желая особенно распространяться о томъ, что уже обстоятельно описано другими (напр. Кояловичемъ). Но описанное другими слѣдовало бы тщательно провѣрить и приложить къ вновь собранному матеріалу; тогда можно было создать яркія и занимательныя картины; между тѣмъ нарисованныя авторомъ слишкомъ блѣдны и по мѣстамъ явно требуютъ дополнительныхъ штриховъ. Таковъ въ особенности отдѣлъ, говорящій о «насильственномъ захватѣ уніатскихъ церквей, какъ выраженіе торжества и силы православной партіи». Здѣсь на двухъ листикахъ сгруппированы самыя общія замѣчанія о бѣдственномъ положеніи гонимыхъ уніатовъ. Взявши для примѣра два или три случая, главнымъ образомъ изъ дѣятельности протопопа Зражевскаго, авторъ въ концѣ ограничивается такимъ замѣчаніемъ: «Въ энергіи и рѣшительности дѣйствій при отборѣ уніатскихъ церквей не уступали Зражевскому и другіе протопопы» (ст. 114). При этомъ подъ строкой помѣщенъ рядъ ссылокъ на архивные документы, трудъ проф. Кояловича и другіе печатные источники. Непонятно, почему авторъ, довольно подробно описывающій гоненія, испытанныя православными отъ уніатовъ и поляковъ, въ данномъ случаѣ не сказалъ подробнѣе о бѣдствіяхъ уніатовъ и вообще надлежаще не освѣтилъ этого вопроса. Недостаточно было бросить (какъ-бы вскользь) замѣчаніе «о вихрѣ разыгравшихся страстей», «о грустныхъ сценахъ насилій (со стороны православныхъ) совершавшихся иногда съ варварскою жестокостью» (ст. 116) и тутъ же съ легкимъ сердцемъ завѣрить читателя, что «въ общемъ, положеніе

уніатовъ въ это время было далеко не такъ печально, какимъ представляютъ его уніатскіе историки, сгущающіе краски».

Столь же мало затронутъ и обслѣдованъ авторомъ вопросъ о положеніи уніатскихъ узниковъ въ Бердичевѣ. Вмѣсто обстоятельнаго и безпристрастнаго разбора этого вопроса, въ противовѣсъ хотя бы сужденіямъ по этому поводу Кояловича, который какъ бы радъ злоключеніямъ уніатскихъ священниковъ подъ надзоромъ русской команды, авторъ ограничивается какими-то общими и неопредѣленными сужденіями, подъ-часъ ироническаго харктера, какъ напр. «Жалобы страдальцевъ за вѣру» (ст. 119) «Нѣжной перепиской не ограничивалось участіе нунція въ судьбѣ злополучныхъ узниковъ» (ст. 120).

Чтобы оправдать порывистый захватъ уніатскихъ церквей православными при преос. Іовѣ, авторъ замѣчаетъ: «Большинство, вѣдь, возвращенныхъ церквей были раньше православными и отобраны на унію въ печальное время господства на Украинѣ Стемпковскаго и Мокрицкаго» (ст. 115—116). Не все здѣсь вѣрно. Правда, что большинство взятыхъ православными церквей, захвачено было раньше уніатами у православныхъ, но ничуть не во время Мокрицкаго и Стемпковскаго. Число захваченныхъ при содѣйствіи этихъ лицъ было весьма невелико. Мокрицкій «господствовалъ» на Украинѣ въ 1765—1767 гг. и, главнымъ образомъ, возвращалъ уніи приходы, отнятые у нея православіемъ въ этотъ же періодъ времени. Эти приходы надо считать десятками. Во время господства Стемпковскаго возвращались уніи приходы, возсоединившіеся съ православіемъ въ 1768 г.,—возвращались далеко не всѣ и число ихъ въ сравненіи съ возсоединившимися при преос. Іовѣ было очень невелико. Въ это послѣднее время возвращались въ большомъ числѣ приходы, отпавшіе отъ православія раньше и Стемпковскаго и Мокрицкаго.

По мнѣнію автора, на варшавскомъ сеймѣ 1775 г. русское правительство въ диссидентскомъ дѣлѣ пошло будто бы на уступки, чтобы успокоить общественное мнѣніе въ Польшѣ, а именно: разрѣшило отказать диссидентамъ «и въ сенаторскомъ креслѣ, и въ министерскомъ портфелѣ», зато порѣшило «добиться въ ихъ пользу отмѣны наказанія за переходъ изъ католичества въ другую вѣру» (ст. 153). Едва-ли можно видѣть въ этомъ случаѣ серьезныя уступки общественному мнѣнію Польши. Кресло и портфель—это были требованія, не имѣвшія практическаго значенія (среди православныхъ Польши даже некому было занимать столь отвѣтственныя мѣста) и русское правительство

никогда особенно не настаивало на нихъ, гораздо болѣе значенія имѣло второе требованіе: оно всегда крайне волновало поляковъ и даже на позорномъ для нихъ сеймѣ 1767—68 гг. не могло быть проведено русскимъ посломъ; оно, вѣдь, должно было окончательно уравнять диссидентовъ съ католиками и, значитъ, вопреки практикѣ всѣхъ другихъ цивилизованныхъ государствъ въ то время, лишить всякихъ преимуществъ господствующую религію въ Польшѣ. Настаивать на этомъ требованіи—это значило намѣренно возбуждать и дальше общественное мнѣніе Польши.

Непонятнымъ намъ кажется еще утвержденіе автора (ст. 163), что воспрянувшіе въ 1775 г. духомъ многочисленные дѣятели и проповѣдники уніи «злачную ниву для проповѣди находили лишь въ среднемъ классѣ польскаго общества». Вѣдь это общество было католическое и никакой нужды въ уніи лично не имѣло? Да, наконецъ, къ нему никто и не обращался, вся проповѣдь обращена была къ простому украинскому народу...

Въ заключеніе своего обзора книги г. Войткова, скажемъ, что при всѣхъ указанныхъ недочетахъ она представляетъ собой старательный историческій трудъ, основанный на многихъ какъ архивныхъ, такъ и печатный данныхъ, въ общемъ удачно скомбинированныхъ и изложенныхъ живымъ языкомъ. Изложенные въ ней факты изъ исторіи церковнополитической жизни многострадальной Украины глубоко поучительны и вызываютъ живѣйшій интересъ.

С. И.

Н. И. Петровъ. Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.г.). Томъ I (1721--1750 г.г.). *Часть I.—XXXII+1—463 стр. Часть II. Приложенія I—XXI+455 стр. Кіевъ, 1904 г.—Цѣна по 3 руб. 50 коп. книга.*

Напомнимъ нашимъ читателямъ вкратцѣ исторію настоящаго изданія. Еще въ 1901 г., въ виду приближающагося трехсотлѣтняго юбилея Кіевской Духовной Академіи, по иниціативѣ тогдашняго ректора ея пр. Димитрія (Ковальницкаго), нынѣ архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, была образована изъ проф. Н. И. Петрова, С. Т. Голубева и Ѳ. И. Титова коммиссія «для собиранія и изданія относящихся

къ исторіи этой Академіи актовъ и документовъ и для послѣдующаго составленія, на основаніи ихъ, какъ самой исторіи Академіи за три вѣка ея существованія, такъ и ученаго академическаго Синодика». (См. Введеніе къ 1 части, стр. III). При этомъ проф. С. Т. Голубевъ взялъ на себя трудъ обработать первое отдѣленіе актовъ (съ 1615—по 1721 г.г., до учрежденія Св. Синода), проф. Н. И. Петровъ – второе (съ 1721 по 1795 г., до царствованія импер .Павла I), а доцентъ Ѳ. И. Титовъ—третье (съ 1795 г. до послѣдняго времени). Всего коммиссія предположила выпустить около двадцати томовъ актовъ и документовъ.

Передъ нами двѣ первыхъ, пробныхъ, такъ сказать, книги актовъ. Мы не станемъ въ данномъ случаѣ повторять азбучной, избитой истины о важности и полезности подобнаго изданія, особенно еще редактированнаго такимъ опытнымъ въ архивномъ дѣлѣ ученымъ, какъ проф. Н. И. Петровъ. Среди кіевскихъ ученыхъ мало можно найти людей, которые бы съ такимъ успѣхомъ могли исполнить задуманную Кіевской Академіей интересную работу, какъ именно онъ. Рѣдко кто такъ преданъ архивной работѣ, такъ любитъ и знаетъ ее и такъ хорошо знакомъ со всѣми мѣстными архивами, какъ Н. И. Петровъ, составившій подробное описаніе почти всѣхъ этихъ архивовъ.

Введеніе, приложенное къ первому тому актовъ (второго отдѣленія), знакомитъ насъ съ методомъ работы собирателя или редактора и съ тѣми источниками, какими онъ пользовался при своей работѣ, что опять таки убѣждаетъ насъ въ томъ, что дѣло находится въ опытныхъ и вполнѣ надежныхъ рукахъ.

Въ двухъ громадныхъ книгахъ (частяхъ) перваго тома актовъ собрано XCVI+XXXI номеровъ актовъ. Нерѣдко въ составъ многихъ изъ этихъ номеровъ входитъ до 5 и болѣе отдѣльныхъ документовъ, соединенныхъ вмѣстѣ по содержанію, для приданія извѣстному дѣлу цѣльности и законченности.

Большинство документовъ снабжены обстоятельными, очень интересными и цѣнными примѣчаніями редактора, безъ которыхъ смыслъ и значеніе этихъ документовъ могли бы оставаться не вполнѣ понятными для читателей.

Конечно, собраніе такого количества актовъ и документовъ потребовало отъ составителя и редактора огромнаго труда. Вѣдь, всѣ эти документы приходилось добывать изъ различныхъ архивовъ не только мѣстныхъ, но и иногороднихъ и изъ множества печатныхъ изданій. Дальнѣйшее указаніе источниковъ этихъ первыхъ двухъ кни-

жекъ актовъ покажетъ, какъ много нужно было вложить въ это дѣло. труда, энергіи и знанія. Вотъ важнѣйшіе изъ этихъ источниковъ: 1) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, 2) Описаніе документовъ и дѣлъ архива Св. Синода, 3) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи, 4) Архивъ Св. Синода, [1]) 5) Указныя книги, хранящіяся въ Архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи, 6) Сборникъ указовъ и постановленій, относящихся къ Кіевской епархіи и Академіи, хранящихся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора вмѣстѣ съ другими рукописями м. Евгенія Болховитинова, 7) Указныя книги разныхъ протопопій Кіевской и сосѣднихъ съ нею епархій Черниговской и Переяславской, сохранившихся въ архивѣ Кіево-Подольской Борисо-Глѣбской церкви и въ библіотекѣ церковно-археологическаго музея при Кіевской Академіи, 8) Матеріалы для отечественной исторіи М. Судіенка и историческіе матеріалы изъ архива Кіев. губ. Правленія А. Андріевскаго, 9) Акты Кіево-Братскаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ, 10) Акты, относящіеся къ г. Кіеву и Кіевской Академіи, собранные Д. К. Вишневскимъ, 11) Акты, относящіяся къ исторіи Кіевской Академіи, собранные имъ же [2]), 12) Очерки стараго архива Кіевской Академіи, 13) Рукописи библіотекъ: Академической, Лаврской, Кіево-Софійской, Михайловской, Семинарской (Кіевской) и др., 14) Чтенія въ имп. общ. истор и древн. рос. при Московскомъ университетѣ, 15) Труды Кіевской Дух. Академіи, 16) Кіев. Епарх. Вѣдомости, 17) Чтенія въ истор. общ. препод. Нестора Лѣтописца, 18) Кіевская Старина, 19) Сводная галицко-русскакая лѣтопись Петрушевича, 20) Люди старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго, 21) Духовныя школы въ Россіи П. Знаменскаго и много др. Несмотря на такое громадное число источниковъ, использованныхъ проф. Н. И. Петровымъ при его работѣ, онъ далеко не надѣется на исчерпывающую полноту своего изданія и обращается съ усерд-

---

[1]) Къ сожалѣнію, этотъ источникъ не вполнѣ использованъ по независящимъ, впрочемъ, отъ редактора разсматриваемыхъ томовъ актовъ причинамъ.

[2]) Сборники г. Вишневскаго использованы имъ въ его магистерской диссертаціи: „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія". Тамъ же использованы и остатки архива Кіев. Дух. Консисторіи за первую половину XVIII в.

ною просьбою ко всѣмъ читателямъ «сообщить то, что имѣется у нихъ въ виду, но опущено нами (Петровымъ), и указать неизбѣжныя упущенія и ошибки» (ibid. стр. XI).

Собранные въ разсматриваемыхъ нами первыхъ двухъ книгахъ акты обнимаютъ собою время съ 1721 г., со времени учрежденія Св. Синода, до 1750 г., до возстановленія въ Малороссіи власти гетмана, «что имѣло нѣкоторое значеніе и для Кіевской Академіи». Для того, чтобы ввести читателей въ пониманіе эпохи и тѣмъ облегчить имъ условіе содержанія отдѣльныхъ актовъ, проф. Н. И. Петровъ самимъ актамъ предпосылаетъ краткую характеристику первой половины XVIII вѣка. Настоящій періодъ въ исторіи Кіевской епархіи и Академіи характеризуется имъ, какъ время особенно острой борьбы между централистическими стремленіями Св. Синода и усиленіями Кіевскихъ митрополитовъ отстоять древнія, исконныя права и привилегіи южно-русской церкви, которыя очень часто «стояли въ рѣшительномъ противорѣчіи съ нивеллирующими, централизаціонными стремленіями духовнаго регламента и дополнительныхъ къ нему синодальныхъ указовъ» (ibid. стр. XI—XII). «Централизаціонныя стремленія русскаго правительства,—говоритъ проф. Н. И. Петровъ,— при трехъ Кіевскихъ архипастыряхъ обозрѣваемаго періода все шире и глубже проникали въ жизнь Кіевской епархіи. Тогда какъ архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ ревниво оберегаетъ старыя привилегіи и особенности управленія своей епархіи, м. Рафаилъ Заборовскій даетъ новымъ реформаціоннымъ и централизаціоннымъ стремленіямъ широкое примѣненіе въ своей епархіи, примѣняя ихъ ко всѣмъ отраслямъ и органамъ епархіальнаго управленія (ibid, стр. XVI). Однако, такое строгое и неуклонное проведеніе началъ централизаціи обусловливалось не одними только стремленіями и усиліями русскаго правительства поколебать древніе, самобытные устои малороссійской церкви, но и строемъ тогдашней общественно-политической жизни Малороссіи. Военные, духовные и мѣщане,—«всѣ эти слои общественно-политической малороссійской жизни въ XVII в. враждовали и боролись между собою, старались выхлопотать себѣ побольше правъ и привилегій на счетъ другихъ сословій, и, что всего важнѣе, въ своей борьбѣ весьма часто указывали на примѣръ сѣверной Россіи, желали примѣненія къ своимъ противникамъ общерусскихъ законовъ и порядковъ и, такимъ образомъ, пользовались централизаціонными стремленіями русскаго правительства и охотно помогали имъ, если они были выгодны для нихъ». (Ibid., стр.

XVII). Весь этотъ строй жизни такъ или иначе отражался и на Братскомъ училищномъ монастырѣ, и на самой Академіи. Братскому монастырю приходилось не разъ выдерживать борьбу со свѣтской властью (гетьманъ, магистратъ) за свои стародавнія права, особенно за земли. Академія тоже, по мѣрѣ силъ, боролась противъ явнаго стремленія Св. Синода подчинить ее своему вліянію, независимо отъ мѣстнаго митрополита, уничтожить ея внутреннюю самостоятельность, сравнять ее со всѣми другими духовными епископскими школами, унизить ее и возвысить на ея мѣсто молодую ея соперницу, Московскую Академію. Несмотря, однако, на все это, въ продолженіе разсматриваемаго періода, Кіевская Академія продолжала быть самымъ широкимъ и наиболѣе вліятельнымъ просвѣтительнымъ центромъ, откуда свѣтъ знанія распространялся по всей обширной Русской землѣ.

Многочисленные, собранные проф. Н. И. Петровымъ акты наглядно иллюстрируютъ эту общую характеристику и въ общемъ даютъ полную и очень яркую картину внѣшней и внутренней жизни Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII в., въ связи съ общимъ теченіемъ жизни Кіевской епархіи того времени. Между этими актами мы встрѣчаемъ распоряженія о воспрещеніи духовенству вновь пріобрѣтать недвижимыя имущества въ Малороссіи и о подчиненіи монастырскихъ и церковныхъ владѣльцевъ по исковымъ дѣламъ суду гетьмана (ч. I, стр. 160—164),—акты о спорахъ Кіево-Братскаго монастыря съ кіевскимъ митрополитомъ изъ-за грунтовъ, права пропинаціи и т. д. (ibid, стр. 118—122, 320—327, 328—333, 374—380), о временномъ подчиненіи суду малороссійской коллегіи духовенства Малой Россіи, по случаю умножившихся жалобъ на него (ibid, стр. 133—134),—документы о протестѣ Кіевской Консисторіи противъ положенія рублеваго сбора на архіерейскія и монастырскія населенныя имѣнія Кіевской епархіи (а въ томъ числѣ и Кіево-Братскаго монастыря), притомъ же помимо вѣдома гетьмана, и отмѣна сего сбора (ibid, стр. 48—50),—о подчиненіи Кіевской Академіи протектору школъ архим. Гавріилу Бужинскому (ibid, 16—19 стр.),—о вызовѣ ученыхъ изъ Кіевской Академіи въ Пекинскую миссію (ibid, 269—274), въ Сербію (ibid, стр. 122—123), въ Голландію (ibid, стр. 365—366), въ Польшу въ качествѣ переводчиковъ къ полномочнымъ русскимъ посламъ (ibid, стр. 229—230), въ иныя епархіи русскія экзаменаторами ставленниковъ (ibid, стр. 294—297), профессорами въ Московскую Академію и различныя иноепархіальныя семинаріи (См. II часть приложенія),—о

порученіи Кіевскимъ ученымъ исправлять Четьи-Минеи (1ч., стр. 267) прологи (ibid, стр. 123—124), Библію (ibid, стр. 366—370) и составить книжицу о должностяхъ (ibid, стр. 370—374) и выписку для основательнѣйшаго изученія калмыками христіанскаго закона (ibid, стр. 297—298) и т. д.

Вторая часть перваго тома (приложенія) содержитъ списки студентовъ Академіи и профессоровъ за разсматриваемое время, а также много документовъ, характеризующихъ роль и вліяніе Кіевской Академіи въ развитіи просвѣщенія въ первой половинѣ XVIII в. [1]).

Изслѣдованіе и изученіе юго-западнаго края многимъ обязано Н. И. Петрову: онъ оставилъ очень замѣтные слѣды въ разработкѣ мѣстной исторіи, археологіи и литературы. Изданіе актовъ и документовъ по исторіи Кіевской Академіи можетъ послужить достойнымъ завершеніемъ его долголѣтнихъ, многополезныхъ ученыхъ трудовъ. Въ заключеніе нашей замѣтки отъ души желаемъ глубокоуважаемому ученому силъ и энергіи для окончанія начатаго имъ труднаго, но и очень важнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражаемъ надежду, что и другіе сотрудники проф. Н. И. Петрова по изданію актовъ и документовъ по исторіи Кіевской Академіи не замедлятъ порадовать насъ изданіемъ своихъ трудовъ.

В. Д-скій.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующія журналы: 1) Русскій Архивъ, № 6; 2) Русская Старина, № 6; 3) Историч. Вѣстн., № 6; 4) Всемірный Вѣстн., № 4 и 5; 5) Вѣстн. Европы, № 6; 6) Русская Мысль, № 6; 7) Міръ Божій, № 6; 8) Русское Богатство, № 5 и 6; 9) Русскій Вѣстн., № 6; 10) Образованіе, № 5; 11) Журн. Мин. Нар. Просв., № 6; 12) Труды Кіев. Дух. Акад., № 5) 13) Этнограф. Обозр., № 1; 14) Книжки Восхода, № 5 и 6; 15) Русскій Филолог. Вѣстн., № 1—2; 16) Сборн. Отдѣл. Рус. яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 75; 17) Извѣст. русск. археологич. Института въ Констан-

[1]) Объ этой части работы проф. Н. И. Петрова мы имѣли уже случай поговорить съ читателями нашего журнала (См. Кіев. Стар. 1904 г. № 6), по поводу изданія ея въ видѣ отдѣльной брошюры.

тинополѣ, т. IX, вып. 1—2; 18) Révue archéologique, т. 3; 19) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien Band VII.

Историческій Вѣстникъ, № 6.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *С. Л. Пташицкій.* Иванъ Ѳедоровъ. Изданія Острожской Библіи въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни. Спб. 1904 г. (стр. 1031—1032; 2) *И. И. Срезневскій.* Статьи о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (1853—1866). Спб. 1903 г. (стр. 1035—1036); 3) *D-r Frydr. Pappée.* Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. T. I. Послѣднее двѣнадцатилѣтіе Казимира Ягеллона. Краковъ 1904 г. (стр. 1045—1047).

Въ отдѣлѣ *некрологовъ* помѣщенъ краткій некрологъ М. П. Старицкаго (стр. 110—112.

Всемірный Вѣстникъ, № 4 и 5.

В. Святловскій. «Замѣчательная эпоха древне-русской жизни» (№ 4, стр. 14—41). Въ этой статьѣ авторъ, указавъ на то, что славянофильскій восторгъ предъ домонгольскою Русью имѣетъ много для себя основаній, разсматриваетъ условія жизни древней Кіевской земли, отмѣчая крупные факты внѣшней и внутренней торговли Кіева до 13-го вѣка.

Михаилъ Могилянскій. «Глѣбъ Ивановичъ Успенскій въ Черниговской гимназіи» (№ 4, стр. 42—58). Авторъ статьи ставитъ своей задачей представить духовный обликъ Глѣба Успенскаго въ періодъ пребыванія его въ черниговской гимназіи, при чемъ онъ пользуется извѣстными уже въ печати матеріалами для біографіи писателя, а въ особенности двумя сообщеніями о Глѣбѣ Успенскомъ, сдѣланными въ засѣданіяхъ черниговской архивной коммиссіи П. М. Добровольскимъ и И Л. Шрагомъ.

Въ отдѣлѣ «Библіографія» данъ краткій отзывъ о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Л. Личковъ* «Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа» (№ 4, стр 141); 2) «Родословная книга Черниговскаго дворянства. Сост. гр. *Гр. А. Милорадовичъ* (№ 5, стр. 140—143).

Вѣстникъ Европы, № 6.

«Сорокъ лѣтъ тому назадъ. По личнымъ воспоминаніямъ». Ѳ. Ѳ. Воропонова. (Стр. 757—772). Статья посвящена главнымъ образомъ очень интереснымъ литературнымъ знакомствамъ автора въ Москвѣ въ 1862 г. съ Катковымъ, И. С. Аксаковымъ, Леонтьевымъ, Лонгиновымъ, П. Д. Юркевичемъ, Кошелевымъ и др., но кромѣ того авторъ сообщаетъ о кратковременной экскурсіи своей въ Петербургъ и о знакомствѣ своемъ съ редакціей журнала «Основа», «посвященнаго исторіи, литературѣ и вообще интересамъ Малороссіи». Въ виду интереса этого сообщенія для насъ, приводимъ его цѣликомъ: Редактировалъ этотъ журналъ В. М. Бѣлозерскій, а помогалъ ему въ редакціонныхъ трудахъ —Кистяковскій, впослѣдствіи кіевскій профессоръ. Заѣхавъ въ редакцію, бывшую у Круглаго рынка, я засталъ тамъ обоихъ и встрѣтилъ еще болѣе привѣтливый пріемъ (чѣмъ въ редакціи еженедѣльной газеты «Вѣкъ»—Ред.). Мы оживленно разговорились, преимущественно о знакомомъ мнѣ югѣ и малороссійской исторіи; кстати оказалось, что у насъ есть общіе знакомые, и я съ удовольствіемъ засидѣлся у Бѣлозерскаго часа полтора, а въ заключеніе получилъ приглашеніе на вечеръ слѣдующаго дня, на который приходилось еженедѣльное, понедѣльничное собраніе сотрудниковъ «Основы» и знакомыхъ редакціи.

Отъ этого вечерняго собранія, однако, у меня осталось немного впечатлѣній, да и тѣ сильно сгладились потому, что почти со всѣми встрѣченными тамъ людьми мнѣ потомъ не пришлось видѣться ни разу. Помню, что собраніе было многолюдно, но хотя вечеръ отличался національнымъ характеромъ, однако составъ участниковъ былъ довольно смѣшанный. Были двѣ—три дамы, были великоруссы и малороссы, и даже нѣсколько сербскихъ студентовъ; различны были и одежды. На ряду съ сюртуками и фраками, встрѣчалось не мало народныхъ малорусскихъ костюмовъ. Одинъ, помню, одѣтъ былъ въ широкую и длинную халатообразную чуйку и подпоясанъ длиннымъ, толстымъ и пестрымъ крестьянскимъ поясомъ, обертывавшимъ его два или три раза. Изъ писателей припоминаю только Кулиша. Разговоръ шелъ оживленно по кружкамъ, но была и рояльная музыка. Чувствовалось, что большинство здѣсь—горячіе приверженцы всего малороссійскаго; слышалось немало о правѣ, достоинствѣ и важномъ значеніи народнаго языка, но меня отчасти удивляло, что при всемъ томъ говорившіе мало имъ пользовались. Даже въ тѣсныхъ кружкахъ

земляковъ рѣчь шла, главнымъ образомъ, на языкѣ общерусскомъ, литературномъ. Выдвигались среди бесѣдъ отдѣльныя малорусскія фразы, поговорки, отрывки народныхъ пѣсенъ, иной начнетъ и разговоръ по-малорусски, а тамъ—опять сведутъ на общую русскую рѣчь.

Въ отдѣлѣ «*Литературное обозрѣніе*» данъ отзывъ о книгѣ *Л. Личкова* «Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа». Кіевъ 1904 г. (стр. 823—827).

Журналъ Мин. Нар. Просв., № 6.

В. Ляскоронскій. О мѣстоположеніи лѣтописнаго города Родни. (стр. 323—334). Авторъ подвергаетъ сомнѣнію установившееся мнѣніе, будто городъ Родня, извѣстный въ моментъ борьбы Владиміра съ Ярополкомъ, находился на р. Роси, тамъ, гдѣ теперь стоитъ село Пекари (черкасскаго уѣзда). Сопоставивъ общественно-политическія условія жизни южной Руси въ то время, авторъ находитъ, что никакихъ основаній не было у Ярополка убѣгать на югъ, къ степямъ печенѣжскимъ, а слѣдовательно городъ Родню нужно искать въ другомъ мѣстѣ. Скорѣе всего Ярополкъ могъ уходить къ древлянамъ, и вѣрнѣе всего къ городу Овручу; вотъ тутъ-то, по дорогѣ отъ Кіева на Овручъ, и нужно искать означеннаго города. Обращаясь къ картѣ, авторъ останавливается на рѣкѣ *Иршѣ*, считая, что выраженіе въ лѣтописяхъ (на усть *Рси;* на усть *Урси*) ошибочно отнесено историками къ рѣкѣ Роси, а что оно имѣетъ въ виду теперешнюю р. *Иршу*, подлѣ которой есть до сихъ поръ нѣсколько селъ съ именемъ *Рудня.*

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 5.

Н. Петровъ. «Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины 18-го вѣка» (№ 5, стр. 50—102). Въ этой статьѣ, начало которой помѣщено въ № 4-мъ, перечисляются тѣ лица, которыя были вызваны въ качествѣ преподавателей изъ Кіевской Академіи въ семинаріи—тверскую, казанскую, холмогорскую, коломенскую, вятскую, суздальскую, вологодскую, рязанскую, псковскую, устюжскую, тобольскую, смоленскую, воронежскую, астраханскую, крутицкую, переяславскую, троицкую лаврскую, костромскую и владимірскую.

Русскій Филологич. Вѣстн. № 1—2.

А. Ветуховъ. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова (продолженіе, глава 3-я, стр. 229—254). Въ этой главѣ приведены образцы заговоровъ отъ крови, среди которыхъ обширное мѣсто занимаютъ заговоры малорусскіе, заимствованные авторомъ изъ разныхъ печатныхъ матеріаловъ.

Вячеславъ Каминскій. Краткое описаніе говора села Косарева, дубенскаго уѣзда, волынской губерніи (стр. 255—278). Говоръ этого села, расположеннаго въ глуши, не представляетъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуются полѣсскіе говоры; равнымъ образомъ онъ свободенъ и отъ вліянія галицкихъ говоровъ. Для доказательства этого положенія, авторъ разсматриваетъ всѣ звуковыя особенности въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ, нѣкоторыя особенности въ склоненіи и спряженіи, а также немногіе синтаксическіе оригинальные обороты. Въ концѣ статьи приложены образцы говора въ пѣсенномъ матеріалѣ (14 пѣсенъ) и въ одномъ разсказѣ.

Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп Ак. Н, т. 75.

Четырнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1901 года. Отчетъ и рецензіи I—VII. Въ числѣ другихъ находится рецензія г. А. Крымскаго о книгѣ г. И. Стешенка «Поэзія И. П. Котляревскаго. К. 1898» (стр., 58—66).

Е. Ѳ. Карскій. Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ (стр. 1—39), Авторъ публикуетъ въ настоящей статьѣ матеріалы, относящіеся къ діалектологіи Полѣсья. Эти матеріалы собраны сельскими жителями и другими лицами.

И. В. Бессараба. Матеріалы для этнографіи сѣдлецкой губерніи (стр. I—VII и 1—324). Очень обстоятельное изслѣдованіе о бѣло-малорусскомъ говорѣ Забужной Руси, въ частности о Ломазскомъ говорѣ, основано на личныхъ наблюденіяхъ автора во время долгаго пребыванія его на родинѣ и частыхъ поѣздокъ туда въ послѣдніе годы. Работа И. В. Бессарабы содержитъ слѣдующія главы: I. Звуковыя особенности Ломазскаго говора. II. Грамматическія формы его. III. Образцы этого говора. IV. Лексическій составъ его. V. Народныя названія мѣстностей. VI. Древнія урочища и слѣды памятниковъ пра-

вославной церковной старины. VII. Ломазскій говоръ въ сравненіи съ народными говорами Холмской Руси и другихъ русскихъ и славянскихъ областей. VIII. Словарь этого говора.

Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1901 году (стр. 1—35). Въ отчетѣ помѣщена рецензія П. И. Симони на труды проф. Е. Ѳ. Карскаго «Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Варшава. 1901» и «Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Варшава. 1901».

Извѣстія Рус. Археолог. Института въ Константинополѣ, 1904 г., т. IX, в. 1—2.

Б. А. Панченко. Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій законъ и монастырскіе документы (стр. 1—234). Обстоятельное изслѣдованіе автора о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи и законодательной дѣятельности правительства въ этомъ направленіи основано не только на изученіи общеизвѣстныхъ законовъ византійскихъ императоровъ, но также многочисленныхъ актовъ, хранящихся въ монастыряхъ и лучше всего поясняющихъ и самые законы и примѣненіе ихъ на практикѣ. Въ частности первая часть этого труда представляетъ интересъ для лицъ, занимающихся исторіей древней Руси, такъ какъ въ ней дано прекрасное изслѣдованіе о земледѣльческомъ законѣ, извѣстномъ и въ древне-русскихъ переводахъ.

Музыкальныя сочиненія **М. ЛИСЕНКА**,

НАХОДЯЩІЯСЯ НА ГЛАВНОМЪ СКЛАДѢ

ВЪ КНИЖНОМЪ И МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЛЕОНА ИДЗИКОВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.

Для фортепіано въ двѣ руки.

* Op. 2. Сюита in G. Малороссійскія пѣсни:	
№ 1. Preluda (Хлопче молодче)	— 60
№ 2. Couranta (По малу, малу, братику грай)	— 45
№ 3. Toccata (Пишла маты на село)	— 45
№ 4. Sarabanda (Сонце нызенько)	— 30
№ 5. Gavotte (Ой, чыя ты дивчыно)	— 45
№ 6. Scherzo (Та казала мени Солоха прыйды)	— 45
Всѣ въ одной тетради.	1 80
Op. 5. Grand polonaise en La bémol	1 50
Op. 6. Valse brillante	1 20
Op. 7. Polonaise de concert en G.	1 50
* Op. 8. Rhapsodie sur des thèmas de l'Ukraine. Grand morceau de concert.	1 50
Op. 9. Nocturne № 1. B-moll	—
Op. 10. Deux chants sans parolesxà	—
№ 1. E-moll. Dediée à M-me Olga Lissenko.	— 75
№ 2. B-moll. Славному нашому письменныкови, Ивану Нечуеві.	— 75
Op. 11. Scherzino	— 60
Op. 12. Le Rêve „На солодкимъ меду“ Мрія.	— 90
Op. 13. Eèvérie „Образкы зъ колышнёго“.	—
Op. 14. Deux mazourkas	—
Op. 15. Barcarolle	— 75
Op. 16. № 1. Valse mélancolique	— 75
Op. 17. № 2. Valse de Concert, As.	—

* Op. 18. Думка-шумка 2-me Rhapsodie de l'Ukraine . . . . — 90
* Op. 19. Nocturne. Cis-moll. . . . . — 90
Op. 20. Fragment épique . . . . —
Op. 22. Chanson populaire Ukrainïenne „Ходыть гарбузъ по городу" composée en forme d'une gavotte . . . . . — 60
Op. 23. Polonaise № 3. As. . . . . —
Op. 24. Rondo . . . . —
Op. 25. Scherzo héroïque . . . . —
* Op. 27. Romance As-dur . . . . — 60
Op. 28. Sérénade F-moll . . . . — 45
* Op. 29. Gavotte F-dur . . . . — 50
Op. 30. Polonaise № 4. A. . . . . , ... —
Op. 31. Chant sans paroles F. . . . . — 45
Op. 33. Chant au berceau . . . . —
Op. 35. Valse. D-moll. . . . . —
Op. 36. Обозный маршъ . . . . —
Op. „На часи" Trois pièces: 1) Aveu. 2) Chant d'amour. 3) Sérenade —
Op. 38. Impromptu . . . . —
Op. 39. D'Album d'été 1901. 1) Valse La Séperation. 2) Marche solènnelle. 3) La Tristesse, mélodie . . . . —
Op. 40. D'Album privé: 1) Moment de desespeir. 2) Moment d'enchantement. . . . . —
D'Album 1902. 1) La langueur. 2) Impression d'un jour. 3) Elegie. —
Жалибный маршъ до 27-хъ роковынъ смерти Тараса Шевченка (транскрипція) . . . . — 60
Увертюра изъ оперы „Риздвяна ничъ" . . . . — 90
+ Попури зъ першои Украинськои оперы „Наталка-Полтавка" И. П. Котляревського для спиву съ провод. фортепіана упорядкувавъ М. Лисенко, уложывъ для фортепіано на дви рукы А. Н. Артемовскій . . . . — 90
Chants populaires de l'Ukraine:
1) Безъ тебе Олесю . . . . — 30
2) Плыве човенъ воды повенъ, Barcarolle . . . . — 45
3) Ой, зрада кари очи зрада . . . . —
4) Ой у поли . . . . —
* 50 Украинськыхъ писень выбраны изъ 1-го и 2 Збирныкивъ Лисенка для спиву, переложены для фортепіано В. Зентарскимъ . . . . 2 —
* Отдѣльно каждые 2 писни. , ... — 20

Для фортепіано въ 4 руки.

Увертюра изъ оп. „Риздвяна ничъ". Ouverture „La nuit de Noël" opéra lyrique 1 50
* Op. 4. Украинскій козакъ—шумка. Danse nationale de l'Ukraine. Scherzo. Arrangé pour le piano à 4 mains par l'auteur. 1 65

Для 2 фортепіано. Pour 2 pianos.

* Торжественный маршъ ко дню празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ, въ 8 рукъ 1 50

Для скрипки съ акомпаниментомъ фортепіано.

* Op. 18. Думка-шумка 2-me Rhapsodie de l'Ukraine pour Violon avec acompagnement de Piano par Michel de Sicard . 1 25
Op. 21. Fantaisie sur deux thèmes populaires de l'Ukraine . . —
Op. 32. Capriccio élegico 1 50
* Op. 40. № 1. Moment de desespoir . . . . — 40

Для флейты съ акомпаниментомъ фортепіано.

Op. 21. Fantaisie sur deux thémes populaires de l'Ukraine . —

Для віолончели съ акомпаниментомъ фортепіано.

Op. 39. „La tristesse“ melodie, tirée d'Album d'été 1901. . . —

Для спиву съ проводомъ фортепіано.

„Безъ тебе Олесю“. Народня писня зъ Волынського полисся. — 30
До Хортыця (25 роковыны Т. Шевченка), Стугоныть Днипро по скеляхъ, бьется объ пороги . . . . — 50
„Жалибный маршъ“ до дня 27-хъ роковынъ смерти Т. Шевченка для мишаного хору зъ проводомъ фортепіана . —
* Збирныкъ Украинськыхъ писень. Вып. 1-ый 2 50
* „ „ „ „ 2-ый 2 50
„ „ „ „ 3-ый 2 50
„ „ „ „ 4-ый . . . . 3 —
„ „ „ „ 5-ый . . . . 3 —
„ „ „ „ 6-ый 2 50
Збирныкъ народнихъ Украинськыхъ писень для хору 12 десяткивъ кожный по . . . . — 50
Матушка Царица, солнце наше красно. Юбилейный хоръ къ празднованію 50-лѣтія Кіевск. Инст. благородныхъ дѣвицъ. Слова Е. Н. Полянской 1 20
Молодощи. Збирныкъ танкивъ та веснянокъ. Гры, спивы, весняны, дитячи, дивочи, жиночи й мишани 1 20
* Моя Мылованка, якъ часомъ жартлыво. Мазурка для пѣнія. Слова М. Старицького . . . . — 50

Писни и спивы на слова Г.

1. Колы наставъ чудовый май . . . . — 30
2. Чого такъ поблидлы троянды . . . . — 40
3. Зъ мого тяжкого суму . . . . — 20

4. Вси люде, кохана, дурни . . . . — 20
5. На лыченьку у тебе . . . . — 20
6а. У мене бувъ коханый ридный край (теноръ) . . . . — 20
6б. У мене бувъ коханый ридный край (барит.) . . . . . — 20
7. Тебе, моя любко едына, ... — 30
8. Колы розлучаются двое. Дуэтъ . . . . — 30
Плачъ Ярославны. Частына зъ поэмы: „Слово о полку Игоревѣ“ — 70

Украиньски обрядови письни.

(Для мишаного хору).

I. Веснянкы (1-й винокъ) . . . . — 50
II. Веснянкы (2-й винокъ) . . . . — 50
III. Купальська справа . . . . — 20
IV. Колядкы, щедривкы . . . . — 50
V. Весилля. Весильни писни упоряджени за ритульнымъ ходомъ людового весилля. Соло, хоры парубочи, дивочи, мишани зъ проводомъ фортепіана . . . . —

Оперы и Оперки.

Зима и Весна (тежъ „Снигова Краля“) дытяча фантастычна оперка у 2-хъ одминахъ . . . . —
Коза-Дереза. Дытяча комична оперка въ одній діи. Граб. Рус. Линд. Либретто уложила Днипрова Чайка 1 25
Наталка-Полтавка. Перша украинська оперетка у 3 діяхъ И. Котляревьского. 1 50
Панъ Коцькый. Комична дытяча оперка у 4-хъ одминахъ. . —
Риздвяна ничъ. Комико-лирычна опера въ чотырёхъ діяхъ, музыку уложивъ для спиву съ проводомъ фортепіана авторъ . . . . 8 —
Утоплена. (Майська Ничъ). Опера лирычна у 3 діяхъ, слова М. П. Старицького. Для спиву, съ проводомъ фортепіана 4 —
Чорноморци. Оперета у 3 діяхъ. Текстъ по Кухаренку склавъ М. П. Старицькый . . . . 2 —

Музыка до кобзаря Т. Г. Шевченка.

Спивы про жоночи голосы, якъ поодыноки такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры) съ проводомъ фортепіана.

**Серія перша:*

1. Ой, одна я, одна, якъ былынонька въ поли (про сопрано). . — 30
2. Туманъ, туманъ долыною (про сопрано) . . . . — 30
3. На городи, коло броду (про сопрано) . . . . — 30
4. Садокъ вышневый коло хаты (про сопрано або тенора) . — 30
5. Ой, чого ты почорнило, зеленее поле (про барит.) . . . — 30
6. Нащо мени чорни бровы (сопр. або тен.) . . . . . . — 40
7. Ой люли, люли (про сопрано) . . . . — 30

8. Якъ бы мени, мамо, намысто (сопрано)	— 40
9. Надъ днипровою сагою (про к.-альто)	— 50
10. Сонце заходыть, тріо, про 2 сопр. та тен.	— 80
11. Полюбылася я (про м.-с або альт.)	— 20
12. Закувала зозуленька	— 20
13. Утоптала стежечку	— 30
№ (1—13) въ идному зшытку	2 —

Серія друга:

14. И багата я, и вродлыва я (альт.)	— 30
15. Мынають дни (про баритона)	— 40
16. Огни горять (про тенора)	— 20
17. тежъ (про баритона)	— 20
18. „Ой Днипре мій, Днипре“. Спивъ Яремы зъ Гайдамакивъ (про баритона)	— 30
19. „Гетьманы, гетьманы“... Свято въ Чыгрыни зъ Гайдамакивъ (бар.)	— 30
20. Не женыся на багатій. Думка (баритонъ)	— 20
21. Зацвила въ долыни червона калына. Дуэтъ (про сопр. та тен.)	— 50
22. Не тополю высокую (про сопрано)	— 20
23. За сонцемъ хмаронька плыве (Квартетъ сопрано, альтъ, теноръ и басъ).	— 60
24. Ой, по гори роменъ цвите (теноръ)	— 30
25. Якъ бы мени черевыкы	— 30
26. Бьють порогы. Кантата про одыноки голосы чоловичи, мишаный гуртъ зъ проводомъ оркестра; фортепьянный укладъ (Klavierauszug) автора	1 30
(14—26) въ идному зшитку	2 —

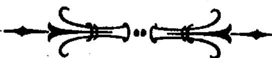
Серія третя:

27. Реве та стогне Днипръ шырокый (басъ)	— 30
28. И шырокую долыну. Дуэтъ (с. т.)	— 30
29: Ой крыкнулы сири гусы	— 30
30. У недилю вранци рано	— 50
31. Мы заспивалы, розійшлысь. Дуэтъ (б. и с.)	— 40
32а. Ой умеръ старый батько. (к.-альто)	— 30
32б. „ „ „ „ (сопр.)	— 30
33. Та не дай Господы никому (бар.-басъ)	— 20
34. Материнъ жаль (м.-с.)	— 20
35. У тіеи Катерыны хата на помости. (басъ)	— 60
36. По диброви витеръ вые (с. або т.)	— 20
37. Ой я свого чоловика въ дорогу послала	— 30
38. Тече вода зъ пидъ явора. Дуэтъ (про 2 сопрана) . . .	— 30
39а. Бувае иноди старый (бар.)	— 30
39б. „ „ „ (тен.)	— 30

Серія четверта:

Серія пьята:

Сочиненія означенныя звѣздочкой * составляютъ собственность издателя Леона Идзиковскаго, + собственность Э. Островскаго, остальные собственность автора.



УСЛОВІЯ

пріема въ музыкально-драматическую школу

Н. В. Лисенка

(Уставъ утвержд. Министр. Внутр. Дѣлъ).

---

1. Музыкально-драматическая школа Н. В. Лисенка учреждена въ Кіевѣ, съ цѣлью давать воспитывающимся въ ней *вполнѣ законченное художественное, музыкальное или драматическое образованіе.*

2. Предметы преподаванія раздѣляются: на а) *спеціальные* b) *вспомогательные.*

3. *Спеціальные* предметы: фортепіано, скрипка, віолончель, контрабасъ, флейта, гобой, кларнетъ, фаготъ, валторна, труба, корнетъ съ пистонами, тромбонъ, ударные, арфа, пѣніе соло, теорія музыки и композиціи, дирижерство, сценическая игра и декламація.

Вспомогательные предметы: сольфеджіо, элементарная теорія, гармонія, энциклопедія, инструментовка, хоровое пѣніе свѣтское и духовное, оркестровая игра, камерный и оперный ансамбль, исторія драмы, исторія культуры и литературы, эстетика, италіанскій языкъ, мимика, фехтованіе, танцы и гримировка.

4. Предметы музыкальные преподаются *по программамъ и и въ объемѣ консерваторій,* а предметы драматическаго класса

по программамъ и въ объемѣ Московскаго филармоническаго музыкально-драматическаго училища.

5. Въ школу принимаются лица обоего пола всѣхъ сословій и состояній.

6. Желающіе поступить въ школу подаютъ о томъ прошеніе на имя директора школы и въ этомъ прошеніи означаютъ, какой именно предметъ они желаютъ избрать для специальнаго изученія. При прошеніи представляется свидѣтельство о личности и научномъ образованіи.—

Примѣчаніе. За малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ прошенія подаются родителями или заступающими ихъ мѣсто

7. Поступающіе въ школу подвергаются испытаніямъ и опредѣляются въ классы, соотвѣтствующіе обнаруженнымъ ими познаніямъ.

Примѣчаніе I. Музыкальное отдѣленіе школы имѣетъ 4 класса, два первыхъ составляютъ младшее отдѣленіе (5-ти лѣтній курсъ), остальные два класса есть старшее отдѣленіе (4-хъ лѣтній курсъ). *Въ драматическомъ отдѣленіи* 3 класса, первые два составляютъ младшее отдѣленіе (3-хъ годичный курсъ) и третій классъ есть старшее отдѣленіе (годичный курсъ).

Примѣчаніе II. Для поступленія въ приготовительный курсъ (первый курсъ младшаго отдѣленія) отъ музыкантовъ требуется хорошій музыкальный слухъ, музыкальная память и физическое здоровье, удостовѣренное мидицинскимъ свидѣтельствомъ, отъ поступающихъ въ драматическое отдѣленіе требуется еще сценичность внѣшнихъ данныхъ.

Примѣчаніе III. По возрасту принимаются въ классы: фортепіано и скрипки не моложе 9-ти лѣтъ, въ классъ віолончели не моложе 11-ти лѣтъ, въ классъ контрабаса не моложе 14-ти лѣтъ, въ классы всѣхъ духовныхъ инструментовъ, кромѣ фагота и тромбона не моложе 12-ти лѣтъ, въ классы фагота и тромбона не моложе 16-ти лѣтъ; въ классъ арфы не моложе 12-ти лѣтъ; въ классы пѣнія, сценическаго

искусства и декламаціи дѣвушки не моложе 16-ти лѣтъ и юноши не моложе 17-ти лѣтъ.

8. Въ отношеніи платы за ученіе учащіеся раздѣляются на *комплектныхъ* и *сверхкомплектныхъ*,

a) *Комплектные* платятъ за спеціальные предметы: фортепіано, арфу, пѣніе соло, композицію, дирижерство, драматическій классъ 100 рублей въ годъ, внося къ 15 сентября 60 руб. и къ 15 января 40 рублей; за классъ скрипки и віолончели 80 рублей, внося къ 15 сентября 50 рублей и къ 15 января 30 рублей. За классы остальныхъ оркестровыхъ инструментовъ 50 рублей, внося къ 15 сентября 30 рублей и къ 15 января 20 рублей. За вспомогательные предметы: теорію музыки, оркестровую игру, камерный ансамбль, обязательное фортепіано, хоровое пѣніе свѣтское и духовное 10 рублей, вносится къ 15 сентября. За оперный ансамбль 50 рублей—(къ 15 сентября 30 руб. и къ 15 января 20 руб.). За мимику, фехтованіе, танцы и гримировку вносится 30 рублей къ 15 сентября.

b) Сверхкомплектные принимаются за плату по соглашенію съ дирекціей школы.

Примѣчаніе I. Внесенная плата не возвращается.

Примѣчаніе II. Лица не внесшіе въ срокъ платы за ученіе считаются выбывшими изъ школы.

9. Лица, желающіе посѣщать какіе либо классы отдѣльно—внѣ курсовъ могутъ быть приняты въ качествѣ вольнослушателей за плату по соглашенію съ дерекціей школы.

10. Курсъ ученія съ 1-го сентября по 15 мая.

Примѣчаніе. Пріемные экзамены въ концѣ августа.

11. При школѣ есть ученическія квартиры съ полнымъ пансіономъ—плата по соглашенію.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Личный составъ малороссійской козацкой старшины въ 1725 году.[1]

«Вѣденіе о дѣйствительныхъ полковой, сотенной и городовой старшинѣ, въ полкахъ малороссійскихъ обрѣтающихся; о наличныхъ и отлучныхъ, и в которихъ имянно какихъ чиновъ неопредѣлено» [2]).

Полкъ Прилуцкій.

Старшина полковая.

Ігнатій Galagанъ полковникъ дѣйствителний.

Михайло Григоріевичъ обозной съ комендою 5000 числа козаковъ къ крѣпости Святого Креста отправленъ сего 1725 году.

Судіи полкового неопредѣлено.

---

[1]) Въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, въ отдѣленіи рукописей, въ числѣ бумагъ покойнаго историка Малороссіи Маркевича, подъ № 1898, хранится печатаемая нами здѣсь рукопись, которая должна имѣть для историковъ нашего края большой интересъ, такъ какъ даетъ весь личный составъ старшины всѣхъ полковъ и сотенъ за одно и то же время, именно за 1725 годъ. Рукопись разыскана въ бумагахъ Маркевича, въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, сотрудникомъ нашего журнала Ѳ. Д. Николайчикомъ. *Ред.*

[2]) Заглавіе приписано вверху, очевидно, послѣ написанія списка, другою болѣе искусною рукою. Этою же рукою въ разныхъ мѣстахъ списка сдѣланы вставки и поправки, отмѣченныя нами въ выноскахъ.

Того жъ полку дѣйствителная полковая старшина:

Ѳедоръ Галенковъскій писарь,
Михайло Мовчанъ асаулъ,
Григорій Пликовичъ, другій асаулъ къ крѣпости Святого Креста отправленъ сего 1725 году,
Іванъ Семеновичъ хоружій,
Григорій Николаевичъ прапорщикъ.

Дѣйствителная сотнѣ полковой сотенная старшина:

Петро Носенко сотникъ,
Мойсѣй Дембовскій хоружій,
Андрей Радіоновъ писарь,
Стефанъ Волковъ асаулъ,

Городовая прилуцкая старшина:

Михайло Севериновичъ атаманъ,
Леонтій Василіевичъ войтъ,
Іванъ Ѳуленко бурмистръ,
Павелъ Яремковичъ бурмистръ,
Ѳедоръ Турковскій писарь.

Сотнѣ Журавской.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Михайло Яголнѣцкій сотникъ,
Грицко Ляховенко хоружій,
Яковъ Травуцкій писарь.

Городовая старшина:

Костѣ Тараненко атаманъ,
Максимъ Овдѣенко войтъ.

Сотнѣ Варвинской.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Михайло Тарнавскій сотникъ,
Уласъ Хоменко хоружій.

Городовая старшина:

Семенъ Безъчипчій атаманъ,
Яковъ Шаравара войтъ,
Парфенъ Власіевъ писарь.

Сотнѣ Срѣбранской

Дѣйствителная старшина сотенная:

Антонъ Троцина сотникъ,
Остапъ Тимченко хоружій,
Стефанъ Остаповъ писарь,
Продикъ Мозира асаулъ.

Городовая старшина:

Павелъ Федоровичъ атаманъ,
Ѳедоръ Захарченко войтъ,
Гаврило Широченко бурмистръ,
Кондратъ Довгаленко асаулчикъ.

Сотнѣ Красно-Колядинской.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Марко Анґеловскій сотникъ,
Іванъ Бѣлецкій хоружій,
Іванъ Дмитріевичъ писарь,
Карпъ Сиченко асаулъ.

Городовая старшина:

Ѳедоръ Корнѣевичъ атаманъ,
Остапъ Крутѣй войтъ,
Ігнатъ Гайдукъ бурмистръ,
Павелъ Данилейченко бурмистръ.

Сотнѣ Іваницкой.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Іванъ Стороженко сотникъ,

Василь Юревичъ хоружій,
Тимофѣй Нѣжинецъ писарь.

Городовая старшина:

Стефанъ Кремень атаманъ,
Тихоній (sic) Самарецъ войтъ,
Данило Шійка бурмистръ,
Іванъ Соколскій писарь.

Сотнѣ Ічанской.

Дѣйствителная сотенная старшина:

Григорій Стороженко сотникъ,
Артемъ Немириченко хоружій,
Назаръ Рожанскій писарь,
Семенъ Желѣзнякъ асаулъ.

Городовая старшина:

Кость Булича (sic) атаманъ,
Кирило Войташовскій войтъ,
Матвѣй Миловичъ писарь,
Николай Захлюпаній бурмистръ,
Демко Хоменко бурмистръ.

Сотнѣ Манастирійской.

Павелъ Суханскій сотникъ въ походѣ терковскомъ прошлаго 1724 году умре, и въ тую сотню дѣйствителного сотника не опредѣлено.

Павелъ Карась наказній сотникъ,
Стефанъ Вишинскій хоружій.

Городовая старшина:

Андрѣй Донецъ атаманъ,
Павелъ Івановичъ войтъ,
Петро Будинскій писарь,
Кондратъ Кокуръ бурмистръ.

Полкъ Чернѣговскій.

Старшина полковая:

Дѣйствителній полковникъ Михайло Богдановъ,

Обозного и асауловъ двохъ полковихъ дѣйствителнихъ не опредѣлено.

Василій Томара судія полковій дѣйствителній на комисіи на Дону.

Ігнатъ Василіевичъ за полкового обозного на мѣсто Василія Скоропадского.

Михайло Мокріевичъ, Іванъ Бобирь за асауловъ полковихъ,

Писарь полковій Іванъ Бутенко билъ в Санктъ Петербурху зъ половникомъ Полуботкомъ под карауломъ, а въ мѣсто его правитъ за полкового писара Никита Василіевъ,

Хоружій полковій дѣйствителний Марко Чечелъ.

Сотенная старшина въ полковой сотнѣ:

Сотника дѣйствителного не опредѣлено, а правитъ въ той сотнѣ за сотника Василь Медушевскій,

Алексѣй Ковтунъ хоружій,

Яковъ Головко писарь,

Ермолай Семеновъ асаулъ.

Городовая старшина:

Атаманъ Іванъ Силѣчъ,

Тимофѣй Кущинскій въ мѣсто городничого въ Чернѣговѣ управляетъ.

Въ Бѣлоуской сотнѣ.

Елиферій сотникъ, Товстолѣсъ хоружій; дѣйствителного не опредѣлено, а правитъ за сотника Іванъ Товстолѣсъ,

Асаулъ Іванъ Степановъ,

Писара въ той сотнѣ не опредѣлено.

Въ сотнѣ Вибелской.

Ѳедоръ Новикъ хоружій,

Асаула и писара въ той сотнѣ не опредѣлено.

Въ Слабинской сотнѣ.

Сотника не опредѣлено, а по предѣленіи Господина Енерала Маіора Румянцова правилъ за сотника Николай Тризничъ, которій зъ бунчуковими пошолъ въ Гилянскій походъ.

Семенъ Михайловичъ наказній сотникъ,
Гарасимъ Ланковичъ хоружій,
Сидоръ Мякчунъ асаулъ.
Въ той сотнѣ писара не опредѣлено.

Въ Роиской сотнѣ.

Дѣйствителная старшина:

Сотникъ Яковъ Бакутринскій (sic) въ низовомъ походѣ
Михайло Деренковскій писарь,
Тимофѣй Шахуцкій хоружій тожъ въ походѣ низовомъ,
Асаулъ Михайло Соколовскій.

Въ Любецкой сотнѣ.

Іванъ Савичъ сотникъ дѣйствителный,
Карпъ Губаръ хоружій,
Якимъ Гарасименко асаулъ,
Писара сотенного не опредѣлено,
Григорій Шумейко атаманъ городовій,
Демянъ Бурдукъ городничій.

Въ Седневской сотнѣ.

Дѣйствителная старшина:

Димитрій Милитиновичъ сотникъ зъ Господиномъ Енераломъ Маіоромъ Румянцевимъ у Порти Отоманской,
Ѳедоръ Борецкій атаманъ,
Іванъ Івановъ хоружій въ Гилянскомъ походѣ,
Самойло Стоховичъ городничій,
Данилевичъ писарь,
Семенъ Нуско асаулъ.

Въ Городницкой сотнѣ.

Дѣйствителная старшина:

Яковъ Ждановичъ сотникъ въ Гилянскомъ походѣ,
Корнѣй Дубовикъ хоружій,
Григорій Страсевскій писарь,
Костя Нога асаулъ.

Въ Березинской сотнѣ.

Дѣйствителная старшина:

Ѳедоръ Лисенко сотникъ,
Семенъ Савицкій писарь въ низовомъ походѣ,
Леонтій Михненко хоружій,
Степанъ Андрущенко асаулъ,
Артемъ Михненко атаманъ,
Климъ Олещенко городничій.

***Въ** сотнѣ Стулинской.*

Іосифъ Семеновичъ сотникъ дѣйствителній,
Іванъ Одерѣенко хоружій,
Іванъ Загалскій писарь,
Семенъ Маценко асаулъ.

Въ Менской сотнѣ.

Іванъ Васютинскій правитъ за отца своего сотника менскаго Ігната Василіевича, которій управляетъ за полкового обозного,
Захарій Павловъ атаманъ,
Никифоръ Исаевъ писарь,
Максимъ Веруженко городничій,
Ѳома Войтченко асаулъ,
Ѳедоръ Войтченко хоружій.

Въ Синявской сотнѣ.

Андрѣй Полянской сотникъ дѣйствителній,
Афанасъ Борисенко хоружій,
Данило Струтінскій писарь,
Михайло Кобилянъ асаулъ.

Въ Киселювской сотнѣ.

Іванъ Лисенко сотникъ дѣйствителній,
Авраамъ Коляда хоружій,
Григорій Здалниковъ асаулъ,
Романъ Николаевъ писарь.

Въ Сосницкой сотнѣ.

Павелъ Омеляновичъ сотникъ дѣйствителній,
Григорій Поручка хоружій,
Василь Івасенко атаманъ,
Семенъ Яковлевъ городничій,
Іванъ Трушевскій писарь,
Мартинъ Костирка асаулъ.

Въ сотнѣ Волинской.

Карпъ Лѣневичъ сотникъ дѣйствителній,
Петро Макаренко хоружій,
Василь Дмитріевъ писарь,
Василь Бутій асаулъ.

Въ Понурницкой сотнѣ.

Тихонъ Никифоровъ сотникъ дѣйствителній,
Романъ Огѣенко хоружій,
Михайло Николаевъ писарь,
Прокопъ Кириловъ асаулъ.

Полкъ Миргородскій.

Дѣйствителній полковникъ Данило Апостолъ въ Санктъ Пітербурху.

Полковая старшина.

Василь Родзянка обозній полковій правитъ вмѣсто его полковника,

Матвѣй Остроградцкій судія полковій которій былъ въ Глуховѣ подъ арестомъ,

Петро Лискевичъ писаръ полковій которій былъ въ Пѣтербурху при означенному полковнику,

Самойло Малинка другій писарь полковій,

Семенъ Galagанъ асаулъ полковій,

Антонъ Воловачъ (sic) асаулъ другій полковій,

Іванъ Черкесъ хоружій полковій,

Суфрунъ Семеновъ другій хоружій полковій.

Старшина сотенная городовая.

Сотнѣ полковой.

Дѣйствителній сотникъ Моисѣй Зарудній которій сего 1725 году одправленъ въ Сулацкую крѣпость надъ козаками того полку коммандиромъ.

Корнилій Горѣздра писарь тамъ же въ походѣ зъ нимъ сотникомъ,

Савка Мордачъ хоружій тожъ въ ономъ походѣ зъ нимъ сотникомъ.

Городовая старшина:

Василь Короленко атаманъ городовій Миргородскій и наказній сотникъ,

Іосифъ Яременко управляючій за писара городового,

Сидоръ Стефановъ войтъ,

Евтухъ Яценко и Матвѣй Балацкій бурмистри.

Сотнѣ Хоролской дѣйствителніе.

Дѣйствителній сотникъ Стефанъ Родзянка,

Кирило Евстафіевъ атаманъ городовій,

Савка Зубенко писарь сотенній,

Григорій Помагачъ войтъ,

Якимъ Сергѣенко бурмистръ.

Сотнѣ Сорочинской дѣйствителніе.

Николай Gоронескулъ сотникъ сорочинскій, которій бувъ (sic) при полковнику Апостолу въ Санктъ Пѣтербурху,

Михайло Лоевскій атаманъ, которій въ отлучке,

Данило Лукашевъ писарь,

Стефанъ Очеретко хоружій.

Прокопъ Іосифовичъ войтъ,
Семенъ Наружній и Василь Савченко бурмистри.

Сотнѣ Шишацкой дѣйствителніе.

Дѣйствителній сотникъ Романъ Лесницкій,
Іванъ Ситникъ атаманъ городовій
Дмитро Василіевъ писарь сотенній,
Кондратъ Смаленко войтъ мѣскій,
а бурмистровъ нѣтъ.

Сотнѣ Яресковской.

Дѣйствителного сотника неопредѣлено, токмо управляетъ наказній Романъ Леонтіевичъ,
Стефанъ Кійко атаманъ,
Леонтій Ословскій писарь,
Григорій Іващенко хоружій посланъ въ Шліонскъ для покупки барановъ,
Яковъ Губенко войтъ,
Ігнатъ Левушка бурмистръ.

Сотнѣ Уцтивицкой.

Дѣйствителного сотника неопредѣлено, а управляетъ въ той сотнѣ наказній Максимъ Тимошенко, которій посланъ въ транжаментъ черкаскій на коммиссію,
Іванъ Маслякъ атаманъ,
Гаврило Іосифовъ писарь,
Николай Бутко войтъ.

Сотнѣ Богацкой.

Дѣйствителній сотникъ Андрей Стефановичъ,
Грицко Бѣличенко атаманъ,
Іванъ Өедоровъ писарь,
Кондратъ Іващенко хоружій,
Матвѣй Ілляшенко войтъ.

Сотнѣ Бѣлоцерковской.

Дѣйствителній сотникъ Іванъ Ярославъ, которій отправленъ сего 1725 году коммандиромъ надъ козаками полку того въ Гилянскій походъ,

Наказній сотникъ въ мѣсто его Ярослава Тиховъ Лукяненко,
Данина (sic) Василенко атаманъ,
Василь Захаріевъ писарь,
Григорій Нечаенко хоружій,
Семенъ Карпенко войтъ.

Сотнѣ Остановской.

Дѣйствителній сотникъ Ярема Юхимовичъ, якій прошлаго 1724 году посланъ коммандиромъ въ Сулацкую крѣпость.
Данило Івановичъ атаманъ и наказній сотникъ [1]).
Захарій Павловъ писарь,
Иванъ Григоріевъ хоружій,
Дмитро Івановъ войтъ,
Гарасимъ Батракъ бурмистръ.

Сотнѣ Голтвянской.

Дѣйствителній сотникъ Өедоръ Остроградскій,
Якимъ Замятня атаманъ,
Емелянъ Голѣнковскій писарь,
Ігнатъ Рибалка хоружій,
Захарій Кривошія войтъ,
Ониско Черкесъ бурмистръ.

Сотнѣ Омелницкой.

Дѣйствителній сотникъ Кондратъ Леонтіевичъ,
Өедоръ Ланко атаманъ,
Григорій Іосифовъ писарь,
Мартинъ Тимофѣевъ хоружій,
Алексѣй Полтавецъ войтъ.

Сотнѣ Потоцкой.

Сотникъ Іосифъ Росоха прошлого 1724 году въ Сулацкой крипости умеръ, и въ той сотнѣ сотника дѣйствителного не определено.
Данило Малишовъ атаманъ городовій и сотникъ наказній,

---

[1]) Эта строка вставлена тою же рукою, которой сдѣлано заглавіе: „Вѣденіе и проч“.

Іванъ Петрушенко писарь,
Яковъ Прядченко хоружій
Петро Кинпелъ войтъ.

Сотнѣ Кременчуцкой.

Гаврило Илляшенко сотникъ кременчуцкій дѣйствителній,
Өедоръ Василенко атаманъ,
Омелянъ Корчевскій писарь,
Данило Волошиненко хоружій,
Стефанъ Пашковскій войтъ.

Сотнѣ Власовской.

Дѣйствителній сотникъ Михайло Майборада (sic),
Ілля Клименко атаманъ,
Іванъ Суличичъ писарь,
Григорій Дашовецъ хоружій,
Леонтій Остапенко войтъ,
Никита Лабезній бурмистръ.

Сотнѣ Городиской.

Дѣйствителній сотникъ Лаврентій Юсенко,
Уласъ Сердюковскій атаманъ,
Ігнатъ Кашевскій писарь,
Іосифъ Дапенко хоружій,
Петро Шветченко войтъ.

Полкъ Стародубовскій.

Полковникъ Іванъ Кокошкинъ другій годъ въ Москвѣ,
Обозного и судіи полковихъ не опредѣлено,
Стефанъ Максимовичъ писарь полковій, *опредѣленъ отъ господина генерала маіора Румянцова на мѣсто писара полкового Григорія Скорупни, которій держанъ за арестомъ* [1]),
Павелъ Яворскій асаулъ

---

[1]) Курсивъ вставленъ рукою, писавшею заглавіе.

Семенъ Березовскій асаулъ другій,
Афанасій Есимонтовскій ассесоръ судовъ полковихъ,
Стефанъ Якимовичъ хоружій полковій,
Өедоръ Данченко хоружій полковій другій,
Іванъ Залѣскій асаулъ артиллеріи полковой,
Григорій Овѣновскій атаманъ городовій,
Ісаакъ Яковлевъ войтъ.

Старшина сотнѣ полковой Стародубовской [1]).

Семенъ Ѳалецкій сотникъ,
Филипъ Данченко хоружій,
Григорій Бѣлокопитъ асаулъ,
Писара нѣтъ.

Сотнѣ Новомѣской-Стародубовской.

Павелъ Дублянскій сотникъ, нынѣ обрѣтаеться въ Гилянскомъ походѣ, токмо онъ за старшини енералной отъ сотництва по чолобитю сотнѣ тоей козаковъ отдаленъ.

Тимофѣй Силевичъ правящій въ той сотнѣ за сотника,
Стефанъ Козловскій хоружій,
Алексѣй Гриневичъ асаулъ,
Іванъ Паламаренко писарь.

Сотнѣ Топалской.

Климъ Янжулъ сотникъ за арестомъ,
Никифоръ Івановичъ хоружій,
Василь Тимоновичъ писарь,
Григорій Тимоновичъ писарь,
Григорій Стародубецъ асаулъ,
Кондратъ Швей атаманъ.

Старшина сотнѣ Шептаковской.

Сотника въ той сотнѣ не опредѣлено дѣйствительного,
Іванъ Василіевъ наказній сотникъ,

---

[1]) Послѣднее слово приписано тою-же рукою, которой принадлежитъ предыдущая приписка.

Василь Григоріевъ хоружій,
Іванъ Забузкій писарь сотенній.

Дѣйствителная Новгородская старшина.

Василь Христичевскій сотникъ,
Лукянъ Пашинскій асаулъ,
Петро Помаранской писарь,
Тимофѣй Стардовскій (Смардовскій?) хоружій.

Старшина городовая Новгородская.

Іванъ Андрѣевъ атаманъ,
Степанъ Андрѣевъ войтъ,
Іванъ Ходорацкій писарь,
Максимъ Остапенко городничій.

Дѣйствителная сотенная старшина Погарская.

Семенъ Соболевскій сотникъ.
Михайло Пряжика (sic) асаулъ,
Хоружого сотеннаго не опредѣлено,
Романъ Подгаецкій писарь.

Старшина Погарская городовая.

Іосифъ Рухлядскій атаманъ,
Климъ Пѣсоцкій войтъ,
Бурмистръ бувалъ, только его нынѣ не имѣеться,
Леонтій Бѣлявъ писарь.

Старшина сотенная Бакланская.

Антипъ Соколовскій сотникъ *держанъ былъ за арестомъ* [1]),
Михайло Готовецъ атаманъ,
Василь Бурій хоружій,
Марко Стасенокъ асаулъ,
Захарій Точицкій писарь,
Тарасъ Афанасовъ войтъ.

---

[1]) Курсивъ приписанъ вышеупомянутою рукою.

Старшина сотнѣ Почеповской.

Іванъ Губчичъ сотникъ дѣйствителній
Ефимъ Карновичъ атаманъ,
Іванъ Карновичъ хоружій,
Іванъ Івановъ Губчичъ асаулъ.
Никита Ботвинка писарь.

Старшина сотенная Мглинская.

Дѣйствителній сотникъ выправленъ къ крѣпости Святого въ семъ
1725 году Креста Алексѣй Есимонтовскій,
Андрей Зубрицкій атаманъ и наказній сотникъ,
Сидоръ Парфеновъ асаулъ,
Мартинъ Лишенъ хоружій въ походѣ терковскомъ,
Юрій Ревутъ писарь.

Старшина городовая Мглинская.

Сидоръ Мажука войтъ,
Григорій Вакуленокъ городничій.

Полкъ Переяславскій.

Полковника дѣйствителного не опредѣлено,
Наказній полковникъ сотникъ Бориспольскій Стефанъ Афендикъ,
Обозного полкового не опредѣлено,
Семенъ Новаковичъ судія полковій,

Карпъ Бурляй писарь полковій, *отъ господина енерала маіора Румянцова на мѣсто полкового писара Павла Черняховскаго, которій въ Глуховѣ держанъ за арестомъ* [1]).

Романъ Юрченко асаулъ полковій, *опредѣленъ отъ господина енерала маіора Румянцова* [2]).

Лука Василіевичъ асаулъ другій полковій, которій билъ подъ арестомъ въ Глуховѣ.

---

¹) Курсивъ приписанъ вышеупомянутою рукою.
²) Тоже.

Прокопъ Парфеновъ хоружій, *опредѣленъ отъ господина енерала Румянцова* [1]).

Григорій Бартошевичъ атаманъ городовій,

Стефанъ Гаптаренко атаманъ другій,

Павелъ Дахъ асаулъ арматній,

Іванъ Многогрѣшній городничій,

Сотнѣ полковой.

Іванъ Доброницкій сотникъ держанъ былъ подъ арестомъ, а на мѣсто его опредѣленъ отъ господина енерала маіора Румянцова [2]).

Григорій Дараganъ.

Сотнѣ полковой другой.

Дмитро Дараganъ правитъ за сотника.

Сотнѣ Трехтемировской.

Яковъ Рустановичъ сотникъ дѣйствителній.

Сотнѣ Воронковской.

Николай Аффендикъ сотникъ, *опредѣленъ отъ г. енерала маіора Румянцова* [3]).

Іванъ Сулима атаманъ.

Сотнѣ Ворисполской.

Сотникъ дѣйствителній Стефанъ Афендикъ, которій правитъ наказнимъ полковникомъ,

Александеръ Жиянъ наказній сотникъ,

Якимъ Кузменко атаманъ Городовій.

Сотнѣ Баришовской.

Ісай Денисовичъ сотникъ дѣйствителній,

Пилипъ Скиданъ атаманъ.

---

[1]) Тоже.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

Сотнѣ Басанской.

Ѳедоръ Рудковскій сотникъ дѣйствителній въ терковскомъ походѣ умеръ.

Михайло Забѣла наказній сотникъ,

Степанъ Полѣно атаманъ.

Сотнѣ Березанской

Яковъ Корнѣенко дѣйствителній сотникъ въ Ґилянскомъ нынѣ походѣ.

Яковъ Загорулченко наказній сотникъ,

Іванъ Зуй атаманъ.

Сотнѣ Яготинской.

Іосифъ Павловъ дѣйствителній сотникъ,

Хведоръ Крисенко атаманъ.

Сотнѣ Гелмязовской.

Сава Тоцкій дѣйствителній сотникъ,

Данило Ѳедоровичъ атаманъ.

Сотнѣ Золотоноской.

Антонъ Черушинскій сотникъ дѣйствителній въ Терковскомъ походѣ.

Леско Бутенко наказній сотникъ,

Кирило Лавренко атаманъ.

Сотнѣ Пѣщанской.

Семенъ Кандиба дѣйствителній сотникъ,

Данило Орѣщенко атаманъ.

Сотнѣ Кропивянской.

Константій Яковлевичъ дѣйствителній сотникъ,

Тимофѣй Матвѣевъ атаманъ.

Сотнѣ Ирклѣевской.

Славуй Требинскій дѣйствителній сотникъ.

Іванъ Журба атаманъ.

Сотнѣ Домонтовской.

Кондратъ Іваненко дѣйствителній сотникъ,
Павелъ Морухоничъ атаманъ.

Сотнѣ Бубновской.

Михайло Прохоренко дѣйствителній сотникъ,
Стефанъ Баглай атаманъ.

Сотнѣ Леплявской.

Іванъ Киржа наказній сотникъ,
Романъ Курдесенко атаманъ.

Полкъ Гадяцкій.

Дѣйствителній полковникъ Михайло Милорадовичъ въ Терковскомъ походѣ.

Александеръ Ситенскій писарь полковій въ томъ же походѣ умеръ, а на мѣсто его писаромъ нѣкого не опредѣлено.

Стефанъ Милорадовичъ наказній асаулъ полковій,
Обозного, асаули другого полковихъ не опредѣлено,
Мартинъ Стишевскій судія дѣйствителній,
Яковъ Гречаній асаулъ полковій дѣйствителній.

Сотнѣ полковой.

Василь Велецкій сотникъ въ томъ же Терковскомъ походѣ,
Өедоръ Сулима на его мѣстцу наказній.

Сотнѣ полковой другой.

Іванъ Пѣратинскій сотникъ полковій дѣйствителній,
Григорій Цюпка хоружій,
Трохимъ Івановъ атаманъ городовій гадяцкій.

Сотнѣ Веприцкой.

Леонтій Масюкъ сотникъ дѣйствителній,
Сава Семеновъ атаманъ.

Сотнѣ Грунской.

Ілія Милорадовичъ сотникъ дѣйствителній зъ полковникомъ въ походѣ.

Михайло Милорадовичъ наказній сотникъ.

Іванъ Бабуцкій атаманъ.

Сотнѣ Куземинской.

Михайло Семеновъ сотникъ въ Гилянскомъ поході.

Іванъ Максименко на его мѣстцу наказній,

Іванъ Коробка атаманъ.

Сотнѣ Опошнянской.

Романъ Корицкій сотникъ прошлого 1724 году, виправленъ будучи въ Сулакъ, тамъ умеръ.

Мойсѣй Клименко на его мѣстцу наказній,

Григорій Сѣрацкій атаманъ.

Сотнѣ Зѣнковской.

Василь Рожанскій сотникъ дѣйствителній въ Терковскій походъ сего 1725 году виправленъ.

Мелетій Жадко сотникъ дѣйствителній другій зенкувскій,

Іванъ Церло атаманъ.

Сотнѣ Ковалювской.

Демянъ Івановъ сотникъ дѣйствителній прошлого 1724 году въ Сулакъ виправленъ.

Іванъ Гаянъ на мѣсто его наказній сотникъ,

Созонтъ Гавриленко атаманъ.

Сотнѣ Лютенской.

Лукянъ Яковлевъ сотникъ дѣйствителній,

Онисимъ Величай атаманъ.

Сотнѣ Комишанской.

Данило Іллѣчъ сотникъ зъ полковникомъ въ Терковскомъ походѣ.

Афанасій Барзевичъ хоружій и наказній сотникъ,
Андрѣй Бакута атаманъ.

Сотнѣ Рашевской.

Петро Зеленскій сотникъ,
Михайло Возниця атаманъ.

Полкъ Нѣжинскій.

Дѣйствителній полковникъ графъ Петръ Толстой,
Леонтій Шрамченко обозній,
Романъ Лазаревичъ судія,
Леонтій Ѳроновскій писарь полковій, *опредѣленъ отъ гидна (sic) маіора Румянцова* [1]).
Моисѣй Левицкій асаулъ полковій,
Асаула другого не опредѣлено,
Іванъ Левицкій хоружій полковій дѣйствителній въ крѣпости Святого Креста,
Василь Богдановскій атаманъ городовій,
Іосифъ Коннѣйскій бурмистръ и войтъ наказній.

Сотнѣ полковой.

Сотникъ Іванъ Пирацкій былъ подъ арестомъ и старъ,
Василь Стасенко наказній сотникъ,
Кондратъ Евхименко атаманъ,
Висиль Бѣлиловецъ хоружій,
Тихоній Кривецкій писарь,
Леско Калантай асаулъ,
А сотника цѣлого нѣтъ.

Сотнѣ другой полковой.

Дѣйствителного сотника неопредѣлено,
Леонтій Бѣлякъ наказній сотникъ,

---

[1]) Приписано вышеупомянутой рукой.

Іванъ Іващенко атаманъ,
Опанасъ Кресань хоружій,
Іосифъ Дадзѣнскій писарь,
Семенъ Василіевъ асаулъ.

Сотнѣ третой полковой.

Григорій Романовскій сотникъ дѣйствителній,
Петро Соляникъ атаманъ,
Демидъ Рожовецъ хоружій,
Михайло Балановскій писарь,
Карпъ Мазка асаулъ.

Сотнѣ Олишевской.

Данило Шрамченко сотникъ дѣйствителній,
Василь Усикъ атаманъ,
Хведоръ Клименко хоружій,
Ѳедоръ Чарнускій писарь,
Данило Гулевичъ асаулъ,
Кирикъ Кишка войтъ.

Сотнѣ Івангородской.

Василь Дмитровъ сотникъ дѣйствителній,
Яковъ Гладкой атаманъ,
Хведоръ Івановъ хоружій,
Никифоръ Евфимовъ писарь,
Іванъ Омеляновъ асаулъ.

Сотнѣ Короповской.

Іванъ Порохонскій сотникъ дѣйствителній въ Гилянскомъ походѣ,
Тупѣцкій хоружій въ томъ же походѣ,
Филипъ Трохимовъ наказній сотникъ,
Герасимъ Григоріевъ писарь,
Петро Тупѣцкій асаулъ.

Городовая старшина.

Сава Панковъ войтъ,
Ѳедоръ Тимофѣевъ бурмистръ,
Алексѣй Тимофѣевъ бумистръ.

Сотнѣ Воронѣжской.

Іванъ Холодовичъ сотникъ дѣйствителній въ Сулацкомъ походѣ
Кирило Слабѣй наказній сотникъ,
Демидъ Яковлевъ писарь,
Тимофѣй Закорка асаулъ,
Хоружого не опредѣлено,
Петро Андрѣевъ войтъ,
Григорій Фуницкій бурмистръ.

Сотнѣ Глуховской.

Іванъ Мануйловичъ сотникъ правитель въ войсковой енералной канцеляріи.

Өедоръ Омеляновъ атаманъ,
Кирило Потапенко хоружій,
Іванъ Винда асаулъ,
Остапъ Евфимовъ писарь,
Войтъ Стефанъ Хмелникъ.

Сотнѣ Новомлинской.

Кирило Троцкій сотникъ дѣйствителній,
Василевъ атаманъ.
Семенъ Нестеревъ хоружій,
Прокопъ Кириловъ писарь,
Асаула не опредѣлено.

Сотнѣ Борзенской.

Михайло Забѣла сотникъ дѣйствителній,
Андрѣй Бѣличъ атаманъ,
Леонтій Новакъ писарь,
Хоружого не опредѣлено,
Іванъ Горбачъ асаулъ въ Сулацкомъ походѣ,
Гордѣй Пархомовъ войтъ,

Сотнѣ Бахмацкой.

Дѣйствителного въ той сотнѣ сотника и асаула не опредѣлено
Данило Налѣтовскій наказній сотникъ,
Кирило Маценко атаманъ,

Ігнатъ Писаренко хоружій,
Петро Яновскій писарь.

Сотнѣ Кролевецкой.

Дѣйствителній сотникъ Костантій Генваровскій въ походѣ Низовомъ.
Григорій Падалка наказній сотникъ,
Уласъ Дмитренко асаулъ,
Опанасъ Резниковъ хоружій,
Іванъ Хмелницкій писарь,
Ілля Каменецкій писарь,
Сидоръ Харевичъ асаулъ.

Сотнѣ Батуринской.

Өедоръ Даниловъ сотникъ дѣйствителній,
Өедоръ Прима атаманъ,
Іванъ Занко хоружій,
Іосифъ Рижій писарь,
Григорій Русакъ асаулъ,
Іванъ Стеценко войтъ.

Сотнѣ Прохорской.

Матвѣй Борсукъ сотникъ дѣйствителній,
Юско Циркувскій атаманъ,
Самойло Горбанъ хоружій,
Василь Борсукъ писарь,
Грицко Рогулка асаулъ.

Сотнѣ Конотопской.

Григорій Костенецкій сотникъ дѣйствителній,
Данило Опанасовъ атаманъ,
Василь Лазоренко хоружій,
Моисѣй Кривецкій писарь,
Леско Зубченко асаулъ,
Мартинъ Брагій (?) войтъ.

Сотнѣ Мринской.

Өедоръ Тарасовичъ сотникъ дѣйствителній,
Іванъ Бережній атаманъ,
Лукянъ Чекань хоружій,
Іванъ Мартуковичъ писарь,
Моисѣй Скумликъ асаулъ,
Семенъ Малинка войтъ.

Сотнѣ Шаповаловской.

Дѣйствителного сотника, якожъ и хоружого не определено,
Іванъ Небаба наказній сотникъ,
Өедоръ Стахора атаманъ,
Алексѣй Василевъ писарь,
Тимушъ Лишунъ асаулъ.

Сотнѣ Веркіевской.

Павло Самойловъ сотникъ дѣйствителній въ походѣ,
Самойло Афанасіевъ наказній сотникъ,
Ілля Гарасименко атаманъ,
Семеневъ (sic) Василевъ писарь,
Микита Соя асаулъ,
Алексѣй Проценко хоружій тожъ зъ сотникомъ въ походѣ.

Сотнѣ Дѣвицкой.

Яковъ Селецкій сотникъ дѣйствителній
Ігнатъ Сулимовъ атаманъ,
Өедоръ Семеновъ хоружій,
Омелянъ Суждалскій писарь,
Григорій Роговскій асаулъ,
Семенъ Гарасимовъ войтъ.

Сотнѣ Ямполской.

Сотника нѣтъ, токмо атаманъ Іванъ Верховецъ правитъ въ мѣсто сотника.

Полкъ Полтавскій.

Дѣйствителного полковника неопредѣлено,

Дѣйствителная полковая старшина,

Сава Тарануха дѣйствителній полковій асаулъ и наказній полковникъ.

Лаврентій Никитовъ обозній полковій,

Судія полковій Григорій Буцкій, писарь полковій Григорій Богаевскій и асаулъ полковій другій Өедоръ Сибѣлевичъ державни подъ арестомъ въ Глуховѣ,

Михайло Руденко хоружій полковій,

Павло Гарасимовъ хоружій полковій,

Яковъ Фѣринка арматній хоружій,

Асаула артилерійского нѣтъ.

Городовая старшина полтавская:

Лука Старицкій атаманъ,

Кирило Івановъ войтъ,

Василь Тимофѣевъ писарь, которій за полкового править писаря,

Алексѣй писарь Івановъ ратушній.

Сотнѣ полковой.

Григорій Чернякъ дѣйствителній сотникъ въ походѣ Гилянскомъ,

Панко Сягайло хоружій въ томъ же походѣ,

Опанасъ Лобачевскій писарь.

Сотнѣ другой полковой.

Дмитрій Самарскій сотникъ дѣйствителній,

Карпъ Гарасименко хоружій,

Өедоръ Івановъ писарь.

Старшина сотнѣ Великобудиской.

Іванъ Сулименко дѣйствителній сотникъ въ Терковскомъ походѣ,

Іосифъ Сулименко наказній сотникъ.

Өедоръ Товстѣй атаманъ,

Іванъ Фесенко войтъ,

Яковъ Івановъ писарь,

Сотнѣ Старосанджаровской.

Самойло Спафарій сотникъ дѣйствителній,
Денисъ Сачавець атаманъ,
Михайло Захарченко войтъ,
Іванъ Ханасевичъ писарь.

Сотнѣ Новосанджаровской.

Дѣйствителнаго сотника неопредѣлено,
Григорій Бичъ наказній сотникъ,
Андрей Погорѣлскій атаманъ,
Матвѣй Костенко войтъ,
Іванъ Ященко писарь.

Сотнѣ Бѣлицкой.

Василь Еѵфименко сотникъ дѣйствителній
Карпъ Даценко атаманъ,
Петро Василенко войтъ,
Андрей Гайденко писарь.

Сотнѣ Кобеляцкой.

Сава Тарануха сотникъ дѣйствителний.
Андрей Шумейко атаманъ,
Григорій Куйнашъ войтъ,
Яковъ Панасенко писарь.

Сотнѣ Соколской.

Ѳедоръ Тимофѣевъ дѣйствителній сотникъ въ Торковскомъ походѣ.

Ѳедоръ Ѳедоровъ наказній сотникъ,
Юско Кулбака атаманъ,
Семенъ Івановъ писарь,
Зѣновій Якимовъ войтъ.

Сотнѣ Кишинской.

Григорій Потоцкій сотникъ дѣйствителній,

Максимъ Левченко атаманъ,
Григорій Капканецъ писарь.

Сотнѣ Переволочанской.

Павелъ Вакуленко сотникъ дѣйствителній
Яковъ Лисенко атаманъ,
Леонтій Емченко писарь.

Сотнѣ Керебердянской.

Іванъ Лишенко дѣйствителній сотникъ *за арестомъ* [1]),
Іванъ Набокъ наказаній сотникъ.
Прокопъ Яценко атаманъ,
Кондратъ Ігнатенко пысарь.

Сотнѣ Нехворощанской.

Гордѣй Савичъ сотникъ дѣйствителній,
Іванъ Івановъ атаманъ,
Алексѣй писарь.

Сотнѣ Маяцкой.

Андрей Прийма сотникъ дѣйствителній,
Өедоръ Казѣмѣръ атаманъ,
Гаврило Штепенко писарь.

Сотнѣ Чаричанской (sic).

Өедоръ Бабанскій сотникъ дѣйствителній,
Лукянъ Бабанскій атаманъ,
Іосифъ Івановъ писарь.

Сотнѣ Орлянской.

Іосифъ Яковлевъ сотникъ дѣйствителній,
Іванъ Матвѣевъ атаманъ,
Денисъ Лутченко писарь.

---

[1]) Приписка вышеупомянутой рукой.

Сотнѣ Китайгородской.

Яковъ Головченко сотникъ дѣйствителній,
Василь Онуфренко атаманъ,
Степанъ Бѣлименко писарь.

Полкъ Лубенскій.

Андрѣй Марковичъ дѣйствителній полковникъ,
Павелъ Мартосъ обозній полковій,
Іванъ Павловичъ асаулъ,
Семенъ Eѵстафѣевичъ другій асаулъ,
Судіи полкового не опредѣлено,
Стефанъ Савицкій, писарь полковій,
Стефанъ Корсунь хоружій полковій,
Андрѣй Бутурлимъ другій хоружій.

Сотнѣ полковой.

Дѣйствителній сотникъ Григорій Кулябка,
Семенъ Прима атаманъ.
Касянъ Пантелимоновъ войтъ,
Іванъ Яременко и Василь Калениченко бурмистри,
Іванъ Іваненко писарь.

Сотнѣ Роменской.

Дѣйствителнаго сотника не опредѣлено,
Данило Савуско наказній сотникъ,
Іванъ Лаврентіевъ атаманъ.
Василь Даниловъ войтъ,
Миронъ Кушнѣръ бурмистръ,
Федоръ Яновскій,
и Василь Балинскій писарѣ.

Сотнѣ Смяловской (sic).

Костантій Василіевичь сотникъ дѣйствителній,
Василь Бабичъ атаманъ,

Филипъ Романенко войтъ,
Іванъ Козиръ и Никита Скрипникъ бурмистрѣ,
Яковъ Тихоновъ писарь.

Сотнѣ Глинской.

Афанасій сотникъ Жуковскій дѣйствителній,
Романъ Ющенко атаманъ наказній.
Василь Івасенко войтъ,
Ярема Тищенко бурмистръ,
Петро Григоріевъ писарь.

Сотнѣ Лохвицкой.

Іванъ Гамалѣя дѣйствителній сотникъ,
Іванъ Бузинскій атаманъ,
Кирило Івановъ войтъ,
Сидоръ Яковлевъ и Мойсѣй Дядура бурмистри,
Іванъ Шестерневскій писарь.

Сотнѣ Сенецкой.

Кирило Криштопъ сотникъ дѣйствителній въ Терковскомъ походѣ.

Лукянъ Яковлевъ атаманъ,
Іванъ Криштфъ наказній сотникъ,
Степанъ Карпенко войтъ,
Іосифъ Ваховитъ бурмистръ,
Андрѣй Корецъ писарь.

Сотнѣ Городиской.

Василь Кирика дѣйствителній сотникъ,
Гарасимъ Іваненко атаманъ,
Радко Носаръ войтъ,
Кондратъ Шерема бурмистръ,
Гаврило Василенко писарь.

Сотнѣ Чорнуской.

Семенъ Максимовичъ дѣйствителній сотникъ въ Терковскій походъ 1724 году виправленъ,

Яковъ Дроздъ наказній сотникъ,
Григорій Звиряка наказній атаманъ,
Матвѣй Головко войтъ,
Мартинъ Пустовойтъ и Петро Ткачъ бурмистри,
Андрей Івановъ управляючій за писара.

Сотнѣ Пѣратинской.

Григорій Корнѣевичъ дѣйствителній сотникъ,
Іванъ Пасюта атаманъ,
Войта не опредѣлено,
Григорій Івановъ и Михайло Безмулній бурмистри,
Михайло Илліевичъ за писара правитъ.

Сотнѣ Лукомской.

Мартинъ Кодинецъ дѣйствителній сотникъ,
Василы Дацѣй атаманъ,
Іванъ Бобирь войтъ,
Василь Оникіенко бурмистръ,
Андрѣй Карпъ писарь.

Сотнѣ Чигиринъ-Дубровской.

Іванъ Болюбашъ дѣйствителній сотникъ,
Козьма Скосиръ атаманъ,
Еѵфимъ Чепѣлъ войтъ,
Прокопъ Головня бурмистръ,
Дмитро Буковскій писарь.

Зъ верхъ полковой, сотенной и городовой старшини не опредѣлено енеральной старшини и другихъ къ тому надлежащихъ чиновъ, которіе надлежатъ быть, а именно:

Обозній енералній,
Судія енералній,
Судія другій енералний же,
Писарь енералній,
Асаулъ енералній,
Асаулъ другій енералній,

Хорунжій енералный [1]),
Бунчучій енералній,
Асаулъ артиллерійскій,
Судовъ енералнихъ писарь,
Реентъ при канцелляріи войсковой.

Зъ тихъ енералнихъ особъ судія Чарнышъ, писарь Савичъ, асаулъ Жураковскій и бунчучній Лизогубъ обрѣтаютъ ся въ Санктъ Питербурху [2]).

---

[1]) Вставлено рукою вышеупомянутою.
[2]) Послѣднія строчки, начиная со словъ: *„Зъ тихъ енералнихъ особъ"* и до конца, зачеркнуты.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.